

КЛАУС ПОЛЬКЕН.
ХОРСТ СЦЕПОНИК

**КТО
НЕ МОЛЧИТ,
ТОТ
ДОЛЖЕН
УМЕРЕТЬ**

**КТО
НЕ МОЛЧИТ,
ТОТ
ДОЛЖЕН
УМЕРЕТЬ**

Klaus Polkehn,
Horst Szeponik

WER NICHT SCHWEIGT, MUSS STERBEN

Ein Tatsachenbericht
über die Mafia

MILITÄRVERLAG

der Deutschen Demokratischen Republik
Berlin 1985

КЛАУС ПОЛЬКЕН,
ХОРСТ СЦЕПОНИК

**КТО
НЕ МОЛЧИТ,
ТОТ
ДОЛЖЕН
УМЕРЕТЬ**

ФАКТЫ ПРОТИВ МАФИИ

Издание второе, исправленное
и дополненное

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1988

ББК 66.2(08)

П 53

Редакции исторической литературы

Перевод с немецкого А. М. Сулова

Рецензент — кандидат юридических наук
В. А. Власихин

П $\frac{0504000000-016}{004(01)-88}$ 79-88

ISBN 5-244-00095-0

© Militärverlag der DDR. 1968

© Предисловие.

Перевод на русский язык.

Вместо заключения.

Издательство «Мысль». 1982. 1988

Предисловие ко 2-му русскому изданию

Книга «Кто не молчит, тот должен умереть», написанная писателями ГДР Клаусом Польшеном и Хорстом Сцепником, выпущена в свет в Берлине в 1985 г. издательством «Милитэрферлаг» 7-м изданием. Ее главная задача — показать, что между капитализмом и преступностью существует органическая связь. Авторы не претендуют на исследование коренных причин возникновения и развития организованной преступности в мире капитала. Опираясь на богатый фактический материал, они знакомят читателей с историей одной из старейших преступных организаций, «Общества чести» («Онората сочьега»), или, иначе, мафии, с основными этапами ее развития: зарождением этой организации на Сицилии в период борьбы угнетенного народа острова против иноземных порабощителей; перерождением сицилийской мафии в банду грабителей и убийц, ставшую орудием феодалов и реакционной сицилийской буржуазии; становлением и весьма бурным «расцветом» мафии на благодатной для развития преступности американской почве.

Началом активизации мафии в США обычно считается период действия так называемого сухого закона 1920 г. Именно в это время начинается ожесточенная борьба за власть в мафии между отдельными группами преступников, стремившихся получить максимальные доходы от промысла, запрещенного «сухим законом». Книга знакомит читателя с драматическими перипетиями этой борьбы, с ключевыми фигурами мафии, раскрывает связь американской и сицилийской мафии. За калейдоскопичностью эпизодов из истории преступной организации четко прослеживается мысль, что мафия превратилась в огромную экономическую и политическую силу.

Не будет преувеличением сказать, что деятельность организованной преступности сегодня — это разновидность бизнеса. С некоторым упрощением можно констатировать, что в правовом плане эта деятельность отличается от деятельности легальных капиталистических

предприятий лишь тем, что она запрещена уголовным законом США.

Оценивая преступный бизнес с экономических позиций, можно обнаружить, что он подчиняется тем же законам, что и деятельность любого из предприятий легального бизнеса в капиталистической системе хозяйствования. Подобно тому как свободная конкуренция мелких предприятий при капитализме превращается в монополию, создавая крупное производство и вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, конкуренция мелких и разрозненных организаций преступного бизнеса приводит к образованию крупных преступных синдикатов.

Чтобы правильно представить себе, как влияет столь сложное социальное явление, как организованная преступность, на буржуазное общество, необходимо прежде всего это социальное явление определить, дать его дефиницию.

Федеральный уголовный кодекс США гласит: «Организованная преступность представляет собой противоправную деятельность членов высокоорганизованной дисциплинированной ассоциации, занимающейся обеспечением незаконными товарами и услугами, что включает — но не ограничивается этим — гемблинг, проституцию, выдачу ссуд под большие проценты, распространение наркотиков, рэкет в области трудовых взаимоотношений и иную противоправную деятельность членов таких организаций»¹.

В Соединенных Штатах существуют и другие определения организованной преступности, сформулированные законодательными и исполнительными органами власти как на федеральном, так и на штатном уровне. В основном они сходны с приведенным выше.

Однако любое определение условно и относительно. Одна из основных и существенных неточностей приведенного определения заключается в том, что его авторы, по-видимому, имели в виду лишь наиболее мощную преступную организацию, которую чаще всего называют мафией. Тем не менее организованная преступность отнюдь не является синонимом мафии, а мафия не имеет монополии на преступную деятельность даже в США. Организованной преступной деятельностью в этой стране занимается большое число отдельных групп. Обычно

¹ United States Code. Title 42. § 3781 b. Wash., 1971. P. 10618.

они делятся по сферам преступного бизнеса, например торговля наркотиками, извлечение доходов из азартных игр, проституции и т. п. «Разделение труда» существует и в каждой из сфер, например получение сырца наркотика, его лабораторная обработка, транспортировка, продажа и т. п.

Самой старой, наиболее крупной, лучше других организованной преступной группой на территории США является мафия, называемая также «Коза ностра» («Наше дело») ¹.

Американский «Синдикат преступников», или «Коза ностра», первоначально был филиалом знаменитой сицилианской мафии и до сих пор сохраняет некоторые архаические черты последней. Современная структура этого преступного синдиката в общих чертах начала складываться начиная с 1931 г. В результате беспощадной конкурентной борьбы, в ходе которой происходило физическое уничтожение соперников, разобщенные банды объединялись в «семьи» с жесточайшей дисциплиной. Так, члена группы за разговор о существовании и деятельности «Коза ностры» с непосвященным лицом ожидала смертная казнь, так же как за нанесение удара товарищу или насилие, совершенное над членом его семьи. Этим путем синдикату удается сохранять строгую дисциплину и контролировать поведение своих членов, сообщников и жертв.

Значительную роль в организации этого преступного синдиката сыграл Сальваторе Лучано, прозванный Лаки (Счастливчик). Человек холодного, трезвого ума, с большими организаторскими способностями, Лучано, с которым читатель поближе познакомится на страницах книги, поставил целью объединить гангстерские шайки. В период действия «сухого закона» Лучано заключил соглашение с семью боссами Атлантического побережья и, опираясь на молодые динамичные элементы преступной организации, в сентябре 1931 г. устранил главарей «старой» школы. Затем Лучано собрал своих собратьев в Нью-Йорке. Тогда и был

¹ Название организации стало известно после сенсационных разоблачений, которые сделал в 1964 г. один из бывших членов «Коза ностры», Джо Валачи.

Синонимами мафии в американском лексиконе кроме «Коза ностры» являются также «Конфедерейшн», «Синдикат», «МОБ». Средства массовой информации США нередко обозначают понятиями «мафия» или «Коза ностра» все проявления организованной преступности в стране.

учрежден своего рода административный совет, члены которого избираются среди главных патронов и пользуются равными правами. Этот совет разрешал споры между «семьями», определял генеральную линию политики синдиката и рассматривал вопросы, интересующие всю организацию. Нарушителей правил судит верховный суд мафии, а приведение приговора в исполнение возлагается на группу убийц; во главе ее стоит «мистер убийца» (долгое время им являлся Альберто Анастасия).

Второй съезд синдиката состоялся вскоре после первого и проводился в Канзас-Сити (штат Миссури), одной из «столиц» гангстеров. На нем присутствовали главари преступного мира, и среди них — «король Чикаго» Аль Капоне. С этого момента синдикат гангстеров организационно оформляется в общегосударственном масштабе. Неудивительно поэтому, что созданная в 1951 г. комиссия по изучению деятельности организованной преступности под руководством сенатора Кефопера «убедилась в том, что мафия играет важную роль, придавая определенное единство деятельности двух главных преступных синдикатов, а также многих второстепенных банд и отдельных преступников на всей территории страны. Где бы ни работала комиссия, она всегда нападала на след этой неуловимой, тайной и зловещей организации»¹.

В настоящее время «Коза ностра» представляет собой конфедерацию из 25 «семей», каждая из которых имеет одинаковую организационную структуру и пользуется одинаковыми методами в осуществлении преступного бизнеса. «Ядро» ее состоит, по приблизительным данным, из 2—5 тыс. человек. Считается, что лица, входящие в «ядро», — итальянцы, подавляющее большинство которых — выходцы из Сицилии. Организованных преступников, связанных с «Коза нострой», многие тысячи человек самых разных рас и национальностей.

Для урегулирования споров между «семьями», решения основных вопросов в осуществлении преступного бизнеса и утверждения новых боссов действует специально созданная комиссия, которая наделена «законодательными», «судебными» и «арбитражными» полно-

¹ Third Interim Report of the Special Committee to Investigate Organized Crime in Interstate Commerce. Wash., 1951. P. 147 (далее: Third Interim Report...).

мочиями, а также обладает рядом функций правления делового предприятия. Члены конфедерации рассматривают комиссию как высшую власть по организационным вопросам. Комиссия формируется из лидеров наиболее сильных «семей». По данным ФБР, в настоящее время комиссия состоит из девяти боссов, пятеро из которых принадлежат к «семьям» из Нью-Йорка, и по одному из Филадельфии, Буффало, Детройта и Чикаго.

С образованием конфедерации входящие в нее организации частично утратили свою самостоятельность. Каждая из «семей» «Коза ностры» имеет четыре, а иногда пять ступеней в иерархической лестнице. Во главе стоит босс (капо, дон), обязанность которого заключается в поддержании порядка в «семье». Босс имеет заместителя. На том же уровне иерархической лестницы находится так называемый советник. Как правило, это место занимает старый, опытный член организации, непосредственно не участвующий в преступном бизнесе. Ниже стоит «буфер», через которого происходит передача приказов босса, денег и информации в целях оградить босса не только от полиции, но и от членов организации. За «буфером» следует «лейтенант» (капитан, капореджиме) — шеф оперативной единицы — «десятки» (хотя в его подчинении может быть и иное число людей), имеющий одного или двух помощников, не разделяющих с ним, однако, административной власти. Иногда ниже «лейтенанта» значится «начальник секции». На низшей ступени иерархической лестницы находится «солдат» (член, человек). «Семьи» насчитывают от 20 до 600 «солдат». «Солдат» может быть хозяином нелегального предприятия либо иметь собственное законное предприятие и выплачивать боссу проценты от прибыли. В каждой «семье» выделяются специальные лица, занимающиеся организацией подкупа должностных лиц, а также лица, ответственные за приведение в исполнение приговоров, вынесенных в отношении как членов организации, так и иных людей.

Активная деятельность входящих в «Коза ностру» «семей» сильнее всего обнаруживается в штатах, расположенных на северо-востоке и среднем западе страны.

Во многих работах американских авторов, посвященных исследованию организованной преступности, в официальных документах и прессе настойчиво подчеркивается, что организованная преступность — яв-

ление, завезенное в США извне. Более того, «стопроцентных американцев» стремятся убедить в том, что специфика явления организованной преступности — в его итальянском происхождении. Однако это явно противоречит действительности. Комиссия Кефопера в свое время уже обратила внимание на то, что преступный синдикат действует в тесном контакте со многими лицами несицилийского происхождения. «Необходимо самым энергичным образом подчеркнуть, — говорится в отчете комиссии, — что в мафию входит весьма небольшой процент лиц сицилийского происхождения»¹.

В 80-е годы проблема организованной преступности ни в коей мере не ограничивается деятельностью «Коза ностры». На территории США имеются многочисленные группы организованной преступности различного этнического и расового происхождения. Большую активность проявляют преступные мотоциклетные банды, число которых постоянно увеличивается. Это разветвленные организации, которые поддерживают в некоторых случаях деловые контакты с «Коза нострой» и с преступными организациями в других странах. Подобно «Коза ностре» они имеют сложную организационную структуру. В так называемую большую четверку мотоциклетных банд входят «Ангелы ада», «Изгой», «Бандидос» и «Язычники». Это — сильные, многочисленные и богатые преступные организации, деятельность которых направлена в основном на распространение наркотиков, а также на осуществление мер принуждения, вплоть до убийства, по «контрактам» с другими аналогичными организациями.

Организованная преступность в США включает и другие многочисленные преступные организации, среди которых следует отметить израильских иммигрантов, обосновавшихся в западных штатах США. В штате Калифорния, например, активно действуют крупные преступные группы, которые американцы стали называть израильской мафией. Преступники совершают профессиональные убийства и бандитские нападения, осуществляют контрабанду наркотиков и торговлю ими, занимаются вымогательством и тому подобной деятельностью, ничем не отличающейся по характеру от деятельности «Коза ностры». Они поддерживают регулярную деловую связь с преступными группами, фун-

¹ Third Interim Report... P. 150.

кционирующими в отдельных районах США, Латинской Америке и на Ближнем Востоке ¹.

Можно упомянуть также мексиканскую мафию, «Армию черных партизан», «Арийское братство», «Кокаиновых ковбоев», японскую «Якудзу», китайские группы и другие преступные организации ², возникающие и процветающие на почве капиталистической Америки. Организационная структура и деятельность такого рода преступных организаций сходны со структурой и деятельностью «Коза ностры», и в этом нет ничего удивительного, ибо каждое преступное сообщество стремится к организационному совершенству, которое позволяет с минимальным риском получать максимальную прибыль от преступного бизнеса.

Западноевропейские исследователи проблем борьбы с организованной преступностью обычно соизмеряют уровень организованной преступности в Западной Европе с уровнем организованной преступности в США, а так как американский уровень еще не достигнут, некоторые из них ставят под сомнение существование самостоятельно возникающей национальной организованной преступности в странах Западной Европы; наличие же таковой в Европе объясняют проникновением ее из США. Складывается любопытная ситуация, когда американские исследователи обвиняют европейцев, и особенно итальянцев, в возникновении организованной преступности на территории США, а европейские — относят возникновение организованной преступности в Европе на счет США.

В действительности же для зарождения и развития организованной преступности как в США, так и в странах Западной Европы имеется единая основа — капиталистические отношения; она порождена буржуазным обществом со всеми присущими ему пороками в экономике, политике и идеологии.

Как явствует из сообщений Интерпола, в большинстве капиталистических стран преступность приобретает организованный характер, причем возникновение и развитие групп организованных преступников происходит не только на национальном, но и на международном уровне. Преступные организации ряда стран нередко действуют в контакте с преступными организациями

¹ The Jerusalem Post. 1979. 30. X; 6. XI.

² Press Release. U. S. Department of Justice. 1983. 30.XI.

США, получая свою долю прибыли. Правда, достаточно окрепнув и чувствуя себя в силах получить большую долю дохода, такие организации вступают в конкурентную борьбу за сферы влияния либо в пределах своей страны, либо на базе нескольких стран. В свою очередь американский преступный бизнес расчищает себе рынок различными способами, в том числе и путем насилия.

Организованная преступность становится важной проблемой, например, для Великобритании, о чем свидетельствует проведенное министерством внутренних дел расследование гангстерской деятельности в стране ¹.

Аналогичное положение складывается в Федеративной Республике Германии. Так, Франкфурт-на-Майне считается одной из самых крупных перевалочных баз наркотиков в Западной Европе. В этом регионе действуют до 30 преступных групп, причем активное участие в распространении наркотиков принимают представители стран Ближнего Востока ².

Главная цель организованной преступности — нажива, получаемая от торговли запрещенными товарами или от запрещенных услуг. Как показывают многие исследования по проблемам организованной преступности, монополизация торговли такими товарами или услугами гарантирует высокие доходы. Происходит выколачивание прибылей из крупнейшего потенциального резервуара — порока. Распространение порнографии и эксплуатация проституции, торговля наркотиками и организация азартных игр, ростовщичество и вымогательство — вот только некоторые виды преступного бизнеса, имеющего опору в самих потребителях. Стремясь к получению максимальной прибыли, дельцы, функционирующие в преступном бизнесе, применяют современные методы «стимулирования торговли». Они прибегают к помощи рекламы, благодаря которой вводят в моду пороки, из которых можно извлечь барыши, искусственно создают рынок и используют его.

Одним из источников дохода организованной преступности является так называемый гемблинг — организация азартных игр.

Гемблинг широко распространен не только в США, но и в капиталистических странах Европы. Федеральное законодательство США считает гемблинг противоза-

¹ *Cressey D. R. Criminal Organization: its Elementary Forms. L., 1972.*

² *Kriminalistik. 1979. N 12. S. 598, 549, 589, 590.*

конным, однако в ряде штатов деятельность игорных заведений разрешена официально. Неудивительно поэтому, что большинство американцев, как показывают данные опросов населения, не относят азартные игры к числу преступлений.

Гемблинг является одной из основных финансовых и даже политических операций, проводимых организованной преступностью, так как обеспечивает прогнозируемый объем дохода, источник которого практически неистощим. Обычно деньги, полученные от гемблинга, используются для финансирования всего сложного комплекса операций организованной преступности.

Бизнес, основанный на гемблинге, относительно публичен и не порочит лиц, замешанных в нем, поэтому осуществляющие гемблинг организованные преступники являются наиболее активными вкладчиками денежных средств в кассы политических партий США.

В свою очередь политический босс, который влияет на должностные назначения и продвижения по службе, например в полицейском управлении, обладает возможностью помогать гемблерам. Политический босс весьма заинтересован в периодическом пополнении партийной кассы, а потому добивается того, что полиция не преследует гемблеров, финансирующих политическую машину¹.

Таким образом, гемблинг существует и развивается без помех со стороны полиции, а иногда и под ее охраной. В сходном положении находятся и некоторые другие виды преступного бизнеса — проституция, букмекерство, рэкет и т. п.

Баснословную прибыль приносит организованной преступности незаконная торговля наркотиками. В США, например, она дает около 300 % прибыли. Естественно, что при таких условиях преступный бизнес расширяется и совершенствуется. Именно торговля наркотиками ярче всего обнаруживает международный характер преступного бизнеса.

Организованная преступность получает значительный доход также от лоуншаркинга², то есть дачи денег займы под высокие, «акульи» проценты. Типичный заём может быть сделан из расчета не менее 20 % в неделю, причем он выдается в понедельник утром и дол-

¹ *Ahern J. F. Police in Trouble. Our Frightening Crisis in Law Enforcement. N. Y., 1972. P. 105.*

² *Loan — «заем», Shark — «акула» (англ.).*

жен быть возвращен с процентами к середине дня в пятницу. Если должник не в состоянии выполнить свое обязательство, его здоровье и даже жизнь могут оказаться в опасности. Впрочем, если должник обладает чем-то, что может заинтересовать организованную преступную группу, заём может быть «рефинансирован»: в этом случае должнику разрешается выставить в качестве гарантии имущество, принадлежащий ему ресторан или предприятие и т. п.

Чаще всего в паутину ростовщиков попадают мелкие бизнесмены, предприятия которых легальные банки и финансовые компании отказываются финансировать, так как считают их недостаточно надежными. В трудную минуту такой бизнесмен вынужден обращаться за займом к представителям преступного мира, и нередко он попадает в ситуацию, из которой сам не в состоянии выпутаться. В некоторых случаях необходимость добыть деньги, чтобы выплатить долг, приводит до того ничем не опорочивших себя людей к совершению преступлений. Оказавшись неплатежеспособным, должник лишается своего предприятия, которое попадает в распоряжение организованной преступной группы. В свою очередь, захватив предприятие легального бизнеса, организованная преступность превращает его в фасад, которым маскируются различного рода незаконные операции. Впрочем, продолжая функционировать, такое предприятие, например ресторан, дает организованной преступности и легальный доход.

Одним из видов деятельности организованной преступности является так называемый рэкет. Так принято называть систематическое вымогательство денег у владельцев мелких легальных предприятий, например кафе, магазинов, прачечных и т. д. Вымогательство осуществляется посредством запугивания, применения насилия и иных средств незаконного давления. Иногда вымогательство достигает столь значительных масштабов, что владелец предприятия, не имея возможности оказать сопротивление организованной бандитской группе, фактически оказывается в ее полном подчинении. Нередко такое вымогательство облекается в форму денежного вознаграждения за «покровительство» или «защиту» от других преступных групп.

Дань, которую предприниматели уплачивают за «покровительство», в большинстве случаев перекалывается на плечи налогоплательщиков и покупателей.

Это достигается путем увеличения на соответствующую сумму стоимости продаваемых товаров или услуг, а также усиления эксплуатации рабочих и служащих, занятых на предприятиях, которые находятся под «покровительством» рэкетиров.

Мафия охотно вкладывает свои огромные капиталы в обычные, легальные предприятия. Происходит так называемая инфильтрация организованной преступности в легальный бизнес. Эти операции дают двойное преимущество: приносят доход и создают респектабельный камуфляж преступной деятельности. Такие предприятия оказываются идеальной средой, через которую можно «отмыть», легализовать деньги, полученные в результате преступных операций. Они позволяют членам групп организованных преступников «вылезать на поверхность», выступая под маской респектабельных бизнесменов, уважаемых членов общества.

Как установил конгресс США, инфильтрация организованной преступности в легальный бизнес происходит во всевозрастающей степени. Так, по данным министерства юстиции США, в 1977 г. мафия являлась собственником не менее 10 тыс. легальных предприятий¹.

Усиливается проникновение и в профессиональные союзы, где организованные преступники используют самые разнообразные способы присвоения денежных средств профсоюзов. Широко используется также способ вымогательства денег у предпринимателей под угрозой организации забастовок².

Техника проникновения в профсоюзы была разработана до войны одним из боссов преступного мира — Луисом Лепке, по прозвищу Бухалтер, о котором бывший в то время директором ФБР Эдгар Гувер говорил, что он является «самым опасным человеком в США». Это, кстати, единственный «патрон», который был казнен на электрическом стуле. Рассказ об этом читатель встретит на страницах книги.

Лепке набил себе руку в профсоюзе рабочих фабрик готового платья, который объединял в то время 75 % рабочих и служащих предприятий готового платья США. Он по своему произволу устраивал забастовки на этих предприятиях, выдавал членские билеты или отка-

¹ Time. 1977. 16.V. P. 27.

² Rhodes R. Organized Crime. N. Y., 1984. P. 22.

зывает в их выдаче и ежегодно клал в свой карман, за вычетом всех расходов, примерно 350 млн долл.

Затем вместе с Лучано Лепке занялся рэкетом на предприятиях по выделке кроличьего меха, в булочных (Лепке получал по 2 цента с каждой булки, продававшейся в городе с семимиллионным населением), кино, кожгалантерейных магазинах, среди шляпниц, в обувной и кожевенной промышленности, среди шоферов такси, в ресторанах и т. д.

«Метод» не исключал убийств, о чем свидетельствует покушение в 1948 г. на Уолтера Рейтера, который в то время был руководителем профсоюза рабочих автомобильной промышленности и которого хотели заменить «своим человеком».

Организованная преступность располагает не только огромными наличными средствами, которые вкладывает в легальный бизнес и использует для коррумпирования в своих интересах различных звеньев государственного, партийного и профсоюзного аппарата, но и кадрами профессиональных убийц. Захватывая командные позиции в различных отраслях торговли, обслуживания и промышленности, «синдикатчики» не только широко пользуются методами и приемами недобросовестной конкуренции, но и прибегают к чисто уголовным способам вытеснения из оборота представителей легального бизнеса: к прямому мошенничеству, поджогам, избиениям и т. п. Все это в возрастающей степени тревожит американскую общественность.

Организованная преступность взимает тяжкую дань с американской экономической системы, однако установить истинные размеры этой дани практически пока не удается¹. Ясно лишь, что американскому народу этот вид преступности обходится во многие миллиарды долларов. По далеко не полным данным, лишь противозаконное распространение наркотиков оценивается в 80 млрд долл. ежегодно².

Ворочая миллиардами долларов, организованная преступность с неизбежностью пронизывает всю общественную жизнь страны. «Ни один географический район США не свободен от организованной преступно-

¹ National Advisory Committee on Criminal Justice Standards and Goals. Report on Organized Crime. Wash. (D. C.), 1976. P. 89.

² Hearings Before the Committee on the Judiciary U. S. Senate, 98th Congress, 1st Session on Organized Crime in America. Pt. 1. Wash. (D. C.), 1983. P. 1. (далее: Hearings Before the Committee...).

сти, ни один аспект жизни общества не оказывается не затронутым ею»¹.

Эту же мысль повторил в 1982 г. президент США Р. Рейган: «Сегодня мощь организованной преступности проникает во все сегменты нашего общества»².

Организованная преступность оказывает возрастающее вредное влияние на экономические и политические институты буржуазного общества. В. И. Ленин писал, что «американские тресты есть высшее выражение экономики империализма или монополистического капитализма. Для устранения конкурента тресты не ограничиваются экономическими средствами, а постоянно прибегают к политическим и даже уголовным»³. Стоит ли удивляться тому, что в свою очередь, «когда организованная преступность приступает к операции в законном бизнесе, она обычно привносит все те методы насилия и запугивания, которые применяются в противозаконном предпринимательстве»⁴.

Таким образом, «деятельность организованной преступности в США ослабляет стабильность экономической системы страны, мешает свободной конкуренции, ложится тяжелым бременем на торговые отношения между штатами и иностранными государствами, угрожает внутренней безопасности и подрывает общее благосостояние страны и ее граждан»⁵.

Как писал бывший министр юстиции США Р. Кларк, организованная преступность столь широко распространена и активна в своей деятельности, что «не может процветать без защиты со стороны правоприменяющих органов. Как самый минимум, местные правоприменяющие органы должны быть нейтрализованы»⁶. Нейтрализация правоприменяющих органов происходит посредством коррупции. Существует даже негласная «такса». Так, контрабандисты наркотиков платят местному шерифу 50 тыс. долл. за то, что он «будет смотреть в другую сторону», когда самолет с контрабандой приземля-

¹ Organized Crime. Report of the Task Force on Organized Crime. Wash., 1976. P. VII.

² Hearings Before the Committee... P. 50.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 94.

⁴ Johnson E. J. Organized Crime: Challenge to the American Legal System//Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science. 1962. Vol. 53. N 4. P. 406.

⁵ Organized Crime Control Act of 1970. Public Law 91—452.

⁶ Кларк Р. Преступность в США. М., 1975. С. 74.

ется на временно созданном аэродроме ¹. Разлагающая деятельность преступных синдикатов проникает в различные слои американского общества. Их коррумпирующее влияние «проникает с городских улиц в залы конгресса» ².

Будучи сама порождением капиталистической системы, организованная преступность активно использует и резко усиливает пороки этой системы. Преступные синдикаты разлагают столь многих людей и столь различными способами увеличивают преступность, что «их влияние фактически подобно раку в системе города» ³. Например, активное распространение наркотиков приводит к постоянному увеличению числа наркоманов, представляющих опасность для общества. Наркоманы не только разрушают свое здоровье и превращаются в нетрудоспособных людей, они нередко становятся преступниками, так как в поисках средств для покупки наркотиков готовы воспользоваться любыми средствами.

Таким образом, поощряемый организованной преступностью рост числа наркоманов ведет к росту так называемой общеуголовной преступности.

Показательно в этом плане проведенное американскими криминологами изучение жизни 243 наркоманов. Оказалось, что в течение одиннадцати лет они совершили более 500 тыс. преступлений, чтобы добыть деньги для покупки наркотиков. Таким образом, чтобы утолить свой наркотический голод, каждый из них совершил не менее 2 тыс. преступлений ⁴.

Понимая, какую опасность организованная преступность представляет для страны, законодательные и исполнительные органы США периодически объявляют организованной преступности войну: производятся расследования, происходят слушания в конгрессе США, возбуждаются уголовные преследования и т. п. И тем не менее преступный бизнес развивается, организованная преступность растет и совершенствуется, а на скамье подсудимых оказываются чаще всего второстепенные члены групп организованных преступников.

¹ Press Release. U. S. Departement of Justice. 1983. 21. III (March).

² Ahern. J. F. Op. cit. P. 160.

³ Ahern J. F. Op. cit. P. 161.

⁴ Hearing Before the Subcommittee on Alcoholism and Drug Abuse of the Committee on Labor and Human Resources U. S. Senate, 98th Congress, 2nd Session. Wash. (D. C.), 1984. P. 56.

Конгресс США дает этому такое объяснение: «Организованная преступность продолжает расти из-за недостатков правового процесса по подготовке обвинения, мешающих получению допустимых по закону доказательств, необходимых для вынесения уголовных и иных санкций и мер в отношении незаконной деятельности тех, кто занимается организованной преступностью», а также вследствие того, что «санкции и меры, имеющиеся в распоряжении правительства, неоправданно ограничены по масштабам и последствиям»¹. Таким образом, решение вопроса представляется весьма простым: надо усилить наказание за участие в организованной преступности и упростить правовую процедуру сбора судебных доказательств, иными словами, «развязать руки полиции».

Признать безнадежность борьбы органов буржуазного государства с социальным явлением, которое буржуазным обществом порождается, буржуазные правоприменяющие институты позволить себе не могут.

Американские исследователи также пытаются дать свое объяснение этому явлению. Чаще всего оно обосновывается коррупцией сотрудников местных правоприменяющих органов, призванных бороться с организованной преступностью. Типичное решение проблемы следующее: коррумпированных сотрудников следует заменить честными.

При этом американские исследователи этой проблемы вынуждены в той или иной мере ссылаться на трудности, кажущиеся второстепенными, совокупность которых, однако, лишь подтверждает безнадежность попыток ликвидировать организованную преступность в США.

Некоторые из этих трудностей заключаются в следующем:

1. Борьба с организованной преступностью не получает поддержки населения. В представлении рядового американца основное назначение правопорядка состоит в обеспечении уважения к его личности и имуществу. Вот почему в отличие от общеуголовной организованная преступность мало беспокоит широкую публику: эта преступность весьма законспирирована и, кроме того, предоставляет обывателю товары и услуги, противоза-

¹ Organized Crime Control Act of 1970. Public Law 91—452.

конный характер которых либо не заботит потребителя, либо принимается им (азартные игры, наркотики и т. п.).

Более того, даже в США, где развитие организованной преступности достигло уровня, значительно более высокого, чем в капиталистических странах Европы, многие рядовые американцы все еще просто не верят в существование преступных синдикатов.

2. Находящиеся в распоряжении организованной преступности значительные материальные средства дают возможность обеспечивать высококвалифицированную юридическую помощь тем членам групп организованной преступности, в отношении которых начато уголовное преследование. Входящие в систему организованной преступности специальные группы гангстеров помогают им избежать осуждения, запугивая или физически уничтожая свидетелей, коррумпируя сотрудников полиции и суда и т. п.

3. Структура преступных синдикатов соответствует конспиративному характеру организации, а потому предусматривает, в частности, строгое разделение обязанностей и отсутствие контакта между лицами, действующими на низшем и высшем уровнях системы. Так, гангстеры — члены синдиката не занимаются, например, непосредственной торговлей наркотиками на улицах. Их задача — контролировать оптовые рынки наркотиков. Поэтому, когда полиция задерживает на улице торговца наркотиками, «толкача», нить на нем и обрывается.

4. Средние и высшие эшелоны руководителей обычно маскируют свою преступную деятельность легальным бизнесом, что придает им респектабельность и затрудняет разоблачение.

5. Преступный синдикат выделяет специальные средства для корруптирования властей. «Коррупция обнаруживается ныне в большом разнообразии ситуаций и в условиях многих различных типов правительственной деятельности»¹.

В основном коррупция связывает, с одной стороны, гангстеров и, с другой — местных правительственных чиновников, а также сотрудников правоприменяющих органов, то есть представителей тех самых органов

¹ Organized Crime. Report of the Task Force on Organized Crime. P. 23.

государственной власти, которые ответственны за защиту граждан от преступной деятельности.

Периодически в американской печати появляются сообщения о вымогательстве и получении взяток сотрудниками полиции¹, а регулярные выплаты, которые преступный синдикат делает полицейским администраторам для «защиты» от возможных неприятностей со стороны закона, фактически приводят к тому, что коррумпированная полиция сама становится частью преступного мира, так как разделяет его доходы.

Однако коррумпирование местных правительственных институтов представляет собой лишь низшую ступень лестницы. Коррупция имеет место на всех ступенях государственной власти, начиная с рядового полицейского и кончая видным политическим деятелем. Неудивительно поэтому заявление бывшего председателя Верховного суда США Эрла Уоррена, что «коррупция фактически лежит в основе организованной преступности»².

6. Одним из важнейших условий жизнеспособности организованной преступности является ее связь с политическими партиями, и в частности с политическими боссами, оказавшимися во главе политической машины.

Тесные связи между промышленными монополиями и правительством приводят к тому, что политический контроль над ключевыми должностями приобретает для соперничающих группировок все большее значение. Так, в США межпартийная борьба на всех уровнях — федеральном, штатном и местном — подогревается в значительной мере системой «дележа добычи», в соответствии с которой ключевые и доходные должности замещаются сторонниками партии, одержавшей победу на выборах. Следовательно, контроль над голосами избирателей означает контроль и над распределением должностей в органах государственного управления. А это в свою очередь означает контроль над полицией, судьями, прокурорами, инспекторами различных ведомств, членами городских советов, шерифами, мэрами городов и т. п.

Борьба за власть, происходящая между соперничающими партиями, между группировками внутри партий,

¹ Ibidem.

² Ibidem.

требует значительных материальных средств. Деньги для этого поступают из разных источников: от предпринимателей, церкви, различного рода организаций, т. е. от всех, кто по деловым соображениям заинтересован в выдвижении той или иной кандидатуры. Организованная преступность также вкладывает часть своих денежных средств в политическую машину, чтобы через своих ставленников добиваться безопасности и максимальной материальной выгоды. Для этого она избрала верный метод: она «играет на всех досках». По замаскированным каналам ее деньги двигаются в кассы обеих политических партий, особенно партии, стоящей у власти¹.

Таким образом, организованная преступность становится партнером в союзе легального бизнеса и политической машины. Когда обе крупные партии и соперничающие внутри них группировки сходятся в вопросах основной политики, разногласия, с которыми они обычно выходят на суд публики, оказываются не столь значительными.

В этих случаях их представители начинают манипулировать такими понятиями, как «чистое правительство» и т. п. Когда же борьба политических группировок как внутри двух основных партий, так и между ними обостряется, тогда любая из этих группировок, не колеблясь, применяет оружие, которое попадает под руку, включая разоблачение коррупции.

Однако уличенная в коррупции политическая машина может оставаться у власти в течение многих лет, претерпевая лишь некоторые изменения в управлении. Политическую машину сломать трудно, так как она работает за кулисами, действует через выборных чиновников и в крайнем случае готова принести в жертву нескольких из них, сделав вид, что производится «очистка».

Таким образом, синдикаты организованной преступности, обеспечив себе безопасность с помощью регулярных взносов в кассы политических партий, а также коррупции полицейских и судебных органов, получают возможность уклоняться от уголовно-правового принуждения, с одной стороны, и правительственного регулирования — с другой. В результате лица, занятые

¹ *Ahern J. F.* Op. cit. P. 99.

в бизнесе организованной преступности, действуют в своего рода внеправовом мире.

Вместе с тем, будучи отлично налаженным аппаратом насилия, синдикат представляет постоянную угрозу эффективного и неконтролируемого вмешательства в борьбу политических сил внутри американского общества.

Он является своего рода государством в государстве, или, как его иногда называют американские исследователи, «вторым правительством».

7. Преступный синдикат имеет международные связи, что существенно затрудняет деятельность национальных органов борьбы с организованной преступностью.

Полиция США, например, не в силах искоренить разветвленные преступные организации. Она может нанести удар лишь какой-либо американской ветви этой организации. При этом любой удар, нанесенный преступной организации, будучи локальным, местным, частичным, сразу же компенсируется включением в сферу преступного бизнеса новых участников и фактическим восстановлением поврежденной части этой организации.

Самый сильный удар, нанесенный организованной преступности в США, может привести лишь к временной приостановке ее активной деятельности, временно ослабить американскую организованную преступность, облегчив тем самым проникновение на американский нелегальный рынок преступных организаций других стран. Те в свою очередь находят себе союзников в США, привлекая новые группы американцев к нелегальному бизнесу. Поэтому, например, борьба с незаконным распространением наркотиков в настоящее время может быть решена главным образом на основе многосторонних международных соглашений в сочетании с мерами внутригосударственного и национального характера.

Проанализированные трудности борьбы с организованной преступностью характерны не только для США. В равной степени, как показывает богатый материал, приведенный авторами книги, они существуют и на родине мафии. Сицилийская мафия превратилась, по словам прогрессивного итальянского деятеля Микеле Панталеоне, «в политическую и экономическую силу, стремящуюся к завоеванию политической власти на

местах и к проникновению в высшие сферы национальной политики».

Предлагаемая читателю книга, перевод которой сделан с 7-го немецкого издания, написана в публицистическом ключе и читается с интересом. Своими оценками и ненавязчивым комментарием деятельности мафии авторы убедительно показали порочность капиталистической системы, порождающей организованную преступность и способствующей ее процветанию.

Декабрь 1986 года

В. М. НИКОЛАЙЧИК,
доктор юридических наук

Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы.

Карл Маркс. Капитал

КОРНИ «ОБЩЕСТВА ЧЕСТИ»

На Сицилии три правительства: Рим, региональное правительство и мафия. Но мафии необходимо беспрекословно подчиниться либо умереть.

Сицилийская поговорка

История мафии, тайного сицилийского «братства», обросла множеством легенд. Растет и крепнет власть мафии, а вместе с ней растут и крепнут мифы о ней. Политики, журналисты и социологи стараются проникнуть в суть этого феномена. Преступления мафии неизменно дают сенсационный материал для иллюстрированных журналов и ежедневных газет. В таких статьях мафия нередко характеризуется как явление, порожденное самой природой, а события, происходящие в этом отсталом уголке Европы, охотно объясняются как следствие загадочного, демонического рока.

Однако при таком подходе без ответа остаются многие вопросы: как могло возникнуть это социальное явление? Где лежат корни «мала пьянта», «сорной травы», как называют мафию в Италии? Почему она зародилась вначале на Сицилии?

НАШЕСТВИЕ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Остров Сицилия расположен в самом узком месте Средиземного моря, между Европой и Африкой, образуя природное связующее звено между двумя континентами. Мессинский пролив, имеющий в наиболее узком месте ширину около 3 км, отделяет остров от Европейского континента. С горы Эрик на западе Сицилии при хорошей видимости можно различить Расс-Аддар, который образует восточную границу Тунисского залива, где некогда стоял могущественный Карфаген.

Тот, кто владел Сицилийским заливом, мог контролировать торговые пути между государствами, расположенными на западном и восточном побережье Средиземного моря.

Это исключительное географическое положение Сицилии с незапамятных времен привлекало множество завоевателей, поработивших коренных жителей острова и смешавшихся с ними. Завоеватели принесли с собой

свою культуру, следы которой еще и по сей день можно обнаружить в многочисленных великолепных строительных сооружениях и руинах давно прошедших эпох.

Первоначально остров заселяли сиканы, а позднее — сикулы, народы, происхождение которых еще до конца не выяснено. Приблизительно 2800 лет назад финикийские купцы соорудили на Сицилии свои крепости. Несколько позднее греки и карфагеняне повели ожесточенную борьбу за остров. В III в. до н. э. этот средиземноморский остров захватил Рим, завоевав в начале территорию, принадлежавшую Карфагену, а затем и греческие города на восточном побережье. Следующие 700 лет Сицилия являлась провинцией Римского рабовладельческого государства, господство которого было прервано лишь на несколько лет, когда во II в. до н. э. восставшие рабы образовали на Сицилии независимое государство. После падения Рима Сицилия на короткое время попала в сферу влияния государств двух германских народов — вандалов и остготов, пока наконец Византия не завоевала оба этих государства, а вместе с ними и остров. Наместники византийских императоров правили здесь около трех столетий, однако почти с самого начала им пришлось защищаться от набегов народов Северной Африки. Арабы и берберы в IX в. вторглись на Сицилию, и остров оказался в руках мусульман.

При новых правителях экономика острова постепенно начала избавляться от последствий непрерывных войн, а население его достигло довольно высокого по тем временам жизненного уровня. Однако разорвать цепи угнетения коренным жителям так и не удалось. В 1061 г. на Сицилии высадились отряды норманнов из Южной Италии, где они обосновались тридцатью годами раньше. Норманнское государство в Южной Италии и на Сицилии — государство с наиболее развитым в феодальной Европе того времени общественным строем — благодаря первоклассным вооруженным силам на короткое время приобрело сильное влияние в районе Средиземного моря. Неудивительно поэтому, что и другие крупные феодалы также стремились завладеть Королевством обеих Сицилий, как вплоть до XIX в. называлось южноитальяно-сицилийское государство. Первыми, кому это удалось сделать, были немецкие Гогенштауфены. Но в 1266 г. Карл Анжуйский с помощью папы римского отнял у них королевскую корону. Карл Анжуй-

ский и его бароны установили на острове жестокий режим правления.

В 1282 г. произошли события, которые вошли в историю под названием «Сицилийская вечерня». Как сообщали хроники того времени, ненависть к завоевателям переполняла сердца людей. Французские бароны пытались сломить сопротивление сицилийцев.

Рассказывают, что незначительное происшествие послужило причиной начала легендарной резни. 30 марта 1282 г., а это был второй день пасхи, зазвонили колокола, сзывая верующих Палермо к вечерне. В это время какой-то француз у входа в церковь начал приставать к сицилийской девушке. Поспешившие ей на помощь местные жители убили злоумышленника. Это послужило сигналом к восстанию, в результате которого с иностранным господством на острове было покончено. Однако стихийный бунт не принес сицилийскому народу желанной свободы: в скором времени морская держава Западного Средиземноморья, королевство Арагон, оккупировала остров. Сицилийским же баронам смена иностранных властителей была на руку, ведь теперь центральное правительство отделяли от столицы Сицилии тысячи километров. После того как в конце XV в. Арагон и Кастилия объединились в Испанское королевство, судьба острова оказалась связанной с Испанией, которая вместе со своим владычеством принесла инквизицию. За исключением кратковременного правления герцога Савойского, вплоть до 1860 г. Испания правила на Сицилии с помощью наместников или «независимых государей», выходцев из правящей династии испанских Габсбургов, а позднее Бурбонов. Когда в 1848—1849 гг. волны буржуазной революции докатились до маленького средиземноморского острова, сицилийские крестьяне поднялись против своих феодалов-угнетателей. Однако Бурбоны потопили восстание сицилийцев в крови. Только Гарибальди, возглавившему борьбу за объединение Италии, с помощью населения Сицилии в 1860 г. удалось освободить остров от ига испанских завоевателей.

Однако сицилийцы, как, впрочем, и жители Южной Италии и Сардинии, очень быстро поняли, что воссоединение Италии не принесло им желаемого социального прогресса. Крестьянам острова, как и прежде, не хватало земли. Буржуазия Северной Италии и не думала о том, чтобы выполнить свои обещания. Франческо

Криспи, министр внутренних дел и премьер-министр Италии, выражавший интересы империалистической буржуазии, управлял Сицилией с помощью военных судов и осадного положения. Поэтому неудивительно, что у большинства сицилийцев воссоединение Италии не вызвало особого духовного подъема. Криспи заключил союз с крупными землевладельцами Сицилии, опасавшимися требований безземельных крестьян.

Анализируя политико-экономическое положение Италии тех лет, выдающийся марксист и основатель Итальянской коммунистической партии Антонио Грамши пришел к выводу, что это «объединение было осуществлено не на основе равенства, а на базе господства Севера над Югом в территориальных отношениях между городом и деревней, то есть что Север по существу был «спрутом», который обогащался на расходах Юга, и что его промышленно-экономическое развитие находилось в прямой связи с истощением хозяйства и земледелия Юга».

«Буржуазия Севера Италии,— отмечал далее Антонио Грамши, сам уроженец Сардинии,— рассматривала Сицилию как свою «внутреннюю колонию». В этом острове она видела идеальный трамплин для своих колониальных завоеваний в Африке».

Пагубные последствия для экономики острова имела также таможенная система, введенная одновременно с воссоединением страны. Она разрушила жалкие зачатки промышленности на Юге Италии, особенно губительно сказалась на знаменитых сицилийских шелковых мануфактурах. Буржуазия Севера всячески препятствовала индустриализации Юга. С годами пропасть между обеими частями Италии углублялась, и тенденция отставания Юга сохранилась и поныне.

Краткий экскурс в богатую событиями историю острова позволяет лучше понять причины и мотивы, некогда способствовавшие возникновению мафии на Сицилии. Первоначально мафия возникла как организация самообороны против произвола чужеземных завоевателей. Сообща, в тесном союзе отдельных кланов — в тайных обществах — сицилийцы боролись против сборщиков налогов, приспешников Бурбонов и против изменников в своих собственных рядах, проводивших политику коллаборационизма. Именно тогда зародился обычай никогда и ни при каких обстоятельствах не выдавать имени сицилийца, восставшего против

иностранных властителей. Администрация, назначенная Бурбонами, не признавалась, ее указы, как только представлялся случай, обходились или им не подчинялись.

После воссоединения Италии «Онората сочъета» — «Общество чести», как называют мафию и в наши дни, потеряло право на свое существование как патриотическая организация. Не одно поколение сицилийцев жило бок о бок с насилием и пережило его. Многие сицилийцы и после освобождения острова от оков иностранных угнетателей продолжали оставаться мафиози. Они вербовались прежде всего из числа так называемых габеллотти — арендаторов. Эти люди в качестве управляющих, надсмотрщиков и телохранителей состояли на службе у сицилийских баронов, имевших неограниченную власть в своих латифундиях и жестоко подавлявших любое сопротивление крестьян. Чаще всего на эти должности нанимались бандиты, которые за свою верную службу получали в аренду землю. На Сицилии они занимали особое положение, как социальная прослойка между баронами, с одной стороны, и крестьянами — с другой. Методы внеэкономического принуждения крестьян с давних пор были широко распространены на Сицилии и использовались главным образом в интересах крупных латифундистов. В конце концов с помощью мафии габеллотти приобрели такую силу, что оттеснили феодалов и заняли их место.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ «БРАТСТВА»

Что, собственно говоря, означает слово «мафия»? Когда оно появилось впервые? Вот два простых вопроса, на которые можно услышать много разноречивых ответов.

Некоторые историки относят происхождение названия «братства» — мафия ко времени «Сицилийской вечерни». Считается, что тогда жители Палермо с кличем «Смерть Франции — вот искреннее желание Италии» (*Morte Alla Francia, Italia Anela*) устремились на своих угнетателей. Из начальных букв этого призыва, как полагают некоторые исследователи, произошло это слово. Другие историографы датой основания общества считают 1670 г., когда в Палермо был образован так называемый «Беати паоли» — «Союз свободомыслящих дворян». Свои тайные собрания члены этого патриотиче-

ского союза проводили в пещерах. Полагают, что в прошедшие столетия словом *mafie* (множественное число от *mafia*) заговорщики называли скалы Трапани. Скрытые там пещеры служили местом сбора сицилийских тайных патриотических обществ и их убежищем.

Лингвисты также исследовали происхождение слова «мафия» путем анализа различных языков, влившихся в сицилийский язык. Так, в тосканском наречии *toffa* означает «нищета или несчастье»; по-французски *Mauvais* — «плохое»; *Maafig* — так называлось племя, которое во времена господства арабов обосновалось в Палермо; высказывались предположения, что в основе названия «братства» лежат арабские слова *Mahias* (обманывать, надувать, дурачить) или *Magtaa* (пещера); и наконец, оно могло произойти от слова *Mu'afah*, также арабского происхождения (*Mu'* — «сила», «усилие», «безопасность» и *afah* — «упорствовать», «охранять», «защищать»).

Не стоит долго перечислять все попытки объяснить происхождение слова «мафия» — до сих пор никому не удалось дать удовлетворительного объяснения. Можно лишь документально установить, что первое упоминание слова «мафия» встречается в итальянско-сицилийском словаре 1868 г. К тому времени мафия уже давно была преступной организацией. Поэтому неудивительно, что издатель словаря понятие слова «мафия» передал как синоним слова «каморра» — названия банды, действовавшей в Южной Италии в XIX в. Некогда эта банда также была тайной патриотической организацией.

Многие крестьяне южных областей Италии, отданные на произвол баронов-феодалов, в знак протеста становились разбойниками. Не желая покориться угнетателям, они разбойничьими вылазками отвечали на бесчинства феодалов. Этим можно объяснить ореол романтики, которым в этих краях издавна была овеяна преступность. Так, еще в начале нашего столетия известный калабрийский разбойник Джузеппе Мусолино слыл у местных жителей благородным мстителем и защитником бесправных.

Специалист по Сицилии Джузеппе Питтре уже в то время отошел от традиционной трактовки понятия «мафия». В 1891 г., анализируя материалы о деятельности «братства», он писал: «За последние двадцать лет появилось множество публикаций о мафии, в которых высказывались самые разноречивые мнения о ней и ее

деяниях, поэтому при сопоставлении всех этих противоречивых светений можно было легко сделать неверные выводы».

ПЕРВЫЙ ДОКУМЕНТ?

Отсутствие достоверных документов вплоть до сегодняшнего дня открывало широкие возможности для различного рода домыслов. В настоящее время старейшим документом о деятельности мафии считается отчет прокурора Трапани Пьетро Уллоа министру юстиции испанского короля Фердинанда II Бурбона, относящийся к 1838 г. В этом отчете, в частности, говорилось: «Во многих деревнях существуют братства, большей частью состоящие из семи человек и именующие себя партиями. Они не устраивают сборищ и связаны лишь со своим предводителем, являющимся в одних местах должностным лицом, в других — священником».

И хотя уже в 1894 г. итальянский министр внутренних дел Джироламо Кантелли назвал мафию «настоящим социальным бичом» и «эпидемией», центральное правительство в Риме не предприняло никаких серьезных попыток ликвидировать «Общество чести».

Не могло или не хотело? Одних полицейских акций было явно недостаточно, поскольку мафия пустила глубокие корни в феодальном обществе Сицилии. Искоренить ее означало подорвать сами основы феодального порядка. Не одно десятилетие мафия строила и укрепляла свои цитадели, большая часть которых сосредоточена в западной части острова, где находилась столица мафии, город Палермо. В этой области Сицилии особенно резко бросалась в глаза бедность домов, в которых многодетные семьи влачили жалкое существование в ужасающей нищете и тесноте. Здесь царил поголовная неграмотность, которая сохранилась вплоть до наших дней. Статистика 1960 г. красноречиво свидетельствует о многом: в век ядерной физики и космических полетов почти 27 % сицилийцев не умеют читать и писать, а еще 20 % могут написать только свое имя.

Один итальянский журналист, занимаясь историей «братства» и изучая сицилийский диалект, который считается почти самостоятельным языком, сделал потрясающее открытие: сицилийские глаголы не имеют формы будущего времени. Сицилия — остров без будущего! Но вопреки всем невзгодам большинство жителей

Сицилии не покорились судьбе: хотя с помощью грубой силы крупным землевладельцам удавалось подавлять стихийные выступления крестьян, боровшихся за землю и социальный прогресс, однако окончательно покончить с ними они не могли. В 1893 г. непрекращающиеся бунты крестьян вылились в мощное крестьянское восстание.

«ВСЮДУ ПО ЗЕРНЫШКУ»

Тот, кто просто сравнивает мафию с бандой убийц и разбойников, глубоко ошибается и в своих рассуждениях приходит в конце концов к неверным выводам. Это «братство», выросшее во времена феодализма, уже тогда, как, впрочем, и теперь, олицетворяло на Сицилии наивысшую форму организованной преступности. Пожалуй, едва ли найдется такое преступление, которое бы оно не совершило ради власти и прибыли. Как полип, распростерло оно множество отростков во все области общественной жизни. К этому «братству» принадлежали исключительно «почтенные и уважаемые» граждане — адвокаты и врачи, управляющие имениями и губернаторы, не только обогащавшиеся с помощью мафии, но и без зазрения совести терроризировавшие население. Главарь мафии какого-нибудь местечка давал и благословение на брак, и приказ ликвидировать непослушных. «Братство» превратилось в государство в государстве, его распоряжения были непреложным законом, оно учреждало и взыскивало свои собственные налоги. Используемый им метод внешне казался весьма простым: «братство» предлагало барону свои услуги, требуя за это регулярное вознаграждение. Землевладелец платил, поскольку мафия помогала ему в борьбе против безземельных крестьян и арендаторов, которые добивались раздела земли. «Обществу чести» обращалось также к габелотти, арендаторам, предлагая свой «товар» — защиту. Тот, кто отказывался от «услуг» мафиози, однажды находил вырубленным свой виноградник, или у его овец и коз оказывались выколотыми глаза. В конце концов он был вынужден платить за то, чтобы его не трогали. Даже вор пунктуально делал свой взнос, так как за это он получал право обкрадывать людей, не находившихся под защитой мафии.

Крестьяне, арендовавшие мелкие участки земли, заботились о своевременной уплате «налога за воду», чтобы драгоценная влага текла на поля, иссушенные

горячим солнцем. Посевы на полях должников и строптивых засыхали. Если рыбак не желал потерять свою лодку и сети, то ему приходилось уступать свой скудный улов по ценам, установленным мафией. И таких примеров немало. «Общество чести» разработало совершенную систему вымогательства. Оно действовало по принципу «птичьего клюва»: во всех слоях общества «птичка по зернышку клевала» и таким образом обогащалась.

«ОМЕРТА»

В первых документах времен господства Бурбонов, касавшихся деятельности мафии, сообщалось, что она имела в основном децентрализованную структуру¹.

Кодекс чести, которого под страхом смерти придерживался каждый мафиозо, определял связь и сплоченность отдельных «семей» как прежде, так и ныне. Главари мафии требовали безоговорочного повиновения. Любое действие против члена «Общества чести» расценивалось ими как посягательство на всю мафию и каралось с соответствующей строгостью. Тот, кто отказывался покориться мафии, сначала получал предупреждение. Так, он мог однажды найти отрубленную кисть руки одного из своих родственников, иногда это был труп его мула. Тот, кто игнорировал этот знак, сам себя обрекал на гибель.

Предателя также ждала смерть. Голова овцы перед дверью его дома указывала на вынесенный приговор.

¹ Низовая ячейка мафии именовалась «коской», или «десяткой» (ныне и более крупные организации мафии называют «косками»). В нее входили 10—15 человек. Возглавлял ее обычно «кампери», крупный арендатор, сдававший часть арендуемых им земель в субаренду, в порядке чинов в ее составе находились «кураторо» (соблюдающий интересы), «гвардаспалле» (телохранитель) и «солдаты» (рядовые члены банды). «Соврасанте» (верховный) координировал действия двух и более «коск». Несколько «коск» образовывали «семью». Нередко «семьей» руководил крупный «габелотто», а через него и сам барон, сдававший ему в аренду свои земли. Главарь такой организации носил титул «капофамилия» — главы семьи, или просто «капо».

Группой из нескольких «семей» управлял советник. Объединение же ряда групп образовывало провинциальную организацию мафии, действия которой направлял провинциальный советник. Эти провинциальные советники были крупными землевладельцами из рядов сицилийской аристократии и буржуазии. Из них-то и состояла «высокая» мафия. (Прим. пер.)

Иногда на порог дома предателя «братья» клали обезглавленный труп собаки. Нет и не было в глазах мафиози более тяжкого проступка, чем нарушение омертá — обета абсолютного молчания. Неписанный закон мафии гласил: «Кто не молчит, тот должен умереть». И молчание на Сицилии требовалось не только от мафиози, но и от всех остальных жителей острова. Омертá был и остается мощной опорой, на которой прежде всего держится власть мафии. При помощи омертá «Общество чести» безжалостно правило и правит.

После вынесения мафией смертного приговора глава «семьи» шел к одному из убийц, называвшемуся «пиччотто» — малыш, целовал его в губы и произносил фразу: «Если мать требует, малыш повинется!» После этого убийца, на которого пал выбор, брал лупару, обрез из охотничьего ружья, и шел исполнять приказ. Лупара, классическое оружие мафии, первоначально служила также для охоты на волков. Однако в качестве орудия мести в ее использование был внесен один нюанс, касающийся боеприпасов. Как показали исследования, для убийства людей картечь в гильзе патрона мафиози обычно смешивали с солью. Это, по их мнению, должно было еще больше усиливать муки умирающего. Убийцы, которые, как правило, целились в лицо или затылок, стреляли с таким расчетом, чтобы ни одна жертва не выжила. «Пиччотто» с убийством получал первое признание своих заслуг и после завершения дела мог называться «тавару» — бык.

Нередко к совершению убийств мафию побуждали серьезные обстоятельства. Так, например, безжалостно уничтожались политические противники, игнорировавшие настойчивые предостережения «братства». Иногда между отдельными «семьями» мафии вспыхивали ссоры, потому что один клан пытался расширить область своего господства и проникнуть в вотчину другого. Если главарям кланов не удавалось прийти ни к какому соглашению, то предстояла проба сил, которая обычно начиналась с убийства одного из членов «семьи» и заканчивалась вендеттой — кровной мстью, взаимным истреблением отдельных кланов. Однако и после этого ближайшие родственники жертв, точно знавшие убийц, не выдавали полиции никаких имен. В таких случаях только глава мафии острова мог положить конец кровавой резне.

Структура, законы и обычаи мафии долгое время

были скрыты от глаз постороннего плотной завесой молчания.

Каким образом пополнялись ряды «Общества чести»? То, что сыновья и родственники могущественных и влиятельных мафиози традиционно шли по следам отцов и других родственников по мужской линии, было более или менее известно. Однако кому, кроме них, позволялось причислить себя к кругу «избранных людей»?

Обычно не представляло большого труда узнать, кто еще принадлежал к мафии. Например, молодых чиновников, адвокатов, депутатов, священников и врачей, которые быстро делали карьеру, с полной уверенностью можно было считать членами «Общества чести». И подчас было секретом полишинеля, кто руководил «семьей» мафии или даже был главой мафии города или провинции. Довольно часто эту «должность» занимал мэр. И все же законы и ритуалы мафии знали лишь «избранные».

ОТКРОВЕНИЕ МАФИОЗО

Более подробно общественность познакомилась со всем этим лишь в начале 60-х годов. 22 января 1962 г. сицилийская газета «Ла Ора» опубликовала статью под сенсационным заголовком: «Как я, врач, стал мафиозо!»

Эта газета и прежде занималась расследованиями преступных деяний мафии. Когда на свой страх и риск было начато очередное расследование, связанное с врачом-мафиозо, «братство» в назидание другим решило наказать строптивых, чтобы было неповадно заниматься частными расследованиями. В результате взрыва бомбы часть здания редакции газеты взлетела на воздух, серьезно пострадала ротационная машина. Надо сказать, что материал, опубликованный в этой еженедельной газете как сенсационное разоблачение, мало чем отличался от сообщений, время от времени появлявшихся и в других газетах. Но откровения врача-мафиозо, напечатанные в газете «Ла Ора», сильно взволновали общественность. Правда, смелый мафиозо, открыто назвавший свои имя и адрес, мог более не бояться мести мафии за нарушение омерта́: задолго до этого он мирно почил в собственной постели.

Доктор Мелькиорре Аллегра, так звали врача из мафии, в 1937 г. был арестован полицией по обвинению в содействии убийству. В тюрьме он сделал признание. Аллегра рассказал следователю, как его принимали в «Общество чести» и что он знал об этой организации. Как уважаемый член «Общества», поддерживавший тесные контакты с сильными мира мафии, он был хорошо информирован о деятельности «братства». Вероятно, лишь счастливое стечение обстоятельств спасло тогда жизнь болтливому Аллегре. Показания, которые он дал полиции, надолго затерялись в архивах, поскольку органы правосудия режима Муссолини не были заинтересованы в том, чтобы эти документы стали достоянием гласности. Наоборот, итальянские фашисты хвастливо заявляли, что полностью избавили Сицилию от такой социальной болезни, как мафия.

Редакторы газеты «Ла Ора» с полным правом могли считать счастливой случайностью, что этот документ сохранился в архиве. Длинные руки мафии добирались до наивысших чинов полиции и прокуратуры. Любой из них мог затребовать такой документ, как протокол с показаниями доктора Аллегры, для «изучения». Подобным образом исчезла большая часть тех материалов, которые компрометировали и изобличали мафию. Частенько ее посредники подменяли документы фальшивками, содержащими лишь незначительные признания. Совершенно случайно протокол с признанием врача-мафиозо спустя 25 лет оказался собственностью сицилийской газеты, и таким образом в 1962 г. покойный врач невольно стал главным свидетелем против мафии.

КРОВЬЮ И ПЕПЛОМ

Итак, 1916 год. Феодалная мафия Сицилии находится на вершине своего могущества. На Севере Италии — в Альпах и на реке Изонцо — итальянцы ожесточенно сражались против австро-венгерских войск. Все больше и больше сицилийских крестьян призывалось на военную службу во имя интересов итальянской империалистической буржуазии. Большинство из них не выказывали особого желания умирать за Рим, который обходился с островом как с полуколонией. Намекая на географические очертания страны, в то время погова-

ривали о том, что «итальянский сапог» придавил Сицилию.

Как и представители крупной буржуазии Севера Италии, главари мафии не упускали возможности нагреть руки на военных поставках. Только делали они это в свойственной им манере: по договору с армейским командованием мафиози реквизировали лошадей, причем большую часть денежной компенсации, которая полагалась их владельцам, они опускали в собственный карман. Поставленные для армии лошади оказались совершенно непригодными для боевого использования. Отдельные лица из «Общества чести» были привлечены к суду. Однако, как это бывало не раз, ничего доказать не удалось.

В это время доктор Аллегра служил в армейском госпитале Палермо и лечил раненых, среди которых попадались и симулянты, и люди, сознательно нанешие себе ранения. Как-то он заметил, что одного из пациентов обычная настойка исцелила от рожистого воспаления. Аллегра пригрозил ему, что доложит об этой явной симуляции куда следует. Однако, прежде чем доктор успел привести свою угрозу в исполнение, некий Джулио д'Агате пожелал говорить с ним. Доктор Аллегра был сицилийцем и сразу догадался, кем был вошедший в его кабинет человек. Надменная манера держаться выдавала влиятельного члена «Общества чести». Д'Агате без обиняков изложил свою просьбу. Он сказал, что человек, на которого доктор хотел донести, якобы бедняк, кормилец большой семьи, и было бы лучше поскорее вылечить его, прописав длительное лечение в стационаре. Д'Агате никоим образом не угрожал врачу. Тот понял ситуацию и выполнил высказанный в виде просьбы приказ.

Вскоре после этого д'Агате вновь навестил доктора. Он появился в сопровождении двух мужчин и пригласил доктора Аллегру на переговоры в один фруктовый магазин в Палермо. Военный врач согласился. Встреча в конторе магазина началась с выражения безмерной благодарности этих людей доктору Аллегре, который столь бескорыстно и просто помог им. Затем они перешли к изложению сущности дела.

Через двадцать лет на допросе в полиции, протокол которого опубликовала газета «Ла Ора», врач так описал эту встречу: «Эти люди заявили мне, что состоят членами одного очень важного союза, к которому при-

надлежали представители всех слоев общества, даже наивысших. Называли их не иначе как «уважаемые люди».

Многим этот союз, вероятно, известен как мафия, однако большинство людей не имеют отчетливого представления о нем. Затем мне объяснили, что нарушение законов этого союза каралось очень строго. Например, членам организации не разрешалось совершать кражи, но, напротив, при определенных обстоятельствах разрешалось убийство; разумеется, для этого необходимо было испросить согласие капо. Самовольные «мокрые дела» внутри мафии карались смертью. Как бы еще более воодушевившись, д'Агате добавил: «Если уж капо разрешил убийство, то задумавший его совершить может рассчитывать на содействие союза и, в особом случае, даже на помощь в этом деле».

Доктор Аллегра рассказал также о структуре феодальной мафии тех лет: «Я узнал, что союз подразделяется на «семьи», каждая из которых возглавляется капо. Обычно каждая «семья» состоит из нескольких маленьких групп соседних городов или деревень. Однако если «семья» оказывается слишком большой и трудноконтролируемой, то она разделяется на группы из десяти человек; каждая из этих групп, «коск», имеет своего вожака.

Что касается отношений между провинциями, то, по законам мафии, отдельные «семьи» не зависят друг от друга. Несмотря на это, главы мафии в провинциях находятся между собой в тесной связи и согласовывают свои действия. Союз имеет могущественные филиалы в Северной и Южной Америках, Тунисе и Марокко».

К тому времени из других источников общественность уже знала, что десятки, «децине», возглавляемые «капо ди децина», в свою очередь распадалась на две пятерки, каждая из которых называлась «рукой». Главы «семей», которым давалось право носить почетный титул «дон», и их заместители избирали главаря мафии острова.

После того как трое мафиози так откровенно доверили доктору Аллегре священные тайны «Общества чести», их вопрос, хочет ли он стать мафиозо, был лишь формальностью. Они захватили доктора врасплох, и ему даже не пришлось в голову возражать. Вот как сам доктор Аллегра рассказал об этом: «Я понимал, что посвящен

уже во множество тайн, и если бы отказался, то живым с этой встречи мне бы уйти не удалось. Поэтому мне не оставалось ничего другого, как незамедлительно согласиться, выказав при этом воодушевление».

Прием в «братство» проходил по ритуалу, напоминавшему средневековые церемонии. Нового члена мафии вводили в затемненное помещение два старых мафиози, которые выступали в качестве его «крестных отцов». На столе между горящими свечами стояла икона. Доктор Аллегра так описывает его собственный прием в «братство»: «Средний палец моей правой руки укололи иглой, выдавили кровь и пропитали ею маленький бумажный образок, который сожгли над свечой, и я, держа пепел в руке, произнес клятву примерно такого содержания: «Клянусь сохранять верность моим братьям, никогда не обманывать и не предавать их, всеми силами помогать им. Как превратился в пепел этот святой образок, так исчезну и я, если не сдержу своей клятвы»».

Войдя в круг «уважаемых людей», молодой врач стал пользоваться всевозможными привилегиями. Его принадлежность к мафии стала оплачиваться звонкой монетой. В местечке Кастельветрано, близ Палермо, он открыл собственную практику, на доход от которой вскоре смог купить целую клинику. Его друзья из «братства» заботились о том, чтобы у него не было недостатка в богатых пациентах.

Разумеется, мафия заключила доктора в свои объятия отнюдь не бескорыстно. За блага и карьеру «братья» требовали от него верной службы и всяческих услуг — от молчаливого лечения огнестрельных ран до содействия в убийствах людей, неугодных «Обществу чести».

Став влиятельным мафиозо, доктор Аллегра начал подбирать для мафии «кадры» из числа тех молодых людей, которые обращались к нему за различными советами и помощью. Большинство жителей в районах, контролируемых мафией, считалось с «избранными». Не к полиции, не к местным органам власти обращались люди за разрешением какого-либо вопроса — те ничего не решали, — а к мафии: у нее спрашивали согласия на брак, от нее получали разрешение эмигрировать, она улаживала крупные ссоры. Мафия, разумеется, решала и правила по собственному разумению, извлекая из всего выгоду в первую очередь для себя.

Картина, нарисованная доктором Аллегрой, соответствует феодальному характеру «Общества чести», который, как нельзя лучше, отвечал феодальным общественным отношениям, царившим на этом средиземноморском острове.

Лишь после того как в 50-х годах XX в. с помощью североитальянского и североамериканского капиталов индустриализация Сицилии сделала первые робкие шаги, «братство» под влиянием новых условий изменило формы и методы своей работы.

«ЧЕРНАЯ РУКА»

В цивилизованном обществе закон держится на морали, как корабль на море.

Из речи федерального судьи Эрла Уоррена,
11 ноября 1962 г., Нью-Йорк

Новый Орлеан, 1890 год. Этот крупнейший город американского штата Луизиана, уступивший славу называться столицей штата менее значительному Батон-Руж, этот важный портовый город, основанный французами в 1718 г. в дельте Миссисипи, переживал период небывалого экономического подъема. После длительной и кровопролитной гражданской войны, в которой промышленники Севера подавили политическое господство богатых плантаторов-южан, в городах Юга стала насаждаться индустрия, и Новый Орлеан захлестнула волна промышленного бума.

С 1890 г. в Новый Орлеан отовсюду начали стекаться эмигранты. Не малого труда стоило им обжиться в чужой стране и выстоять в повседневной беспощадной борьбе за существование. Традиционно в Соединенные Штаты эмигрировали жители Скандинавских стран, Ирландии, Германии, поэтому выходцам из других стран приходилось особенно тяжело. С 1890 г. резко возросло число эмигрантов из южноевропейских стран, и первым поселенцам Североамериканского континента пришлось вскоре приноравливаться к новым, непривычным для них соседям, которые в свою очередь с большим трудом привыкали к необычной для них обстановке. Поэтому иммигранты-соотечественники вынуждены были держаться друг друга. В этой обстановке «мафиозный инстинкт», побуждающий людей во имя того, чтобы выжить, обзаводиться покровительством вне и помимо государства, не только уцелел, но и обострился. И нет ничего удивительного в том, что часть эмигрантов переняла такое типично американское явление, как гангстерская шайка. Банды преступников, созданные некогда беззастенчивыми политиками для запугивания избирателей в период предвыборной борьбы, переродились со временем в организованные банды преступников. Наряду с ограблениями банков, вымогательством и кражами профессиональные бандиты оста-

лись верными политике. Если нужно было прекратить забастовку, устранить неугодного политического деятеля, то за хорошую плату они были готовы сделать это. К услугам бандитов охотно и часто прибегали предприниматели для укрепления власти над рабочими или для устранения конкурентов. К тому времени в Соединенных Штатах использование преступников капиталистами стало обычным делом, поскольку только сильнейший имел шанс выжить в беспощадной конкурентной борьбе.

Члены шаек — вскоре за ними закрепилось название «гангстеры»¹, — как правило, рекрутировались из самых низших социальных слоев общества, ужасающая бедность которых создавала благодатную питательную среду для роста деклассированных элементов. В Соединенных Штатах, в которые ежегодно переселялись сотни тысяч людей, эмигранты, в своем большинстве не имевшие никакой квалификации, составляли основную часть. Не зная языка и обычаев страны, подвергаясь национальной, а зачастую и религиозной дискриминации, большинство эмигрантов жило в трущобах, как в гетто. В любых нарушениях переселенцами гражданских и уголовных законов усматривалась особая жестокость, а пресса называла их «нетипичными для Америки явлениями». Когда безработные и голодающие сотнями тысяч покидали Зеленый остров (Ирландию.— А. С.), пресса, не жалея красок, расписывала преступления, совершаемые ирландцами, а когда евреи, спасаясь от погромов и деспотизма, бежали из царской России в Соединенные Штаты, американские газеты истошно кричали о бесчинствах еврейских банд. Таким образом, у среднего американца сложилось представление, будто коллективно совершаемые преступления были импортированы в США.

В этих условиях в среде сицилийских эмигрантов, у которых были еще свежи в памяти воспоминания об отечественной мафии, зародился эмбрион «новой» («второй».— А. С.) мафии. Ее первыми жертвами стали крестьяне-соотечественники. С ними было меньше всего хлопот. Если у итальянского лавочника просили «мзду» в обмен на «защиту», то долгих объяснений не требовалось. Лавочник или ремесленник платил и, жалуясь приятелю или соседу, говорил: «Видишь, Джузеппе, ничего не изменилось. Мафия повсюду с нами».

¹ От Gang (англ.) — «шайка», «банда».

При такой постановке дела мафиози Нового Света начали быстро богатеть. В 1890 г. каждый в Новом Орлеане знал о банде мафиози «Черная рука». Как это ни парадоксально звучит, но мафиози чрезвычайно гордились и названием своей банды, будто заимствованным из бульварного криминального романа, и подметными письмами с «предостережениями» и угрозами, подкрепленными наивно-таинственными знаками.

Новоорлеанская полиция, которой были известны все гангстерские банды, по отношению к «Черной руке» проявляла странную пассивность. Ни для кого из жителей города не было тайной, что бандой итальянских уголовников руководили братья Антонио и Карло Матранга, иммигрировавшие из Палермо. В Новом Орлеане они открыли вначале овощную лавку, а затем приобрели фирму по импорту фруктов. Обосновавшись в Новом Орлеане, «Черная рука» первым делом захватила контроль над портом, главным перевалочным пунктом растущей торговли фруктами. Ни одно судно в порту не разгружалось до тех пор, пока судовладельцы не выплачивали братьям Матранга установленной дани.

Разумеется, этого не могла не заметить общественность. Однако было немало упрямых, неверующих и просто наивных людей, полагавших, что мафия — это чисто сицилийское явление, не характерное для Америки. Среди этих людей были и откровенные завистники, которые сами охотно захватили бы власть над Новоорлеанским портом.

В те годы в порту Нового Орлеана было совершено немало зверских убийств.

СУД ЛИНЧА В НОВОМ ОРЛЕАНЕ

Комиссар новоорлеанской полиции Дэвид Хеннеси однажды с удивлением констатировал, что его подчиненные — большей частью итальянского происхождения — были, очевидно, слепыми и глухими: они ничего не видели, ничего не слышали, ничего не знали. Он был вынужден сам взяться за расследование преступлений в порту. В результате удалось выяснить, что причиной была борьба между братьями Провенцано, сицилийцами, и братьями Матранга, которые там уже хозяйничали.

Через несколько недель Хеннеси собрал достаточно компрометирующих материалов против обеих конкури-

рующих банд, и прокурор, ознакомившись с делом, поддержал обвинение. Был созван суд присяжных.

Накануне передачи дела в суд комиссар решил еще раз внимательно посмотреть весь материал, чтобы представить полный список преступников и подстрекателей. Поздно вечером, закончив работу, он решил пешком направиться домой. Неожиданно на углу прогремело несколько пистолетных выстрелов. Хеннесси рухнул на землю. Умирая, комиссар успел прошептать прибежавшему на выстрелы полицейскому: «Это были даго!»

На следующее утро Новый Орлеан бурлил, как котел ведьм. У всех на устах было слово «даго» (собака) — презрительная кличка, данная американцами итальянцам-иммигрантам. Мнение жителей города было единодушным: в своих действиях «Черная рука» зашла слишком далеко. И хотя Новый Орлеан славился как самый погрязший в коррупции город в США, убийство здесь считалось позорнейшим преступлением. Вскоре были арестованы и предстали перед судом 19 сицилийцев — участников и подстрекателей убийства комиссара полиции Дэвида Хеннесси. На процессе выступили 60 свидетелей, некоторые из них опознали убийц. Но «Черная рука» никогда не мелочилась, если дело касалось правосудия. Для защиты убийц были мобилизованы лучшие адвокаты. И не без успеха. Лишь трое мафиози были осуждены к различным срокам тюремного заключения, а с остальных обвинения было снято. Насколько продажен был Новый Орлеан!

Этот случай переполнил чашу терпения большинства граждан города. Даже те, кто раньше лишь пожимал плечами, узнав об очередном факте коррупции, теперь негодовали, возмущаясь столь мягким приговором. 13 марта 1891 г., через два дня после завершения процесса, жители Нового Орлеана устроили митинг протеста против несправедливого решения суда. Он начался относительно спокойно, однако постепенно страсти разгорелись, и вскоре тысячная толпа горожан ринулась к городской тюрьме. Никто и не пытался остановить разъяренных жителей, когда они, выломав тюремные ворота, бросились на поиски сицилийцев, все еще находившихся в заключении. Разбушевавшаяся толпа выволокла двух сицилийцев на улицу, избила их и тут же повесила на уличных фонарях. Девять остальных мафиози силой заставили подняться на тюремную стену. По команде толпа выстрелила в них из охотничь-

их ружей и револьверов, а затем трупы мафиози были разорваны на куски. В портовом городе на Миссисипи произошло крупнейшее в истории США массовое линчевание.

Резня в Новом Орлеане свидетельствовала, что в некоторых районах США между иммигрантами и коренными жителями сложились чрезвычайно напряженные отношения. И штурм новоорлеанской тюрьмы показал, как легко можно было использовать эту напряженность. Последствия событий в Новом Орлеане, подробные сообщения о которых пресса быстро разносила во все концы Соединенных Штатов, не заставили себя ждать. Для иммигрантов итальянского происхождения они обернулись усилением недоверия к ним со стороны коренных жителей страны и вызвали новую волну расовой дискриминации. Этот инцидент оказал влияние и на государственные отношения между Италией и Соединенными Штатами. Итальянский посол в Вашингтоне вручил представителю правительства США ноту протеста против широкой кампании клеветы, поднятой американскими газетами, называвшими в своих статьях всех без исключения итальянцев мафиози. Итальянский король угрожал разрывом дипломатических отношений. В конце концов дело удалось замять: США выплатили Италии 30 тыс. долл. в качестве компенсации за причиненный «ущерб» — одиннадцать убитых убийц. Власти Нового Орлеана закрыли на все это глаза. Им было выгодно свалить ответственность за все преступления на «даго» — итальянских иммигрантов, чтобы тем самым отвлечь внимание общественности от своих собственных преступлений.

«ЗЕЛЕННЫЕ»

Губернатор Нового Орлеана Джозеф А. Шекспир в своем отчете городскому совету констатировал: «Наше общество не может быть здоровым, пока внутри него существует такая организация («Черная рука». — *Авт.*). Эта организация должна быть уничтожена, иначе обществу грозит гибель. Сицилийцы, переселившиеся в нашу страну, должны стать гражданами Америки и уважать ее законы, или им нет места среди нас».

Но «Черная рука» обосновалась в обществе, где правил волчий закон буржуазного общества. Сообразно с ним и жила эта преступная организация, хотя, нужно

признаться, делала она это более грубо, неуклюже и открыто, чем само общество. Она стала неотъемлемой частью этого общества, нашла в нем питательную среду для своего развития. Поэтому война гангстеров и убийство полицейского в Новом Орлеане были не концом, а началом развития организованной преступности в США. С этого времени тайные гангстерские организации сицилийского и американского происхождения начали расти как на дрожжах повсюду в США.

Весной 1915 г. мафиози обосновались в Сент-Луисе, городке, расположенном на р. Миссисипи. Свою организацию они назвали «Зеленые». По старой доброй традиции мафиози начали с того, что взимали со своих соотечественников «налог на защиту». Сколотив таким образом «капитал», «Зеленые» занялись торговлей скотом. Постепенно мафиози «монополизировали» оптовую торговлю мясом, используя при этом испытанные методы «уговоров» и «настойчивых предупреждений». Строптивых в назидание остальным устраняли физически. В течение нескольких лет «Зеленые» убили более тридцати «несговорчивых».

Убийства мафиози совершали не только в Сент-Луисе, но и в Чикаго. Здесь тайное «братство» преступников, верное традициям Нового Орлеана, также называлось «Черная рука». В 1850 г. Чикаго, названный так по имени небольшой индейской речки, на которой был заложен город, насчитывал лишь 15 домов и 100 жителей. Но уже в 1875 г. этот город, население которого приближалось к миллиону, стал одним из крупнейших в мире центров торговли зерном, скотом, мясом и древесиной. Чикаго переживал промышленный бум. Лихорадочное развитие американского капитализма, наиболее отрицательные черты которого как в фокусе сконцентрировались в этом городе, создало на рубеже столетий идеальные условия для роста преступности. В начале нашего века наметилась отчетливая тенденция, что вскоре Чикаго станет первым в Америке городом по совершаемым в нем преступлениям: в 1910 г.— 25 нераскрытых убийств, в 1911 г.— 40, в 1912 г.— 33, в 1913 г.— 42.

Чикагская полиция приписывала все преступления «Черной руке». Чаще всего сообщения о них поступали из «Малой Италии». Это итальянское гетто Чикаго, расположенное между Вест-Тейлор-стрит, Гранд-авеню, Оук-стрит и Уэнтворт-авеню, американцы пренебрежи-

тельно называли «зоной спагетти». В мае 1913 г. граждане второго по величине города США в передовой статье газеты «Чикаго дейли ньюс» прочли: «За 93 дня, прошедших с начала этого года, в «зоне спагетти» взорвалось 55 бомб. Эти взрывы служат настойчивым предупреждением несговорчивым. По мнению одного опытного детектива, уже много лет работающего в итальянском квартале, среди каждых десяти человек, регулярно уплачивающих мафии дань, находится по меньшей мере один упрямец, который сопротивляется до тех пор, пока его не предупредят бомбой. Если это так, то с 1 января «Черная рука» взимала дань с 550 человек. Мафиозо по кличке Грязный Мит никогда не просит меньше 1000 долларов. Хорошо информированные лица оценивают ежегодную дань «Черной руке» в размере полумиллиона долларов».

Однако, несмотря на столь неприкрытую преступную деятельность мафии, чикагская полиция находилась перед неприступной стеной молчания. Омерта действовал и по другую сторону Атлантики. Бомбы и письма с угрозами говорили своим собственным языком. У случайно арестованного мафиозо Джозефа Джените полиция нашла одно такое неотправленное письмо. Вот его содержание: «Глубокоуважаемый господин Сильвани! Будьте добры дать мне 2000 долларов, если, конечно, Вам дорога жизнь. Надеюсь, что моя просьба не слишком обременит Вас. Прошу Вас в течение четырех дней положить деньги на порог Вашего дома. В противном случае обещаю, что через неделю сотру в порошок Вас и всю Вашу семью. В надежде остаться Вашим другом — «Черная рука»».

Итак, Новому Орлеану грозила опасность потерять репутацию самого преступного города, поскольку появился такой конкурент, как Чикаго. Через несколько лет «Черная рука» вышла за рамки своей традиционной деятельности и пустила корни в самых различных сферах торговли и ремесел. В то время как у Вердена и на Сомме крупные империалистические акулы вели борьбу за мировое господство, чикагские гангстеры — среди них итальянцы — не менее ожесточенно боролись за господство над городскими районами.

В 1916 г. гангстеры начали войну за 19-й район Чикаго, которую называли «кровавой». С 1888 г. этот район полностью находился под контролем Айрена Джона Пауэра и его банды. И когда Энтони д'Андреа,

бывший каторжник, бывший священник и содержатель публичного дома, вступил с ним в открытую борьбу, Пауэр полагал, что поступил очень умно, заключив с сицилийцем Франко Ломбардо союз. Однако в феврале 1916 г. д'Андреа был убит в пивной парнями Ломбардо. Пока Чикаго не созрел для безраздельного господства мафии.

УБИЙСТВО ЛЕЙТЕНАНТА ПОЛИЦИИ

«Черная рука» обосновалась и в Нью-Йорке, столице восточного побережья, захватив, по обычаю, контроль над портом и оптовой торговлей мясом, рыбой и фруктами. Нью-йоркская полиция впервые в истории Америки организовала специальный отдел по борьбе с мафией, во главе которого был поставлен лейтенант Джозеф (Джо) Петрозино, уроженец Палермо. Ребенком вместе с родителями Джо переселился в США и получил американское гражданство.

В начале 1909 г. шеф нью-йоркской полиции Теодор Бингхэм вызвал к себе Джо Петрозино и дал ему секретное задание изучить на месте методы работы мафии, установить каналы проникновения преступных элементов из Италии в США и, действуя в контакте с итальянской полицией, пресечь связи между сицилийской мафией и американской «Черной рукой».

В приподнятом настроении 27-летний лейтенант нью-йоркской полиции покинул Американский континент. Солидную долю усердия и честолубия молодого офицера полиции дополняло рекомендательное письмо шефа нью-йоркской полиции Бингхэма: «Лейтенанту Петрозино поручено произвести секретное расследование деятельности преступников итальянского происхождения, проживающих на территории Соединенных Штатов или имеющих намерение переселиться туда. Мы будем чрезвычайно признательны, если Вы сможете оказать лейтенанту Петрозино посильную помощь в его миссии...»

Секретный характер миссии требовал, чтобы лейтенант Петрозино путешествовал инкогнито. Поэтому ему был выдан паспорт на имя Гульельмо ди Симони. Прибыв в Рим, он нанес визиты министру внутренних дел Италии Пеано и шефу полиции Леонарди. Оба заверили лейтенанта в том, что окажут ему всемерную поддержку.

Заручившись этими обещаниями, 28 февраля Петро-

зино прибыл в Палермо. Там он остановился в первоклассном отеле «Отель де Франс» на пьядца Марина. Из соображений безопасности и конспирации корреспонденцию Петрозино отправлял через солидный банкирский дом «Банка коммерциале италяна».

Но все старания молодого лейтенанта полиции были обречены на неудачу: задолго до того, как Петрозино вступил на апельсиновый остров, глава сицилийской мафии дон Вито Кашо Ферро был предупрежден американским филиалом о секретной миссии американского детектива. Дон Вито, прошедший в молодости «курс обучения» в американской «Черной руке», ни на минуту не упускал Петрозино из виду. Его люди следили за каждым шагом американца. Его первое донесение нью-йоркской полиции также попало в их руки. Петрозино, усиленно искавший в Палермо контакты с посредниками мафии, не догадывался, что за каждым окошечком высокоавторитетного «Банка коммерциале италяна» сидел член «Общества чести». Мафиози, неотступно следившие за Петрозино, вскоре обнаружили его особый интерес к достопримечательностям Палермо, и, когда они донесли об этом почтенному дону Вито, глава мафии принял дьявольское решение.

12 марта один из агентов сообщил дону Вито, что шпик Петрозино направляется к памятнику Гарибальди на пьядца Марина. В это время дон обедал у своего друга. Он попросил у хозяина извинения за то, что вынужден будет ненадолго отлучиться. Дон Вито застал Петрозино у памятника герою борьбы за освобождение Италии и хладнокровно, четырьмя выстрелами из револьвера убил лейтенанта нью-йоркской полиции. Затем главарь сицилийской мафии не спеша сел в пролетку, на которой приехал, и возвратился к своему другу, чтобы продолжить обед. Более сотни человек находилось на пьядца Марина в момент совершения этого преступления. Однако, когда полиция стала искать свидетелей, одни не слышали даже выстрелов, другие, к сожалению, не видели преступника, а третьи не узнали его. Омерта надежно защитила дону Вито.

Во всех нью-йоркских газетах появилось под крупными заголовками сообщение о гибели Петрозино. Президент США Теодор Рузвельт лично почтил память убитого офицера полиции. Вдова Петрозино получила за своего мужа золотые часы и ежегодную пенсию 1000 долларов. Шеф нью-йоркской полиции Бингхэм по

поводу гибели своего сотрудника, который так и не выполнил в Палермо порученного ему дела, ограничился суровыми словами предостережения: «Я надеюсь, что это убийство отчетливо показало американскому народу всю серьезность опасности, которую представляет для нас мафия».

Шеф полиции Палермо клятвенно заверил американские власти, что сделает все от него зависящее для ареста убийц Джо Петрозино; однако дальше заверений дело не пошло, убийцы так и не были найдены.

Еще долгое время после этого случая сицилийские мафиози, смакуя подробности, рассказывали притчу о «гениальной проделке» почтенного дона Вито, который собственноручно проучил полицейского шпиика из Америки.

ВЗЛЕТ АЛЬ КАПОНЕ

Джонсон. Я думаю, у настоящего рэкетира не должно быть угрызений совести, да и самой совести. Он должен быть уверен, что делает такое же дело, как и все остальные люди.

Сенатор Коупленд. По его мнению, он ничем не хуже некоторых финансовых тузов?

Джонсон. Именно так он и полагает.

Из допроса Альберта В. Джонсона, судьи из Льюисбурга, штат Пенсильвания, в сенатской комиссии Коупленда, 1934 г.

16 января 1920 г. в Соединенных Штатах вступила в силу 18-я поправка к конституции страны, принятая в конгрессе большинством голосов. Первый раздел гласил: «...после ратификации настоящей статьи в Соединенных Штатах и на всех подвластных им территориях запрещаются производство, продажа или перевозка, а также ввоз или вывоз опьяняющих напитков для потребления».

16 января 1920 г. в городе Норфолк, штат Вирджиния, евангелист Билли Санди во время церемонии символического погребения гроба с Джоном Ячменное Зерно, олицетворением опьяняющих напитков, произнес вдохновенную проповедь. Патетически воздев руки, Санди воскликнул: «Прощай, Джон! Ты был подлинным врагом бога и другом дьявола! Я всей душой ненавижу тебя!»

16 января 1920 г. в Соединенных Штатах был введен «сухой закон». Легально нельзя было хранить ни ячменное пиво, ни виски. Однако не все граждане в «богом избранной стране» ненавидели до глубины души алкоголь. Напротив, люди, не проявлявшие ранее интереса к алкоголю, после запрета начали выпивать. Спрос на горячительные напитки стал выше, чем прежде. В алкогольной индустрии появились новые понятия: муншайнер, бутлеггер, спикизи. Муншайнер¹ — подпольный самогонщик — тайно, по ночам, при свете луны, изготавливал виски. Бутлеггер² — контрабандист — доставлял в страну запрещенное зелье через океан или через

¹ От Moonshine (амер. разг.) — самогон, контрабандный спирт.

² От Boot-leg (англ. жарг.) — «нелегально торговать спиртным».

канадскую границу. В спикизи¹ — нелегальном притоне — шепотом с многозначительным подмигиванием заказывали чай и в чайной чашке получали горячительный напиток. На нелегальной торговле алкогольными напитками можно было заработать фантастические прибыли. Бутылка виски, приобретенная за 15 долл. за пределами США, приносила прибыль от 70 до 80 долл. Однако контрабанда алкогольных напитков была отнюдь не безопасным занятием. В борьбе с полицией приходилось прибегать к всевозможным уловкам, и прежде всего нужно было иметь хорошо налаженную организацию. Таким образом, торговля алкогольными напитками стала сферой деятельности растущих как на дрожжах или уже существовавших гангстерских банд. Лишь они могли скоординировать множество «професий», связанных с торговлей алкоголем.

В этом деле нужен был моряк, который бы доставлял виски через море или океан. Банда должна была быть уверена в том, что он, получив для оплаты товара несколько десятков тысяч долларов, не возвратится с пустыми руками и не расскажет какую-нибудь историю о нападении, во время которого у него отняли все деньги. Далее, необходим был владелец грузовика, который находился бы вне подозрений у полиции и к тому же сумел бы подкупить полицейского, дать ему сколько следует — не слишком много, но и не слишком мало. Наконец, следовало создать обширный аппарат для продажи товара.

Еще в 1921 г. гангстеры вошли в большой бизнес. На время Чикаго стал столицей алкогольной контрабанды. В число банд, занимавшихся этим бизнесом, входила также «Черная рука». В лице Большого Джима — Колозимо она долгое время имела опытного и осторожного вожака. В 1915 г. другой мафиозо, Джонни Торрио, переселился из Нью-Йорка в Чикаго и дослужился здесь до адъютанта Колозимо. В Нью-Йорке с 1911 г. он держал под жестким контролем порт, за что получил кличку Грозный Джон.

В 20-х годах в Чикаго проживало уже около 130 тыс. итальянцев, составлявших надежный источник для дальнейшего расширения власти «Черной руки». К моменту вступления в силу «сухого закона», запрета на изготовление и сбыт спиртных напитков, Колозимо уже

¹ От *Speak easy* (англ.) — «тихо говорить».

держал под своим контролем северную часть Чикаго. Именно в эти годы Торрио вызвал из Нью-Йорка молодого Аль (Альфонса) Капоне, который оказывал ему услуги в Нью-Йорке.

Капоне не был сицилийцем, он родился в Неаполе в 1899 г., позднее вместе с родителями эмигрировал в Америку. Альфонс вырос в «Малой Италии» в Нью-Йорке, в трущобах итальянского гетто, где нашли прибежище нищие иммигранты из Сицилии. Для преступлений здесь была особенно благодатная почва. Подростком Капоне входил в молодежную банду, члены которой, следуя примеру взрослых, обкрадывали овощные лавки. В одной из драк он получил глубокую ножевую рану на левой щеке. С этих пор Альфонс носил кличку Меченый. Молодой мафиозо был принят в банду Грозного Джона. С этого времени Торрио становится кумиром Капоне, со своей стороны Торрио убеждается в способностях молодого мафиозо.

РЕЗНЯ В ДЕНЬ СВ. ВАЛЕНТИНА

В 1920 г. Колозимо был убит. Его дело наследовал Джонни Торрио. К тому времени доход мафии Чикаго составлял около 100 тыс. долл. в неделю. Со смертью Колозимо борьба между конкурирующими бандами не окончилась. Основным противником была банда Дайона О'Бениона, состоявшая главным образом из ирландских иммигрантов. Торрио и его адъютант Капоне решили нанести соперникам уничтожающий удар. Несколько мафиози, специализировавшихся на убийствах, — триггермены¹, называемые так потому, что они постоянно держали палец на спусковом крючке пистолета, или, как их еще называли, торпедос, получили от них особое задание. В 1924 г. чикагский «пивной король» Дайон О'Бенион умер от нескольких точных выстрелов, прогремевших в то время, когда с букетом сирени в руках он выходил из цветочного магазина.

Банда О'Бениона замышляла месть. Хайми Вайс, преемник убитого, хотел собственноручно прикончить Торрио. В своей акции он использовал новое в гангстерской среде оружие — автомат. Из своего автомобиля Вайс обстрелял автомобиль Торрио. Шофер дона чикагской мафии скончался на месте, однако сам Грозный

¹ От Trigger (англ.) — «спусковой крючок».

Джон отделался лишь парой дырок в шляпе. Несколько дней спустя в подъезде одного дома триггермены банды О'Бениона вновь устроили засаду. На этот раз они стреляли точнее: из пятидесяти выпущенных по Грозному Джону пуль три достигли цели. Месяц глава чикагской мафии находился между жизнью и смертью. Выйдя из больницы, Торрио решил оставить дела. У него было достаточно денег для беззаботной жизни. Впоследствии он еще долго помогал мафиози своими советами. Трон босса чикагских мафиози был свободен.

Перед уходом в отставку Торрио собрал всех капи. К тому времени мафиози Чикаго возродили у себя старые традиции Сицилии: четкую иерархию с доном во главе и подчинявшимися ему капи — «лейтенантами», как назвали их американские газеты. Торрио внес сенсационное предложение: его преемником должен стать Капоне. Конечно, в бандах мафии было много несицилийцев и даже неитальянцев. Однако, для того чтобы занять командный пост, до сих пор было необходимо обязательно быть родом с острова в Средиземном море. Торрио описал высокие достоинства своего протеже — его осмотрительность, организаторский талант. Капи приняли его предложение. Это был единственный в истории мафии случай, когда несицилиец был произведен в доны.

Меченый, Капоне, неаполитанец, оправдал ожидания братьев по мафии. Американская общественность могла догадаться о смене трона мафии в городе на озере Мичиган по полицейским отчетам. Война гангстеров приняла невиданные до сих пор размеры. Только между 1924 и 1929 гг. в Чикаго было застрелено более пятисот гангстеров. Капоне беспощадно истребил банду О'Бениона, банды Доуэрты и Билла Морана. К автоматам присоединились пулеметы и ручные гранаты. В гангстерскую практику вошли устанавливаемые в автомобилях взрывные устройства, которые срабатывали после включения стартера.

Начало этой серии убийств вошло в историю американской криминалистики под названием «Резня в день св. Валентина». Операцию Аль Капоне назначил на 14 февраля 1924 г. Этот день случайно совпал с церковным праздником св. Валентина. В назначенный час члены банды Капоне в форме чикагских полицейских ворвались в гараж, где банда Морана организовала склад контрабандного виски. Люди Морана, захвачен-

ные врасплох, подняли руки вверх, будучи убеждены в подлинности полицейских. Покорно выстроились они у стенки, но вместо ожидаемого обыска раздались выстрелы. Семь человек были убиты, среди них и главарь банды Жук — Моран. Привлеченные выстрелами прохожие столпились перед гаражом. Они были чрезмерно удивлены расторопностью блюстителей порядка, когда парни Капоне в новой, как с иголки, форме покинули место кровавой бойни.

ПОЯВЛЕНИЕ РЭКЕТА

«Способности» Аль Капоне не ограничились организацией убийств. У него был особый нюх на бизнес, он видел возможности для выгодного вложения прибылей от контрабанды спиртными напитками. Капоне стал подлинным изобретателем рэкета, проводимого в широких масштабах.

Первоначально слово «рэкет» не имело того значения, которое приобрело позднее. Согласно одной из версий, оно происходит от английского «рэкит» — «ракетка», изготовление которой в 1897 г. было монополизировано в Чикаго. По другой — считается, что это понятие возникло в конце прошлого века, когда некоторые клубы в Нью-Йорке имели обыкновение устраивать балы, которые называли «рэкиты» (ракеты). Продажа билетов на балы была основным источником доходов этих клубов. Администрации клубов приходилось обычно немного «содействовать» продаже, вынуждая людей покупать билеты.

Обратив внимание мафии на возможность организации рэкета в широких масштабах и введя его впервые в Чикаго, Капоне использовал в работе опыт, накопленный в свое время «Черной рукой»: банановую «пошлину» в Новом Орлеане и мясную торговлю в Сент-Луисе. Рэкетеры тех лет действовали таким образом: парни из банды Капоне обходили, к примеру, несколько сот прачечных Чикаго, заявляя при этом их владельцам, что хотели бы получать всего десять долларов в месяц «вознаграждения за охрану». Если хозяева платить не желали, то они лишались защиты. А это означало разбитые витрины, двери, облитые кислотой, сорванные вывески, испорченное белье клиентов. Вскоре платить стали все.

Эти методы можно было использовать «по вертика-

ли» — в различных видах ремесел и торговли — и «по горизонтали» — внутри какой-либо одной отрасли. Так Капоне открыл для мафии новый источник доходов. Сначала его банда взялась за «охрану» публичных домов, со временем доведя эту систему до совершенства. Основой бизнеса было: 50 процентов — мафии, 50 — проституткам. Но это отнюдь не означало, что возможности извлечения мафией прибылей из этой отрасли были полностью исчерпаны. Проститутки эксплуатировались как рабыни, и полиция с полным правом говорила о «белом рабстве». В этой связи интересны показания одной проститутки: «Я заколачиваю 556 долларов в неделю. Половину из них загребает хозяйка дома, значит, остается 278 долларов. 25 долларов, хочешь не хочешь, нужно отдать Казери, моему посреднику в этом доме, и 36 долларов — Перуччио, который меня туда устроил. 15 долларов уходит на жратву, 5 долларов я плачу за еженедельный врачебный осмотр, 25 долларов вымогают у нас для какого-нибудь «политического фонда», 10 долларов — за билеты на спортивный праздник копов, 10 долларов — на пикник шерифу, 50 долларов уходит на очередное вечернее платье, которые постоянно навязывает одна из банд. Хозяйка дома сказала нам, что мы должны покупать их, или банда поднимет дом на воздух. Я не говорю уже о том, что каждые два дня должна укладывать волосы,— это доставляет огромную радость какому-нибудь местному политикану, а мне обходится в 15 долларов в неделю. Прибавьте к тому же еще примерно 4 доллара за проезд на транспорте. Комната обходится мне в 10 долларов. Однажды мы узнали, что пара полицейских собирается организовать в доме облаву, и это обошлось нам по пятерке с носа, вычтите и их тоже. Таким образом, мои недельные расходы составляют 221,30 доллара, значит, мне достается 56,70 доллара; их, разумеется, я отдаю Раймонду, своему сутенеру, которого обычно встречаю в конце недели. Тогда мы идем куда-нибудь и напиваемся вдрызг».

Почему, спрашивается, эти преступления: убийства, нелегальная торговля спиртными напитками, вымогательство, эксплуатация проституток — могли происходить безнаказанно? Надо сказать, что Аль Капоне довел налаженную его предшественниками систему до совершенства. При гигантских прибылях его организации Аль Капоне мог позволить себе купить не только всю полицию, но и большинство политических деятелей города

в придачу. К немалому удивлению чикагцев, защитником на судебном процессе Торрио, на котором он, разумеется, был оправдан, выступил близкий друг председателя демократической партии Чикаго. Как выяснилось позднее, Аль Капоне имел обыкновение такие связи расширять, о чем свидетельствовало несколько примечательных документов, обнаруженных властями в связи со скандальными разоблачениями тесного сотрудничества мафии с американским правосудием. Среди них было и письмо чикагского судьи Джонсона Максу Вольпе, одному из капи банды Аль Капоне: «Дорогой Макс! Благодарю вас за помощь, оказанную мне в день выборов. Вы, как нельзя лучше, позаботились о их проведении. Без вас я бы не смог выйти с честью из затруднительного положения, в котором находился. Спасибо, старина! Я никогда этого не забуду. Надеюсь на скорую встречу с вами».

Влияние Аль Капоне было столь велико, что к нему, как утверждали, обратились даже за консультацией по поводу проведения президентских выборов 1928 г., опасаясь вмешательства мафии в ход предвыборной кампании. Во всяком случае между Фрэнком Дж. Лотшем, шефом чикагской уголовной полиции, задачей которого являлась борьба с преступностью, и «великим Капоне» состоялась приватная дружеская беседа. Капоне обещал Лотшу держаться в стороне от президентских выборов. Что предложил Лотш в качестве ответной услуги — история умалчивает. Однако в те годы отказ мафии от участия в предвыборной президентской кампании играл лишь второстепенную роль и отнюдь не означал, что претенденты на высшую в Америке государственную должность вообще не воспользовались помощью гангстеров. По единодушному мнению прессы, мафия была лишь частью широко разветвленной организованной преступности.

ЖЕНА МАФИОЗО ХРАНИТ МОЛЧАНИЕ

Агентов службы «сухого закона», в задачу которых входил контроль за соблюдением 18-й поправки к Конституции США, Капоне также крепко держал в руках. Агент, которому государство платило за его труд 44 доллара в неделю, получал от другой заинтересованной стороны в два-три раза больше, если смотрел на свои

обязанности сквозь пальцы. Надо сказать, многие из них так и поступали.

И если полиции в те времена Аль Капоне совершенно не боялся, то у него были основания опасаться своих дружков из Нью-Йорка. В середине 20-х годов мафии как всеобъемлющей, единой организации в США еще не существовало. Местные банды мафии — «семьи» — не были связаны друг с другом и, забывая о национальной общности, ожесточенно боролись между собой за сферы влияния. Одним из нью-йоркских главарей мафии звали Джузеппе Айелло.

Айелло люто ненавидел Меченого, Капоне, так как не смог смириться с мыслью, что во главе «семьи» мафии стоит несицилиец, который командует сицилийцами. Поначалу эта ненависть Айелло проявилась в косвенных действиях против Капоне. В городе Сисеро, близ Чикаго, парни Айелло пристрелили коммерсанта Антонио Ломбарди, которого Капоне сделал своим капо. Следующее покушение — на закадычного друга и соратника Аль Капоне Паскуале Лолардо — было организовано Айелло в традиционном стиле мафии.

Парни Джузеппе Айелло навестили Лолардо в его прекрасно обставленной чикагской квартире, представившись деловыми партнерами одного общего знакомого в Нью-Йорке. Они принесли с собой подарок и цветы для жены Лолардо. Она сервировала столик, поставила вино и скрылась на кухне, чтобы не мешать мужу разговаривать о «делах». Жена Лолардо возилась на кухне, как вдруг услышала выстрелы. Она бросилась в комнату. На полу в луже крови с размозженной головой лежал ее муж. «Знакомые» из Нью-Йорка исчезли.

Сгоряча жена Лолардо описала полицейским приметы одного из убийц. Однако позднее она отказалась от своих показаний, заявив, что ничего не знает. Жены мафиози также обязаны соблюдать закон молчания.

Джузеппе Айелло не остановился на этих «предостережениях». Он попытался разложить банду Аль Капоне изнутри. За крупную сумму босс нью-йоркской мафии подкупил двух доверенных людей Капоне — Джованни Скаличе и Альберто Ансельмо. Оба они вместе с братьями Дженна работали в отделе бутлеггеров чикагской мафии, и, надо сказать, с большим успехом. Братья Дженна являлись владельцами внешне ничем не примечательной и вполне легальной фирмы, которая служила прикрытием для их бизнеса спиртными напитками.

Братья-мафиози командовали практически всей полицией городского района. Еженедельно служащие полиции выстраивались в очередь к кассе фирмы братьев Дженна. Там выплата взяток контролировалась с помощью списка, доставлявшегося специальным посыльным из полицейского управления на Максвелл-стрит.

Два детектива, не входившие в этот список, попытались провалить фирму братьев Дженна. Их постигла печальная участь: они погибли от выстрелов Ансельмо и Скаличе. На судебном процессе, как этого и следовало ожидать в Чикаго, убийцы были оправданы. Однако в ходе судебного разбирательства всплыли данные о коррупции полиции в «Дженна-лэнде» — «вотчине братьев Дженна», как называла народная молва этот городской район, поэтому власти были вынуждены принять «строгие меры»: уличенных в коррупции полицейских... перевели на другие участки.

К Скаличе и Ансельмо вскоре присоединился Джузеппе Джунтас, которого они рекомендовали на руководящий пост чикагской мафии. Аль Капоне поручил своей организации «Джи-2»¹ прощупать Джунтаса. Эта организация была новейшим изобретением Капоне и представляла собой службу информации, шпионажа и контршпионажа. Парикмахеры и бармены, служащие отелей, портые и чистильщики обуви, служащие мэрии, полицейские и шоферы такси во всем Чикаго знали номер телефона на тот случай, если они могли сообщить «великому Капоне» что-либо интересное. Вскоре «Джи-2» установила: Джузеппе Джунтас был у Джузеппе Айелло «торпедос» — исполнителем смертных приговоров, которому было поручено при удобных обстоятельствах прикончить Аль Капоне и захватить власть в чикагской мафии в качестве «вице-короля» нью-йоркской банды Айелло. Скаличе и Ансельмо должны были помочь ему при захвате власти.

КРОВАВЫЙ ОБЕД

Аль Капоне пригласил всех мафиози на торжественный обед. Предлогом послужило назначение Джунтаса на должность капо. Мафиози собрались в банкетном зале ресторана. Предварительно они были проинструктированы Аль Капоне, как себя вести. «Великий Капоне»

¹ Позднее аналогичная служба была создана в ФБР. (Прим. пер.)

лично принимал гостей, любезно улыбался всем, для каждого находил дружеское слово, крепко пожимал руки и был особенно учтив и приветлив со Скаличе, Ансельмо и Джунтасом. Принесли традиционные блюда со спагетти, благоухающую пиццу, пузатые бутылки с кьянти.

Как почетный гость Джунтас занял место во главе стола, Скаличе и Ансельмо, «заслужившие» повышение, сели по обе стороны от него.

Капоне поднялся с бокалом шампанского в руке. Все напряженно ожидали тоста. Однако неожиданно улыбка исчезла с его лица, оно страшно исказилось, стало мертвенно-бледным, шрам на левой щеке налился кровью. «Предатели! Дерьмо! Вонючие собаки!» — истошно заорал он и бросил бокал в лицо оцепеневшему Джунтасу. Другой рукой Капоне достал из-под стола тяжелую бейсбольную битую. Участники банкета выхватили пистолеты и направили их на трех предателей. Капоне медленно обошел вокруг стола и остановился позади Скаличе. Затем он несколько раз ударил его по голове тяжелой битой. Так же Капоне разделался с Джунтасом и Ансельмо.

После этого «король Чикаго» бросил окровавленную бейсбольную битую на пол, сделал своим «солдатам» знак, чтобы они убрали трупы, и стремительно вышел из зала. Ансельмо и Джунтас были еще живы. Мафиози пристрелили их.

На следующий день на шоссе недалеко от Чикаго в придорожной канаве полиция нашла три трупа. Имя убийцы было известно всем. Однако никаких улик против него не было.

После совершения этого убийства прошло несколько недель. Доны мафии в разных концах Соединенных Штатов получили приглашение приехать в Атлантик-Сити, где гангстеры наметили провести конференцию. Все банды мафии в США: в Нью-Йорке, Детройте, Чикаго, Кливленде, в Филадельфии и Бостоне, в Сент-Луисе и Новом Орлеане — направили на нее своих представителей. Главарь мафии Чикаго Аль Капоне хотел приступить к осуществлению идеи своего предшественника Джонни Торрио: разделить и разграничить сферы влияния, договориться о взаимной помощи и постоянном сотрудничестве и навсегда положить конец борьбе мафиози между собой. Насущную необходимость решения этих вопросов убедительно показали

донам неудача интриги Айелло и три убийства мафиози, последовавшие за ней. В то же самое время нью-йоркская мафия на деле доказала, сколь полезными могут быть согласованные действия отдельных гангстерских банд.

Основателем нью-йоркской мафии принято считать Игнацио Сайетту, по прозвищу Лупо — Волк. В 1899 г. он был вынужден бежать с Сицилии из-за совершенного там убийства. Вместе со своим зятем Джузеппе Морелло он организовал из сицилийцев первую в Нью-Йорке банду мафии. В квартале Ист-Гарлем банда переоборудовала под штаб-квартиру бывшую конюшню. Как позднее заявил полицейский, эта конюшня «видела больше убийств, чем лошадей». Вначале банда Сайетты ограничивалась грабежами соотечественников, о которых было достоверно известно, что после первой же попытки шантажа они не побегут в полицию жаловаться. По эту сторону Атлантики также действовала омерта́, непреложный закон мафии: кто не молчит, тот должен умереть! Даже пасынок Морелло не избежал мучительной смерти за нарушение этой первой заповеди «Общества чести».

Но однажды Сайетта совершил роковую ошибку: он подделал банкноты. Расплатой за это было тридцать лет каторжной тюрьмы. Наследие принял Чиро Терранова, «король артишоков» Нью-Йорка, который с помощью хорошо организованного рэкета контролировал все овощные лавки города. Однако Терранова ограничился контролем только над частью нью-йоркской мафии, не претендуя на большее. Он считал, что и этого вполне достаточно. В других районах Нью-Йорка каждый кап — Айелло, Валентино и все прочие — создал свою собственную империю. Таким образом, борьба за наследство — Нижний город, районы Манхэттен и Бруклин — была неизбежной.

ДЖО БОСС И ЕГО ВИЦЕ-КОРОЛИ

На трон короля Нижнего города претендовал смелый молодой мафиозо. Это был Джузеппе Массерия, эмигрировавший из Сицилии в 1907 г. За решительность, которую он проявил в борьбе за власть в своей «семье» мафии, дружки прозвали его Джо Босс. Разумеется, ни один из конкурентов не собирался без борьбы уступить желанный трон. Среди них был Умберто Валентино,

опытный бутлеггер, мечтавший стать властителем обеих частей города. Для подкрепления претензий он мобилизовал всех своих приверженцев. Теперь наступила очередь Нью-Йорка пережить войну гангстеров.

Джузеппе Массериа предложил Валентино пойти на мировую. «Конференция» состоялась с глазу на глаз на углу малолюдной улицы. Рукопожатием Массериа и Валентино скрепили перемирие и разошлись как старые знакомые. Однако уже на ближайшем перекрестке Валентино поджидали триггермены из банды Массериа. Когда раздался первый выстрел, Валентино выбежал на проезжую часть улицы и остановил такси. Он с трудом открыл дверцу машины и тут же тяжело рухнул на землю: в его спину была разряжена целая обойма. Отныне Массериа мог с полным правом называть себя Джо Босс.

Для того чтобы лучше управлять своей империей, Массериа назначил двух «вице-королей»: в Бруклине — Фрэнки Уэйла, который в 1920 г. застрелил главаря чикагского преступного мира Колозимо, а в Манхэттене — некоего Сальваторе Луканиа, которому позднее под кличками Чарли или Счастливчик Лучано еще предстояло сыграть видную роль в истории развития мафии.

Лучано родился 24 февраля 1897 г. в сицилийском городке Леркара-Фридди в семье горняка. В 1907 г. его семья эмигрировала в США. Сальваторе проходил «учебу» в бандах подростков в том же самом районе Нью-Йорка, что и Джонни Торрио и Аль Капоне. Трудовую деятельность Лучано начал с простого рабочего с недельным заработком семь долларов при десятичасовом рабочем дне и позднее примкнул к одной из банд. Приблизительно в 1920 г. мафия обратила на него внимание. Лучано помогал Джо Массериа в борьбе за власть в Манхэттене и Бруклине; он был даже не капо, а правой рукой Массериа. Именно Лучано предложил основать «Даунтаун риэлти компани» — мнимую фирму, под прикрытием которой мафия могла заниматься нелегальным алкогольным бизнесом. Лучано приобрел аптекарский магазин, в котором можно было сбывать спиртные напитки и наркотики. В то время он дважды вступал в конфликт с полицией: первый раз из-за торговли наркотиками, второй — из-за нелегального ношения оружия. В обоих случаях он вышел сухим из воды.

Смелым ходом Сальваторе Лучано повысил свои

шансы на замещение вакансии главаря мафии в будущем. Образцом ему послужил нередкий в американской промышленности процесс концентрации капитала: четыре гигантских чикагских концерна — «Армур», «Свифт», «Морис Нельсон» и «Хаммонд», изготавливавшие все виды мясных консервов, объединились в трест. Сообща они держали рынок в своих руках и диктовали цены. Трест — вот гениальное решение и в алкогольном нелегальном бизнесе.

ТРЕСТ КОНТРАБАНДНОЙ ТОРГОВЛИ ВИСКИ

Лучано устраивал, обсуждал, убеждал, организовывал. Вскоре на свет появилась «Большая семерка» — супертрест гангстеров, который впоследствии контролировал всю торговлю запрещенными в то время в США спиртными напитками. Мафию в этом тресте представляли Сальваторе Лучано, Джонни Торрио и Джо Адонис. Компаньонами были «Нью-Йорк индипендентс» и «Независимые бутлеггеры Нью-Йорка» — гангстерская шайка Зигеля — Лански и группы контрабандистов виски Нью-Джерси, Бостона, Род-Айленда и Атлантик-Сити.

С тех пор не было в США капли алкоголя, доставленной из-за Атлантического океана, которая не прошла бы через руки «Большой семерки». Трест гангстеров имел собственный флот, собственную охрану, собственные перевалочные пункты и склады в Канаде и на Багамских островах. Штаб-квартира «Большой семерки» находилась в отеле на Лексингтон-авеню в центре Нью-Йорка. Оттуда контрабандисты поддерживали радиосвязь со своими радиостанциями на французских островах Сен-Пьер и Микелон близ Ньюфаундленда и в городе Нассау на Багамских островах. В поступавших в штаб-квартиру шифрованных радиограммах сообщалось о времени отправления и прибытия судов с контрабандным товаром, содержались сведения о количестве и качестве груза, о ценах и соответствующих методах приема контрабанды.

«Большая семерка» работала с той же деловитостью, что и любой капиталистический трест. Она устанавливала единые обязательные цены, определяла ввозные квоты на контрабандное виски, для того чтобы держать цены на рынке, следила за тем, чтобы отдельные группы контрабандистов не нарушали границ отведенных для

них участков торговли. Подобно крупным концернам, через своих лоббистов «Большая семерка» покупала политиков. Гангстерский трест щедро платил также полицейским и таможенникам, солдатам и офицерам американской береговой охраны.

Словом, «оборона» обеспечивалась прочно, и лишь в редких случаях происходили срывы. Так, однажды «Клип», один из принадлежавших «Большой семерке» торпедных катеров, среди бела дня на берегу Гудзона в Нью-Йорке разгружал контрабандный товар. Тут-то его и накрыла береговая охрана. Однако моряков береговой охраны, собравшихся было арестовать контрабандистов, ожидал «сюрприз»: они были встречены плотным огнем из тяжелых пулеметов. Удивление их возросло еще больше, когда обнаружилось, что нарушителям ответный огонь нипочем: толстые листы брони надежно защищали торпедный катер контрабандистов.

За годы деятельности «Большой семерки» американским властям лишь один-единственный раз удалось конфисковать крупную партию товара. И произошло это не в результате тонко задуманной операции по розыску преступников или изощренной полицейской тактики, а благодаря слепой случайности.

Удар по гангстерам полиции удалось нанести в ночь с 22 на 23 августа 1927 г. На 23 августа американские власти назначили смертную казнь, вызвавшую гнев и возмущение всей мировой общественности. Уже несколько лет два иммигранта-итальянца находились в камере смертников бостонской тюрьмы по обвинению в убийстве, которого они никогда не совершали. Нет, это были не Колозимо, Торрио или Капоне, а рабочие-активисты Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти. Уголовников всех мастей американская полиция и юстиция брали лайковыми перчатками, с рабочими же и их жожаками они обращались жестоко, вплоть до нарушения законов. Гангстеры в какой-то степени принадлежали к капиталистической системе, рабочие и их организации, напротив, угрожали этой системе, системе легальной и противозаконной преступности. Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти стали жертвами провокации и были осуждены на основе сфальсифицированных улик и лжесвидетельств. Уже несколько раз назначался срок приведения смертного приговора в исполнение, но каждый раз трудящимся всего мира, гневно протестовавшим на

массовых митингах против этого злодеяния, удавалось остановить руку палача. Однако вопреки единодушному требованию мировой общественности отменить принятое судебное решение американские власти назначили окончательный срок казни двух ни в чем не повинных итальянцев. Ожидая в день казни Сакко и Ванцетти новых демонстраций и массовых выступлений рабочих, полиция объявила всеобщую готовность. Усиленные наряды полицейских непрерывно патрулировали по улицам. Всем полицейским было строго приказано о каждом происшествии и любом подозрительном замечании немедленно сообщать в полицейское управление.

Только по этой причине какой-то полицейский обратил внимание на лодку, которая с погашенными огнями держала курс на остров Статен и наконец бесшумно причалила к берегу. Полицейский быстро смекнул, что здесь дело не чисто, и побежал к ближайшему телефонному автомату. Позднее этот полицейский заявил репортерам: «Я думал, что это русские агенты!»

Контрабандисты выгрузили бочонки виски, взвалили их на плечи и, ничего не подозревая, направились прямо в руки оперативно прибывшего наряда полиции.

ЧТО ПРОИЗОШЛО С САЛЬВАТОРЕ ЛУЧАНО?

Вскоре Сальваторе Лучано, подавший идею создания алкогольного треста, встал во главе «Большой семерки». Влиятельный пост, который он занимал в гангстерском тресте, не только принес с собой огромную власть, но и вызвал зависть тех, кого Лучано обошел. «Большая семерка» была мощным картелем гангстеров, однако в ней были представлены далеко не все «семьи» мафии. Этой-то части мафии не по нутру был неожиданный взлет Лучано.

Однажды утром в начале 1929 г. полицейский патруль задержал мужчину, который, шатаясь из стороны в сторону, словно пьяный, шел по шоссе на Литтл-Хьюгенот-Бич, недалеко от острова Статен. Этот субъект действительно выглядел подозрительно: его одежда была разорвана, лицо в крови, на руке колотая ножевая рана. Полицейские доставили задержанного в больницу. Едва его перевязали и привели в чувство, как за него принялись несколько детективов. Ведь этого человека звали Сальваторе Лучано!

Что же произошло с могущественным боссом «Большой семерки»? Пожалуй, это навсегда останется тайной. Можно строить только предположения. Во всяком случае показания Лучано, данные детективам, не слишком-то проливали свет на это дело. Вот что он рассказал на допросе: «Я стоял на углу 50-й стрит и 6-й авеню и поджидал знакомую девушку. Неожиданно ко мне подъехал автомобиль с зашторенными окнами. Из него вышли трое мужчин. Они выхватили пистолеты и втолкнули меня в машину, надели наручники и заткнули рот тряпкой. Где-то за городом они остановились, вытолкнули меня из машины, долго били меня кулаками и ногами, ударили ножом, пытали горящими сигаретами. Затем я потерял сознание. Наверное, они подумали, что я умер. Во всяком случае, очнулся я утром на Хьюгенот-Бич».

«Кто были эти люди?» — спросил детектив.

«Ни разу в жизни я не встречал никого из них», — последовал ответ.

Сомнительно, чтобы Лучано, один из ведущих главарей мафии, дал полиции правдоподобные показания. О том, что произошло в действительности, можно лишь гадать.

Наиболее же достоверна версия, согласно которой нападение служило настойчивым предупреждением со стороны других донов американской мафии, чтобы Лучано не забывал, что он — мафиозо. Какой бы вес ни имела «Большая семерка», мафия должна стоять на первом месте. Наконец, мафия не могла смириться с тем, что в гигантской контрабанде виски она зарабатывала меньше многих несицилийских банд и что мафиози где-либо в Соединенных Штатах были урезаны в своих доходах. Как бы то ни было, но после этого случая дружки стали называть Лучано Лаки — Счастливчик, наивно полагая, что только благодаря счастливой случайности после этого нападения он остался в живых.

КОНФЕРЕНЦИЯ ГАНГСТЕРОВ

Такова была обстановка, когда Аль Капоне внес предложение о созыве большой конференции главарей мафии. За год до этого в Кливленде состоялась первая встреча. Курьезная случайность нарушила планы мафиози. Администратор отеля, в котором они остановились, при виде 21 постояльца в одинаковых костюмах и шляпах, подозрительно озиравших по сторонам, изумился на-

столько, что тут же позвонил в полицию. Во время обыска у каждого из них полицейские обнаружили пистолет, причем ни один из владельцев оружия не смог предъявить блюстителям порядка официального разрешения на его ношение. Таким образом, запланированная конференция мафии не состоялась, вместо этого собравшихся на нее приговорили к тюремному заключению, разумеется условно, и к денежному штрафу по 50 долл. с каждого.

В мае 1929 г. элита мафии приехала на роскошный приморский курорт Атлантик-Сити. На этот раз мафиози были более предусмотрительны. Повсюду их сопровождали телохранители, ни на миг не оставляя своих хозяев без присмотра. Под куртками у них на специальных ремнях наготове были кольца.

На этот раз Аль Капоне повел себя как дипломат высшего класса. Глядя на него, нельзя было подумать, что незадолго до этого он зверски убил бейсбольной битой нескольких мафиози из конкурирующей «семьи».

Капоне выложил собравшимся мафиози предложения — свои собственные и Джонни Торрио, духовного отца этой встречи. Он заявил, что необходимо наконец покончить с раздробленностью и соперничеством внутри мафии ради общего дела. Главарь чикагской мафии нарисовал картину, как организация, объединив свои силы, могла бы распространить свое влияние по всей стране. Он сказал, что «сухой закон» в скором времени может быть отменен и что необходимо подготовиться к этому моменту. Следовало открыть новые отрасли дохода: азартные игры, проституцию, рэкет, букмекерство, торговлю наркотиками.

На встрече в Атлантик-Сити мафиози согласовали конкретные мероприятия:

1. Американские банды мафии объединяются по образцу отечественной сицилийской мафии в единый союз, который отныне должен носить название «Коза ностра» («Наше дело»).

2. «Семьи» мафии образуются из отдельных банд.

3. Каждую «семью» возглавляет дон, который отдает приказы подчиненным ему капи.

4. Уже на этой конференции в Атлантик-Сити «Коза ностра» отводит отдельным «семьям» районы их действия, границы которых необходимо строго соблюдать.

5. Союз «Коза ностра» возглавляет верховный совет, в который входят все доны — главари «семей» мафии.

Этот совет улаживает все возникшие разногласия и конфликты.

6. Совместная работа с несицилийскими гангстерами не только возможна, но и желательна, для того чтобы поставить под контроль «Коза ностры» весь американский преступный мир. Однако в этой совместной работе в любом случае союзу «Коза ностра» отводится руководящая роль.

7. В «Коза ностре», как и в сицилийской мафии, действует омерта́, непреложный закон молчания.

Принятием этих пунктов «Коза ностра» создала свой неписаный кодекс. Под соглашением в Атлантик-Сити не стояло ни подписей, ни печати, оно не было даже зафиксировано на бумаге, и все же оно имело не меньшую силу, чем договор, заключенный у нотариуса.

«УСАТЫЕ» СХОДЯТ СО СЦЕНЫ

Что значит отмычка по сравнению с акциями? Что значит взлом в банке по сравнению с основанием банка?

Бертольт Брехт. Трехгрошовая опера

Неаполитанец Альфонс Капоне в Атлантик-Сити пережил час своего наивысшего триумфа. Однако вскоре после этого его настигла рука закона. На обратном пути в Чикаго ему пришлось несколько часов ожидать пересадки в Филадельфии. Чтобы как-то скоротать время, Капоне отправился со своими телохранителями в кино. После кино, когда главарь чикагской мафии возвращался на вокзал, его опознали и задержали два сотрудника уголовной полиции. При обыске в полицейском участке у него был найден пистолет в декоративно отделанной кобуре ручной работы. Капоне спокойно предъявил выданное ему в Чикаго разрешение на ношение оружия, уверенный в том, что после этого инцидент будет исчерпан.

«Сожалею, мистер Капоне,— спокойно сказал служащий полицейского управления.— Здесь этого недостаточно. Вы арестованы!»

Сложный правовой статус США мафия часто с большим успехом использовала ранее да и поныне извлекает из этого немалую выгоду. Преступления, наказуемые в одном штате Америки, не карались законом в других. За них могли преследовать лишь в том штате, в котором они были совершены, в соседнем штате рука закона уже не могла достать преступника. К тому же полицейская служба была организационно раздроблена: полиция крупных городов, шерифы в небольших общинах и полиция того или иного штата работали совершенно обособленно друг от друга. Федеральное бюро расследования, подчиняющееся правительству США, ничего не могло с этим поделать и принимало решительные меры лишь в тех случаях, когда нарушался государственный закон. Независимо от всех этих учреждений министерство финансов Соединенных Штатов через подчинявшееся ему налоговое управление, береговую охрану и службу по борьбе с контрабандой наркотиков решало те же задачи, что и полиция. Эта организационная путани-

ца была на руку организованной преступности, однако на этот раз дело обернулось иначе.

Полчаса спустя после обыска удивленный Капоне уже сидел в кабинете приветливо улыбавшегося шефа филладельфийской полиции. Капоне также пребывал в благодушном настроении. Он уверял, что вот уже несколько лет не имеет никаких связей с преступным миром, собственно говоря, он хотел перебраться во Флориду, чтобы уйти на покой. Разумеется, он нажил себе врагов, которые угрожали ему и его семье. Только поэтому он был вынужден постоянно носить при себе оружие.

Шеф филладельфийской полиции приятно улыбался. Улыбался Капоне. Улыбались полицейские, находившиеся в кабинете. Пожатие рук. Капоне повернулся, чтобы уйти. Тогда шеф полиции Филадельфии непринужденным тоном бросил своим подчиненным: «Увести!» А еще через сутки Капоне предстал перед судом присяжных и получил максимальный срок: год тюрьмы. На год всесильный босс мафии исчез за толстыми стенами тюрьмы Хольмсбург. Правда, как и многим влиятельным мафиози, ему была предоставлена льгота — работа в тюремной библиотеке.

Сообщение об аресте Аль Капоне вспугнуло весь американский преступный мир. Суеверные видели в этом роковую неизбежность: «В тринадцатый раз это не могло кончиться иначе!» До сих пор полиция двенадцать раз арестовывала Аль Капоне, двенадцать раз его отпускали и дело улаживалось с помощью денежного штрафа, который, естественно, абсолютно не обременял его:

- 1919 г. — в Нью-Йорке за телесное повреждение — дело прекращено;
- 1922 г. — в Чикаго за контрабанду алкогольных напитков — дело прекращено;
- 1923 г. — в Чикаго за нарушение правил уличного движения — дело прекращено;
- 1923 г. — в Чикаго за сводничество и азартные игры — 150 долл. штрафа;
- 1924 г. — в Чикаго за убийство — дело прекращено;
- 1925 г. — в штате Нью-Йорк за «хулиганские действия» — дело прекращено;
- 1926 г. — в городе Стикни, штат Иллинойс, за махинации во время проведения выборов — дело прекращено;

- 1926 г. — в Чикаго еще раз за контрабанду алкогольных напитков — вновь дело прекращено;
- 1926 г. — в Чикаго за убийство — жалоба взята истцами обратно;
- 1927 г. — в Чикаго за отказ от дачи свидетельских показаний — дело прекращено;
- 1927 г. — в городе Джолиет, штат Иллинойс, за хранение оружия без надлежащего разрешения — 2600 долл. штрафа;
- 1929 г. — во Флориде за неявку в суд без уважительной причины — денежный штраф.

Пока Капоне отбывал положенный срок наказания (в это время мафией Чикаго управлял его брат Ральф), американское налоговое управление спокойно занялось его финансовыми делами. Основной целью расследования была оценка прибылей различных отделений «фирмы» Капоне. В итоге было установлено, что 50 тыс. долл. «фирма» получала от контрабанды алкоголя, 25 тыс. долл. — от запрещенных азартных игр, 10 тыс. долл. — от проституции. Во Флориде Капоне имел несколько вилл, яхты, самые современные и самые дорогие автомобили. Служащие налогового управления изучили его налоговые декларации. Гангстер мог как угодно нарушать уголовные законы, но при этом не должен забывать о своевременной уплате налогов!

Ценнейшую информацию служащие налогового управления получили от «Тайной шестерки» — объединения чикагских бизнесменов, искавших возможности противодействовать мафии, деятельность которой существенно снижала их собственные прибыли. «Тайная шестерка» подсчитала, что ежегодно на взятки полиции Капоне тратил 15 тыс. долл. Поэтому, проводя расследование, объединение чикагских бизнесменов, естественно, не ожидало поддержки со стороны местной полиции.

Расследование налогового управления было дополнительно затруднено еще и тем, что мафия вела расчеты наличными, причем в лице Якоба Гузика, по кличке Замусоленный Палец, Капоне имел отличного финансового советника. Гузик мастерски, как фокусник, жонглировал миллионами; они то бесследно исчезали, то неожиданно появлялись вновь. Покупка информации для мафии также не представляла проблем. На след преступников служащих налогового управления навел лишь случай, когда «война нервов» внесла смятение в ряды гангстеров.

«ВОЙНА НЕРВОВ» НА МИЧИГАН-АВЕНЮ

В 1930 г. Аль Капоне возвратился из тюремного заключения в Чикаго, где его ожидала поистине королевская встреча. Ему сразу же пришлось вступить в борьбу со своим заклятым врагом — Элиотом Нессом, служащим американского министерства юстиции. В результате трудной и кропотливой работы Несс разыскал тайные склады и пивоварни мафии и при помощи хитроумно спланированной операции молниеносно захватил их. За то время, что Капоне перебирал книги в тюрьме Хольмсбург, было ликвидировано более тридцати нелегальных заводов по изготовлению виски и тайных складов, оборудование стоимостью в несколько миллионов долларов и конфисковано более пятидесяти грузовиков, принадлежащих мафии.

Когда главарь мафии прибыл в «свой» город, Несс начал «войну нервов». Среди гангстеров он распустил слухи, которые должны были внести смуту в ряды мафиози и посеять недоверие к Капоне. Это обещало принести успех, поскольку нимб Меченого после неудачи в Филадельфии несколько померк.

Однажды в апартаментах Капоне в отеле Лексингтон на Мичиган-авеню зазвонил телефон. Незвестный сообщил: «В одиннадцать часов перед отелем произойдет нечто интересное».

Аль Капоне овладело любопытство. Из окна своего номера через жалюзи он незаметно мог наблюдать за Мичиган-авеню. С ним вместе наблюдали телохранители и друзья.

Ровно в 11 часов, на удивление мафиози, мимо отеля медленно проехала странная процессия: сорок пять мощных грузовиков, ранее принадлежавших мафии, а на них вооруженные до зубов полицейские. От этой картины «король Чикаго» пришел в бешенство и начал крушить все вокруг, при этом он кричал, что убьет Элиота Несса, как собаку.

Однако Несс остался жить. И не «война нервов» решила дальнейшую судьбу Капоне, а тихая и кропотливая работа Фрэнка Дж. Вильсона, агента налогового управления. Этот с виду ничем не приметный человек, специально посланный в Чикаго для расследования «дела Капоне», случайно завладел бухгалтерскими книгами игорного дома «Шип», предприятия с годовым

оборотом 3 млн долл. В течение нескольких месяцев Вильсон изучал почерки в книгах, сличал их с образцами почерков сотен чикагских гангстеров. Наконец он установил, что эти книги вел Луис Шамуэй, один из бухгалтеров и курьеров Аль Капоне. Шамуэй был поставлен служащими налогового управления перед дилеммой: либо немедленный арест, либо показания против Аль Капоне. Шамуэй выбрал последнее.

Однако Вильсон этим не удовлетворился. Он приказал наблюдать за неким Фрэдом Риссом, который ежедневно собирал выручку всех игорных домов в «Пайнкерт бэнк оф Чикаго», обменивал деньги на чеки. Когда эти чеки были переданы Аль Капоне, агент налогового управления замкнул последнее звено в цепи доказательств.

16 июня 1931 г. Аль Капоне, его брат Ральф и 68 других мафиози и гангстеров предстали перед судом присяжных по обвинению в уклонении от уплаты подоходного налога. Процесс начался с сенсации. Аль Капоне сразу сознался в 5000 случаях уклонения от уплаты налогов. Теоретически по американским законам за это его ожидало 25 000 лет тюремного заключения!

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ СТОЛОВАЯ ДЛЯ БЕДНЫХ

Легкость, с которой Аль Капоне сделал признание, не была случайностью, душевной слабостью или акцией благоразумия. Этому предшествовал длительный и обстоятельный торг между властями и адвокатами Капоне. Для покрытия задолженности по налогам адвокаты предложили 5 млн долл. Условия были приняты. Защитники Капоне предложили отсрочить слушание дела и освободить главаря мафии под залог. Суд пошел и на это.

30 июля 1931 г. состоялось второе слушание дела. Бросалась в глаза холодная сдержанность судьи, детально остановившегося на ходатайстве адвокатов. В своей речи судья, в частности, заявил: «Подсудимый должен понять, что мера наказания не может быть определена до окончания процесса. С судом торговаться нельзя!»

Слушание дела было отложено и на этот раз. Этого было достаточно, чтобы Аль Капоне предстал в совер-

шенно новой роли — великого гуманиста и филантропа. США были охвачены глубоким экономическим кризисом, сопровождавшимся массовой безработицей и нищетой. В 1932 г. число безработных достигло 13,2 млн человек. По Соединенным Штатам прокатились массовые демонстрации безработных.

Главарь чикагской мафии решил организовать для безработных столовую, в которой голодающие могли бесплатно питаться. Аль Капоне лично являлся к раздаче пищи, приветливо беседовал, сочувственно хлопал их по плечу.

«Случай» дал Капоне еще одну возможность продемонстрировать «человеколюбие» всей стране. Как раз в это время в Чикаго гангстеры похитили богатого владельца конюшен скаковых лошадей Линча. Друзья Линча попросили Аль Капоне использовать все свое влияние в преступном мире, чтобы содействовать его освобождению. И, о чудо! Спустя несколько часов Линча снова можно было увидеть в кругу близких друзей. Правда, это уже был холостой выстрел. По городу поползли слухи, что Капоне сам организовал похищение Линча, чтобы разыграть роль спасителя. Тогда главарь мафии устроил шумную пресс-конференцию, на которой объявил «войну не на жизнь, а на смерть всем киднэпперам»¹ и неутешно рыдал над печальной судьбой семей похищенных. Этот спектакль Аль Капоне разыграл за пять дней до последнего слушания дела в суде.

Между тем капи чикагской мафии не сидели без дела. С оружием в руках и пачками стодолларовых банкнот в карманах они посетили более сотни людей, среди них двенадцать присяжных заседателей процесса над Капоне. Однако счастье отвернулось от «великого Капоне»: буквально в последнюю минуту были назначены новые присяжные заседатели.

6 октября началось последнее слушание дела, которое продолжалось двенадцать дней, а еще через неделю был объявлен приговор: за сокрытие доходов в период с 1925 по 1929 г. 11 лет тюрьмы, 50 тыс. долл. штрафа, компенсация судебных издержек, которые, между прочим, составляли 30 тыс. долл.

При объявлении приговора Капоне был совершенно подавлен. Напрасно его адвокаты пытались добиться

¹ От Kidnapper (англ.) — похититель людей с целью получения выкупа.

отсрочки приведения приговора в действие. Капоне был отправлен в тюрьму в Атланте.

17 ноября 1939 г. не отбывший полностью срока заключения Капоне был выпущен на свободу: тюремные врачи обнаружили у него неизлечимую форму сифилиса. Как предполагают, у него еще оставалось около 5 млн долл. После освобождения он удалился на шикарную виллу в Майами, во Флориде. Там 25 января 1947 г. в возрасте 48 лет Аль Капоне мирно почил.

В НЕСЧАСТЬЕ СЧАСТЛИВЧИК УМЫВАЕТ РУКИ

Уход в 1931 г. со сцены Аль Капоне был важной вехой в истории развития американской преступности. Перемены, происшедшие в связи с этим в преступном мире, можно, пожалуй, сравнить с изменениями, сопровождавшими переход от феодализма к капитализму. Рыцарей-разбойников сменили бизнесмены, которые еще долгое время не отказывались от разбойничьих методов. Мафиози, не желавшие более обогащаться при помощи средств, противоречащих законам капиталистического общества, стремились приспособиться к новым условиям, жить в капиталистическом обществе, жить вместе с ним, жить за его счет. Они учли опыт ведения деловых операций в годы «сухого закона» и, не переставая, учились у капитализма.

В мафии подросло новое поколение. Счастливчик Лучано был ярким его представителем. Различие было даже чисто внешним. Молодое поколение мафиози уже ни в чем не походило на традиционных гангстеров. Они одевались скромно и в то же время с большим вкусом, у них был вид «почтенных людей». Таких, как Франческо Кастилья, или, как его еще называли, Фрэнк Костелло, Джозеф Дото, по прозвищу Джо Адонис, по манере держаться и поведению едва ли можно было отличить от потомков банкиров Уолл-стрита. Изменению внешнего облика соответствовало изменение методов работы. Шеф «Коза ностры» нового поколения больше не пачкал руки грязной работой — он стал деловым человеком.

«Старики», или «усатые», прозванные так за обычай носить усы а ля Пит, зачастую не были способны разобрататься в существе происходящих изменений. Массериа мог держать «семью» в строгом повиновении и виртуозно обращаться с пистолетом. Но он не понимал, как,

собственно говоря, функционировал трест контрабанды алкоголя. Приближался час больших перемен в мафии, однако Массерия этого не подозревал.

Сомнения возникли у него впервые в одну из ночей 1930 г., когда, выходя с двумя телохранителями из дома, он попал в засаду. Случай заставил Массерию насторожиться. Он подумал, не слишком ли далеко в своем стремлении к власти зашел его помощник Сальваторе Лучано, или, как он стал себя называть, Чарлз Лучано. Свои подозрения Массерия приватно обсудил с Джо Адонисом, а тот — он вместе с Лучано входил в состав правления «Большой семерки» — не придумал ничего лучше, как информировать совет о подозрениях своего шефа.

11 апреля 1931 г. Лучано пригласил Массерию на обед в ресторан «Скарпато» на Кони-Айленд, излюбленное место загородных прогулок нью-йоркцев. Оба часок поиграли в карты. Затем Лучано взглянул на часы, извинился перед Массерией, что вынужден ненадолго отлучиться, и скрылся в туалете.

Да, уверял он позднее полицию, в туалете он, услышав выстрелы, быстро высушил руки и вернулся в зал ресторана. Там он увидел мертвого Массерию.

Хозяин ресторана «Скарпато» подтвердил его показания. По его словам, трое мужчин ворвались в ресторан, подскочили к Массерии и открыли бешеную пальбу. Вскрытие показало, что пять пуль, попавших в Массерию, были смертельными. Хозяин ресторана, сицилиец, разумеется, не узнал никого из стрелявших.

В этом убийстве полиция подозревала троих: Джо Адониса, некоего Альберта Анастасия и известного всему городу бутлеггера Бенжамина Зигеля, но никаких улик против них не было.

«...КОГДА МЫ АМЕРИКАНИЗИРОВАЛИ МАФИЮ»

Эра Массерия кончилась, однако к кормилу власти «молодежь» по-прежнему не допускали. «Усатые» и не помышляли о том, чтобы в качестве преемника Массерия на место главаря нью-йоркской мафии выбрать «юнца» Лучано; напротив, они сошлись на «серьезном» Сальваторе Маранцано, который занимался специфическим бизнесом — провозил контрабандой людей. Маранцано был одним из тех, кого сицилийская мафия

в 1925 г., в период преследований «братства», переправила на «работу» за океан, снабдив фальшивыми документами. Его контора, расположенная в «Гранд сентрал билдинг», рядом с Центральным вокзалом Нью-Йорка, носила вывеску «Контора по продаже земельных участков».

Незадолго до того, как «усатые» возвели его на трон, Маранцано повздорил с неким Луисом Бухалтером, одним из «великих» преступного мира. Бухалтер занимался рэкетом на предприятиях швейной и кожевенной промышленности, в хлебопекарнях, ресторанах и среди шоферов такси Нью-Йорка. Особенно высокие прибыли Бухалтеру приносила швейная промышленность — наиболее развитая в Нью-Йорке отрасль индустрии, хотя обирал он лишь мелких предпринимателей.

Однако Маранцано также почувствовал вкус к рэкету. Он предложил «защиту» владельцам швейных мастерских, уже находившихся под «покровительством» Бухалтера. Разумеется, платить «налог» сразу двум бандам мелким предпринимателям было не по силам. Первым отказался платить некий Феррари, итальянец по происхождению. После того как парни Маранцано разбили витрины его магазина, Феррари обратился за помощью в полицию. В ответ на это Маранцано приказал своим молодчикам «как следует проучить этого Феррари». Но мафиози по ошибке застрелили брата Феррари, Джузеппе, абсолютно непричастного к этому делу.

После этой стычки Луис Бухалтер связался с Лучано и посвятил его в тайны рэкета. Более того, он сделал его компаньоном, поскольку был заинтересован в приятельских отношениях с могущественным мафиозо. Суть конфликта Бухалтер объяснил Лучано следующим образом: «Ты думаешь, борьба идет за швейную промышленность? Нет, Маранцано собирается прибрать всю «семью». Он знает, что мы с тобой компаньоны. Он также прекрасно понимает, что оттеснить меня — значит оттеснить тебя».

Этот довод убедил Лучано, тем более что несколько дней спустя Маранцано действительно возглавил «семью» нью-йоркской мафии. «Молодежь» решила положить конец господству «усатых». Днем «большой чистки» было выбрано 11 сентября 1931 г.

В назначенный день пять триггерменов вошли в бюро Маранцано. Посетителям, находившимся в приемной,

приказали встать лицом к стене, положив руки за голову. Два гангстера остались охранять их, трое других вошли в кабинет Маранцано. После ухода дон мафии был найден с перерезанным горлом.

В течение последующих 48 часов в США распрощались с жизнью более сорока влиятельных мафиози старой школы. Время «усатых» кончилось. Позднее об этих двух днях один гангстер сказал: «Это было время, когда мы американизировали мафию!»

Американский писатель Чарлз Хамилтон прокомментировал это изречение следующими словами: «Только шефы гангстерского братства знали, что эта «эпидемия убийств» открывала новую страницу в истории развития преступности».

«КОРПОРАЦИЯ УБИЙЦ»

Но упомянутое Хамилтоном «развитие» коснулось лишь «деловой» стороны — принципы «Коза ностры» остались неизменными. Более того, они соблюдались пунктуальнее, чем во времена господства «стариков». На первом месте стоял закон абсолютного молчания — омерта́. К нему были добавлены еще четыре основополагающих принципа. Они гласили:

1. Всегда держи под рукой хорошего адвоката!

2. Никогда не предпринимай акта насилия против государственного служащего, так как за этим стоит очень тяжкое наказание, а в первую очередь потому, что такая акция порождает опасность активных действий полиции на всей территории Соединенных Штатов!

3. Постоянно плати подоходный налог!

4. Не доверяй никому, кроме мафиозо!

Была сохранена древняя сицилийская церемония приема новичков в мафиози. Мафиозо Джозеф Валачи, в 1930 г. вступивший в ряды «Коза ностры», так описал эту церемонию в 1963 г. в сенатской комиссии по расследованию преступлений мафии: «Меня привезли на тайную встречу в один из домов на северной окраине Нью-Йорка. За столом сидели тридцать мафиози. На столе лежали нож и пистолет. Я должен был принести торжественную клятву на сицилийском наречии. Я не очень-то его понимаю, но содержание клятвы было примерно таким: «Я живу пистолетом и ножом и умру от пистолета и ножа!» Затем, держа в руке горящую бумагу, я про-

изнес: «Пусть я превращусь в пепел, как эта бумага, если предам организацию!»

В результате сложной комбинационной игры с числами из тридцати присутствовавших мне был назначен padrino, крестный отец. Он сделал надрез на пальце, и я стал его кровным братом».

Между тем этот средневековый обычай приобрел новый смысл. Надрез на пальце был равнозначен покупке акций преступного «Братства». Убийство становилось делом, обычным бизнесом. Вскоре Лучано нашел способ избавиться от грязной работы и не обременять бизнес мафии убийствами. Распри нью-йоркских гангстеров в 1930 г. помогли ему создать центр, который взял на себя эту кровавую работу.

В 1930 г. в восточной части Нью-Йорка действовали две соперничавшие банды, одну из которых возглавлял Эйб Рилз, по прозвищу Кид Твист, другую Хэппи Майоне. Обе банды занимались одним и тем же ремеслом, которое на гангстерском жаргоне называлось «хайджекинг»: они нападали на бутлеггеров с целью завладеть их товаром. Именно по этой причине мафия и стремилась ликвидировать хайджекеров. Война между соперниками явилась благоприятным предлогом. Однако у Лучано возникла новая идея. По его поручению в войну гангстеров включился Альберт Анастазия.

В 1917 г. в пятнадцатилетнем возрасте Анастазия прибыл в США и быстро прославился среди нью-йоркской мафии как хладнокровный убийца. Уже в 1921 г. за убийство он был приговорен к смертной казни. Однако его адвокат обнаружил в процессе судебного производства незначительную, носившую чисто формальный характер юридическую ошибку и на основании этого добился отмены решения суда и временного освобождения своего клиента. Когда в 1922 г. судебный процесс возобновился, то оказалось, что все свидетели обвинения «неожиданно умерли», поэтому из-за «недостатка доказательств» Альберт Анастазия был освобожден. Затем с 1923 по 1925 г. он отбывал наказание за незаконное хранение оружия.

Лишь в 1930 г. Альберту Анастазия удалось установить мир между враждующими бандами Рилза и Майоне и привлечь их к общему бизнесу мафии. Этот союз получил соответствующее его основной деятельности название — «Мёрдер инкорпорейтед» («Корпорация убийц»). Это были те исполнители, в которых нуждался

и услугами которых впоследствии широко пользовался Лучано.

Американский журналист Гэс Тэйлер в своей книге, разоблачавшей преступную деятельность этой организации, очень точно определил ее сущность: «Главная цель заключалась в том, чтобы, укрепив позиции «Корпорации убийц» в преступном мире, использовать ее огромную мощь для физического устранения конкурентов и расширения сферы экономического и политического влияния. Таким образом, синдикату (мафии.— *Авт.*) удалось реально предотвратить войну между бандами и избежать «случайных» преступлений — основа для конфликта была устранена с деловитостью, свойственной легальным монополиям и картелям, когда они хотели прекратить конкурентную борьбу на рынке промышленной продукции. Поэтому масштаб операций преступников нельзя измерить с помощью обычной статистики драк, перестрелок и убийств».

Прежде чем «Корпорация убийц» достигла поставленной перед ней цели, пролилось еще немало крови. В течение последующих десяти лет триггермены «Корпорации убийц» совершили примерно тысячу убийств. Жалованье профессионального убийцы, состоявшего на постоянной службе в «Мёрдер инкорпорейтед», колебалось от 125 до 150 долл. в месяц. «Ученику» выплачивали «стипендию» в размере 50 долл. в месяц.

НЕВЕЗЕНИЕ СЧАСТЛИВЧИКА

Единственная разница между мной и генеральным директором всемирно известного концерна состоит в том, что я торгую не нефтью, а иным товаром.

Сальваторе Лучано, он же Чарлз Лучано

5 декабря 1933 г. вступила в силу 21-я поправка к Конституции Соединенных Штатов, отменявшая принятую 18-ю поправку от 1920 г. «Сухой закон» был отменен, время бутлеггеров безвозвратно прошло. Однако к тому времени мафия уже вложила свои миллионные прибыли в другие — как легальные, так и нелегальные — предприятия, приносящие ей немалые доходы.

Сальваторе Лучано, возглавлявший одну из нью-йоркских «семей» мафии, пользовался огромным авторитетом в верховном совете «Коза ностры» и был подлинным руководителем американской мафии. Но ему этого было мало. Честолюбие главаря американских мафиози стремилось в заоблачные выси. Лучано хотел делать политику.

Делать политику в Соединенных Штатах означает принадлежать к одной из двух больших партий, а лучше всего — к обеим сразу. В 1828 г. была основана демократическая партия, которая первоначально отстаивала интересы богатых плантаторов и рабовладельцев Юга и связанной с ними крупной буржуазии. Республиканская партия, основанная в 1854 г., вначале представляла буржуазию Севера и боролась против демократов южных штатов. Однако со временем различия между обеими партиями стерлись, поскольку и та и другая стали представлять интересы только империалистической буржуазии. Такие политики, как, например, демократ Ф. Д. Рузвельт, вступивший в должность президента в 1933 г. и проведший впоследствии некоторые либеральные реформы, были в этих партиях исключением.

В то время демократическую партию в Нью-Йорке возглавлял некий Том Фули, по прозвищу Большой Том, владелец транспортной фирмы. С мнением этого чрезвычайно важного господина считались не только в муниципальных кругах Нью-Йорка, но и в Белом доме. Его помощником, которого называли «капитаном избира-

тельной кампании» и чья обязанность заключалась в том, чтобы осторожно вести партийный корабль, минуя все подводные камни избирательной кампании, был некий Альберт С. Маринелли. Когда в 1931 г. Фули сошел с политической арены, Лучано, не долго думая, предложил Маринелли выставить свою кандидатуру на осиротевший пост шефа регионального отделения демократической партии.

Однако на этот пост метил другой претендент — Гарри С. Перри. Но мафия хорошо знала механику выборов в Америке. Как-то парни Лучано появились в офисе Перри. Они выложили на письменный стол претендента пистолеты и мягко, но настойчиво посоветовали ему немедленно отказаться от выдвижения своей кандидатуры. «Подумайте о жене и детях!» — бросили они на прощание.

Альберт С. Маринелли был избран. Отныне Таммани-холл — штаб-квартира демократов Нью-Йорка — находился в руках Лучано. В 30-х годах и еще долгое время спустя Таммани-холл оставался ключевой позицией демократической партии. 12 мая 1789 г. Уильям Муни, обойщик и политик-любитель, основал в маленьком городке Нью-Йорке политический клуб, название которому было дано по имени легендарного вождя Таммани, возглавившего племя индейцев лениленапе, известное под названием «делавары». В 1800 г. «Общество св. Таммани» помогло Джефферсону в борьбе за президентское место, а в 1805 г. оно было зарегистрировано в нью-йоркском реестре союзов как «благотворительный и общепользительный союз». Доступ в Таммани-клуб был открыт всем, кому было по карману платить членские взносы. В стенах этого клуба решались важные политические вопросы и одновременно заключались торговые сделки. Медленно, но верно Таммани-холл шел к вершине власти. Со временем это название стало синонимом коррупции, подкупа, кумовства и обмана на выборах.

Этот политический клуб был как будто создан для проникновения в него гангстеров. Когда через несколько лет прокурор Томас И. Дьюи подвел итог господству Маринелли и тем самым мафии над Таммани-холлом, нью-йоркцы с удивлением узнали, что каждый из двадцати пяти членов избирательного комитета демократической партии Нью-Йорка не менее одного раза — а многие из них неоднократно — представлял перед

судом за разбой, убийство, укрывательство и торговлю наркотиками, а восемь из двадцати двух инспекторов, в обязанности которых входил контроль за ходом выборов, имели судимость.

«Дейли уоркер», орган Коммунистической партии США, так писала о Таммани-холле: «Щупальца этого спрута крепко держат трудящегося человека на всех социальных уровнях. Его бандиты обосновались в профсоюзах и беззастенчиво обирают рабочих, его полицейские по первому сигналу жестоко избивают рабочих, его инспектора из отдела здравоохранения выдают детям рабочих некачественное молоко. Таммани-холл обложил собственной «данью» торговцев, и за счет этих незримых налогов резко вздорожала стоимость жизни. Этот хищник посадил своих людей в городское управление по школьным вопросам, где, естественно, они также приносят обществу вред. Таммани-холл — это настоящий вампир, высасывающий кровь рабочих. Любой коренной житель Нью-Йорка согласится с тем, что тень этого чудовища нависла над всей нашей страной».

Теперь это чудовище надолго перешло в руки Лучано и, следовательно, мафии. Уже через год после избрания Маринелли председателем демократической партии Нью-Йорка Лучано попытался выйти на большую политическую арену. В ноябре 1932 г. предстояли президентские выборы. Лучано решил, что представитель Таммани-холла Эл Смит, побежденный на выборах 1928 г. республиканцем Гербертом Гувером, должен выдвинуть свою кандидатуру на пост президента США от демократической партии. Однако съезд демократической партии, который состоялся в старой метрополии мафии — Чикаго и на котором выдвигался кандидат на пост президента страны, решил в пользу не Эла Смита, а Рузвельта. Программа «Новый курс», в основу которой была положена реалистическая политика, помогла Рузвельту победить на президентских выборах в ноябре 1932 г. Однако Нью-Йорк, как, впрочем, и другие города Америки, по-прежнему оставался «грязным» городом.

У ТЕЛЕФОНА «3-12»

Эта неудача не обескуражила Лучано. Ведь он возглавлял не только «Коза ностру», но и «Большую шестерку» — объединение американских гангстеров, действовавшее после отмены «сухого закона». Этот

гангстерский синдикат пользовался огромным влиянием в американском преступном мире. В его штаб наряду с Лучано входили:

— дон Франческо Кастилья, по прозвищу Фрэнк Костелло, главарь нью-йоркской «семьи» мафии, который через своего высокопоставленного друга Джимми Хайнса держал в руках весь Таммани-холл;

— Джозеф Дото, он же Джо Адонис, влиятельный мафиозо, некогда представлявший «Общество чести» в «Большой семерке»;

— Луис Бухалтер, по прозвищу Лепке, главарь еврейской банды, рэкети́р, торговец наркотиками, старый друг и компаньон Лучано;

— Эбнер Цвильман, по прозвищу Лонги, рэкети́р, специализировавшийся главным образом на текстильной промышленности;

— Бенжамин Зигель, Багси («Чокнутый»), убийца старой гангстерской школы, сделавший азартные игры основным источником своих доходов. В «Большой шестерке» он представлял также интересы своего приятеля, известного гангстера Мейера Лански.

«Большая шестерка», продолжая традиции «Большой семерки» — супертреста алкогольной контрабанды, объединила усилия мафии и других американских гангстерских банд в таких областях преступной деятельности, как букмекерство, нелегальные азартные игры, промышленный и торговый рэкет, торговля наркотиками, убийства по заказу.

Сальваторе Лучано, главарю банды организованных преступников, ничто и никто не мешал жить так же широко, как и промышленному магнату. Он любил носить тонкое шелковое белье, ездил в автомобиле последней марки, имел собственный небольшой самолет, шил одежду у дорогого портного в ателье на фешенебельной 5-й авеню, жил в первоклассном отеле. На телефонный звонок он постоянно отвечал: «3-12 слушает». «3» означало третью букву латинского алфавита — С — Чарлз, его имя, «12» — двенадцатую букву L, фамилию Лучано. Сочетание цифр «3» и «12» Лучано считал для себя магическим.

Для своих приятелей и друзей Лучано имел обыкновение устраивать так называемые парти — вечеринки, которые были одной из примет образа жизни толстосумов. Для развлечения гостей ангажировались статистки — «парти гёрл». За светскую болтовню с гостями

девушки получали поистине царский гонорар — 50 долларов за вечер!

Разумеется, не все старые «деловые друзья» влиятельного мафиозо могли быстро усвоить эти изменения. На одном из таких приемов гангстеры из детройтской «Пёрпл моб», приглашенные Лучано, по-своему расценили «новинку». Под конец вечера они начали делать «парти гёрлз» недвусмысленные предложения. «Послушайте, ребята, — крикнул через весь зал хозяин, когда гости чересчур расшумелись, — эти девушки приглашены сюда для светских развлечений, и не для чего другого!» Это разъяснение не убедило «отставших от жизни» детройтских «мобов». Тогда Лучано позвонил Полли Адлер, хозяйке одного из роскошных в Нью-Йорке публичных домов, и та незамедлительно прислала ему своих лучших «девочек».

Поспешность, с которой Полли Адлер исполнила просьбу известного мафиозо, была понятной. Полиция давно знала, что существенным источником благосостояния Лучано наряду с торговлей наркотиками был хорошо организованный рэкет профессиональной проституции. Идея извлечения прибылей из профессиональной проституции была не нова. Ранее Аль Капоне уже применял ее на практике в Чикаго. Начиная с 1933 г. Лучано ввел эту практику Капоне в Нью-Йорке, правда с бóльшим размахом.

Однажды нью-йоркских владельцев публичных домов и сутенеров известили о том, что в их интересах собраться к определенному сроку в ресторане Лила Дейви Бертилло на Малбери-стрит. Пришли все.

Доверенный Лучано кратко, но доходчиво пояснил собравшимся, с какой целью их здесь собрали: «Ребята, мы начинаем новое дело и предлагаем каждому из вас на этой неделе внести свой пай. Кто хочет войти в дело, может за десять «косых» приобрести долю». Под «косой» доверенный Лучано подразумевал 1000 долл. Большинство с его предложением согласилось.

РОВНО В 20.00...

Рэкет профессиональной проституции Лучано довел до совершенства. Ведение дел он доверил Лилу Дейви Бертилло. Штаб-квартиру рэкетирь устроили в кондитерской на Малбери-стрит, неподалеку от полицейского управления. Бертилло подчинялись несколько специаль-

ных отделов во главе с отделом безопасности, в задачу которого входили охрана публичных домов от конкурирующих банд и полиции и предупреждение отдельных случаев вымогательства со стороны конкурентов, а также «вправление мозгов» строптивым. Этим делом руководил Ральф Лигуори, по кличке Ральф Сутенер. Главный бухгалтер Ник Монтана незамедлительно сигнализировал Лигуори о каждом случае просрочки платежа содержанием «опекаемого» публичного дома. Когда, к примеру, Даго Джин начинал неаккуратно платить, парни Лигуори врывались в его заведение, крушили мебель, били посуду.

В одном из отелей находился информационный центр рэкетиров. Сюда стекалась вся важнейшая информация. Этим центром руководил Энтони Курфео, начавший свою карьеру с должности портье в одном из нью-йоркских публичных домов. Лучано позаботился также и о юридическом отделе, который консультировал проституток, имевших неприятности с полицией. Этим отделом заведовал знающий свое дело Эйб Карп, ни больше ни меньше бывший прокурор! И наконец, здесь работали несколько врачей, в обязанности которых входил регулярный медицинский осмотр «девочек».

Рэкетеры-мафиози извлекали прибыль более чем из двухсот заведений и примерно тысячу проституток облагали данью. По оценкам прокуратуры Нью-Йорка, рэкет профессиональной проституции, организованный Лучано, только в 1935 г. принес мафии около 20 млн долл. чистой прибыли, из которых 200 тыс. долл. попали в карман самого Лучано.

Этой закулисной стороны дела прокурор Нью-Йорка Томас Дьюи еще не знал, когда в 1935 г. приступил к расследованию рэкета профессиональной проституции. Нити дела энергичный прокурор нащупал после случайного ареста в Калифорнии сутенера Дейва Миллера, который сообщил Дьюи, что заправилкой рэкета профессиональной проституции является Лил Дейви Бертилло и что за спиной Бертилло стоит Лучано. Дьюи прекрасно понимал, что есть лишь одна возможность изобличить преступников: представить суду достаточное число свидетелей. И поскольку никто, естественно, не решался добровольно свидетельствовать против «могущественного мафиозо», необходимо было найти свидетелей каким-то другим способом.

Операция была разработана прокуратурой Нью-

Йорка в духе армейского генерального штаба. Вечером 1 февраля 1935 г. в кабинете Дьюи собралось несколько одетых в штатское служащих уголовной полиции. Они разделились на группы по два-три человека, получили запечатанные конверты с надписанными на них адресами. Приказ гласил: конверт вскрыть вблизи того места, которое было указано на конверте, и в точности выполнить находившуюся в нем инструкцию.

Ровно в 20 часов служащие уголовной полиции вошли в сорок один публичный дом в Манхэттене и Бруклине, записали имена и адреса всех присутствовавших и конфисковали конторские книги. На следующее утро Дьюи мог сообщить прессе, что в ходе операции было арестовано более сотни женщин и семнадцать мужчин. Среди арестованных находились Лил Дейви Бертилло и его адъютант Томми Пиноккьо. Однако все они молчали. Даже «девочки» ничего не сказали.

Проститутка Тельма Джордан так объяснила полицейским свое нежелание говорить: «Уж я-то знаю, что делают эти парни с нашим братом, кто болтает лишнее. Они жгут тело и ступни горящими сигаретами, отрезают языки. Все. Ни черта я вам больше не скажу!»

Поэтому Дьюи был рад, что некая Нэнси Прессер, проститутка, задержанная в одном из публичных домов на 23-й стрит, согласилась дать показания.

ОТКРОВЕНИЯ НЭНСИ

Именно признания Нэнси Прессер стали концом длинной нити, с помощью которой Дьюи раскрыл «дело Лучано». Нэнси, дочь польки и скандинава, была необычайно красивой и, удрав в шестнадцать лет из дома, начала свою «карьеру» с должности официантки в Олбани. Когда ей исполнилось семнадцать, один сенатор затащил ее в постель. В тот же год Нэнси добралась до Нью-Йорка, где она сделалась одной из самых популярных «колл гёрлс», то есть девушек, заказываемых по телефону, и впервые познакомилась с гангстерами.

В то время ее подруга Бетти «гуляла» с молодым мафиозо по имени Лучано. Как-то она представила его Нэнси, не опасаясь потерять своего дружка, поскольку в ту пору Лучано еще не принадлежал к верхушке преступного мира, а Нэнси дарила благосклонностью только «великих». Лишь несколько лет спустя на одной из вечеринок у Джо Массериа один из приятелей Нэнси

подвел ее к Лучано, сказав: «Это Счастливец, он хочет поближе познакомиться с тобой».

Когда состоялось это знакомство, любовником Нэнси был Ральф Лигуори. Он не зря носил кличку Сутенер: все, что Нэнси зарабатывала, он регулярно отбирал у нее. В конце концов Нэнси это надоело, и она обратилась к Лучано: «Мне необходимы деньги. Если я их не достану, то буду вынуждена пойти в публичный дом».

Как истинный джентльмен, Лучано возразил: «Такой красивой женщине, как вы, не место в публичном доме».

«Но Лигуори принуждает меня. Я не знаю, что мне делать?»

«Если все дело в деньгах,— спокойно ответил Лучано,— то я дам их вам».

Так Сальваторе Лучано стал клиентом Нэнси Прессер. Теперь она стала частой гостьей в его роскошных апартаментах, и, надо сказать, Лучано щедро оплачивал ее услуги. Но как-то Нэнси задела самолюбие влиятельного мафиозо, после чего сицилиец Лучано отказал ей в своем покровительстве. Нэнси вновь очутилась в руках Лигуори, который не простил ей попытки уйти из-под его влияния. Он поместил ее в публичный дом «Дженни фэктори». В отличие от других проституток она не получала от Лигуори ни цента, подвергаясь при этом страшным издевательствам и нещадной эксплуатации. Сидя внизу, в гостиной, он лично контролировал, сколько времени Нэнси проводит с клиентами. Если кто-либо из них задерживался более четверти часа, он поспешно поднимался наверх, барабанил в дверь комнаты Нэнси и рычал: «Послушайте, любезный, нельзя ли побыстрее».

Потому-то после ареста вечером 1 февраля 1935 г. Нэнси Прессер была готова дать полиции показания.

Прокурор Дьюи заявил прессе: «Лучано — общественный враг номер один Нью-Йорка и преемник Аль Капоне». Однако полиции долго не удавалось задержать Лучано. По слухам, на своем «Локхиде» он улетел во Флориду. Там полиция не знала его. Но в штате Арканзас его опознал и задержал один полицейский. В тюрьме городка Литтл-Рок Лучано ожидал передачи его властям штата Нью-Йорк. «Коза ностра» пришла в смятение. В Литтл-Рок со всех сторон начали съез-

жаться мафиози. Власти усилили охрану тюрьмы, на вышках были установлены тяжелые пулеметы.

Попытка освободить влиятельного мафиозо силой оказалась безуспешной, и вскоре в Нью-Йорке состоялся сенсационный судебный процесс против могущественного шефа «Коза ностры» и трех его сообщников. В коридорах здания суда заняли места сорок вооруженных до зубов полицейских. Прокурор Дьюи вызвал в суд шестьдесят восемь свидетелей, среди них сорок проституток и владельцев публичных домов, а также двенадцать сутенеров.

Лучано, шикарно одетый, сидел небрежно откинувшись на спинку скамьи подсудимых. Самообладание он потерял лишь 6 июля 1935 г., когда суд присяжных постановил, что его вина доказана в 62 из 806 пунктов обвинения! Перед объявлением приговора Лучано было предоставлено последнее слово. «Ваша честь,— заявил он, обращаясь к судье,— единственное, что я могу сказать,— я не виновен!»

На следующий день судья объявил решение суда: Лучано приговаривается к пятидесяти годам каторжной тюрьмы, Лигуори — к пятнадцати, Фредерико и Томми Пиноккьо — к двадцати пяти годам каждый. Вскоре Лучано отправился в каторжную тюрьму Даннемора.

Несколько месяцев спустя ночью в одном из полицейских участков Вашингтона раздался телефонный звонок. «На помощь!» — прокричал истощенный женский голос. Через несколько минут полиция установила, что телефонный звонок был из квартиры на Нью-Хэмпшир-авеню. По указанному адресу срочно был выслан наряд полиции. В комнате, заполненной светильным газом, на полу в луже крови, со связанными руками лежала рыжеволосая девушка в разорванной ночной рубашке. Она была смертельно ранена несколькими ударами ножа. На бедре у нее были вырезаны крупные буквы С и L и цифры «3-12». Полиция быстро установила имя жертвы: Маргарет Луиз Белл, она же Джин Костелло, она же Жаннет Льюис. По делу Лучано она проходила как свидетельница обвинения.

ФИРМА «КОСТЕЛЛО ЭНД КОМПАНИ»

Осуждение Лучано было не единственным ударом, который в 30-х годах власти нанесли «Коза ностре». После избрания в 1932 г. Рузвельта президентом сенат

США назначил комиссию по расследованию бесчинств гангстеров под председательством сенатора Коупленда. И хотя эта комиссия собрала обширный обличительный материал, он не отличался основательностью. Поэтому проведенное сенатской комиссией расследование и сделанные ею выводы имели значение лишь как материал для архива. Правда, после этого полиция Нью-Йорка повела борьбу против гангстеризма, точнее, против некоторых его проявлений чуть оживленнее.

Хотя это и звучит неправдоподобно, но мафия пустила в ход всю свою власть в Таммани-холле, чтобы воспрепятствовать избранию на пост губернатора Нью-Йорка американца итальянского происхождения, однако безуспешно. Новый губернатор Фьорелло Ла Гуардиа искренне стремился повести борьбу с различными общественными злоупотреблениями в духе программы, провозглашенной президентом Рузвельтом.

Бельмом на глазу у Фьорелло Ла Гуардиа был рэкет азартных игр, которым занимался Фрэнк Костелло со своей «семьей» мафии. Франческо Кастилья родился на Сицилии в 1893 г. и свою карьеру начал в Нью-Йорке в качестве мелкого триггермена. В 1908 г. за участие в налете его впервые упрятали за решетку. В 1915 г. за нелегальное хранение оружия он был осужден на один год каторжной тюрьмы. Во времена «сухого закона» он уже считался прожженным бутлеггером. В 1927 г. он вновь предстал перед судом по обвинению в подкупе служащего американской береговой охраны, однако «за недостатком доказательств» был освобожден. В 1929 г. Костелло уже принадлежал к верхушке мафии и принял участие в знаменитой конференции мафиози в Атлантик-Сити. Костелло был одним из тех ловких «молодых» в «Коза ностре», которые после конференции быстро перестроились и занялись «легальным» бизнесом.

Подобно тому как Лучано в свое время объединился с гангстерами несицилийского происхождения — Бухалтером, Зигелем и Лански, Костелло сделал своим компаньоном американского гангстера Кастья, по кличке Дэнди Фил, занимавшегося рэкетом азартных игр. Костелло и Кастьель решили поставить дело на широкую ногу, для чего основали легальную фирму «Тру минт компани» и официально зарегистрировали ее. Кастьель передал фирме специальные знания в этой специфической области бизнеса, Костелло — деньги, ко-

торые он выделил из своих огромных прибылей, полученных во времена «сухого закона».

От имени новоиспеченной фирмы Кастель закупил у компании «Миллз новелти компани оф Чикаго» несколько тысяч игральных автоматов, получивших ироническое название «однорукие бандиты». Принцип игры был прост. Игрок бросал в щель автомата монету или несколько монет (в зависимости от ставки) и приводил в движение рукоятку или рычаг — «руку». В результате этого в движение приходили три диска с нанесенными на них картинками или цифрами. После остановки дисков на уровне риски, нанесенной на стекле автомата, фиксировалась какая-либо комбинация цифр или картинок. При совпадении всех трех чисел или картинок, а также выпадении определенной их комбинации автомат выбрасывал денежный выигрыш. В период между 1929 и 1934 гг. в Нью-Йорке Костелло и Кастель установили более 5 тыс. «одноруких бандитов». И горе владельцу ресторана или аптеки, который отказывался установить автомат «Тру минт компани»!

Уничтожение «одноруких бандитов» стало главной задачей антигангстерской кампании губернатора Ла Гуардиа. Под предлогом организации большого зрелища в одно место были свезены все игральные автоматы города. Под вспышки магния фоторепортеров губернатор Нью-Йорка тяжелым молотом разбил несколько автоматов, а обломки велел сбросить в реку Гудзон. Рядовые граждане Нью-Йорка, которым была неведома закулисная сторона дела, поверили в то, что гангстеров действительно схватили за горло.

ДОН МАФИИ ПОКУПАЕТ СЕНАТОРА

К тому времени, когда Ла Гуардиа уничтожал ярко раскрашенные автоматы, 5 тыс. автоматов уже вышли из строя, успев, однако, принести огромные барыши. За неделю один игровой автомат давал 50 долл. чистой прибыли. Костелло и его компаньон уже давно стремились расширить сферу своего влияния. Их взор был обращен на юг, на штат Луизиана, в крупнейшем городе которого — Нью-Орлеане в 1890 г. зародилась американская мафия.

Однажды в Нью-Йорке Фрэнк Костелло познакомился с сенатором от этого штата Хью Лонгом, который в это время оказался в весьма затруднительном положе-

нии: какой-то мелкий гангстер узнал кое-что о любовных похождениях Лонга и попытался шантажировать сенатора. Лонг поделился своим горем с Костелло. Мафиозо обещал убрать с дороги вымогателя, разумеется надеясь на ответные услуги.

Хью Лонг действительно мог взамен предложить кое-что гангстерам, а именно целый штат. Лонг начал свою карьеру мелким коммивояжером, затем изучил право и занялся политикой. Продавая в бытность свою торговцем товар, он постиг кое-какие истины бытия. В тридцать четыре года он добился должности губернатора штата Луизиана. Основными лозунгами его избирательной кампании были: «Каждый — сам себе король!» и «Делись всем со своим ближним!» Лонг обещал избирателям сократить управленческий аппарат, а сэкономленные деньги направить на строительство туберкулезной больницы. После выборов красивые слова были забыты, более того, Хью Лонг поверг Луизиану в «болото» коррупции. С помощью угроз и подкупов Лонг крепко держал парламент штата в своих руках. Как-то при обсуждении внесенного им законопроекта большинство депутатов проголосовало против. Не долго думая, губернатор распорядился провести новое голосование. Когда его вооруженная до зубов лейб-гвардия промаршировала в зал заседаний и заняла позиции, «представители народа» поняли, что им следовало сделать. Закон они приняли единогласно. В конце концов Лонг был избран в американский сенат. Своего преемника на посту губернатора штата он также держал в руках и использовал как мальчика на побегушках.

Словом, для сенатора Хью Лонга не представляло особого труда обеспечить Фрэнку Костелло и его компаньону Кастелю чрезвычайно выгодные концессии в Луизиане. Как проказа, «однорукие бандиты» начали распространяться по штату. Прибыли оказались столь огромными, что уже в 1938 г., три года спустя после выдачи концессии, налоговое управление США за неплату налогов в размере 798 тыс. долл. подало на фирму Костелло в суд.

Однако дело происходило в «империи» Хью Лонга, поэтому суд оправдал и Фрэнка Костелло, и его компаньона.

УБИЙЦЫ СПАСАЮТ ЖИЗНЬ ПРОКУРОРУ

Несмотря на принятые правительством меры, спокойствие мафиози не было нарушено. Капиталы, накопленные ими во времена «сухого закона», были уже вложены не только в новые отрасли нелегального бизнеса, но и в крупные земельные компании и солидные фирмы. Они знали, что время Ла Гуардиа и Дьюи не вечно. Тем же гангстерам, за спиной которых не стояла столь могущественная организация, как «Коза nostra», приходилось туго.

К этой категории относился Артур Флегенхаймер, по прозвищу Датч Шульц, занимавшийся ресторанным рэкетом в Гарлеме. В негритянском квартале у него была нелегальная лотерея, кроме того, он был триггерменом «Корпорации убийц». Время от времени Датч Шульц проворачивал кое-какие дела совместно с «Большой шестеркой», но в руководство этого гангстерского синдиката не входил. В 1932 г. федеральное налоговое управление занялось расследованием деятельности Шульца.

Однако уголовное дело против него было прекращено, так как окружной прокурор Уильям Додж, которому поручили расследование, был избран на должность с помощью 30 тыс. долл., предоставленных в его распоряжение Шульцем. Прокурор Нью-Йорка Дьюи отклонил решение окружного прокурора Доджа и лично занялся расследованием.

Наблюдая за спокойной и кропотливой работой Дьюи, Шульц потерял терпение. В это время Лучано отбывал в тюрьме назначенный срок. Костелло и Капель укрывались в Луизиане. Адонис, Анастасия, Зигель, Бухалтер и Лански значились у Дьюи в черном списке.

Шульц решил убрать с дороги неподкупного прокурора. За помощью он обратился к «Корпорации убийц». Руководство «Корпорации» обсудило это предложение. Посоветовались даже с Лучано. Все, за исключением Шульца, пришли к единодушному мнению: Дьюи убивать не следовало. Убийство видного прокурора настолько взволновало бы и возмутило общественность, что неизбежно привело бы к проведению массивной операции против мафии и сотрудничающих с ней гангстерских банд.

В ярости Шульц покинул заседание «наблюдательного совета» «Корпорации убийц». «Если вы так трусливы, то я сделаю это сам!» — крикнул он на прощание.

Шефы «Корпорации убийц» задумчиво кивнули ему вслед. Они были против убийства Дьюи. Несмотря на то что Шульц решил действовать самостоятельно, опасность нависла над всей мафией. Именно поэтому он должен был умереть.

Руководство вынесло гангстеру Датчу Шульцу смертный приговор с юридической мотивировкой: «За неуважение суда!»

Шульц наметил убийство Дьюи на 25 октября 1935 г. Гангстер в точности изучил распорядок дня прокурора. Дьюи имел обыкновение рано утром в одно и то же время выходить из дома и из близлежащей аптеки звонить в свое бюро. «Я не могу звонить из дома, боюсь разбудить жену», — объяснял он. Во время телефонного разговора телохранитель Дьюи постоянно находился на улице, перед входом в аптеку. Именно в это время один из триггерменов Шульца должен был задержаться в аптеке, будто бы выбирая зубную пасту. Затем он должен был выстрелить в Дьюи из автомата с глушителем и свалить вину на продавца.

Руководство «Корпорации убийц» поручило своему директору лично провести операцию по предотвращению покушения на Дьюи. Для выполнения порученного ему задания Анастасия выбрал своего лучшего триггермена Чарли Уоркмена, по кличке Клоп. В помощь Уоркмену были приданы еще два гангстера: Менди Вайс и Пигги.

23 октября, за два дня до покушения на прокурора, триггермены из «Корпорации убийц» вошли в ресторанчик, в котором обычно бывал Шульц со своими телохранителями. Менди Вайс и Пигги наставили автоматы на оцепеневших от ужаса посетителей, в то время как Чарли Уоркмен с автоматом прошел в другие помещения.

Его взгляд упал на дверь туалета. На всякий случай он распахнул дверь. Спिनной к нему стоял какой-то мужчина. Уоркмен, не раздумывая, выстрелил в него из автомата, затем устремился к отдельному кабинету, рванул дверь, выпустил несколько автоматных очередей в троих мужчин, сидевших за столом, после чего скрылся.

На следующий день Шульц скончался в больнице от ран. Он-то и оказался тем мужчиной в туалете, в которого случайно выстрелил Уоркмен.

За эту операцию спасенный прокурор заплатил Чарли Уоркмену «черной неблагодарностью»: выдвинул против него обвинение в преднамеренном убийстве четырех человек. В результате Клоп на целых 23 года отправился за решетку.

«ПОЛИП НЬЮ-ЙОРКА»

Ни О'Дуайер, ни ближайшие его подчиненные не принимали никаких мер против людей, в чьих руках находились нити рэкета азартных игр, торговли наркотиками, убийств по заказу, букмекерства или рэкета в портах. Более того, своими действиями они препятствовали проведению расследований, которые могли привести к крупным разоблачениям преступной деятельности рэкетиров.

Из отчета сенатской комиссии по расследованию преступлений под руководством сенатора Кефопера, март 1951 г.

Стоическое спокойствие гангстеров из «Коза ностры», несмотря на все усилия прокурора Дьюи и верных ему людей, легко объясняется при более близком знакомстве с политикой правящих кругов. Пути для воротил бизнеса здесь всегда открыты, а альтернатива проста: либо прокурора купить, либо поставить прокурором нового, более сговорчивого человека.

Нужный человек нашелся быстрее, чем ожидали. Молодой эмигрант из Ирландии Уильям О'Дуайер в 1917 г. вступил в ряды нью-йоркской полиции и благодаря решительному характеру снискал у начальства высокую оценку своей деятельности. Окончив курс права, он открыл в Нью-Йорке юридическую контору. В скором времени О'Дуайер почувствовал вкус к политике и примкнул к демократической партии. В те годы демократическую партию в Нью-Йорке возглавляли, с одной стороны, неутомимый борец с мафией Ла Гуардиа, с другой — завоеванный мафией Таммани-холл. Вскоре молодой честолюбивый адвокат вошел в доверие к Ла Гуардиа и одновременно заручился поддержкой руководящей верхушки Таммани-холла. В 1938 г. О'Дуайер был избран окружным судьей, однако эту должность занимал недолго: предстояли более грандиозные задачи, связанные с нью-йоркскими портами, где братья Анастазия (Альберт Анастазия руководил «Корпорацией убийц») с широким размахом организовали профсоюзный рэкет.

Попытки монополий США в 30-х годах переложить на плечи трудящихся последствия экономического кризиса привели к усилению классовой борьбы. По всей стране прокатилась широкая волна забастовок, парали-

зовавших всю промышленность. Как обычно, массовые выступления трудящихся за свои права предприниматели пытались подавить силой. Против бастующих рабочих и фермеров были брошены не только армия и полиция, но и гангстерские банды. Лишь с 1934 по 1936 г. в этой борьбе погибло 88 рабочих.

Рост классовых противоречий привел к усилению разногласий в Американской федерации труда (АФТ), созданной в 1886 г.

В знак протеста против реакционной политики профсоюзных боссов в ноябре 1935 г. внутри АФТ образовался комитет. После его исключения из АФТ в 1938 г. члены этого комитета объединились в Конгресс производственных профсоюзов (КПП). Теперь во всех низовых профсоюзных организациях США велись ожесточенные дискуссии, к какой группировке примкнуть — оставаться ли в АФТ или переходить в КПП.

В борьбу за влияние в профсоюзах на стороне предпринимателей вступили и гангстеры, надеявшиеся в свою очередь погреть на этом руки.

Раньше других поживу почувствовали мафиози братья Анастазия. Где с помощью открытого террора, где хитростью и коварством, где грубой силой они захватили руководство отдельными местными организациями профсоюза рабочих нью-йоркских портов и бесцеремонно запустили лапу в его кассы. При этом действовали они настолько бессовестно и нагло, что общественность в конце концов потребовала от властей принять энергичные меры. О деятельности братьев Анастазия в те годы красноречивее всего свидетельствует статистика: только с 1936 по 1938 г. в портах Нью-Йорка полиция зарегистрировала двадцать нераскрытых убийств.

В борьбу включился и Таммани-холл. Этот, по меткому определению газеты «Дейли уоркер», «полип Нью-Йорка», завладев которым мафия просочилась в местную организацию демократической партии, выдвинул на пост окружного прокурора Бруклина О'Дуайера. По мнению мафиози, энергичный адвокат с многолетним стажем работы в полиции должен был понравиться общественности своим решительным характером. И они не просчитались.

О'Дуайер широко спекулировал своей известностью и репутацией делового, энергичного человека. Два года спустя он приобрел огромную популярность уже во всем

Нью-Йорке. В 1940 г. он выступил с хвастливым заявлением, будто нанесет сокрушительный удар по racket и «Корпорации убийц».

И правда, во время пребывания О'Дуайера на посту прокурора число убийств несколько уменьшилось, был схвачен и осужден десяток-другой гангстеров, хотя, как выяснилось позднее, это были лишь мелкие гангстеры-одиночки. Могли ли подозревать газеты, во всю восхвалявшие прокурора О'Дуайера, что именно он надежно защищал от преследований Альберта Анастасия, шефа пресловутой «Корпорации убийц»? И какая связь, казалось, могла существовать между прокурором, шефом «Корпорации убийц» и смертью профсоюзного активиста?

6 июля 1939 г. в Галвестоне, штат Техас, убили 22-летнего Джона Сирника, члена национального профсоюза моряков.

12 июля в Чикаго при загадочных обстоятельствах погиб Эрик Хесслер. На следующий день ему предстояло давать показания против боссов «Интернешнл хавистер компани».

В тот же день в Харлане, штат Кентукки, национальный гвардеец застрелил Дока Колдуэлла, стоявшего в пикете забастовщиков.

В те дни в США убийство или бесследное исчезновение прогрессивно настроенного рабочего не были чем-то необычным. Лишь за 11 дней июля 1939 г. в пяти различных штатах Америки было совершено девять убийств по политическим мотивам.

14 июля 1939 г. в Нью-Йорке бесследно исчез профсоюзный активист Питер Панто.

14 июля в Миннеаполисе, штат Миннесота, при разгоне демонстрации рабочих полицией погиб 16-летний Эмиль Бергстром.

Через день в Станфорде, штат Кентукки, штрейкбрехеры убили 35-летнего горняка Билла Робертса, а в г. Вильямс-Крик, штат Кентукки, где во время забастовки горняка несли охрану национальная гвардия, от руки «неизвестных» погибли 30-летний Брэдди Симпсон и 25-летний Фрэнк Брайн.

И наконец, 16 июля, опять в Харлане, застрелили еще одного рабочего-активиста — 39-летнего горняка Даниэла Ноя.

КУДА ИСЧЕЗ ПИТЕР ПАНТО?

Питер Панто, молодой прогрессивный докер, отважился выступить против всемогущего рэкета братьев Анастазия. Он начал агитировать своих товарищей, требуя свободных выборов в местных профсоюзных организациях, и предложил изгнать из них продажных профсоюзных активистов.

Эмилио Камардо, мафиозо, «профсоюзный деятель» и член банды Анастазия, не раз открыто угрожал Питеру Панто и требовал, чтобы тот прекратил свою деятельность и убрался из порта.

Когда 14 июля 1939 г. Питер Панто исчез, полиция принялась за расследования с традиционного объявления розыска пропавшего. Нашлись свидетели, которые видели Питера Панто, когда он вместе с несколькими «профсоюзными активистами» сажился в автомобиль, принадлежавший банде Анастазия. Были и свидетели, которые слышали, как Камардо угрожал Питеру Панто. Казалось, этого было достаточно, чтобы начать уголовное дело. Однако никакого расследования вообще не было проведено.

В 1951 г. О'Дуайер был вновь вызван в сенатскую комиссию по «делу Панто». Между сенатором Тоби и бывшим прокурором Нью-Йорка состоялся следующий диалог.

Тоби. Проводили ли следственные органы Нью-Йорка в 1939 г. расследование убийства некоего Панто и рэкета в портовом районе Бруклина и шести профсоюзных организациях, находившихся под контролем Камардо?

О'Дуайер. Да, сэр.

Тоби. Было ли Вам известно, что эти профсоюзные организации контролировались Альбертом Анастазия, Эмилем Камардо, Джеком Перизи и Энтони Ромео?

О'Дуайер. Информация, которой я располагал в то время, свидетельствовала, что Камардо... Насколько я помню, в профсоюзах было несколько руководителей, но нам было известно, что в порту заправлял Альберт Анастазия.

Тоби. Итак, главарем рэкетиров был он?

О'Дуайер. Да, сэр!

Тоби. При опросе более ста свидетелей по делу рэкетиров было установлено, что Анастазия, Ромео и другие гангстеры похитили из профсоюзных касс не

одну сотню тысяч долларов, а бухгалтерские книги, ведомости и другую отчетную документацию профсоюзов уничтожили. Это верно?

О' Дуайер. Если верить показаниям свидетелей, да.

Итак, не обращая внимания на явные улики, О' Дуайер не принял никаких мер против Анастасия, Камардо и их сообщников. О' Дуайер не принял никаких мер даже тогда, когда гангстер Элли Танненбаум, по прозвищу Тик-Так, чтобы спасти свою жизнь, положил на стол прокурора письменные показания. Танненбаум утверждал, что убийца Менди Вайс, некогда участвовавший в покушении на гангстера Датча Шульца, а также Альберт Анастасия и Джимми Феррако, по кличке Грязнолицый, принудили Питера Панто поехать с ними на квартиру Феррако.

О том, что произошло позднее, Вайс рассказал Танненбауму так: «Как только этот парень переступил порог, то сразу понял, что влип. Я схватил его за горло и начал душить, но он стал сопротивляться, и уж тут я не мог удержаться, чтобы не свернуть ему шею».

Показания Танненбаума были в руках О' Дуайера, они были подшиты в дело. Они не были изъяты оттуда даже тогда, когда 29 января 1941 г. в Линдхерсте, штат Нью-Джерси, в известковом карьере был найден труп Питера Панто.

Спустя несколько месяцев появилось другое убедительное доказательство причастности банды Анастасия к этому убийству — показания одного из шефов «Корпорации убийц»!

22 марта 1941 г. в 17 часов 30 минут молодая женщина в светлом пальто с меховым воротником вышла из лифта на четвертом этаже мэрии Бруклина и по длинному коридору торопливо направилась к двери с табличкой «Окружной прокурор».

Был уже конец рабочего дня, и прием был окончен. Но молодая женщина с заплаканными глазами настаивала, чтобы секретарша доложила о ней прокурору: «Скажите, что о встрече с ним просит жена Эйба Рилза».

Заместитель О' Дуайера, Бартон Таркас, буквально подпрыгнул как ужаленный, когда секретарша доложила ему о поздней посетительнице. Имя Эйба Рилза, по прозвищу Кид Твист, было хорошо известно в этом офисе. В свое время он вел ожесточенную борьбу с бандой Хэппи Майоне, затем банды объединились, и под

руководством Альберта Анастазия на их основе была создана «Корпорация убийц». Вот уже несколько месяцев Рилз находился в заключении по обвинению в убийстве.

«Послужной список» Эйба Рилза выглядел впечатляюще: 1923 г.— осужден за два преступления, однако отбывание наказания было приостановлено; 1925 г.— за участие в нападении приговорен к году тюрьмы; 1927 г.— предъявлено обвинение в вооруженном нападении, но из-за недостатка доказательств оправдан; 1928 г.— осужден за разбой и кражу со взломом; за первое преступление он не понес наказания, за второе — получил шесть месяцев тюрьмы, однако был досрочно освобожден; 1930 г.— осужден за два разбойничьих нападения, из которых одно было совершено с использованием огнестрельного оружия, и за два убийства, однако отбывание наказания было прервано; 1932 г.— предъявлено обвинение в торговле наркотиками, в нанесении телесных повреждений, в хулиганстве и разбойном нападении; расследование этих преступлений было прекращено; 1933 г.— осужден за нападение и убийство, но от отбывания наказания был освобожден; 1934 г.— за нападение и убийство приговорен к тюремному заключению, но приведение приговора в исполнение было приостановлено. И сразу после освобождения Рилз совершает новое убийство.

С 1936 г. действия «Корпорации убийц» были столь хорошо продуманы и организованы, что полиции долгое время не удавалось схватить Рилза за руку. Однако на этот раз дело приняло серьезный оборот, и, очевидно, в страхе перед электрическим стулом у Рилза сдали нервы. «Моему мужу нельзя умирать. В июне у нас должен родиться ребенок. Эйб хочет говорить. Он хочет встретиться с мистером О'Дуайером», — сказала жена Рилза.

ПАМЯТЬ ЭЙБА РИЛЗА

Таркас незамедлительно позвонил своему начальнику, и О'Дуайер, получив разрешение на свидание с заключенным, срочно поехал в тюрьму. Жена Рилза покинула мэрию в сопровождении четырех полицейских, которые с этого момента должны были постоянно охранять ее от возможной мести «Коза ностры».

В 21 час Рилз в сопровождении О'Дуайера отпра-

вился в офис окружного прокурора. «Даю вам слово, что с моей помощью вы можете прославиться на всю Америку, — заявил прокурору Рилз, когда с него сняли наручники. — Я могу объяснить серию загадочных убийств, и это откроет нации глаза!»

Затем Рилз поставил свои условия, и О'Дуайер согласился их выполнить: частичная отмена обвинений, учет смягчающих вину обстоятельств, ни одно из показаний Рилза не должно быть использовано против него самого.

Рилз давал показания двенадцать дней подряд, они составили двадцать пять томов. У Рилза оказалась феноменальная память. Он детально рассказал многие подробности, назвал даты, время, имена, места преступлений. Эйб Рилз подробно описал восемьдесят пять «отлично выполненных» в Бруклине преступлений, описал структуру «Корпорации убийц», сообщил о ее работе, рассказал все, что знал о широко разветвленной организации «Коза ностра», о ее главарях: Анастазия, Костелло, Лучано, Дженовезе, Адонисе и многих других.

Теперь в руках окружного прокурора было достаточно доказательств, чтобы начать большую схватку с мафией: нанести сокрушительный удар по «Коза ностре» и ликвидировать «Корпорацию убийц». Но О'Дуайер не спешил действовать. В 1951 г. на допросе в сенатской комиссии по расследованию преступлений бывший прокурор уклонился от прямого ответа на вопросы сенатора Тоби.

Тоби. Ответьте, пожалуйста, на такой вопрос. Кто был президентом или председателем руководящего совета «Корпорации убийц»?

О'Дуайер. Я могу сказать лишь то, что узнал из показаний Рилза. Он рассказал, что указания для организации исходили от «комбинации»¹ и что, насколько ему известно, постоянного шефа она не имела. Это была лишь «комбинация», альянс. Однако это понятие можно было толковать по-разному, и, хотя он часто рассказывал о мафии, у меня сложилось такое впечатление, что Рилз знал о ней не слишком много.

Тоби. Вам известно, кто финансировал «Корпорацию убийц»?

¹ Совет «Корпорации убийц» выбирался из влиятельных мафиози и гангстеров путем сложного комбинационного розыгрыша. (*Прим. пер.*)

О' Дуайер. «Корпорация» никогда не платила за отдельные преступления. Так называемые «войска» состояли в большинстве случаев из подростков, и «комбинация» давала им возможность подработать: игральные автоматы, публичный дом либо еще что-нибудь в этом роде, но об этом я узнал немного. Вероятно, им разрешались какие-нибудь «незаконные» действия, вроде рэкета, где-нибудь по соседству. Когда это было необходимо, «войска» были готовы, например, украсть автомобиль, необходимый для совершения убийства или для того, чтобы замести его следы, стоять на стреме. Ну а если Анастасия давал приказ убить человека из банды на соседней территории, это опять делали они.

Итак, и в 1951 г. О' Дуайер о многом умолчал. Что же было в двадцати пяти томах дела, которые куда-то бесследно исчезли? Какие силы были в этом замешаны? По чьему приказу в 1941 г. О' Дуайер ничего не предпринял против мафии? Как собирался он теперь поступить с Рилзом?

Сделав признание, Эйб Рилз категорически возражал против возвращения в тюрьму, не без оснований опасаясь мести мафии за то, что «запел». Поэтому окружной прокурор О' Дуайер распорядился доставить Рилза на Кони-Айленд. На шестом этаже отеля «Хаф Мун» его поместили в отдельный номер под круглосуточную охрану шестерых полицейских.

Утром 12 ноября 1941 г. Рилза, несмотря на принятые меры предосторожности, нашли во дворе отеля с размозженным черепом. Из окна его номера, как флаги, свисали связанные вместе несколько простыней. Главный свидетель против мафии был мертв. Больше он уже не мог давать в суде показания ни о мафии, ни о «Корпорации убийц».

Что же произошло в отеле на Кони-Айленд? В 1951 г. сенатская комиссия по расследованию преступлений Кефопера заинтересовалась этим. Сенатор Тоби связался с заместителем шефа нью-йоркской полиции Фрэнком Балзом, который в то время нес ответственность за охрану Эйба Рилза.

Балз. Рилз боялся мести гангстеров, и я не верю, что он хотел бежать. К тому же Рилз был слишком труслив, чтобы решиться на самоубийство.

Тоби. Выдвигалась ли при проведении расследования версия, что Рилза вытолкнули или выбросили из окна?

Балз. Я думаю, Рилз хотел над нами подшутить. По связанным простыням он, наверное, хотел опуститься этажом ниже, подняться по лестнице и напугать нас. Шутка не удалась — он сорвался.

Тоби. И шесть полицейских в коридоре не заметили ничего подозрительного?

Балз. В это время полицейские спали.

Тоби. Все шесть полицейских заснули одновременно? И это говорите вы, человек, отвечающий за охрану Рилза? И вы не задумались, почему так случилось? Это же смешно! О'Генри не смог бы выдумать более удивительной и нелепой истории, чем эта.

О'Дуайер, которого сенатская комиссия Тоби допросила по делу Рилза, не согласился с «версией» Балза. Он утверждал, что Рилз, очевидно, хотел сбежать и при этом сорвался. Однако, подводя итоги расследования, сенатор Тоби сделал однозначный вывод: «Рилз был преднамеренно убит!» В результате расследования комиссия установила весьма примечательный факт: в показаниях Рилза содержались сведения о связях с преступным миром... Балза, заместителя шефа нью-йоркской полиции. И все же О'Дуайер не обратил на это внимания и не только не отстранил Балза от занимаемой должности, но поручил ему охрану Рилза!

В октябре 1963 г. другая сенатская комиссия по расследованию преступной деятельности мафии также в связи с делом Рилза допрашивала мафиозо Джозефа Валачи, который без обвиняков заявил, что «не следовало городить весь этот огород: и без того можно было догадаться, что Кид Твист был убит полицейскими!»

ПЯТНА НА ШКУРЕ ЛЕОПАРДА

В 1941 г. расследование загадочного исчезновения Питера Панто так и не было произведено. Анастазия, разумеется, понимал, что наступит день, когда даже О'Дуайер не сможет более покрывать его. Поэтому он на время исчез из Нью-Йорка и вступил добровольцем в американскую армию. После нападения Японии на Пёрл-Харбор и последовавшего за ним вступления США во вторую мировую войну численность армии стремительно росла. В армию брали всех желающих.

На военную службу был призван также и О'Дуайер. Правда, свою военную карьеру он начал сразу с чина полковника. Дела в Нью-Йорке он передал своему

заместителю Фрэнку Дж. Морану, тому самому Морану, который в «деле Панто» заслушал свидетельские показания Элли Танненбаума об убийстве профсоюзного активиста и протокол направил О'Дуайеру, а тот — в архив. Вскоре по указанию Морана из списка разыскиваемых было вычеркнуто имя Альберта Анастазия. Энтони Ромео, один из непосредственных участников убийства Питера Панто, арестованный в мае 1942 г. по подозрению в убийстве Панто, просидел в заключении несколько дней, затем благодаря стараниям Морана был освобожден, а три недели спустя убит при загадочных обстоятельствах.

К тому времени О'Дуайер успел стать уже бригадным генералом военно-воздушных сил, однако не прерывал контактов с Нью-Йорком. Губернатор Ла Гуардиа все еще находился у власти, но самым могущественным человеком Нью-Йорка называли Фрэнка Костелло.

В штате Луизиана Фрэнк Костелло при благосклонном содействии сенатора Хью Лонга довольно быстро сколотил громадное состояние. Дело он начал с игровых автоматов — «одноруких бандитов», затем купил в Новом Орлеане клуб «Биверли кантри» и открыл в нем игорное заведение. Костелло не находил ничего дурного в эксплуатации игорных страстей своих ближних. «У девяноста девяти процентов людей, — заявил он как-то, — единожды возникает безудержное желание сыграть в надежде обогатиться. Закон бессилён в борьбе с этим безумием. Всегда найдется крючок, на который можно поймать кошку. Невозможно со шкуры леопарда смыть пятна. Когда человека охватывает неоценимое влечение к игре, он пускается на самые хитрые уловки и всегда находит удобный случай, чтобы удовлетворить, наконец, свою страсть».

Фрэнк Костелло был тем человеком, который умел легко разжигать игорные страсти. При этом неплохо зарабатывал и Джон Грош, шериф Нового Орлеана. За то, что он закрывал глаза на делишки гангстеров, они регулярно приносили ему домой увесистую пачку банкнот; общая сумма подношений составила 15 тыс. долл.

В 1936—1937 гг. прибыли Костелло и его партнера Кастеля достигли 2,5 млн долл.

КАНДИДАТ КОСТЕЛЛО

В декабре 1942 г. новоиспеченный бригадный генерал О'Дуайер навестил дона мафии Фрэнка Костелло, проживавшего в аристократическом квартале Централ-парк-вэст. Это был довольно странный визит, но еще более странным было объяснение О'Дуайера по этому поводу. Как он утверждал позднее, речь будто бы шла об армейских делах, а точнее, о каком-то контракте на поставку форменного обмундирования. Возможно, это было и так. Прибыли, получаемые от игорных притонов, Костелло, между прочим, выгодно вкладывал и в текстильную промышленность. Так почему бы мафиозо Костелло не заработать и на войне?!

Правда, было одно обстоятельство, которое противоречило представленному О'Дуайером объяснению этого визита. У дона мафии он появился в сопровождении своего бывшего заместителя Фрэнка Дж. Морана, который не имел никакого отношения к делам армии. Моран считался одним из ближайших друзей Костелло.

В элегантно обставленной квартире Костелло посетителей ожидал некий Ирвин Шерман, добрый приятель Костелло и другого дона мафии, Джо Адониса. (После войны Шерман возглавит предвыборную кампанию О'Дуайера, когда тот выдвинет свою кандидатуру на пост губернатора Нью-Йорка.) Кроме Шермана на этой встрече присутствовали шеф Таммани-холла Майкл Дж. Кеннеди (однофамилец будущего президента США) и его секретарь Берт Стонд.

Несомненно, во время встречи речь шла о политике в штате Нью-Йорк. Ведь Кеннеди был обязан своей руководящей ролью в Таммани-холле поддержке Костелло. Друзьями Костелло были и тридцать других руководителей Таммани-холла. Вскоре должны были состояться дополнительные выборы в верховный суд штата Нью-Йорк. Костелло настаивал на том, чтобы на должность судьи был выдвинут человек мафии — итальянец Томас А. Аурелио. Однако заправилам Таммани-холла показалось, что такой кандидат слишком явно связан с «Коза нострой», и они колебались. Костелло вызвал Майкла Дж. Кеннеди к себе. «Вы мужчина или тряпка?» — кричал он. Кеннеди пытался оправдаться. В конце концов главарь мафии добился своего. 28 августа 1943 г. демократическая партия выдвинула Томаса Аурелио на эту должность.

На следующее утро после выборов окружной прокурор Хоуган получил сенсационную стенограмму. За несколько недель до этого Хоуган распорядился прослушивать все телефонные разговоры Костелло. В то утро у донна мафии состоялся такой разговор.

Аурелио. Доброе утро, Франческо, как поживаешь? Большое спасибо за поддержку, которую ты оказал мне.

Костелло. Поздравляю. Кажется, все прошло гладко. Если я что-то пообещал, то на меня можно положиться.

Аурелио. В любом случае я хотел бы заверить тебя в своей лояльности. Я не забуду того, что ты для меня сделал.

Но Аурелио был избран, и Хоуган уже ничего не мог изменить. Тем временем О'Дуайер готовился к новой миссии. В случае оккупации Италии американскими войсками ему предстояло работать в Высшей союзной комиссии. А в Италии, как известно, неофициально господствовала мафия. С ее помощью бригадный генерал О'Дуайер мог многого добиться!

МАФИЯ И ГЕНЕРАЛЫ

Это человек среднего интеллекта, натура низменная, паразитическая, вместе с тем наделенная немалой долей чувствительности. Его жизненные идеалы ограничены деньгами, красивыми женщинами, шелковым нижним бельем и элегантным жильем. По существу он ребенок, в характере преобладают беспощадность и жажда деятельности. Он читает только газеты, а в них интересуется главным образом рисунками и юмором. Его культурные интересы крайне ограничены.

Из заключения психиатра тюрьмы Даннемора, сделанного после обследования Чарлза Лучано

В мае 1942 г., к своему великому удивлению, Лучано был переведен в тюрьму Грейт Медоу в Комстоке. Казалось, счастье вновь улыбнулось «Счастливику». Грейт Медоу считалась тюрьмой с относительно «мягким» режимом. В ней содержались лишь мелкие преступники и больные заключенные. Сразу после вынесения летом 1935 г. приговора — 50 лет тюрьмы — Лучано был помещен в печально известную Синг-Синг, где во время первого обследования психиатров врачи засвидетельствовали: «Лучано — опасный субъект, которому не следует предоставлять большой свободы. Из-за пристрастия к наркотикам подлежит содержанию в тюрьме Даннемора». Так «Счастливик» стал заключенным № 92168, рабочим тюремной прачечной. И вот через семь долгих лет последовал неожиданный перевод в Комсток.

Три дня спустя Лучано привели в комнату для свиданий. Через несколько минут распахнулась дверь, и... пораженный Лучано плюхнулся на стул: в комнату свиданий вошел Мозес Полакоф, его доверенный адвокат, а за ним старый приятель по «Большой шестерке» известный гангстер Мейер Лански.

«Какого черта вам здесь нужно, ребята?» — с трудом проговорил Лучано.

Что им было нужно? Как ни странно, помощь Лучано! Не для себя, правда, — для американских вооруженных сил! Только поэтому стал возможен их визит в тюрьму. И только поэтому Лучано был переведен из Даннемора в Комсток, подальше от зорких глаз гангстеров, которые из подобной встречи могли сделать неверные выводы...

Лучано пришлось выслушать длинную историю. 7 декабря 1941 г. японцы неожиданно напали на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор на Гавайских островах и уничтожили основные силы Тихоокеанского военно-морского флота Соединенных Штатов. В тот же день японцы высадились на побережье Филиппин — американской колонии в Южной Азии. 11 декабря 1941 г. фашистские Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам Америки.

Американские вооруженные силы оказались перед совершенно неожиданной проблемой: протяженное восточное побережье США с крупнейшими в стране портами было открытым и не защищенным от нападения подводных лодок гитлеровской Германии, которые бороздили Атлантику. Кроме того, в США проживали десятки тысяч немцев, многие из них входили в Американо-германский союз — объединение, которое теснейшим образом сотрудничало с заграничными отделениями национал-социалистической партии. Из членов этого союза могли быть сформированы профашистские группы саботажников, действующих на жизненно важных транспортных линиях, которые связывали порты восточного побережья с Европейским театром военных действий. Признаков усиления активности фашистских молодчиков было вполне достаточно. Когда в феврале 1942 г. на пирсе Манхэттена в Нью-Йорке сгорел французский пароход «Нормандия», переоборудованный в военно-транспортное судно, капитан III ранга Чарлз Редклифф Хаффенден из контрразведки американского ВМФ, расследовавший это дело, ни минуты не сомневался в том, что пожар произошел в результате диверсии.

ОХОТНИКИ ЗА ГАНГСТЕРАМИ НА СЛУЖБЕ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

Нью-Йорк как центр переброски войск, техники, боеприпасов и продовольствия на Британские острова и Африканский театр военных действий имел столь важное значение, что не мог не стать благодатным полем деятельности для вражеских разведывательных служб. Различные контрразведывательные службы США установили на нью-йоркских небоскребах наблюдательные посты, которые с утра до вечера осматривали горизонт, стараясь обнаружить вражеские подводные лодки.

Однако США находились в состоянии войны не только с фашистской Германией, но и с Италией, а нью-йоркские порты, где производилась погрузка военной техники и войск, многие годы были под контролем «Коза ностры» — организации, которая, как известно, возглавлялась итальянцами.

Контрразведка США встала перед серьезной проблемой создания широкой агентурной сети. Сложность решения этой, казалось бы, простой задачи заключалась в том, что для устройства на какую-нибудь должность в сфере обслуживания необходимо было состоять в соответствующем профсоюзе. Как проникнуть в эти профсоюзы, которые в большинстве случаев находились под тайным контролем мафии?

На Чёрч-стрит, 90, недалеко от причала, сразу же за небоскребом универмага «Вулворт», располагалась штаб-квартира 3-го военно-морского округа. Здесь же размещалась военно-морская разведка США. Сюда сходились все нити контрразведывательных служб восточного побережья. Наряду с кадровыми разведчиками здесь работали недавно призванные на военную службу служащие адвокатских контор, полиции и прокуратуры. Среди них были лейтенант Джеймс О'Малли и капитан Энтони Марсло, которые до войны работали в бюро окружного прокурора Нью-Йорка Фрэнка Хоугана, считавшегося большим специалистом по делам мафии. Специфика работы в данной области заключалась в том, что тот, кто занимался в Нью-Йорке расследованием преступлений, совершаемых «Коза нострой», рано или поздно оказывался у границы, за которой следы терялись, как в непроходимом, густом мелком кустарнике. И этой границей был омерта — закон абсолютного молчания.

7 марта 1942 г. новоиспеченные офицеры морской разведки О'Малли и Марсло вместе со своим бывшим шефом Хоуганом сидели в офисе эксперта по ракету Мюррея Гарфейна, который немало потрудился над тем, чтобы в 1935 г. упрятать в тюрьму Лучано. О'Малли и Марсло рассказали о трудностях, с которыми они столкнулись в своей работе, о невозможности эффективно держать под контролем порт Нью-Йорка. Непосредственный начальник обоих офицеров Роско Макфолл, также пришедший на эту встречу, после обсуждения трудностей общего порядка без обиняков выложил: «Откровенно говоря, мы находимся в крайне затрудни-

тельном положении. К тому же у нас мало времени, и мы должны действовать быстро, не считаясь со средствами для достижения цели».

Прокурор Хоуган понял намек, содержащийся в словах Макфолла: «Все, что мы узнаем по интересующему вас делу: информацию, контакты с преступным миром, немедленно передадим вам».

«Я не имею ничего против сведений, которые получу от представителей преступного мира. Но разумно ли это? Можно ли доверять этим людям? — сомневался Макфолл.— И вообще, согласятся ли они помочь нам? Нам доставляют много хлопот сторонники Муссолини и Гитлера. Смогут ли бывшие бутлеггеры, даже с их большим опытом, установить контакты на море, разумеется за хорошее вознаграждение?»

Хоуган успокоил: «Я глубоко убежден, что очень многие из этих итальянцев-рэкетиров — лояльные американцы. Насколько я их знаю, они ни в грош не ставят Муссолини». И окружной прокурор рассказал, что произошло на Сицилии после прихода к власти Муссолини и установления фашистской диктатуры.

ПОХОД МУССОЛИНИ ПРОТИВ МАФИИ

В начале 20-х годов банды главы итальянских фашистов Бенито Муссолини обосновались и на апельсиновом острове в Средиземном море. Князя мафии относились к фашистам со смешанным чувством. С одной стороны, мафиози одобряли безудержный террор против всех сицилийцев, боровшихся за социальный прогресс, с другой стороны, они и не помышляли о том, чтобы делить власть на острове со сторонниками Муссолини, а тем более уступать ее. Поначалу мафиози относились к фашистам с уважением и не доводили дело до конфликтов. Напротив, они оказывали фашистам всяческую помощь.

Еще до прихода Муссолини к власти фашисты попросили дону Калоджеро Виццини, главаря мафии из Виллальбы, спрятать у себя их товарища. Виццини, к тому времени считавшийся уже «кронпринцем», наследником главы сицилийской мафии дона Вито Кашо Ферро, охотно выполнил эту просьбу. Фашист, которого он спрятал, совершил преступление, считавшееся в мафии делом обычным: он убил своего политического

противника. Фашист не забыл услуги, оказанной ему Виццини.

Кроме того, «братство» предусмотрительно пожертвовало некоторую сумму на организацию «похода на Рим», который Муссолини и его приверженцы устроили 28 октября 1922 г. «Сценарий» похода был продуман досконально. Реакционно настроенный офицерский корпус, крупная итальянская буржуазия, князья церкви и королевская семья поддержали этот марш чернорубашечников, поэтому ни армия, ни полиция не остановили будущего фашистского диктатора. 31 октября итальянский король Виктор Эммануил III назначил Муссолини главой правительства. Установление фашистской диктатуры сопровождалось волной террора не только против рабочего класса и Итальянской коммунистической партии, но и против крестьянства. Только в течение августа и первой недели сентября 1923 г. было зарегистрировано 369 тяжких преступлений, совершенных фашистами.

Первые мероприятия фашистского правительства показали, что представляла собой диктатура Муссолини: было отменено официальное празднование Первого мая, уменьшена заработная плата рабочих и служащих на государственных предприятиях, ликвидирован налог на предметы роскоши, гарантирована тайна банковских вкладов и акций промышленных предприятий, аннулирован декрет, который позволял вступать во владение неводеланной землей, повышена ввозная пошлина на пшеницу и объявлено о полном расторжении договоров с арендаторами земли.

Первое время новые господа в Риме мало напоминали о себе сицилийской мафии. Здесь по-прежнему оставалась в силе поговорка, что «на Сицилии три правительства: Рим, региональное правительство и мафия; но мафии необходимо беспрекословно подчиниться либо умереть». Когда фашисты отваживались вторгаться в традиционные вотчины мафии, мафиози убивали их. И в то же самое время они были готовы совершить любое преступление по поручению фашистов. Так, в июне 1924 г. по приказу Муссолини мафиозо Америго Думини убил вожака социалистов Джакомо Маттеотти. Выступив в парламенте, Маттеотти разоблачил преступления фашистов; он рассказал о неслыханном терроре, развязанном фашистами во время выборов в апреле 1924 г. 37 % избирателей не приняли участия в этих выборах, а 25 % голосовали против фашистской партии.

И, несмотря на это, Муссолини продолжал утверждать, что правит от имени всего народа.

Как бы то ни было, но фашистский диктатор и не помышлял делить на Сицилии свою власть с мафией, точно так же как и «братство» не собиралось подчиняться ему. Назревало столкновение.

В 1924 г. Муссолини предпринял поездку на Сицилию. В столице Сицилии Палермо его сторонники устроили фашистскому диктатору бурную встречу, во время которой сотрудники службы безопасности думали только об одном: чтобы мафия не устроила никакого инцидента. Казалось, их опасениям пришел конец, когда неожиданно Муссолини пришла в голову мысль посетить жалкий, захолустный городишко Пьяна-деи-Гречи. В каком-то путеводителе или проспекте дуче прочел, что здесь была греко-православная церковь и сохранился древнеалбанский фольклор. В XV в. предки албанцев здесь спасались от турецкого ига.

В этом забытом богом городишке правил самовластный мэр Чиччо Кучча, которого местные жители почтительно называли дон Чиччо. Занимаемая им государственная должность ни в коей мере не мешала ему управлять местной мафией. О доне Чиччо, не уступавшем в своем тщеславии самому Муссолини, как легенду, рассказывали историю, которая произошла за год до приезда дуче, в 1923 г., когда итальянский король Виктор Эммануил III на несколько часов остановился в этом местечке. Во время осмотра царствующей семьей церкви дон Чиччо оказался рядом с королем, и не успел его величество оглянуться, как в руки ему сунули новорожденного. Когда король покинул храм божий, он был уже крестным отцом сына главаря мафии Пьяна-деи-Гречи, дона Чиччо, которому кроме выпавшей на его долю чести в соответствии с придворным этикетом полагалось получить от королевской фамилии высший итальянский орден — Рыцарский крест.

Службу безопасности беспокоило и то, что Пьяна-деи-Гречи был одним из центров борьбы сицилийских крестьян, недовольных своим тяжелым положением. Здесь в 1893 г. произошло крупнейшее на Сицилии крестьянское восстание.

Во время поездки по Пьяна-деи-Гречи Муссолини воспользовался автомобилем мэра. Дон Чиччо занял место рядом с диктатором. Когда по бокам автомобиля выстроился эскорт мотоциклистов, дон Чиччо с вызовом

обратился к Муссолини и его свите: «В чем дело? Почему здесь так много полицейских? Рядом со мной вам нечего опасаться. Здесь я хозяин!»

От такого нахальства дуче на миг лишился дара речи. Придя в себя, он с плохо скрываемым раздражением отдал приказ, чтобы эскорт службы безопасности все же сопровождал его.

Теперь уже дон Чиччо почувствовал себя в высшей степени оскорбленным, поскольку в этом он усмотрел удар по своему «престижу». И Чиччо Кучча по-своему отомстил главе итальянских фашистов, чего дуче, разумеется, не простил ему. Когда Муссолини взошел на празднично оформленную трибуну, чтобы произнести перед жителями городка заранее подготовленную и отрепетированную речь, то не поверил своим глазам: на площади собралось лишь несколько десятков его сторонников. Остальные жители бойкотировали выступление диктатора. Об этом, конечно же, позаботился дон Чиччо.

Догадавшись, что все это было организовано не без участия «Общества чести», Муссолини пришел в неопишемую ярость. Вместо предусмотренной торжественной речи для граждан и отцов города он, дрожа от гнева, заявил, что полностью искоренит мафию. Это происшествие в Пьяна-деи-Гречи послужило началом открытой войны между «Обществом чести» и фашистским режимом Муссолини.

СТРАННАЯ СТАТИСТИКА УБИЙСТВ

Вернувшись в Рим, Муссолини вызвал к себе шефа полиции Чезаре Мори, славившегося особой жестокостью и зверствами, и отдал приказ о тотальном искоренении мафии. При этом Муссолини не забыл разыграть из себя благодетеля народа, заявив: «Во время поездки по Сицилии на торжественном митинге перед огромной, восторженно приветствовавшей меня толпой я поклялся, что освобожу благородный сицилийский народ от преступных происков мафии».

Северянин Чезаре Мори начал эту работу, пустив в ход всю мощь вверенного ему полицейского аппарата. Убежденный фашист, он был сторонником таких испытанных средств, как террор, пытки и убийства. Первым был отдан приказ об аресте дона Чиччо, который осмелился столь бесцеремонно обойтись с дуче. Для этого

Мори использовал очень эффектный трюк. Он послал мэру и главарю мафии в Пьяна-деи-Гречи персональное приглашение на коктейль. Вот так дон Чиччо в лучшем праздничном костюме очутился в палермской тюрьме Уччардоне, пользовавшейся в Сицилии дурной славой.

Впрочем, приемы, которые шеф полиции фашистского режима Муссолини использовал в дальнейшем в борьбе с мафией, не отличались разнообразием и оригинальностью. Действуя по пословице «клин выбивают клином», Мори не только широко использовал в своей деятельности преступные методы мафии, но и во многих случаях превзошел их. Не мудрствуя лукаво, он приказал — виновен ли, невиновен — сотнями пропускать сицилийцев через машину фашистской юстиции. Средневековая инквизиция, под гнетом которой сицилийцы когда-то так много пострадали, вновь возродилась на острове. Удары кнутом по спине, предварительно смоченной соленой водой, вырывание ногтей были дополнены современным орудием пытки — электрошоковой аппаратурой. Сицилийцы, «разоблаченные» как мафиози, либо приговаривались к смертной казни, либо заключались в тюрьму, либо в кандалах депортировались на остров Утика и Липарские острова в Средиземном море, служившие фашистам гигантскими концентрационными лагерями.

Наряду с грандиозной кампанией террора, от которой, кстати, пострадало больше невинных сицилийцев, нежели мафиози, власть предпринимала прямотаки смехотворные акции. Так, Чезаре Мори приказал уменьшить высоту стен, окружающих дворы жителей Сицилии, до 90 сантиметров, мотивируя свое решение тем, что «спарафучиле», убийцы «Общества чести», нередко поджидали свои жертвы за стенами.

В 1929 г. шеф полиции Италии с триумфом объявил, что фашистам наконец-то удалось одержать над мафией полную победу. Они будто бы завершили дело, с которым не могли справиться все предшествующие правительства. Это заявление было подкреплено весьма красноречивой статистикой: 1922 г. — 223 убийства, 1923 г. — 224, 1924 г. — 278, 1925 г. — 268, 1926 г. — 77, 1927 г. — 37, 1928 г. — 25, 1929 г. — только 1 убийство.

Произведенными позднее расследованиями было установлено то, что и без того знали все жители Сицилии. Приведенные Чезаре Мори статистические данные были высосаны из пальца. Они должны были оправ-

дать развязанную фашистами кровавую кампанию.

Позднее итальянское статистическое бюро (по неполным данным) установило, что в 1922 г. мафией было совершено по меньшей мере 823 убийства. Даже в 1929 г., в период, когда мафия действовала, разумеется, более осторожно, на кровавом счету «братства» было не менее 124 убийств. Но такая статистика преступлений мафии явно не устраивала диктатора Муссолини, так как свидетельствовала о полной несостоятельности властей в борьбе с «Обществом чести». Фюрер итальянских фашистов претенциозно охарактеризовал операцию «Антимафия» как «смелую хирургическую операцию, проведенную решительными движениями скальпеля». В своей речи, обильно пересыпанной цветистыми фразами, которыми маскировался фактический провал широко задуманной фашистами кровавой акции, Муссолини объявил об «окончательной победе» над мафией. Однако даже террористическими акциями фашистскому режиму не удалось подрубить корни «мала пьянта» — «сорной травы». Напротив, операция «Антимафия» нанесла удар скорее по невиновным, чем по виноватым, поскольку наличие в доме большого ножа или длинных ножниц служило достаточным основанием для того, чтобы фашистский суд приговорил их владельцев к большим срокам тюремного заключения. В этой атмосфере процветали доносы, позволявшие сводить счета с личными врагами.

Многие влиятельные мафиози ушли из-под удара Мори очень простым способом — вступили в ряды фашистской партии. Другие лидеры «Общества чести» стали работать в тесном контакте с бонзами фашистской партии, которые защищали их от преследований Мори. Не без помощи администрации Муссолини многие из них бежали в Северную Африку или Соединенные Штаты, и, разумеется, ни один не был сторонником фашистского режима.

Калоджеро Виццини, которого почтительно называли не иначе как дон Кало, фашистская полиция не тронула. Молодой фашист, которого дон Кало некогда укрыл у себя от преследований полиции за убийство политического противника, был назначен статс-секретарем министерства иностранных дел и, взяв под защиту будущего главаря мафии Сицилии, оплатил ему услугой за услугу. Вскоре после ареста дона Кало выпустили на свободу.

ДОН ВИТО ОСТАВЛЯЕТ СВОЙ ТРОН

Во время операции «Антимафия» из-под удара фашистской полиции ушли почти все главари мафии, кроме некоронованного короля сицилийской мафии дона Вито Кашо Ферро. К моменту ареста на его личном счету кроме убитого в 1909 г. лейтенанта американской полиции Джо Петрозино было около двадцати жертв. Дон Вито, лицо которого обрамляла седая окладистая борода, манерой держаться старался походить на почтенного господина. Изысканным манерам дона соответствовала и одежда: широкополая шляпа, элегантный сюртук, из-под которого выглядывала плиссированная сорочка, украшенная бантом; на охоте он появлялся в модных в то время бриджах. Ко всему главарь бандитов острова был ревностным католиком и с примерным постоянством каждое воскресенье появлялся в церкви своего прихода.

Герцоги и бароны, депутаты парламента и промышленники почитали за честь получить приглашение на прием к главарю мафии в его старинный дворец в Палермо. Но мало кто знал, что этот закоренелый преступник, выглядевший настоящим аристократом, был неграмотным и с большим трудом мог поставить на бумаге свою замысловатую подпись. Правда, это не мешало дону Вито держать подпольную типографию, в которой с необыкновенным мастерством подделывались любые документы.

В 1929 г. Муссолини приказал назначить суд над главарем сицилийской мафии доном Вито. Однако вопреки ожиданиям показательный процесс не состоялся. Осуждением главаря «Общества чести» дона Вито диктатор, вероятно, хотел бросить вызов еще недобитой мафии. В данном случае о «недостатке доказательств», который мог бы помешать вынести поучительный приговор, казалось бы, не могло быть и речи. Для фашистского судебного аппарата, служащие которого привыкли действовать без каких-либо угрызений совести, не составляло особого труда выполнить подобное указание. Но улик, собранных против этого закоренелого бандита, хватило лишь на то, чтобы обвинить его только в мелких правонарушениях. Как в свое время американская юстиция смогла обвинить Аль Капоне лишь в укрывательстве имущества от обложения налогом, так и Фемида фашистской Италии обвинила дона Вито в контра-

банде, возможно в наименьшем из его преступлений.

Безучастный ко всему происходящему, глава «Общества чести» терпеливо выслушивал своих обвинителей, изредка бросая на них полные презрения взгляды. После того как прокурор потребовал вынести подсудимому приговор в виде многолетнего тюремного заключения, дон Вито впервые за время судебного процесса нарушил молчание. «Господа! — сказал он среди гробовой тишины зала. — Поскольку вы не в силах уличить меня в серьезном правонарушении, вы выносите мне приговор за преступление, которого я никогда не совершал!»

За театральным действием лишения дона Вито трона, с которого он четверть века руководил «Обществом чести», последовало его заключение в печально известной тюрьме Уччардоне в Палермо, где в скором времени глава мафии и умер от болезни сердца.

Власть и непререкаемый авторитет влиятельного мафиозо действовали и за метровыми тюремными стенами. Заключение беспрекословно чистили камеру главы «Общества чести», убирали его постель, выполняли любое его желание. Надзиратели, недостаточно почтительно обращавшиеся с осужденным доном, после его обращения к директору тюрьмы заменялись или вовсе увольнялись.

Все акции фашистского режима по борьбе с мафией потерпели неудачу, несмотря на хвастливое заявление Муссолини на массовом митинге в 1934 г.: «Мафии больше нет. Она наконец уничтожена. Мы навсегда стерли ее с лица земли!»

Сицилийские мафиози на некоторое время затаились и с помощью своих братьев из американской «Коза ностры» накапливали силы в Новом Свете, чтобы вскоре вернуть себе былую власть и могущество в старой метрополии.

РАНДЕВУ С СОКСОМ

7 марта 1942 г. начались совместные действия военно-морской разведки США, которую представляли капитан Чарлз Редклифф Хаффенден и лейтенант О'Малли, с органами юстиции в лице прокурора Фрэнка Хоугана. Первой информацией, которую Хоуган передал разведке, были почти полные списки всех известных полиции гангстеров, действовавших в нью-йоркских портах. Теперь дело оставалось за тем, чтобы среди этих гангсте-

ров выявить главарей, поскольку было ясно как день, что на сотрудничество с гангстерами можно было рассчитывать только в том случае, если удастся получить на это разрешение руководителей «Коза ностры».

Более всего Хаффендена интересовали рыбаки. На своих лодках они могли тайно доставлять на фашистские подводные лодки, курсирующие у американского побережья, стратегическую информацию, продовольствие и даже топливо. Таким образом, в первую очередь необходимо было предотвратить возможность свободной связи. Но от всех рыбацких лодок и катеров ниточка вела прямо к Фултоновскому рыбному рынку в Манхэттене, а точнее, к человеку, вот уже почти десять лет контролирующему этот рынок, — Джозефу Ланце, называвшемуся также Соксом Ланцей или Джо Соксом, капо «Общества чести». Фултоновский рыбный рынок был самым крупным рыбным рынком США. Его годовой оборот составлял несколько сот миллионов долларов. Отсюда рыбные фирмы поставляли товар вплоть до Индианы и Миссисипи.

С помощью хорошо организованного рэкета Джозеф Ланца контролировал этот рынок. Торговцы рыбой не только платили ему «налог за охрану», но и беспрекословно исполняли все, что он требовал. Ланца стоял во главе союза оптовых торговцев рыбой, его люди заправляли в объединении охранников рынка и профсоюзам работников рыбной промышленности. Тот, кто имел дело с рыбой, должен был слушаться Ланцу; так повелось с тех пор, когда в начале 30-х годов гангстеры из его шайки произвели налет на этот рынок: избili продавцов и покупателей, разбили грузовики и прилавки, а товары забросали химическими бомбами.

Специалист по рэкету Гарфайн посоветовал Хаффендену поговорить сначала с адвокатом Ланцы — Джозефом К. Гьюэрином. Адвокат, внимательно выслушав Гарфайна, сказал: «Я убежден, что мой клиент поможет вам». В конце встречи Гарфайн заверил адвоката: «Должен подчеркнуть, что все, что Ланца сделает в связи с этим делом, не будет иметь для него никаких последствий. Необходимые услуги он окажет из патриотического чувства долга».

Через несколько дней адвокат Гьюэрин сообщил, что Ланца согласен на встречу, но, разумеется, ни в коем случае не в офисе окружного прокурора. «Если какой-нибудь из наших парней увидит вдруг меня в этом

офисе, то ему в голову сразу придут мысли, которые могут иметь для меня нежелательные последствия», — пояснил это условие Ланца.

И вот ночью 26 марта 1942 г. на углу Бродвея и 103-й стрит остановилось такси. Двое людей уже поджидали его пассажира, а затем все вместе отправились вниз по улице к берегу Гудзона. Это были Гарфайн, Гьюэрин и Ланца. Гарфайн изложил замысел морской разведки, апеллируя к патриотизму гангстера и подчеркивая при этом тяжелое положение, в котором они оказались. «Постараюсь помочь, — заверил Ланца. — Сделаю все, что в моих силах».

Несколько дней спустя в номере старинного отеля «Астор» капитан Чарлз Хаффенден и гангстер Джозеф Ланца согласовали детали совместной работы. Ланца дал офицеру военно-морской контрразведки номер своего телефона, с тем чтобы в любое время можно было переговорить по всем необходимым вопросам. Ни один из участников этой встречи не знал, что к тому времени прокуратура Нью-Йорка отдала распоряжение начать уголовное дело против Джозефа Ланцы, в связи с чем полиция получила разрешение подслушивать телефонные разговоры с мафиозо. Подслушивая разговоры между Ланцей и военно-морской контрразведкой, в которых мелькали непонятные условные фразы и коды, полицейские вначале даже опешили.

Хаффенден остался весьма доволен сделкой, заключенной с влиятельным мафиозо рыбного рынка. По протекции Ланцы на рыболовные суда были приняты агенты контрразведки. Снабженные радиопередатчиками, они немедленно сообщали в отдел военно-морской контрразведки о любой обнаруженной вражеской подводной лодке. Результаты операции сказались очень быстро. Борьба с подводными лодками противника стала более эффективной, караваны судов с кораблями охраны проходили более уверенно и с минимальными потерями.

Теперь военно-морской контрразведке предстояло принять меры для усиления охраны нью-йоркских доков. И вновь Хаффенден обратился за помощью к Джозефу Ланце. На этот раз рэкетир медлил с ответом. Рыбный промысел был его вотчиной, а на доки его власть не распространялась. Это была сфера влияния Альберта Анастазия. Ланца и Анастазия были большими друзьями, и можно было этот вопрос быстро урегулировать,

но с момента вступления Соединенных Штатов в войну Альберт Анастазия, главарь «Корпорации убийц», исчез из Нью-Йорка, вступив добровольцем в ряды американских вооруженных сил, где, надо сказать, нашел достойное применение своим способностям: пока гражданская полиция вела его розыск в связи с «делом Рилза», Анастазия преспокойно служил сержантом в военной полиции.

Мафиозо, замещавший Анастазия на время его «вынужденного» отсутствия, не был знаком с Ланцей. Через своего адвоката Ланца передал Хаффендену: «Я занимаюсь лишь рыбной торговлей, и все, что находится вне этой сферы, не в моей власти. Но есть такой человек, который обладает неограниченной властью. Ему достаточно сказать одно слово, и дело будет сделано».

«О'КЕЙ!» ОТ ЧАРЛИ

Адвокат в точности передал Хаффендену слова Ланцы. При этом он добавил: «Чтобы помочь вам, мой клиент должен получить «О'кей!» от Чарли!»

«Чарли?» — Хаффенден не знал, о ком шла речь. Но сотрудники контрразведки пояснили ему, что необходимо было получить разрешение от Чарлза Лучано.

Хаффенден считал, что это, конечно, пустяки, однако вскоре убедился, что дело обстояло куда сложнее. Лучано сидел в тюрьме Даннемора, внушавшей страх гангстерам своим чрезвычайно строгим режимом, и трудился в тюремной библиотеке. Благодаря власти и деньгам среди заключенных у него были даже слуги. Неожиданный визит сотрудников контрразведки в тюрьму Даннемора мог возбудить подозрения у товарищей Лучано по заключению. Необходимо было найти другой путь.

По просьбе Хаффендена прокурор Гарфайн обратился к адвокату Лучано Мозесу Полакофу, румынскому эмигранту. Вскоре с этим адвокатом удалось найти общий язык, тем более что во время первой мировой войны Полакоф служил в военно-морском флоте. Правда, к предложению военно-морской контрразведки Полакоф отнесся скептически: «Я знаком с Лучано недостаточно хорошо. Я лишь защищал его на судебном процессе. Однако я знаю кое-кого, кто в этом деле может помочь. Этот парень давно знает Лучано, он его близкий

друг и может дать вам дельный совет относительно того, захочет ли Лучано принять участие в вашей игре».

Встреча состоялась в одном из роскошных ресторанов Нью-Йорка. «Мистер Гарфайн, разрешите представить вам мистера Мейера Лански», — произнес Полакоф, указав на своего спутника, темноволосого коренастого мужчину.

Для окружного прокурора Гарфайна все это было подобно грому среди ясного неба. В этом роскошном ресторане ему предстояло вести конфиденциальную беседу с одним из отъявленнейших и опаснейших гангстеров, находившимся на свободе лишь потому, что, несмотря на все старания, органам правосудия до сих пор не удалось уличить его в совершенных преступлениях. Но что же было делать Гарфайну? В данный момент государственные интересы были превыше всего.

Лански отнесся к делу оптимистически: «Чарли обязательно поможет, хотя бы потому, что у него не осталось ничего, что бы связывало его со старой родиной. У него никого не осталось на Сицилии, вся его семья живет здесь». Лански также считал тюрьму Даннемора неподходящим местом для деловых встреч с Лучано. Теперь от военно-морской разведки зависело подготовить все остальное.

Хаффенден послал письмо начальнику тюрем штата Нью-Йорк. В нем говорилось: «В связи с проведением совершенно секретной операции военно-морские силы просят содействия в переводе Чарлза Лучано из тюрьмы Клинтон в Даннеморе в тюрьму Комстока. Это необходимо, для того чтобы строго конфиденциально через различных людей, работающих на военно-морскую контрразведку, допросить его. Письмо тотчас же после прочтения уничтожить». Столь секретный документ, разумеется, нельзя было отправлять по почте. Поэтому письмо было доставлено адресату двумя офицерами связи, и после того как тот прочел его, оно было немедленно уничтожено.

Вот какие события предшествовали неожиданному переводу Лучано в другую тюрьму и еще более неожиданному визиту туда Полакофа и Мейера Лански. Когда Лучано опомнился от удивления, оба посетителя объяснили ему, какие события за это время произошли, как Ланца помог контрразведке и с какими трудностями столкнулся в дальнейшей работе. «Мы надеемся, что ты поможешь военно-морским силам», — сказал Лански.

Счастливец кивнул: «О'кей! Я согласен помочь». После минутного раздумья он прибавил: «В тот день, когда меня перевели сюда из Даннемора, до меня дошли слухи, что опять поговаривают о моей высылке в Италию. Никто не знает, как окончится эта война. Допустим, что однажды меня все же депортируют в Италию. Так вот, если там станет известно, что во время войны я помогал военно-морским силам США, мне придется плохо. Поэтому все, что я сделаю, необходимо держать в строжайшей тайне. Никто не должен знать об этом деле!»

«Безусловно! — заверил его Полакоф. — Все, кто будут привлечены к этому делу, сохранят абсолютное молчание. Люди из разведки умеют держать язык за зубами».

«Тогда согласен, — произнес наконец Лучано. — Пришлите ко мне Джо Сокса, и я скажу ему, с кем нужно встретиться, переговорить и что следует сделать».

4 июня 1942 г. Лучано вновь привели в комнату для свиданий. На этот раз кроме Полакофа и Мейера Лански пришел еще Сокс — Джозеф Ланца. Ланца еще раз подробно объяснил Лучано сложившуюся ситуацию: «Разведка потребовала от меня того, что я не в состоянии выполнить, ведь я не знаком с нужными людьми. Но стоит тебе захотеть, и дело будет сделано».

«О'кей! — бросил Лучано. — Скажи им, что я «за». Со своей стороны я позабочусь, чтобы они узнали об этом по другим каналам».

Ланца решил привлечь к делу братьев Камардо, контролировавших пирсы Бруклина. Эмилио Камардо не без участия мафии был избран вице-президентом Межнационального профсоюза портовых рабочих, где отныне с помощью тотального террора царил «Коза ностра». Для того чтобы контрразведка могла взять под наблюдение порты Бруклина, требовалось получить разрешение Камардо.

«Обратись к Джо Адонису и Фрэнку Костелло, — посоветовал Лучано. — Скажи им, что я не возражаю, а уж Джо втолкует, что надо Камардо».

С этого дня таинственные визиты в тюрьму Комстока повторялись каждые две недели. Очень странные посетители внезапно появлялись там, и никто не знал, кто они, откуда прибывали и куда исчезали. Это было главным условием Лучано: в ходе совместной работы мафии

с контрразведкой полиция никоим образом не должна была узнать о широко разветвленной сети «Коза ностры».

Имена мафиози знал лишь Полакоф, но Полакоф был адвокатом могущественного Лучано и умел молчать. При каждом визите обязательно присутствовал Мейер Лански. Ему было известно значительно больше, чем Полакофу. Лански являлся прямым посредником, передававшим приказы Лучано кому следовало, ведь благодаря своей дружбе с могущественным Лучано и работе с ним в «Большой шестерке» Лански пользовался в среде мафиози безграничным доверием. Они беспрекословно слушались его, когда он говорил кому-либо: «Счастливец просит вас...»

СИЦИЛИЯ ПОД ЦЕЛЛОФАНОМ

И мафия, и военно-морская контрразведка, каждая со своей стороны, принимали серьезные меры предосторожности.

Каждый гангстер или мафиозо получил свой личный кодовый номер, который надежно скрывал имя преступника от полиции. Кроме того, для большей надежности беседы между мафиози и их доном часто велись на сицилийском диалекте. Адвокат Полакоф, не владевший этим диалектом, в это время сидел в углу и читал газету.

Для капитана Хаффендена сотрудничество с Лучано было весьма перспективным делом. Будучи далеким от мысли хотя бы примерно узнать размеры и сферу влияния американской мафии, он тем не менее заметил, что для этой организации не было ничего невозможного. Сложнейшие шпионские дела распутывались в невероятно короткие сроки — и не только на восточном побережье, но и в любой точке Соединенных Штатов. Рука «Коза ностры» протянулась далеко, очень далеко. И даже через Атлантику.

Летом 1942 г. военно-морская разведка получила из Вашингтона приказ: к концу года подготовиться к высадке американских войск в Северной Африке, чтобы оказать помощь английской армии Монтгомери, сражавшейся в Ливии. Непосредственно после этого намечалась высадка американских войск в Италии.

К концу года последовал приказ собрать все необхо-

димые для генерального штаба США сведения о Сицилии.

Для этой цели в отделе военно-морской разведки было создано новое отделение — секция «F» («Форин интеллидженс» — Иностранная разведка), руководителем которой был назначен капитан Хаффенден. Разумеется, Хаффенден знал, что многие его связные и агенты из преступного мира родились на Сицилии и имели там родственников. Как правило, они не симпатизировали Муссолини.

Разведку интересовали топографические данные, сведения о портах, мостах, реках, горах, источниках водоснабжения, дорожных коммуникациях, местоположении отдельных деревушек.

Далее, необходимо было разыскать сицилийцев, которые согласились бы оказать поддержку высадившимся американским войскам. Для этого вновь потребовались консультации Лучано.

Первая задача, поставленная перед разведкой, вскоре была успешно решена. Огромная карта средиземноморского острова, висевшая в отделе Хаффендена, была покрыта целлофаном, на который картографы наносили все данные, сообщенные мафиози.

Для реализации второй задачи требовался куда больший срок. Лучано приказал передать весточку Джо Адонису. Для маскировки своей преступной деятельности мафиозо Адонис содержал бойкий итальянский ресторан, где мафиози могли получить любимые ими национальные блюда. Именно Адонис подсказал Лучано мысль привлечь к делу Винченцо Мангано.

Винченцо Мангано входил в верховный совет «Коза ностры» и был главой «семьи» мафии. Для прикрытия своей основной деятельности он держал в Нью-Йорке экспортно-импортную контору. У Мангано была прекрасно налаженные связи с Сицилией, поэтому по просьбе Лучано он установил контакт с могущественным главой сицилийской мафии Калоджеро Виццини. По каким каналам во время мировой войны он это сделал — неизвестно и поныне.

До сих пор неизвестно также и то, какую роль в этом деле сыграл дон Вито Дженовезе. В 1939 г., прежде чем бежать в Италию, Дженовезе передал руководство своей «семьей» мафии Фрэнку Костелло. Очевидно, это связано с тем, что Костелло по просьбе Лучано также начал тесно сотрудничать с Хаффенденом. Несмотря на

развернутую Муссолини кампанию «Антимафия», Дженовезе преспокойно обосновался в Риме.

Согласно сведениям, которыми располагала полиция, дон Вито Дженовезе в течение всей второй мировой войны имел надежный канал связи с Соединенными Штатами. Если такая связь существовала, то она могла быть двухсторонней. Но по этому ли каналу была передана весточка от Лучано главе «Общества чести» на Сицилии?

«КОРОВЫ» И «ТЕЛЕГИ»

Это была самая молниеносная война в истории!

Американский генерал Джордж Паттон
о высадке 7-й американской армии
на Сицилии летом 1943 г.

Утром 14 июля 1943 г. разведывательный самолет американских военно-морских сил взял курс на сицилийский городок Виллальба. В течение пяти минут он кружил над прилепившимся к склону горы местечком, прежде чем под его фюзеляжем раскрылся маленький парашют. Воздушным потоком его отнесло далеко в сторону, и он приземлился за пределами Виллальбы, где его и нашел итальянский солдат Фание Нудзолезе. К парашюту был прикреплен нейлоновый пакет, в котором оказался желтый шелковый платок с изображенной на нем черной буквой «L», украшенной витиеватыми завитками.

Ничего не подозревавший солдат передал странную находку своему начальнику, который также не знал, что делать с загадочным куском материи. Пакет, сброшенный вражеским самолетом, определенно был предназначен не для них.

Сделав разворот к южному побережью Сицилии, пилот заметил, что парашют отнесло в сторону долины. На следующий день, 15 июля, американский самолет повторил рискованный полет. На этот раз разведчик пролетел очень низко над плоскими крышами домов Виллальбы, и вторично сброшенный пакет опустился на парашюте недалеко от церкви. Когда разведывательный самолет исчез за горами, следивший за ним мафиозо подобрал пакет с парашютом и побежал на виа Криспи к своему шефу Калоджеро Виццини, или, как его почтительно называли, дону Кало. После смерти дона Вито Кашо Ферро главарь мафии Виллальбы взшел на высшую ступеньку иерархической лестницы «Общества чести». Теперь резиденция главы мафии Сицилии находилась в этом тихом горном городке.

Дон Кало, как и его предшественник дон Вито, был неграмотным, но без труда узнал букву L — инициал Лаки (Счастливица) Лучано, шефа всемогущего концерна американских преступников — «Коза ностры».

Странная игра случая: Лучано родился в Леркара-Фридди, местечке, расположенном неподалеку от главной дороги между Виллальбой и Палермо.

У дона Кало также был свой знак, которым он пользовался лишь в особых случаях и который для его предъясителя был равносителен магическому заклинанию «Сезам, откройся!». Это был желтый шелковый платок с черной некрасивой буквой «С» (Calo).

Об обмене такими метками общественность впервые узнала в 1922 г., когда мафиозо из Виллальбы, некий Лолло, на свой страх и риск совершил убийство. При этом он не пытался хоть как-то скрыть следы своего преступления и, что хуже всего, сделал это вопреки решению «Общества чести». Но, несмотря на это, Калоджеро Виццини взял убийцу под защиту и сделал это прежде всего потому, что не желал потерять авторитет самого влиятельного человека Виллальбы. Он велел объявить ослушника мафиозо душевнобольным и поместить его в сумасшедший дом, где врачи были мафиози. В скором времени они дали ему возможность «официально умереть», выдали, как полагается, родственникам свидетельство о смерти и положили усопшего в гроб... с просверленными в нем дырочками для воздуха. Однако вместо того, чтобы ехать на кладбище, катафалк с гробом направился прямо в порт Палермо, где «усопший» убийца восстал из гроба, получил фальшивый паспорт и желтый шелковый платок с буквой «С», который должен был открыть двери к «великим» «Коза ностры».

Два десятилетия спустя, 15 июля 1943 г., Лучано воспользовался тайным знаком мафии в обратном направлении. С его помощью он обратился к своим сицилийским «братьям» с просьбой оказать поддержку американским войскам при вторжении на остров. Дон Кало получил условный сигнал от своего приятеля и компаньона Лучано 15 июля, то есть через пять дней после высадки англо-американо-канадских войск на южном побережье Сицилии.

ОПЕРАЦИЯ «ХАСКИ»

Вопрос о вторжении на Сицилию западные союзники решили в январе 1943 г. на конференции в Касабланке. К этому времени средиземноморский фронт оказывал лишь второстепенное влияние на ход второй мировой

войны. Правительства США и Великобритании знали это.

Летом 1943 г. итальянскому фашизму был нанесен сокрушительный удар, однако Гитлер уже не мог оказать существенной помощи своему сателлиту в Риме. На важнейшем, решающем театре военных действий, советско-германском фронте, развертывалась битва за Курск. Германским фашистам самим были необходимы все резервы.

Тем не менее западные державы были встревожены событиями в Северной Италии и очень торопились, потому что, как ни парадоксально это звучит, опасались, что фашистский режим, понесший тяжелые потери на фронтах войны, может рухнуть под ударами народно-освободительного движения. Ширился возглавляемый коммунистами и социалистами фронт антифашистского Сопrotивления, под руководством которого в марте 1943 г. по промышленным городам Италии прокатилась мощная волна забастовок. Дни диктатуры Муссолини были сочтены, и вопрос, какие силы после крушения фашизма в Италии будут решать судьбу страны, не давал покоя политикам в Лондоне и Вашингтоне.

5 августа 1943 г., еще до того, как Сицилия — этот своеобразный трамплин для прыжка западных держав на Европейский континент — была полностью оккупирована, английский премьер-министр Уинстон Черчилль написал американскому президенту Франклину Д. Рузвельту достопримечательное письмо. В нем, в частности, говорилось: «Италия в течение одной ночи стала красной... Король и сбившиеся вокруг него в кучу патриоты, в руках которых находится власть, бессильны противостоять растущему в их стране большевизму».

Все эти аспекты были положены в основу планировавшейся западными державами операции «Хаски», конечной целью которой являлась оккупация средиземноморского острова. При этом военные предусмотрительно заручились помощью «Коза ностры». Их девизом было: ни Италия, ни, разумеется, Сицилия ни в коем случае не должны стать «красными».

10 июля 1943 г. 7-я американская армия под командованием генерала Джорджа Паттона высадилась в Джеле и Ликате, а 8-я английская армия под командованием фельдмаршала Монтгомери — в Сиракузах и Пакино. Они превосходили итальянские и немецкие соединения в живой силе в 1,5 раза, в танках — в 4 раза

и самолетах — в 7 раз, не говоря уже о существенном превосходстве в военно-морских силах.

Несмотря на значительное превосходство в живой силе и технике, войска союзников столкнулись с неожиданными трудностями, не учтенными в ходе подготовки операции. Так, например, транспортные самолеты воздушно-десантных войск выбросили парашютистов далеко от берега, в результате чего многие из них утонули в море.

Англо-канадские войска после высадки должны были оккупировать восточное побережье Сицилии, а затем продвигаться на север острова, в направлении Мессины. 13 июля 1943 г. их наступление было приостановлено в районе Катаньи немецкой танковой дивизией, и английское командование приняло решение в целях усиления союзнических войск перебросить из Северной Африки еще одну воздушно-десантную бригаду. Но при подходе к мысу Мурро-ди-Порко группа транспортных самолетов попала в зону плотного заградительного огня, который по недоразумению открыли английские зенитные батареи. При этом 11 самолетов были сбиты, а часть, не сумев преодолеть огневую завесу, повернула назад.

Сицилийский поход англо-канадских войска под руководством фельдмаршала Монтгомери затянулся на пять недель. Спротивление фашистов им удалось сломить лишь в кровопролитной борьбе, стоившей нескольких тысяч жизней.

Американский генерал Паттон со своими войсками двигался по труднопроходимой местности и, по мнению союзников, должен был решить более сложную задачу. Его войскам предстояло оккупировать гористую центральную и западную часть острова со столицей Палермо. Особенно крепким орешком на пути американской армии считалась крепость Монте-Каммарата, расположенная недалеко от Виллальбы и Муссомели.

Но, к великому удивлению, американские войска за семь дней сумели продвинуться до Палермо, не вступая по пути ни в какие крупные сражения, без заметных потерь, хотя вплоть до 15 июля практически оставались на исходных позициях.

Когда генерала Дуайта Д. Эйзенхауэра попросили прокомментировать эту молниеносную боевую операцию, он, ссылаясь на военную тайну, отделался лишь туманными намеками, будто «генеральный штаб распо-

лагал важной стратегической информацией». О том, что произошло в действительности, мир узнал лишь много лет спустя.

КОННЫЙ ГОНЕЦ

Получив желтый шелковый платок с черной буквой «L», дон Кало приказал позвать своего брата — священника. Глава мафии Сицилии, не умевший ни читать, ни писать, продиктовал ему письмо к Джузеппе Дженко Руссо, известному в преступном мире под именем Дженко Руссо, главарю мафии расположенного неподалеку от Виллальбы городка Муссомели. В то время Дженко Руссо считался вторым по силе и влиянию человеком в «братстве» Сицилии и преемником дона Кало.

В этом письме сообщалось, что 20 июля «коровы» (американские солдаты) и «телеги» (танки) придут в Виллальбу и Муссомели. Эту весть необходимо было надежно и быстро передать Дженко Руссо.

С тайным посланием в Муссомели было решено отправить верхового. Дон Кало дал нарочному категорический приказ проглотить это важное письмо, если он попадет в плен, — оно ни в коем случае не должно было попасть в чужие руки. Но все опасения были напрасными. Мафиозо, по кличке Дармод, выбранный курьером, без всяких происшествий достиг цели и передал письмо лично Дженко Руссо. Известие о высадке на Сицилии англо-канадо-американских войск с быстротой молнии распространилось по острову. Получив письмо от главы «Общества чести», Руссо стал с нетерпением ждать, когда из Виллальбы поступит условный сигнал к действию.

Особую озабоченность Руссо вызывала крепость Монте-Каммарата, неприступное положение которой еще во времена Римской империи использовали оставшие рабы. В разное время эта крепость служила также надежным убежищем для всякого рода разбойничьих банд. Американские войска, оккупировавшие западную часть Сицилии, двигаясь в северном направлении, не могли миновать это горное укрепление. Гарнизон крепости, вооруженный немецкими танками, зенитными и противотанковыми орудиями, был способен надолго приостановить продвижение американских войск и нанести им чувствительный урон в живой силе и технике. Крепость Каммарата охранялась сильным

гарнизона под командованием полковника Салеми, фанатичного фашиста, который, как выяснили подручные Дженко Руссо, ежедневно патриотическими речами пытался поднять боевой дух уставших от войны солдат и офицеров. Свои выступления он неизменно заканчивал словами: «Умрем, но не сдадимся!»

Однако свои планы борьбы за «окончательную победу» ярый приверженец германского фашизма полковник Салеми вынашивал без участия главы мафии Муссомели Дженко Руссо. 20 июля утром он обнаружил, что две трети солдат его гарнизона в течение одной ночи дезертировали: угрозами и обещаниями мафиози склонили их к побегу и снабдили дезертиров гражданской одеждой.

Вне себя от ярости полковник Салеми сел в машину и отправился в штаб армии, расположенный в Муссомели. По дороге командира крепости Каммарата уже поджидал в засаде Руссо со своими парнями, вооруженными винтовками и пистолетами, которые они недавно отняли у дезертиров. Мафиози остановили машину полковника, разоружили всех и потребовали возвратиться вместе с ними в крепость.

Угрожая убить полковника Салеми, мафиози приказали остаткам гарнизона собраться во внутреннем дворе крепости. С краткой речью перед солдатами и офицерами выступил Дженко Руссо: «Немедленно сложите оружие! А когда в Муссомели придут американцы, чтоб я не слышал ни единого выстрела. Тех, кто послушается, мы достанем из-под земли и сотрем в порошок. То же будет и с их родственниками».

Сперва медленно, затем все быстрее и быстрее со звяканьем стало падать на каменные плиты оружие. Разоруженных солдат гарнизона крепости мафиози распустили по домам, а их командира полковника Салеми предусмотрительно увезли в Муссомели и заперли в городской ратуше.

Дженко Руссо мог быть доволен своей работой. Путь на Палермо для войск генерала Паттона был свободен. Битва за неприступную крепость Монте-Каммарата была выиграна мафией без единого выстрела.

На городской окраине Муссомели с белым флагом в руке Руссо поджидал «коров» и «телеги», о которых ему сообщил почтенный дон Кало. Когда наконец американцы прибыли, мафия в их честь приказала звонить в церковные колокола. Это было невиданное доселе

в этих местах триумфальное шествие «освободителей», с видом победителей маршировавших по улочкам этого маленького городка, жители которого с громким ликованием приветствовали американские войска. Так приказал Дженко Руссо. Когда граждане Муссомели увидели, как дон мафии вместе с американскими офицерами торжественно вошел в ратушу, им стало ясно, кто теперь подлинный хозяин их городка. Отныне Руссо уже не нуждался в посредниках, он крепко взял все бразды правления в свои руки.

Вечером того же знаменательного дня на улицах городка то тут, то там раздавались одиночные выстрелы. Это мафиози сводили счеты с теми, с кем не могли расчитаться раньше, во времена правления Муссолини. Теперь власть не нужно было ни с кем делить: она целиком и полностью принадлежала мафии.

ГЕНЕРАЛ МАФИИ

20 июля 1943 г., на десятый день после высадки на Сицилии оккупационных войск, авангард 7-й американской армии достиг Виллальбы. Когда из первого танка вылез американский офицер, на главной площади городка появилась тучная фигура дона Кало. Одетый подомашнему, в простую рубашку с небрежно закатанными рукавами и помятые брюки на широких подтяжках, переваливаясь из стороны в сторону, он медленно двинулся навстречу американскому офицеру. Рядом с королем мафии, державшим в руке желтый шелковый платок с черной буквой «L», шагал его племянник Дамиано Лумиа, который незадолго до второй мировой войны вернулся на родину из Соединенных Штатов. Однако его помощь как переводчика не потребовалась. Американский офицер свободно говорил на сицилийском диалекте.

Американская разведывательная служба добилась того, чтобы в состав оккупационных войск было включено как можно больше коренных сицилийцев и сицилийцев американского происхождения. Позднее на основе архивных документов историки установили, что из каждых 100 военнослужащих 7-й американской армии 15 были сицилийского происхождения. В этом не было ничего удивительного, ведь, по официальным данным, в 1943 г. в США проживало примерно 2 млн иммигрантов сицилийцев или сицилийцев американского про-

исхождения. В то время население Сицилии насчитывало 4,5 млн человек, поэтому почти каждый житель острова имел в далекой Америке родственника или знакомого.

После короткой беседы с офицерами в своем доме дон Кало, кряхтя и охая, влез наконец в американский танк. Он решил лично сопровождать американскую армию на пути в столицу подвластной ему, несмотря на официальное правление фашистов, территории.

Присутствие главы «Общества чести» в колонне действовало эффективнее, чем целое танковое соединение, так как повсюду ворота городов открывались перед американской армией без боя. С иронией, в которой тем не менее звучало почтение, американские офицеры называли дона Кало «генералом мафии». И у них не раз был случай убедиться в том, что приказ дона Кало имел магическую силу. С его помощью уже через неделю американские войска почти без потерь достигли Палермо. Так американцы одержали над противником молниеносную победу, в то время как англо-канадские войска на восточном побережье Сицилии, неся значительные потери, с большим трудом прокладывали себе путь к Мессине.

ДОН КАЛО СТАНОВИТСЯ МЭРОМ

Неподалеку от сицилийской столицы от маршевой колонны американской армии отделился «джип», доставивший дона Кало в его родной город Виллальбу. Разумеется, глава мафии острова воспользовался походом союзных войск, для того чтобы проинспектировать свою империю. Местные главари мафии быстро поняли, что при поддержке американцев дон Кало обрел былую силу и крепко взял в свои руки бразды правления «Обществом чести».

28 июля американские офицеры устроили в казарме Виллальбы в честь дона Кало празднество, похожее на возведение короля сицилийской мафии на трон. По случаю торжества глава «Общества чести», несмотря на гнетущую жару, втиснулся даже в помятый пиджак. Наряду с огромным числом мелких мафиози — некоторые из них только что возвратились из тюрем — появились и «уважаемые люди» ранга Дженко Руссо.

С торжественной речью выступил майор Бир из департамента по гражданским делам военной админи-

страции, в задачу которой входили подбор и назначение в оккупированных областях новой гражданской администрации, разумеется не из числа коммунистов и социалистов. Приказ гласил: «Покончить с влиянием антифашистов!» После падения фашистского режима на острове майор Бир не мог пожелать себе лучшего союзника, чем «Общество чести».

В своей речи он всячески прославлял главаря мафии как стойкого и неустрашимого антифашиста и, не жалея красок, расписывал его заслуги в деле освобождения Сицилии. В благодарность за помощь, оказанную американцам, от имени своего командования майор Бир назначил дона Кало мэром Виллальбы и его окрестностей... и почетным полковником американской армии.

«Годы лишений и воздержания» для мафиози окончились, вслед за этим наступило быстрое опьянение свободой и властью. Обычно молчаливые и сдержанные, люди «братства» троекратно здравицей приветствовали высокое признание заслуг их главаря: «Да здравствует дон Кало!», «Да здравствует американская армия!», «Да здравствует мафия!»

В этот вечер майор Бир был особенно любезен и щедр. На то были свои причины: ведь американцы и в будущем нуждались в услугах мафии. За прежние «заслуги» дон Кало получил в подарок два грузовика и трактор, конфискованные американцами у прежнего режима. Не менее ценным был дар нескольких сот канистр бензина со складов американской армии. Трактор был тут же направлен в одно из поместий дона Кало, грузовикам было найдено другое применение. На них мафиози подвозили товары на черный рынок, с завоевания которого глава «Общества чести» начал свою деятельность после свержения фашистского режима на острове. Потребовалось всего лишь несколько недель, и Сицилия превратилась в центр нелегальной торговли в районе Средиземного моря, в которой широкое участие принимали и американцы. Наиболее ходовым товаром на черном рынке было имущество американской армии.

Дон Кало обладал необыкновенным чутьем на всевозможную поживу. Рассуждал он очень просто. Огромные доходы от продажи товаров на черном рынке главарь мафии острова делил со своим влиятельным американским другом майором Биром. Своему подручному Дженко Руссо глава «Общества чести» сразу подкинул запасы продуктов со складов макаронной

фабрики «Мария Сантиссима деи Мираколи» в Муссомели. Американским офицерам дон Кало постоянно намекал на опасность фашистского переворота, которому он и его люди не могли противостоять при том вооружении, каким располагали. Командование американской армии рассмотрело этот вопрос и предоставило из своих arsenалов в распоряжение новой администрации автоматы и другое ручное оружие, а также боеприпасы. Военные власти щедро выдавали разрешения на ношение оружия «благонадежным антифашистам», как нагло именовали себя мафиози.

Последствия этого шага не заставили себя долго ждать: очередь из американского автомата, а не из традиционной лупары вскоре был убит офицер карабинеров Виллальбы Пьетро Пурпи, который, кстати, подписал «антифашистам» разрешение на право ношения оружия.

По просьбе американцев неграмотный дон Кало, разумеется, с помощью своего брата Джованни составил поименный список кандидатов на должности мэров в городах западной части Сицилии. Рассмотрев предложенный список, американские оккупационные власти назначили по меньшей мере в половине населенных пунктов Западной Сицилии на руководящие административные должности людей, прямо или косвенно связанных с мафией.

После образования на Сицилии Союзной военной администрации оккупированных территорий (АМГОТ) рука дона Кало проникла и в этот аппарат управления. Там, официально занимая должность переводчика, а в действительности поддерживая прямую связь между Палермо и цитаделью мафии Виллальбой, работал племянник короля мафии острова Дамиано Лумиа. В здании АМГОТ разместился также отдел полковника американской разведки Чарлза Полетти, который прибыл на Сицилию для выполнения специального задания за полгода до вторжения. Чарлз Полетти постоянно разъезжал на своем «паккарде» по острову, встречался с сицилийскими политиками. Иногда он ненадолго появлялся в Виллальбе, на виа Криспи, для того чтобы поговорить с могущественным доном Кало.

Консультантом у полковника Полетти был Винченце Коллура, капо главаря американских гангстеров Джо Профачи, который руководил одной из нью-йоркских «семей» мафии. Коллура окружил себя лейб-гвардией

из гангстеров «Коза ностры», высланных из Соединенных Штатов на Сицилию и поддерживавших также связь между итальянской и американской мафиями. Это были известные имена, казалось, заимствованные из картотеки американских преступников: Джо Пичи, Джозеф де Лука, Антонио Скуллачи, Марчелло ди Карло, Джованни Капуто и др.

В те дни мафия правила Сицилией не из Палермо, «столицы мафии», как это было при доне Вито, а из Виллальбы, городка, состоявшего из сорока трех узких, кривых, заваленных мусором улочек с ветхими домишками и лачугами и возвышавшейся над всем этим церковью, неподалеку от которой находился банк почтенного дона Кало.

КАРЬЕРА

Кто же он — человек, которого при рождении крестили гражданским именем Калоджеро Виццини? На какой ступеньке лестницы славы начался головокружительный взлет его карьеры?

Батрак из Виллальбы Беньямино Виццини, отец Калоджеро, пережил эпоху господства Бурбонов, время, когда мафию еще считали убежищем обездоленных. Он рано женился на Турриде Скарлате, происходившей из «зажиточной» семьи. Среди крайне бедных крестьян Виллальбы Скарлаты слыли богачами: как-никак у них был свой, хотя и очень маленький, клочок земли. Стремительная карьера брата Турриды, епископа Муро Лукано, еще больше повысила престиж семьи. Двоюродный брат Калоджеро Виццини стал епископом Ното и основателем монашеского ордена «Мария Сантиссима дель Кармело».

Благодаря протекции родственников братья Калоджеро, Джованни и Сальваторе, вскоре также надели рясы священников. Калоджеро, родившийся 24 июля 1877 г., предпочел все же светскую карьеру. Учебой он себя слишком не обременял — со школой познакомился лишь на семнадцатом году жизни. В это время и произошел первый конфликт Калоджеро Виццини с законом.

Собрав вокруг себя банду подростков, Калоджеро Виццини вскоре приобрел славу самого отчаянного драчуна в Виллальбе. Однажды вечером он со своей бандой ворвался в дом местного богача Солаццо. На глазах обьятой страхом семьи хулиганы набросились на их

гостя, вытащили его в темноту ночи и жестоко избили. Их жертвой оказался жених дочери Солаццо, на которую Калоджеро «положил глаз».

Свой налет юный ревнивец совершил открыто, не заботясь о его последствиях, поэтому Солаццо без труда добились незамедлительного ареста Калоджеро. Но в камере городской тюрьмы Виллальбы хулиган отсидел лишь сутки: влиятельный дядюшка, досточтимый епископ Мурро Лукано, вызволил Калоджеро из «темницы».

Впрочем, юный Калоджеро занимался и «серьезным делом», которым овладел мастерски, проявляя при этом необычайную смекалку, проворство и нахальство: он продавал крестьянам Виллальбы «безопасность», когда они отвозили зерно на мельницу, находившуюся на побережье Средиземного моря, примерно в 80 километрах от городка. Только там вращались жернова мельниц, которыми безраздельно владела мафия, ревниво следившая за тем, чтобы никто не смел конкурировать с ней. Обозы с зерном необходимо было защищать от грабителей, которые сделали эту область небезопасной для любых перевозок.

Калоджеро Виццини вступил в пользовавшуюся дурной славой банду Паоло Варсоланы, укрывавшуюся в труднодоступных горах Каммарата. Как правило, людей в свою банду Варсолана рекрутировал из местных крестьян. Члены банды не жили вместе со своим главарем в горах, а являлись по его сигналу. Задумав разбойничье нападение, Варсолана собирал всех в условленном месте. После налета бандиты переодевались в свои обычные одежды и благодаря этому легко ускользали от полиции.

Как сообщают хроники, в 1902 г. банда Варсоланы, о которой уже ходили легенды, была ликвидирована. Вместе с другими бандитами на скамье подсудимых оказался и Калоджеро Виццини. Это была третья в его жизни встреча с правосудием. До сих пор судьи тщетно пытались осудить его за совершенные убийства. И на этот раз их усилия были безрезультатными. В зале прозвучало: «Оправдан за недостатком улик».

Это был своеобразный экзамен на мастерство, который Калоджеро Виццини выдержал, доказав тем самым, что его квалификация достойна «Онората соччета». В истории «Общества чести» не было случая, чтобы оно приняло в свои ряды заурядного преступника.

Но Калоджеро Виццини убедительно подтвердил свою одаренность на уголовном поприще, и почтенные отцы мафии по достоинству оценили его талант. Вскоре после суда Калоджеро Виццини со всеми полагающимися почестями был принят в «братство». И «уважаемые люди» не обманулись в своих ожиданиях. К началу первой мировой войны этот способный пройдоха, лишенный каких-либо угрызений совести, успел сделать блестящую карьеру преступника, став главарем мафии провинции Кальтанисетта.

Война открыла новые возможности для грязного бизнеса. Дон Кало заключил с военным ведомством контракт на поставку лошадей, и таким образом итальянская армия сделалась крупнейшим скупщиком краденного. Когда эта афера всплыла и вокруг нее разразился грандиозный скандал, военный министр приказал немедленно произвести расследование, в результате чего Калоджеро Виццини как организатор крупного мошенничества предстал перед трибуналом. Но приговор военного суда не отличался разнообразием: «Признать невиновным за недостатком доказательств». Судьи, бесильные доказать вину именитого преступника, обрушили меч правосудия на девять свидетелей, у которых на суде неожиданно произошла амнезия, потеря памяти, а на этот счет у судей была полная ясность: «Злонамеренный отказ от дачи показаний и лжесвидетельство». Ранее, в следственной комиссии, свидетели охотно и речисто давали показания против мафиозо Виццини. Но мафия недвусмысленно напомнила о себе, поэтому тюрьмы свидетели боялись меньше, чем наказания за нарушение омертá. Этот процесс еще больше укрепил авторитет дона Кало. Он доказал, что неуязвим перед правосудием.

По окончании первой мировой войны король мафии Виллальбы снова приумножил свои богатства. «Общество чести», некогда выступавшее в роли защитника феодалов, само стало крупным землевладельцем. Если ранее «Онората сочъета» оберегало пустующие земли от безземельных крестьян, стремившихся занять их, то теперь оно само существовало частично за счет баронов. Аристократы, жившие в праздности в роскошных дворцах Палермо, в послевоенное время стали чаще продавать свои земли с аукциона, где она доставалась тому, кто предлагал наивысшую цену. Но когда с аукциона продавалось поместье «Суора» площадью 500 га, распо-

ложенное вблизи Виллальбы, на него нашелся лишь один покупатель, цену которого никто не отважился перебить, — им был почтенный дон Кало. Земля перешла в его собственность практически за бесценок. Он заведомо позаботился о том, чтобы никто не посмел поднять продажную цену. Примеру дона Кало последовали его братья-мафиози по всей Сицилии.

Глава мафии не ограничился одним, хотя и очень искусным приемом. Этот прожженный мошенник видел дальше своих компаньонов. Ему в голову пришла мысль внести на рассмотрение регионального правительства предложение о разделе пустующих земель между солдатами, вернувшимися домой с первой мировой войны. Для этой «благородной» цели он основал «товарищество», во главе которого поставил своего брата священника Сальваторе Виццини. На отпущенные государством деньги тот приобретал пустующие земли и сельскохозяйственные орудия. Но ни один из бывших солдат так никогда и не смог воспользоваться всем этим. Когда же в окрестностях Виллальбы без благословения дона Кало образовалось еще три товарищества, то они вскоре обанкротились. «Пиччотто»¹ отравили весь скот и уничтожили урожай в этих кооперативах. Имущество несостоятельных должников за бесценок приобрел главарь мафии Виллальбы. Вплоть до прихода летом 1943 г. американцев дон Кало продолжал наступление на кооперативные угодья в окрестностях Виллальбы, обманом и насилием присоединяя их к своим владениям. При содействии своих американских друзей он завершил этот процесс.

Многие сицилийские арендаторы и батраки искренне верили, что после высадки американских и английских войск на Сицилии, а несколько позднее в Южной Италии для них наступят лучшие времена. Они надеялись, что наконец-то сбудется их многовековая мечта о собственной земле, и, казалось, события, происшедшие в стране, оправдывали эти ожидания.

Под влиянием кризиса фашистского режима и высадки союзных войск на Сицилии правящие круги Италии, которые раньше способствовали приходу к власти Муссолини, произвели государственный переворот. 25 июля 1943 г. король приказал арестовать Муссо-

¹ «Picciotto» — букв. «малыш»; на Сицилии употребляется также в значении «убийца», «подручный мафии». (Прим. пер.)

лини и на следующий день назначил маршала Бадольо главой правительства, в которое не вошел ни один член фашистской партии. Правительство Бадольо было вынуждено удовлетворить ряд требований народа. В начале сентября новое правительство заключило перемирие, а 13 октября 1943 г. объявило фашистской Германии войну.

Борьба итальянского народа за демократическое возрождение страны после падения фашистского режима принесла первые успехи: были национализированы некоторые отрасли промышленности — их доля достигла 30 %; в 1946 г. Италия была провозглашена республикой; в том же году Итальянская коммунистическая партия заняла на выборах третье место.

Разумеется, такое развитие событий не устраивало американцев и их союзников. И американские империалисты, и мафия в равной степени не хотели, чтобы у власти в Италии оказались коммунисты и социалисты в союзе с другими демократическими силами. «Общество чести» мечтало покончить с национализацией предприятий и разделом земли.

КОРОЛЬ МОНТЕЛЕПРЕ

Он был славным парнем, но у него был один недостаток: он очень любил убивать людей.

Капитан американской армии и репортер
Майкл Стерн о Сальваторе Джулиано

2 сентября 1943 г. по глухой горной тропинке между Сан-Джузеппе-Ято и Монтелепре в северном направлении ехал на муле черноволосый широкоплечий парень. Кроме всадника выносливое четвероногое несло на себе еще пару мешков зерна. После высадки союзников на Сицилии не только дон Кало освоил новый источник доходов — черный рынок. Местные вожаки «Общества чести», хотя и значительно в меньших размерах, также занимались прибыльным делом. По заданию главаря мафии Монтелепре молодой крестьянин Сальваторе Джулиано, так звали всадника, занимался контрабандой зерна. Приказом союзников местным жителям запрещалось перевозить продукты питания через границы провинций. Этим постановлением оккупационные власти пытались воспрепятствовать мешочничеству и спекуляции.

Джулиано не подозревал, что за одним из горных утесов его подстерегали два карабинера и два местных полицейских. Пригрозив автоматом, они приказали ему остановиться. Обычно контрабандисты не опасались таких встреч: блюстителей закона можно было без труда подкупить. Но так как юный экспедитор мафии не позаботился об откупе на право перевозки контрабанды, карабинеры сбросили со спины мула мешки с зерном и именем закона конфисковали их, затем они отобрали у Джулиано удостоверение личности. Кроме того, они потребовали от молодого мафиозо назвать имя хозяина.

Сальваторе Джулиано упорно молчал: он боялся расправы за нарушение омерта́. В это время на тропинке появился другой погонщик, мул которого также был нагружен мешками с зерном. Около Джулиано остался один карабинер, вооруженный автоматом, остальные патрульные занялись вновь прибывшим.

Выждав момент, двадцатилетний мафиозо молниеносным движением выбил автомат из рук охранявшего его карабинера, ударил его ногой в живот и скрылся

в близлежащих зарослях кустарника. Патрульные, поспешившие на помощь своему товарищу, выпустили вдогонку беглецу несколько очередей и, подумав, что Джулиано уже далеко, не стали его преследовать. Но эта беспечность обошлась им дорого. Джулиано спрятавшись поблизости и, незаметно подкравшись, из пистолета, который был спрятан у него на теле, застрелил карабинера Антонио Манчино и тяжело ранил другого патрульного. Так в этот сентябрьский полдень в колючих зарослях Монтелепре началась карьера убийцы, в течение семи лет наводившего панический страх на сицилийцев.

Джулиано, раненный в перестрелке с патрулем в бедро, с трудом добрался до ближайшей деревни, где ему была оказана первая помощь. Он уже не мог вернуться в Монтелепре, так как у патрульных осталось его удостоверение личности. Через связника он сообщил главарю мафии Монтелепре о том, что с ним произошло. Вскоре был получен ответ: до поры до времени Джулиано не следовало появляться в родном городке, он должен спрятаться в пещере Кальчельрама, находившейся в горном массиве неподалеку от Монтелепре. Юный мафиозо послушно выполнил приказ.

Молодой человек, чьи руки теперь были обгажены чужой кровью, был четвертым ребенком Марии Ломбардо и Сальваторе Джулиано, родившимся 16 ноября 1922 г., вскоре после возвращения всей семьи из Америки на родину. На скудные сбережения, скопленные за восемнадцать лет тяжелой работы возчиком кирпича в Нью-Йорке, отец арендовал в Монтелепре кусок земли. Подросший Сальваторе помогал отцу на поле, так что времени на посещение единственной в городке школы уже не оставалось.

Теперь Турриду — так ласково называли его мать и близкие друзья — повсюду разыскивали как убийцу. Но о явке с повинной он и не думал, ведь за совершенное преступление ему грозило по меньшей мере 20 лет лишения свободы. Поэтому Джулиано решил выждать, пока об этом деле забудут...

СИЦИЛИЯ — 49-й ШТАТ США?

После высадки на острове американцев на стенах сицилийских домов все чаще стали появляться лозунги: «Сицилия для сицилийцев!» Сепаратистское движение,

выступавшее за отделение этого средиземноморского острова от Италии, нашло немало сторонников, которые по тем или иным причинам решили принять в нем участие.

В конце 1943 г. американские оккупационные власти поддерживали сепаратистов в их стремлении создать противовес движению Сопротивления в Северной Италии. С одобрения западных союзников сепаратисты обзавелись собственным «национальным гимном» — это был отрывок из оперы Верди «Сицилийская вечерня». С помощью американцев был организован выпуск газеты «Независимая Сицилия», создана и вооружена Добровольческая армия бойцов за независимую Сицилию (ЭВИС). Сепаратистское движение возглавили Финоккьяро Априле, бывший помощник государственного секретаря в правительстве Муссолини, Кончетто Галло, сын бывшего мэра Катаньи, герцог ди Каркачи и барон Стефано Ла Мотта; но за этими и другими авантюристами стояли влиятельные политические фигуры, предпочитавшие пока оставаться в тени.

Эти господа — крупные землевладельцы и высокопоставленные государственные служащие, девизом которых стал воинствующий антикоммунизм, — с самого начала повели борьбу против любого проявления социального прогресса, за сохранение феодальных порядков на острове. Призывы к независимости были для них только ширмой. На деле главари сепаратистов стремились к созданию государства под протекторатом своих американских покровителей. В их программе не было ни одного пункта, который бы угрожал интересам сицилийской мафии. Поэтому неудивительно, что американский полковник Чарлз Полетти, кадровый разведчик и сотрудник АМГОТ, настойчиво рекомендовал сепаратистам и мафии наладить между собой более тесное сотрудничество. Глава мафии Сицилии дон Кало благосклонно принял это предложение и пригласил к себе в Виллальбу главаря сепаратистов Финоккьяро Априле.

Априле появился в Виллальбе 2 ноября 1944 г. и произнес речь на пьяцца Мадриче — самой большой площади «столицы мафии». Дон Кало и его брат, священник Джованни, расположившись неподалеку от трибуны, с интересом слушали оратора, который срывающимся от волнения голосом обещал беднякам Сицилии: «Пройдет немного времени, и с вашей бедностью и каторжным трудом будет покончено! Вас ждет богатая

жатва на ниве, засеянной для вас антифашистами из мафии. Вместе с этими героями движения Сопротивления вы вправе рассчитывать на благодарность тех, кого по праву называют нашими освободителями. Настала пора положить конец безраздельному хозяйничанью на острове тех, кто сидит в Риме и ничего не знает ни о вас, ни о вашей Сицилии. Добровольно присоединяйтесь к могущественному государству — Соединенным Штатам Америки, и вы вкусите плоды этой грандиознейшей во всей истории Сицилии победы. Вы получите новые удобные дома. Вы сможете обменять мулов на тракторы...»

Массовый митинг на пьядцо Мадриче закончился церемонией, придуманной самим доном Кало. На флаштоке торжественно был поднят американский флаг с 49-ю звездами на его поле. В своих сокровеннейших мечтах реакция хотела видеть Сицилию 49-м штатом США.

Через две недели после выступления Априле и его единомышленников из мафии дребезжащий грузовик с трудом поднимался вверх по извилистым улочкам Виллальбы. Популярный лидер сицилийских рабочих, коммунист Джироламо Ли Каузи вместе с несколькими своими товарищами ехал на нем из Кальтанисетты в цитадель «Общества чести». Ли Каузи, бывший узник фашистских тюрем, принял вызов сепаратистов и мафии. Когда группа коммунистов прибыла на пьядцо Мадриче, площадь была пуста. Только в углу, глубоко засунув руки в карманы, в окружении телохранителей стоял дон Кало.

Несмотря на это, Джироламо Ли Каузи поднялся на кое-как оборудованную трибуну. «Я знаю, — начал он, — что вы стоите сейчас у закрытых ставнями окон и слушаете меня. Страх удерживает вас дома, страх перед мафией. Но когда-то этот страх должен наконец пройти...» Тут неожиданно отключился микрофон. Но это не остановило Ли Каузи, и он продолжал свою обвинительную речь без микрофона. Его голос отчетливо звучал на площади, гулким эхом отражаясь от стен близлежащих домов.

Тогда дон Кало приказал своим людям открыть огонь. Ли Каузи и его семнадцать товарищей были тяжело ранены. Будто в насмешку брат главы островной мафии священник Джованни Виццини приказал к началу этой бойни звонить во все колокола.

Понадобилось пять лет, чтобы суд города Козенцы занялся коллективной жалобой жертв этого кровавого злодеяния. Еще семь лет тянулся судебный процесс. Когда же наконец это преступление было рассмотрено в апелляционном суде, то судьи признали виновными лишь нескольких мафиози, приговорив их к незначительным срокам лишения свободы. Дон Кало, главный виновник этой бойни в Виллальбе, для правосудия был уже недосыгаем: этот убийца и подстрекатель множества убийств к тому времени благополучно почил.

«КОЛОНЕЛЛО» ДЖУЛИАНО

Вожаки сепаратистского движения подыскивали главнокомандующего для своих подпольных боевых групп. Мафия предложила им кандидатуру Сальваторе Джулиано, который, не отличаясь особой «скромностью», именовал себя «королем Монтелепре». Хладнокровие, с которым Джулиано устранял своих противников, и четкая организация его шайки были главными аргументами в пользу выдвижения бандита на этот пост.

Встреча с главарем сепаратистов Кончетто Галло состоялась на реке Ригано, в крестьянском доме братьев Дженовезе — доверенных Джулиано. Лишь несколько сот шагов отделяло их дом от казармы карабинеров «Беллолампо». Галло предложил Джулиано чин «колонелло» — полковника армии ЭВИС, что было благоклонно принято последним.

На вторую встречу Галло явился в сопровождении герцога Каркачи, барона Стефано Ла Мотта и Финоккьяро Априле. Лидеры сепаратистов торжественно поздравили убийцу с присвоением ему чина полковника ЭВИС. Для осуществления намеченных операций новоиспеченный полковник получил 1 млн лир, оружие и форму — красно-желтые туники.

Сальваторе Джулиано заявил, что денег, выданных ему, маловато: их не хватит даже для его солдат. Тогда разговорщики, широко использовавшие впоследствии банду Джулиано, открыто предложили «главнокомандующему» пополнять свою казну путем разбоя и киднеппинга. Но при этом «колонелло» Джулиано не должен был забывать о главном: беспрекословно выполнять за «благородных господ» грязную работу — вербовать в тайную армию сепаратистов и мафии новых бойцов, убивать коммунистов, социалистов и профсоюзных ли-

дерев, нападать на отряды карабинеров. Кроме того, «полковник» должен быть готов к выступлению, сигналом к которому послужит государственный переворот, совершенный сепаратистами.

Но авантюра реакционеров рухнула раньше, чем заговорщики смогли приступить к ее осуществлению.

В апреле 1945 г. под мощными ударами движения Сопротивления пали последние бастионы фашистского режима в Северной Италии. Немецкие войска были вынуждены частично капитулировать перед войсками англо-американских союзников. Сразу же было образовано новое правительство, в которое в качестве министров и государственных секретарей вошли семь коммунистов.

Напуганные широким размахом народного движения, лидеры буржуазно-клерикальных партий поспешили заручиться покровительством американцев и при активной поддержке военных властей попытались расколоть демократический фронт Италии. Национальное единство Италии оказалось под угрозой.

Сицилийские реакционеры и их американские покровители были вынуждены лавировать, маскировать свои действия, опасаясь, что готовившийся ими путч может вызвать такое сопротивление всего народа, которое поставит под угрозу само существование капиталистического строя в Италии.

Вскоре сепаратисты почувствовали изменения политической конъюнктуры. Американцы, все больше терявшие интерес к их авантурным затеям, обратили свои взоры на правых лидеров христианско-демократической партии. Казалось, лишь они были в силах помешать демократическому обновлению Италии и повести страну в фарватере американской политики.

В результате этого ЭВИС, которым на востоке Сицилии руководил Кончетто Галло, в сентябре 1945 г. потерпел сокрушительное поражение. Финокьяро Априле был арестован, а партия сепаратистов запрещена. Другой их лидер — Галло бежал. Недобитые сепаратисты возлагали на Джулиано последние надежды, повсюду прославляя его как «героя борьбы за независимость Сицилии», хотя этот «герой» еще ни разу не вступал в открытую вооруженную борьбу с правительственными войсками.

Членами банды Джулиано были исключительно его родственники и жители Монтелепре и его окрестностей.

Заместителем и адъютантом главаря банды был 22-летний Гаспаре Пишотта, старший сын Розалии Ломбардо, тетки Джулиано по материнской линии.

Свою первую военную операцию после ареста Финнокьяро Априле, Кончетто Галло и других главарей сепаратистов и высылки их на Понцианские острова Джулиано провел 28 декабря 1945 г. С хорошо вооруженной бандой, состоявшей примерно из 80 человек, Джулиано неожиданно напал на казармы «Беллолампо». Застигнутые врасплох карабинеры не оказали никакого сопротивления. Банда забрала из казарм все, что можно было унести, взорвала часть помещений и скрылась в горах.

Вскоре после этого нападения стало очевидным, что Априле и Галло были всего лишь марионетками в сепаратистском движении Сицилии. Подлинные его главари продолжали закулисную игру, направляя действия бандитской шайки Джулиано, совершавшей теперь нападения уже регулярно. Карабинеры отваживались передвигаться по территории лишь на танках.

В подробном отчете, представленном 18 февраля 1946 г. итальянскому правительству, начальник карабинеров Палермо генерал Бранка поведал о закулисной стороне событий тех дней: «Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время сепаратистское движение и мафия преследуют одни и те же цели, поэтому руководителей ЭВИС на острове прежде всего следует искать среди главарей мафии». Далее шло весьма примечательное разъяснение политической обстановки на острове: «Лидеры сепаратистского движения недавно открыто заявили главнокомандующему вооруженных сил на Сицилии генералу Берарди о своем участии в мобилизации ЭВИС и во избежание напрасного кровопролития настоятельно просили его не принимать в данный момент никаких мер против «войска», роспуском которого они займутся сами. Одновременно они представили генералу Берарди свои предложения по ослаблению напряженности на Сицилии путем всеобщей амнистии молодежи, которая присоединилась к ЭВИС, и по объединению усилий в борьбе с опасными для общества преступниками вроде Джулиано и ему подобных. Кроме того, лидеры сепаратистов обещали придать своему движению монархическую окраску. Очевидно, генерал Берарди с этими предложениями согласился и обещал сепаратистам ничего не предпринимать против их вооруженных сил».

Вероятно, сочиняя донос на начальника, генерал Бранка преследовал свои цели, однако вскоре написанное им полностью подтвердилось. Армия ЭВИС была распущена, сторонники сепаратистской организации амнистированы. Многие сепаратисты перешли в итальянскую национальную монархическую партию, которая в духе времени именовалась «партией для всех» и выступала в защиту «умеренного» сепаратизма.

4 апреля 1946 г. место ссылки покинул сеньор Финоккьяро Априле. На пресс-конференции, устроенной по этому поводу, бывший главарь ЭВИС заявил: «Цели и задачи сепаратистского движения ошельмованы его противниками. Его участники были итальянцами и хотят оставаться ими». Априле отделался лишь легким испугом. Теперь этот прожженный политикан, как и многие его приверженцы, сделал ставку на христианско-демократическую партию. При благосклонной поддержке США партия христианских демократов выступала за автономию Сицилии и в союзе с католическим духовенством проповедовала твердый антикоммунистический курс.

На Сальваторе Джулиано амнистия не распространилась, хотя его руки были обагрены чужой кровью в той же мере, что и руки другого военачальника ЭВИС, Кончатто Галло, на совести которого было убийство восьми карабинеров. Галло не только был освобожден от наказания, но и стал даже депутатом сицилийского парламента! 15 февраля 1946 г. за голову Джулиано была назначена награда. Министр внутренних дел Италии Ромита обещал 3 млн лир тому, кто доставит Джулиано живым или мертвым. В Монтелепре бандит велел срывать объявления о его розыске и аресте или клеивать их следующим текстом: «Вот фотография Ромиты. 2 млн лир тому, кто доставит мне его живым. 500 лир я плачу за его труп. Сальваторе Джулиано».

Единственный в Монтелепре парикмахер, некий Фризелла, узнав однажды от клиента, что разыскиваемый бандит остановился в родительском доме, известил об этом карабинеров, которые без проволочек прибыли на место. Но их рвение оказалось напрасным, так как Джулиано, действительно гостивший у родителей, был своевременно предупрежден.

Три дня спустя над дверью парикмахерской прозвонил колокольчик. На пороге с автоматами наперевес стояли Джулиано и трое его подручных. Жена Фри-

зеллы в отчаянии попыталась прикрыть собой мужа. На глазах оцепеневших от страха дочери, сына и клиентов главарь бандитов хладнокровно прошел автоматной очередью супружескую пару. К двери парикмахерской убийцы приклеили записку: «Так будет со всеми, кто шпионит за Сальваторе Джулиано».

Бароны и другие реакционеры, «высокая» мафия, не спешили с выдачей властям Джулиано. Им еще могла пригодиться «армия» под руководством «короля» бандитов, так как по окончании войны сицилийские крестьяне стали более настойчиво, чем прежде, требовать от феодалов землю. Их борьбу направляли и поддерживали коммунисты, социалисты и профсоюзные активисты.

Между Джулиано и «высокой» мафией существовало соглашение, по которому бандит, нуждавшийся в деньгах для выплаты жалованья своей банде, от своего имени писал письма, которыми шантажировал, или похищал людей, а посредники из «Общества чести» взыскивали требуемые суммы, значительную часть оставляя у себя. Кроме того, мафия регулярно снабжала Джулиано информацией, которая позволяла ему совершать дерзкие налеты и спокойно ускользать из облав, устраиваемых карабинерами и полицией. За это Джулиано, когда требовалось, предоставлял в распоряжение мафии свою довольно многочисленную банду.

Центральное правительство оставляло без внимания события на Сицилии. Тогдашний премьер-министр Италии христианский демократ Де Гаспери, придерживавшийся проамериканских взглядов, был занят борьбой с антифашистским фронтом. В мае 1947 г. ему наконец удалось достичь своей цели и вывести из состава правительства всех коммунистов и социалистов. А террор мафии в первую очередь был направлен как раз против сил, с которыми боролись реакционные лидеры христианско-демократической партии и высокопоставленные государственные служащие.

БОЙНЯ В ПОРТЕЛЛА-ДЕЛЛЕ-ДЖИНЕСТРЕ

В апреле 1947 г. Народный блок — союз Коммунистической и Социалистической партий, профсоюзов и других демократических организаций — призвал батраков и мелких арендаторов Сицилии к борьбе против крупных землевладельцев. Народный блок разъяснял беднякам, что, несмотря на постоянные заверения правительства

о проведении аграрной реформы, они напрасно ожидают справедливого распределения земли. Это дело нужно взять в свои руки.

И батраки стали самовольно занимать и возделывать пустующие земли. Они вступили в борьбу с «Обществом чести», влиятельные члены которого сами намеревались прибрать к рукам эти земли. Мафия пустила в ход испытанное оружие — террор и убийства из-за угла. Жертв было так много, что перечислить их имена невозможно. От пуль «пиччотти» гибли руководители кооперативов, профсоюзов и рядовые активисты. В этот кровавый поход включилась и банда Джулиано¹. 1 мая 1947 г., как обычно, семьи бедняков с красными флагами направились к Портелла-делле-Джинестре. Они прибыли туда из Сан-Джузеппе-Ято, Пьяна-дей-Гречи и Сан-Чипорелло — кто на ослах или мулах, кто пешком, — чтобы отметить этот день.

Примерно в 10 часов Джакомо Скиро, секретарь Народного блока из Сан-Джузеппе-Ято, поднялся на импровизированную трибуну и начал: «Товарищи! Мы пришли сюда для того, чтобы отметить Первое мая, международный праздник солидарности трудящихся...» Внезапно речь Скиро оборвалась.

...Со склонов горы Пиццута, возвышавшейся над Портелла-делле-Джинестре, по демонстрантам начался прицельный огонь из пулеметов и автоматов. Внезапное нападение парализовало крестьян. Прежде чем люди поняли, что, собственно говоря, происходит, десятки женщин, детей и мужчин, истекая кровью, упали на землю. Те, кто уцелел, в поисках спасения бросились в долину. Матери бежали, схватив на руки детей, и падали, споткнувшись о трупы. Панику усиливали неистово метавшиеся животные.

Бойня продолжалась около 10 минут, однако тем, в кого стреляли, она показалась вечностью. Когда пулеметы и автоматы смолкли, на счету «короля Монтепре» прибавилось еще 15 убитых и более 80 раненых. Сальваторе Джулиано даже не пытался отрицать свое

¹ Весной 1947 г. в местечке Понте-ди-Салана собрались отцы «высокой» мафии во главе с ее «королем» Калоджеро Вицини, уже глубоким стариком, и «вице-королем» — руководителем мафии города Монреале Игнацио Мичели. На этом совещании обсуждались планы физического уничтожения коммунистов и социалистов в районах Монреале, Монтепре и Партинико. Для осуществления данной крупной акции Джулиано потребовал 10 млн лир. (Прим. пер.)

участие в этом преступлении. Он принес публичное извинение всего лишь за несколько выстрелов, которые якобы были сделаны для разгона демонстрации, и полностью отверг саму мысль о преднамеренном массовом убийстве.

Как выяснилось при расследовании, кровавая бойня была спланирована до мельчайших деталей. Ранним утром того рокового дня отряд из 12 бандитов в масках во главе с Джулиано отправился в путь из пещеры в горах Монтелепре. Кроме автоматов и пистолетов бандиты прихватили с собой три пулемета. Огонь они вели с расстояния триста метров. Когда позднее карабинеры обыскивали горы, то в качестве улики было обнаружено приблизительно 800 гильз. Некоторое время спустя эти компрометирующие материалы бесследно исчезли, а само преступление так и осталось нераскрытым.

Не успели еще итальянцы прийти в себя от злодеяния в Портелла-делле-Джинестре, как головорезы Джулиано взорвали гранатами и подожгли помещения профсоюзов, коммунистических и социалистических ячеек в Монреале, Партинико, Борджетто, Чинизи, Карини и Сан-Джузеппе-Ято.

Коммунистическая партия выступила с протестом и назвала общественности истинных подстрекателей всех преступлений банды Джулиано. Однако новый министр внутренних дел Марио Шельба, по происхождению сицилиец, связавшийся позднее с мафией и Джулиано, отклонил требования оппозиции в парламенте. Он, видите ли, находил смешным искать «политический мотив в происшествии в Портелла-делле-Джинестре».

ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТУ США ТРУМЭНУ

Сальваторе Джулиано все еще находился во власти сепаратистских иллюзий, о которых его друзья и хозяева больше не хотели и слышать. Излюбленной мыслью Джулиано, как и прежде, оставалась идея о присоединении Сицилии к Соединенным Штатам. Он даже основал «Движение за присоединение Сицилии к США», однако поддержки оно не получило. В простоте душевной Джулиано не желал признавать, что его планы абсолютно не подходят к новой американской политике и в лучшем случае вызывают снисходительную улыбку.

Когда капитан американской армии Майкл Стерн попросил через посредников аудиенции у «короля Монтепре», то тотчас же получил согласие. Стерн добился того, чего ни до, ни после него не удалось сделать ни одному полицейскому, ни одному карабинеру: он лично общался с опаснейшим убийцей.

Сенсационная статья Стерна была опубликована в нью-йоркских газетах и перепечатана западной прессой. В ней Стерн нарисовал портрет «героя» нового типа и охарактеризовал Джулиано как «Робин Гуда XX века».

После интервью мистер Стерн сфотографировался с Джулиано. В качестве фона была выбрана стена, на которой огромными буквами было выведено: «Смерть коммунистам! Да здравствует Джулиано, освободитель Сицилии!»

По словам Майкла Стерна, прощаясь, главарь бандитов передал ему письмо, адресованное американскому президенту Трумэну. Это письмо в какой-то степени проливало свет на цели и задачи банды, с которой ничего не могли поделать хорошо вооруженные отряды карабинеров. Стиль письма выдавал руку энергичного репортера Майкла Стерна.

«Глубокоуважаемый господин президент Трумэн!

Если я не обременю Вас и мой посол не натолкнется на Ваш отказ, то Вы выслушаете скромную просьбу молодого, хотя и не совсем безвестного человека, живущего далеко от Вашей страны. Этот молодой человек просит Вас о помощи в осуществлении мечты, которую до сих пор он так и не смог исполнить. Разрешите представиться Вам: меня зовут Сальваторе Джулиано. Газетные репортеры сделали из меня и легендарного героя, и подлого преступника. По всей вероятности, и у Вас нет точного представления обо мне.

Если позволите, я кратко, в хронологическом порядке расскажу Вам свою историю. Когда мне исполнился 21 год — точнее, это произошло в сентябре 1943 г., — я после одного столкновения, закончившегося смертью итальянского полицейского, который пытался убить меня, впервые обратил на себя внимание общественности. После этого происшествия у меня не оставалось никакого другого утешения, как возвышенная и благоговейная любовь к своей сицилийской родине, борьба за ее свободу. Я с детства был сторонником присоединения Сицилии к Соединенным Штатам Амери-

ки. Однако в годы фашистской диктатуры не мог открыто проявлять свои чувства. Хотя я и считался отверженным, но заметил, что политическую свободу Сицилии в значительной степени принесли американцы, и поэтому теперь, в новой обстановке, я думаю осуществить на деле давно вынашиваемую мечту. Для воплощения своей мечты в действительность я решил сразу присоединиться к движению за независимость Сицилии. Мы мечтаем отделить Сицилию от Италии, чтобы впоследствии присоединить ее к США.

В 1944 г. стены домов большинства городов Сицилии, включая ее столицу Палермо, были покрыты плакатами, на которых я был изображен в виде человека, разбивающего цепь, приковавшую Сицилию к Италии, в то время как другой человек, в Америке, держал конец цепи, соединявшей Сицилию и Соединенные Штаты. Это изображение — символ моей надежды на присоединение Сицилии к США...

Больше всего нам необходима Ваша моральная поддержка... У нас уже созданы военизированная организация и антибольшевистская партия, способные пойти на все, чтобы искоренить коммунизм...

Позвольте, глубокоуважаемый господин президент, выразить Вам свою искреннюю признательность. Остаюсь скромным и преданным слугой.

Джулиано»

Это письмо сицилийского убийцы Трумэну было оставлено без ответа. Пожалуй, оно скорее было обращением не к американскому президенту, а к миллионам читателей: газетчики изображали Джулиано самоотверженным героем, проникнутым великими идеалами «западной свободы».

Стерн, который, как мы знаем, был не только репортером, но и капитаном американской разведки, обещал главарю бандитов оружие и боеприпасы. И действительно, вскоре посредники доставили в горный массив Монтелепре пулеметы, автоматы, ручные гранаты и динамит.

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

С первого и до последнего дня полицейские держали связь с Джулиано. Мы были в курсе всех дел, наперед знали каждый шаг карабинеров. Если говорить о заслугах полиции, то главная из них в том, что они посылали карабинеров на верную смерть.

(Из показаний Гаспаре Пишотты 14 мая 1951 г.)

Вскоре родной городок Джулиано кишел карабинерами. К местному гарнизону прибывали новые подкрепления, но успехов что-то не было видно. Казалось, в дело вмешалась нечистая сила.

Повальные облавы и обыски желаемых результатов не давали. Из 6000 жителей Монтелепре сотни были арестованы прямо на улице по подозрению в связях с Джулиано. Их подвергали перекрестным допросам. Виновных ждала тюрьма, невиновных — тоже, «за отказ от дачи показаний».

Однажды полицейским сообщили, что в одном из домов замечен Гаспаре Пишотта. Жандармы нагрянули туда целым войском... но адъютанта «короля Монтелепре» уже и след простыл. Озлобленные карабинеры дали волю своим чувствам. Они выгнали на улицу хозяйку дома, отказавшуюся от каких-либо показаний, и выпустили у нее над головой несколько автоматных очередей. При этом офицер карабинеров кричал: «Мы развяжем тебе язык! Куда исчез твой бандит?!» Ничего не добившись, они ушли, швырнув на прощание гранату со слезоточивым газом.

От этого произвола пострадали многие непричастные к делу, и в результате карабинеры добились лишь того, что люди становились еще более скрытными и замкнутыми. В районе был введен комендантский час. На улицах нельзя было появляться после вечерних сумерек до восхода солнца. Местным властям этого показалось мало, и они запретили населению вообще покидать дома. Иногда это распоряжение не отменялось по нескольку дней. По незначительному поводу карабинеры пускали в ход огнестрельное оружие.

Правительственная пресса посвящала целые столбцы сообщениям о необычайно активной борьбе властей с бандитизмом. Она старалась оправдать ответственных лиц в глазах возмущенной общественности.

К тому времени даже детям Монтелепре было известно, что большую часть времени бандит проводил не в мифической пещере, а в отчем доме, который странным образом до сих пор не был занят карабинерами. Как было установлено позднее, Джулиано прорыл подземный ход из дома к пустырю. Этим лазом он частенько пользовался в те дни, когда полицейские и карабинеры, обливаясь потом под палящим солнцем Сицилии, искали его в горах.

Только ли роковые случайности были повинны в неудачах карабинеров, прямым начальником которых стал новый министр внутренних дел Марио Шельба? Этот Шельба был уроженцем Сицилии и, как выяснилось позднее, сыном мафиозо из Кальтаджироне. Во всяком случае поговаривали, что «Общество чести» постаралось убрать все препятствия на его пути в Рим и в высшее общество.

26 июня 1947 г. отряд карабинеров под командованием капитана Джанломбардо вступил в бой с отрядом Джулиано. В этой стычке четыре бандита были убиты, двое — ранены. Когда карабинеры приблизились к ним, один из бандитов закричал: «Не стреляйте в меня! Я человек инспектора Мессаны!»

Этторе Мессана, начальник капитана Джанломбардо, в то время командовал карабинерами Сицилии и считался близким другом Шельбы. Это был человек искушенный в политике. В свое время сепаратисты видели в Мессане наиболее перспективного кандидата на пост министра внутренних дел «независимого сицилийского государства», и тогда он поддерживал движение, на службе которого состоял и Сальваторе Джулиано.

Человека, назвавшего себя агентом Мессаны, звали Сальваторе Феррери; среди бандитов Джулиано у него была кличка Фра Дьяволо — «брат дьявола». Ему было поручено наводить на ложный след полицейских. Больше «брат дьявола» ничего не успел добавить. Согласно официальной версии, раненый будто бы бросился на капитана Джанломбардо и был пристрелен.

Другим раненым оказался Джованни, один из братьев Дженовезе, в доме которых Джулиано встречался с вожаками сепаратистов. Он подтвердил, что его шеф действительно руководил кровавой бойней в Портелладелле-Джинестре. Но приказ, по его словам, исходил от баронов.

Эти события не удалось замять. Газетные отчеты бросали тень и на министра внутренних дел Шельбу. Тот был вынужден официально отречься от своего друга Мессаны и отстранить его от занимаемой должности. Депутаты от Коммунистической и Социалистической партий требовали в парламенте отставки министра внутренних дел, который покровительствовал бандитам и в то же время проявлял неумеренную жестокость к бастующим рабочим. Однако христианско-демократическая партия располагала большинством голосов, и поэтому премьер-министр Де Гаспери мог позволить себе такую выходку: при обсуждении вопроса о Шельбе в парламенте он порывисто поднялся тому навстречу и демонстративно обнял его в знак поддержки.

Преемником Мессаны стал некий Кольиторе. При режиме Муссолини он был доверенным лицом шефа полиции Чезаре Мори, который когда-то похвалялся покончить с мафией. За ним последовали инспектора Модика и Спано, тоже начинавшие свою карьеру под руководством Мори. Их попытки ликвидировать Джулиано также потерпели неудачу.

Вот цифры из официальной статистики 1947 г.: 46 карабинеров были убиты в Западной Сицилии, 734 — получили ранения. И в каждом случае было неясно, жертвами кого они были: то ли банды Джулиано, то ли мафии. Полиция и органы юстиции не утруждали себя дознанием и почти все злодеяния, не мудрствуя лукаво, приписывали людям Джулиано, против чего мафия, разумеется, не возражала. Тем не менее свой смертный приговор Джулиано подписал не бесчисленными убийствами, а всего лишь одним из них — когда его жертвой стал капо мафии городка Партино — Санта Флерес.

Этому убийству предшествовал спор. Все чаще «высокая» мафия высказывалась против необузданного террора банды Джулиано, вынуждавшего правительство к мерам, которые могли ударить и по интересам «Общества чести». На встрече с Флересом Джулиано, потеряв контроль над собой, закончил спор убийством капо и его четырех сообщников. Во имя личных интересов он пренебрег советом и приказом «высокой» мафии. Этого «братство» никому не прощало.

Медленно, но верно мафия шла по пятам банды Джулиано. Одного за другим «братство» выдавало карабинерам сообщников Джулиано: Канделу, Бадалamenti, Ликари. Силы банды начали таять, что вынудило

«короля Монтелепре», как загнанного зверя, к новым похищениям и новым жестокостям. Джулиано написал в одну из газет Палермо письмо, в котором предостерегал всех карабинеров, что если им вздумается вступить на «территорию его суверенного государства» в горах Монтелепре, то они должны надеть белые нарукавные повязки, иначе им грозит смерть.

В апреле 1949 г. близ Торретты и Монреале он заманил в засаду отряд карабинеров. В стычке двое из них были убиты, одиннадцать — ранены. Джулиано похищал депутатов парламента, однако предпочтение отдавал герцогам и баронам, которые прежде так тесно сотрудничали с ним. Так, с герцога Франческо Папе он получил выкуп в сумме 50 млн лир и, кроме того, присвоил его фамильный солитер, с которым уже не расставался никогда.

Вечером 2 мая того же года в дом Джулиано, в котором наконец-то жандармы устроили свой пост, вошел молодой капитан карабинеров. Солдаты почтительно приветствовали начальника и выжидательно смотрели на него, в то время как тот с интересом осматривал помещение. Закончив осмотр, капитан резко повернулся, выхватил пистолет и разрядил всю обойму в оцепеневших от ужаса солдат. Один карабинер умер на месте, другой скончался от ран в больнице. Дерзким налетчиком был не кто иной, как сам Сальваторе Джулиано в форме, захваченной в качестве трофея в одной из стычек с карабинерами.

К этому времени в Монтелепре и его окрестностях находилось уже около 2 тыс. карабинеров. Почти все родственники и дружки Джулиано содержались в тюрьме. Мать бандита за укрывательство и шантаж была осуждена на пять лет, отец — выслан на остров Утика.

И все же Джулиано не прекратил своей деятельности. Он верил, что еще держит в руках козырную карту. Он распустил слухи о том, что подготовил записки о сотрудничестве с сепаратистами, снабдив их очень важными документами. Усмехаясь, он говорил, что министр внутренних дел Марио Шельба, наверно, с большим интересом прочел бы эти бумаги.

До этого бандит направил к Шельбе своим посланцем депутата-монархиста Джелозе Кусумано, прежде принадлежавшего к лагерю сепаратистов. В своем письме Джулиано торжественно заверил, что прекратит войну против карабинеров, если будет гарантирована амни-

ствия ему и его сообщникам. Однако на этот раз ответ Шельбы был категоричен: «С бандитами я переговоров не веду!»

Само собой разумеется, министр внутренних дел, располагавший превосходными связями на Сицилии, знал о разрыве «высокой» мафии с Джулиано.

СИЦИЛИЙСКИЙ ЛОУРЕНС

26 августа 1949 г. министр внутренних дел поразил общественность Сицилии многозначительным заявлением: борьба с бандитизмом на острове поручалась специальным войскам, которые подчинялись самому Шельбе,— отрядам по борьбе с бандитизмом (КФРБ). Но анафеме были преданы только бандиты, покинувшие крылышко «братства». До тех пор пока банда терроризировала коммунистов и социалистов, правительство христианских демократов в Риме закрывало на все глаза. В распре между мафией и Джулиано оно увидело уже серьезную опасность для себя. Компрометирующие материалы на соратников Шельбы могли иметь в высшей степени неприятные последствия для правящей партии.

Командование войсками КФРБ было поручено полковнику Уго Луке. Коротышка Лука имел большой опыт работы в итальянской контрразведке. С 1920 по 1922 г. Лука находился на разведывательной работе в Малой Азии, где вел подрывную деятельность против Кемалья Ататюрка и турецкой революции в интересах итальянских империалистов. Позднее успешная деятельность на этом поприще принесла ему репутацию «итальянского Лоуренса». При фашистском диктаторе Муссолини Лука продолжал свою карьеру в качестве разведчика. Раболопствующий перед начальством, он уверенно поднимался по ступенькам служебной лестницы. Вскоре он становится одним из руководителей итальянской военной контрразведки. В годы войны тесно сотрудничал с СС и немецким абвером.

Своим заместителем полковник Лука назначил высокого и тучного Антонио Перенце, лет сорока, усатого и лысого. Впоследствии адъютант Луки еще сыграет особую роль.

Однако операция против Джулиано для полковника Луки чуть не закончилась раньше, чем успела начаться. Банда Джулиано, по-прежнему хорошо информирован-

ная о всех передвижениях карабинеров, напала на конвой правительственных войск, который возглавлял полковник Лука. Грузовик с восемнадцатью карабинами наехал на мину и взлетел на воздух. Четыре карабинера были буквально разорваны на куски, трое позднее скончались в больнице от ран. Лука спасся чисто случайно. Он ехал не во второй, как обычно, машине, а в первой. Бандиты слишком поздно заметили изменение в порядке следования. С опозданием они все же бросили гранату в машину Луки, но не попали.

В последующие несколько недель полковник Лука увеличил численность карабинеров до 3 тыс. человек. В его распоряжении были воздушно-десантные войска, самолеты и танки. Затем он запретил сицилийской прессе печатать какие-либо письма Джулиано. С некоторых пор этот бандит приобрел привычку писать в редакции газет, охотно публиковавшие его памфлеты или сенсационные письма, в которых он угрожал карабинерам и издевался над ними.

Лука распорядился составить и опубликовать список преступлений Джулиано: 37 убийств, 29 попыток убийства, 10 случаев шантажа, 40 случаев разбоя. На кровавом счету остальных бандитов, по приблизительным оценкам, было 73 карабинера, 22 полицейских и 50 гражданских лиц.

Вознаграждение за голову Джулиано было увеличено с 3 до 5 млн лир. Мафия методично выдавала имена, адреса, явки. Аресты следовали один за другим.

14 октября в штаб-квартире полковника Луки зазвонил телефон. Была полночь. Сонный дежурный карабинер лениво снял трубку. Мужчина, отказавшийся называть себя, сообщил ценнейшую информацию: Джузеппе Кучинелла из банды Джулиано в это время находится у такой-то сеньоры в предместье Палермо.

Лука понимал, что бандитов Джулиано ему выдавала мафия. Итак, путь к Джулиано лежал через «Общество чести».

«Я УБИЛ ДЖУЛИАНО!»

С весны 1950 г. вокруг Джулиано и его банды, сократившейся до нескольких человек, неожиданно воцарилось странное молчание. По острову поползли разноречивые слухи. По одним из них, Джулиано с молчаливого согласия правительства бежал в Северную Африку,

вступил там во французский иностранный легион и готовил удар против карабинеров полковника Луки.

И вдруг эту тишину 5 июля 1950 г., подобно разорвавшейся бомбе, прервало известие: Джулиано нет в живых!

В официальных кругах об этом стало известно следующим образом. В 6 часов утра шеф итальянской полиции генерал Д'Антони позвонил своему начальнику министру внутренних дел Шельбе: «Господин министр, сегодня на рассвете в стычке с правительственными войсками по борьбе с бандитизмом в Кастельветрано был застрелен бандит Джулиано».

На это долгожданное известие последовал спокойный ответ министра внутренних дел: «Отлично, мы встретимся позднее. Жду вашего отчета».

В замешательстве, с чувством разочарования усердный Д'Антони положил на трубку рычаг. Министр внутренних дел воспринял его сообщение как нечто обычное.

Известие о смерти Сальваторе Джулиано распространилось среди газетчиков, и прежде всего среди иностранных корреспондентов в Риме, подобно беглому огню артиллерии. Разумеется, они не довольствовались одним этим фактом, они жаждали деталей, желая узнать обстоятельства смерти известного бандита во всех подробностях. Журналисты осаждали приемную министра внутренних дел до тех пор, пока тот не согласился выступить на пресс-конференции.

Однако из того, что сообщил Шельба, нельзя было ничего почерпнуть. При этом министр внутренних дел не выглядел человеком, добившимся огромного успеха. Он не ждал похвал в адрес главного исполнителя — полковника Уго Луки и заявил прессе, что с бандитами на Сицилии покончено и в связи с этим вооруженные силы по борьбе с бандитизмом там будут расформированы. Под преступлениями Джулиано подведена черта. Он надеялся, что и пресса покончит с этим делом. Но многие журналисты были не удовлетворены заявлением Шельбы и поспешили к месту событий, чтобы узнать подробности конца драмы «последнего главаря разбойников Европы».

В Кастельветрано капитан карабинеров Перенце, адъютант полковника Луки, красочно расписывал журналистам события, предшествовавшие ликвидации Джулиано. В позе победителя капитан карабинеров сообщал

репортерам: «За десять дней до смерти Сальваторе Джулиано мой шеф, полковник Лука, получил известие, что бандит готовится покинуть Сицилию. Для бегства он выбрал Кастельветрано. Городок, как нельзя лучше, подходит для этого: он расположен вблизи побережья, кроме того, имеет небольшой аэродром. Возможно, что Джулиано хотел воспользоваться им. Мы учли это и распорядились об усиленной охране, а также о тщательном патрулировании на близлежащих улицах.

Сегодня в 3 часа 15 минут ночи патруль карабинеров на виа Каджини натолкнулся на группу вооруженных людей. Карабинеры, пытаясь задержать их, вступили в перестрелку. При этом я увидел, как один из мужчин, сбросив пиджак, побежал. Я начал преследование. Человек бежал по направлению к дому на улице Серафино Манноне. Он бежал зигзагами, ошалело стреляя во все, что двигалось. Во внутреннем дворике дома адвоката де Мариа я настиг его и очередью из автомата уложил на месте. В него попало семь пуль. Он рухнул на землю и через десять минут скончался. Так в 4 часа 10 минут утра не стало Сальваторе Джулиано».

«ОНИ ПРЕДАЛИ ЕГО!»

Когда дотошные репортеры спрашивали жителей городка, действительно ли перестрелка продолжалась 45 минут, те в ответ только качали головами. Жители Кастельветрано единодушно заявляли, что слышали всего лишь несколько одиночных выстрелов и две автоматные очереди. Итак, вопреки утверждениям Перенце никакой перестрелки, длившейся три четверти часа, не было.

Стоявший у дома «Фиат» не позволял любопытным рассмотреть, что происходило во дворе дома на улице Серафино Манноне, 54, оцепленного отрядом карабинеров. А там, во внутреннем дворике, на земле лицом вниз, совсем как его жертвы, лежал Сальваторе Джулиано. Он был одет в тиковые брюки и футболку без рукавов. Около головы в луже крови лежал револьвер, возле правой руки — автомат «беретта». На белой трикотажной рубашке убитого бандита вырисовывалось огромное кровавое пятно.

Хотя с самого начала не было никакого сомнения в том, что в руках полиции находится труп именно Джулиано, из Монтелепре, расположенного в 80 километрах

от Кастельветрано, была все же доставлена мать бандита. При входе в морг она казалась абсолютно спокойной. Когда ее подвели к трупу, она тихо произнесла: «Да, это мой сын, которого я родила двадцать семь лет назад». Покинув покойницкую, она крикнула толпе людей и журналистам, которые в ожидании новых сенсаций столпились перед кладбищем: «Они предали его! Они предали его!»

Был ли это просто приступ отчаяния убитой горем матери? Противоречий было так много, и число их в последующие дни возросло до невероятных размеров, и никто на Сицилии и во всей Италии уже не верил официальной версии — что Джулиано умер от руки капитана Перенце.

Неожиданно для всей общественности Лука сообщил, что, за исключением Пишотты, все бандиты шайки Джулиано с 27 июня, то есть до кончины своего главаря, находились уже в тюрьме. Тем самым он пытался опровергнуть все чаще высказываемые догадки о том, что не незадачливый Перенце, а сообщник убил «короля Монтелепре». Гаспаре Пишотту, ближайшего друга и кровного родственника Джулиано, вряд ли кто-нибудь мог заподозрить. Во всяком случае на это надеялся Лука.

К великому огорчению министра внутренних дел Шельбы, который настоятельно требовал от журналистов подвести черту под делом Джулиано, слухи продолжали ползти. Это вынудило полицию в декабре 1950 г. снабдить прессу новой сенсацией: Гаспаре Пишотта арестован и доставлен в Витербо в Италию, где по делу более чем 30 членов банды Джулиано должен состояться процесс.

В тюрьме, еще до начала процесса, Пишотта сделал сенсационное заявление: «Я, Гаспаре Пишотта, убил Сальваторе Джулиано, когда тот спал. Я сделал это по договоренности лично с сеньором Шельбой, министром внутренних дел».

После публичного признания адъютанта Джулиано охватил панический страх. Он сказал, что будет принимать лишь еду, приготовленную его матерью. Через несколько недель тюремное начальство запретило сеньоре Пишотте ежедневные посещения. Когда Пишотта узнал об этом, он буквально взвыл от злобы и ужаса: «Я уверен, теперь они наверняка прикончат меня в тюрьме». Тюремные сторожа наблюдали, что Пишотта не

прикасался к еде, пока ее не попробует кошка, которую ему разрешили держать в одиночке.

Когда начался процесс, подтвердилось, что опасения Пишотты небезосновательны. По дороге в суд на него набросились два заключенных, братья Дженовезе, в домике которых в 1945 г. Джулиано встретился с вожаками сепаратистов; они пытались убить предателя.

ПРОЦЕСС

Весной 1951 г. присутствовавшая в зале суда публика сидела, затаив дыхание. Обвиняемые, как дикие звери, находились в большой клетке из железных прутьев.

Казалось, наконец-то будет пролит свет на события 5 июля 1950 г. и предшествовавшую им закулисную борьбу. Будут ли на этот раз изобличены истинные подстрекатели бесчисленных преступлений?

Публику прежде всего интересовало, кто вынудил Пишотту признаться, что именно он убил своего двоюродного брата Джулиано?

Бледный, одетый с иголки Гаспаре Пишотта сообщил суду, как он стал предателем: «Джулиано был убежден в том, что Игнацио Мичелли, новый капо мафии Монреале, выдал полиции двух наших парней, Маннино и Мадониа. Он дал Мичелли десять дней срока на то, чтобы тот освободил их из рук полиции. Мичелли, испугавшись за свою жизнь, постарался сделать все, что было в его силах. У него были отличные отношения с полковником Лукой. Несмотря на это, Мичелли не удалось выполнить обещание. Тогда Джулиано приказал мне отправиться к Монреале и убить Мичелли. Я отправился туда, но приказ решил не выполнять. Нужно же было положить конец взаимному уничтожению друг друга. С капо Мичелли у меня состоялась беседа; он меня спросил, не хотел бы я принять участие в устранении Джулиано. Я ответил, что при определенных условиях согласен на это».

Председатель суда. На каких условиях?

Пишотта. Я хотел, чтобы меня не наказывали за преступления, которые я совершил на службе у Джулиано. Это я потребовал в качестве платы. Я потребовал также от полковника Луки письменное ручательство за личной подписью сеньора Марио Шельбы, министра внутренних дел.

Упомянутое Пишоттой письмо было представлено

суду. Однако Лука, отстаивая интересы своего начальника, под присягой показал, что лично подделал подпись министра внутренних дел, чтобы заманить бандита в ловушку. В связи с этим Пишотта заявил, что это вряд ли так, ибо он уже видел подпись Шельбы на письме, полученном Джулиано от министра в апреле 1948 г. «В нем,— рассказывал бандит,— сеньор Шельба просил Джулиано оказать христианско-демократической партии поддержку на выборах. В случае победы на выборах этой партии он обещал ему полную амнистию».

Правительственная пресса неистовствовала: как можно доверять сумасшедшему бандиту, который к тому же не смог представить ни одного свидетеля?!

На суде выступил адвокат Грегорио де Мариа, во дворе дома которого был найден труп Джулиано. Он дал детальное описание убийства и событий, предшествовавших ему: «16 декабря 1949 г. поздно вечером, приблизительно в 22 часа, в дверь моего дома постучали. Я спросил, кто там. «Это я, Джузеппе Маротта, открой дверь, Грегорио!» Джузеппе Маротта — друг моего детства. Маротта вошел в дом, а за ним двое неряшливо одетых мужчин, которых в темноте я не разглядел. Один из них заявил мне, что они друзья Маротты и просят у меня приюта на пару дней. Неожиданными визитерами были Сальваторе Джулиано и Гаспаре Пишотта. Им нужно было надежное, не вызывающее подозрений убежище. Это вынужденное гостеприимство затянулось на шесть месяцев, с той декабрьской ночи до 5 июля 1950 г.

В феврале Пишотта неожиданно уехал куда-то со всем своим багажом, и с тех пор я не видел его... до ночи убийства. Наконец в середине марта Джулиано также покинул дом. Однако от своего незваного квартиранта я не освободился. Недели через две он вернулся вновь и оставался у меня до середины мая, затем опять исчез, чтобы появиться 25 июня. В тот раз он выглядел растерянным и подавленным.

Наконец наступило 5 июля 1950 г. В ту ночь, в половине первого, когда мы все спали, в дверь дома постучали. Я встал и зажег во дворике свет. Выглянув на улицу, я увидел у ворот Пишотту. Затем я разбудил Джулиано и пошел открывать дверь. Мне сразу бросилось в глаза, что Пишотта одет с иголки. Я сказал ему, что Джулиано наверху. Он поднялся в комнату Джулиано, а я возвратился к себе и вскоре заснул.

Неожиданно около трех часов утра меня разбудили выстрелы. Я вскочил с постели, распахнул дверь и увидел, что по комнате, в которой были бандиты, скользил луч карманного фонарика. С перепугу я подумал, что это полиция. Мне даже пришлось присесть на кровать, так дрожали от страха ноги.

Я вскрикнул, когда Пишотта ворвался в мою комнату. На сицилийском диалекте он возбужденно бросил мне: «Адвокат, я застрелил, я застрелил!»

Совершенно ошеломленный, я поспешил в комнату Джулиано и там увидел его распростертым на постели, как будто бы во сне. Но он был мертв. Как в прострации, шатаясь из стороны в сторону, я сошел вниз и хотел закрыть входную дверь, через которую Пишотта убежал куда-то.

Неожиданно появился капитан карабинеров Антонио Перенце. Сначала он удостоверился, что я адвокат де Мариа. Затем он попросил проводить его в комнату, где было совершено убийство. Когда капитан увидел мертвого Джулиано, то сказал мне: «Здесь ничего не произошло. На всякий случай пятна крови необходимо убрать». Я выполнил его приказ. Затем мы вместе с капитаном Перенце вынесли труп Джулиано во внутренний дворик дома. Потом я возвратился домой, а позже услышал очередь из автомата».

Итак, адвокат де Мариа подтвердил показания Пишотты.

Лука лишь частично поддержал версию капитана Перенце. Он подтвердил, что капо мафии Мичелли вел переговоры с Пишоттой. В обмен на фальшивое письмо Шельбы Пишотта предал своего двоюродного брата Джулиано. В ту ночь, по его словам, между главарем бандитов и его адъютантом произошел спор. При этом, вполне возможно, Пишотта мог убить своего главаря. Но окончательно добил его капитан Перенце, находившийся в это время во дворе.

Де Мариа и Лука подробно, хотя и противоречиво, описали ночь убийства. И лишь Пишотта хранил упорное молчание о событиях той ночи. Секретарь Коммунистической партии Джироламо Ли Каузи на собрании в Палермо настоятельно призывал Пишотту нарушить молчание. Пытаясь как-то убедить его, он говорил: «Расскажи все, Пишотта, ведь они все равно убьют тебя!»

Многие люди задавали вопрос, почему Джулиано не

схватили во сне и не передали живым в руки правосудия. Как бы отвечая на этот вопрос, Пишотта на одном из заседаний заявил председателю суда: «Я убил Джулиано, потому что мне приказано было сделать это. Живого его боялись».

Председатель суда. Почему боялись?

Пишотта. Потому что Джулиано знал слишком много об отношениях мафии с некоторыми высокопоставленными сеньорами. В его руках находились компрометирующие документы, с помощью которых он мог бы доказать существование таких отношений.

Суд немало времени уделил разбору истории, связанной с этими бумагами. Адвокат де Мариа в конце концов признался, что эти документы действительно были у Джулиано, однако в ночь убийства они куда-то исчезли. Самый тщательный обыск не дал никаких результатов.

Капитан Перенце, который первым вошел в дом адвоката де Мариа, заявил суду: «Я действовал строго по приказу полковника Луки. Возможно, бумаги у него, но я об этом ничего не знаю».

Компрометирующие материалы исчезли бесследно. Чем дальше продолжался процесс, тем больше дело обрастало разноречивыми показаниями, которые зачастую сознательно фальсифицировались. Приговор был вынесен 4 мая 1952 г.: Гаспаре Пишотту по совокупности за многочисленные преступления, исключая убийство Джулиано, так же как и еще 11 членов банды, приговорили к пожизненному тюремному заключению. Было признано, что Перенце убил Джулиано. Министр внутренних дел Шельба взял под защиту Луку и Перенце. Он, в частности, сказал: «У Пишотты никогда не хватило бы мужества застрелить того, кто был его лучшим другом. У него дрогнула бы рука». Поспешно, слишком поспешно был опущен занавес.

О мафии, державшей за кулисами в своих руках все нити судебного процесса, не было сказано ни слова. Этой важнейшей виновницы событий для суда будто и не существовало. Только уж слишком было очевидно, что правящая христианско-демократическая партия, один из лидеров которой был замешан в этом деле, не заинтересована в дальнейшем расследовании. Предложения коммунистов и социалистов о более тщательном разбирательстве дела, которые они вносили в парламент, неоднократно отклонялись. С 6 ноября 1951 г. на

процесс уже просто не был допущен ни один свидетель.

Итак, с делом Джулиано было покончено. После вынесения приговора Гаспаре Пишотта был доставлен в тюрьму Уччардоне в городе Палермо. Там он вышивал шелком и, по слухам, писал мемуары.

ПОСЛЕДНИЙ АКТ ДРАМЫ

В конце 1953 г. появилось сообщение, что процесс по делу банды Джулиано должен возобновиться. Были получены новые неопровержимые доказательства, и прежде всего против капитана карабинеров Перенце, которому инкриминировалась дача ложных показаний под присягой. Ходили слухи, что Гаспаре Пишотта вновь будет фигурировать на процессе, на этот раз по обвинению в убийстве Сальваторе Джулиано.

9 февраля 1954 г. Гаспаре Пишотта вместе со своим отчимом Сальваторе, который был приговорен к 30 годам тюрьмы и сидел с ним в одной камере, получил обычную утреннюю чашку кофе. Бандит, страдавший туберкулезом, имел обыкновение вместе с кофе принимать лекарство. Но прежде чем он успел отставить чашку, у него начались судороги и он рухнул на пол, корчась от ужасной боли. При этом он, не переставая, кричал: «Они отравили меня! Я умираю!»

В бессознательном состоянии его доставили в тюремную больницу, где к 8 часам утра он и скончался, не приходя в сознание. Позднее, при вскрытии, тюремный врач установил, что вместе с лекарством Пишотта проглотил 20 мг стрихнина.

Вероятно, Пишотта так и не узнал, что за день до того министр внутренних дел Марио Шельба, которого он обвинял на суде в связях с Джулиано, достиг вершины своей карьеры: 8 февраля 1954 г. он был назначен премьер-министром Италии.

2 марта за соучастие в убийстве Пишотты был арестован тюремный надзиратель, однако 4 марта смерть от яда в тюрьме настигла еще одного человека Джулиано — Анджело Руссо; для семи других заключенных доза стрихнина оказалась слишком маленькой.

На Сицилии уже давно знали, что рука мафии доставала даже за тюремной стеной. Лишь после выхода на пенсию директора тюрьмы Уччардоне обще-

ственности стало известно, что за время его службы, с 1946 по 1957 г., более 480 заключенных — многие с тяжелыми ранениями — было доставлено в тюремную больницу. Число совершенных в стенах тюрьмы убийств он не назвал.

Так закончилась история Сальваторе Джулиано, «короля Монтепре». Мафия использовала его и его банду как послушный инструмент. Когда необходимость в них отпала, мафия не только отказалась от них, но и уничтожила физически.

АМЕРИКА В ПАУЧЬЕЙ СЕТИ

В Соединенных Штатах действует широко разветвленный синдикат организованных преступников... Бразды правления держат мобстеры¹, продажные политики, нечистые на руку бизнесмены и служащие различных государственных учреждений вплоть до налогового управления и прокуратуры. Все они скрываются под маской порядочных людей.

Из заключительного отчета комиссии по расследованию преступлений под председательством сенатора Тоби, 1951 г.

Оперативные сводки главного командования сухопутных войск США, в которых все чаще и чаще упоминались Неаполь и Рим, Монте-Кассино и Болонья, Турин и Милан, пробудили у служащего нью-йоркской уголовной полиции Хэфленда воспоминания о 1934 г. Они были связаны с именем дона Вито Дженовезе.

Дженовезе родился в Италии 21 ноября 1897 г., а в мае 1913 г. переселился в Соединенные Штаты. Дон Вито предпочитал уединение, тихую работу вдали от общей шумихи. Он не любил, как Капоне или Торрио, Лучано или Костелло, появляться на публике. И вряд ли Дженовезе участвовал в большом алкогольном бизнесе. «Семья», которую он возглавлял, занималась доходным ремеслом — торговлей наркотиками, и дон Вито оставался неизменно верен этому бизнесу.

В 1917 г. Дженовезе впервые был арестован за нелегальное хранение оружия; в последующие годы ему еще 16 раз предъявлялись обвинения в торговле наркотиками, контрабанде оружия, разбое и вымогательстве, однако он постоянно прикидывался «мелкой рыбешкой» и каждый раз уходил от наказания. Стремясь обзавестись связями и занять высокое положение в обществе, дон Вито, казалось, исправился и встал на праведный путь. В 1925 г. на Томпсон-стрит в Нью-Йорке он основал торговую фирму «Дженовезе трэйдинг компани». В ее магазине можно было купить сапожный крем, резиновые подметки, шнурки и щетки, а также сыр и спагетти, и лишь посвященные могли приобрести в магазине Дженовезе наркотики.

¹ Моб, мобстер — профессиональный преступник (амер. разг.). (Прим. пер.)

В 1933 г. дон Вито на несколько недель уехал на Сицилию. Возможно, он использовал поездку в Европу для того, чтобы на месте ознакомиться с зарождением потока наркотиков, который непрерывно тек через Атлантику. Возвратившись, дон Вито распорядился убрать своего доверенного Боччу. С этой просьбой он не стал обращаться в «Корпорацию убийц», которая мастерски справлялась с подобными поручениями, а доверил это дело триггермену из своей «семьи», одному из братьев Галло, который без всякого шума выполнил поручение. Через некоторое время полиция обнаружила труп Боччи, однако убийство так и осталось нераскрытым.

Несмотря на это, Дженовезе отдал приказ другому мафиозо, Эрнесто Руполо, убить теперь уже Галло. И то ли у Галло оказалось лошадиное здоровье, то ли Руполо нечисто сработал, но убийца Боччи выжил и даже указал на Дженовезе как на вдохновителя обоих покушений.

Дон Вито Дженовезе посчитал за лучшее скрыться. Он передал управление «семьей» Фрэнку Костелло и бежал в Европу. В Италии в то время шла война между мафией и фашистским режимом Муссолини. Дон Вито Дженовезе тем не менее нашел общий язык с дуче и даже открыл в Риме банк.

Когда Дженовезе был за пределами Соединенных Штатов, Хэфленд наконец заполучил в свое распоряжение главного свидетеля этого убийства, некоего Питера ла Темпо, мелкого гангстера, и смог представить суду достаточно веские доказательства того, что приказ об убийстве отдал Дженовезе. Зная, что могущественный дон мафии находится далеко в Италии, ла Темпо, вероятно в обмен на более мягкие условия содержания в заключении, не раздумывая особенно, во всех подробностях описал происшедшие события.

И теперь, много лет спустя, англо-американские войска продвигались на север Италии, вверх по «итальянскому сапогу». Где же скрывался Дженовезе?

Хэфленд написал в военное министерство официальную бумагу, в которой перечислил уголовные преступления Дженовезе в США. В заключение он просил отдать приказ о безотлагательном розыске и аресте в Италии этого опасного уголовного преступника. Военное министерство отклонило просьбу Хэфленда. Вероятно, были наведены соответствующие справки у офицеров связи Высшей союзной комиссии для Италии, а в ней нахо-

дился уже известный нам бригадный генерал Уильям О'Дуайер!

Однако Хэфленд был не из тех, кто так просто отступает от задуманного. Вито Дженовезе был другом Муссолини, крупным банкиром и бизнесменом, награжденным несколькими высшими фашистскими орденами. Такой человек не мог исчезнуть бесследно. И он действительно нашелся. Его разыскали в Ноле, неподалеку от Неаполя. Дженовезе официально состоял в должности переводчика при штаб-квартире американских войск! Он поддерживал тесные дружеские связи с полковником Чарлзом Полетти, который в свою очередь через Дженовезе вошел в контакты с сицилийской мафией. В бумажнике Дженовезе находилось рекомендательное письмо, подписанное майором Е. Н. Холмгренем из департамента по гражданским делам военной администрации. Оно было датировано ноябрем 1943 г. Вот его дословный текст: «Податель сего письма, Вито Дженовезе, является американским гражданином. Сразу после моего прибытия в Нолу в качестве офицера департамента по гражданским делам Дженовезе предложил мне свои услуги переводчика, отказавшись от какой-либо платы. Более того, он покрывал свои служебные расходы из собственного кармана. Дженовезе работал день и ночь, не жалея своих сил, и упорным трудом оказал особенно ценную помощь генеральному штабу союзников».

В том же бумажнике находилось еще одно письмо, подписанное капитаном американской военной полиции Л. Данном. В нем говорилось: «Сим заверяю, что Вито Дженовезе находился у меня на службе в должности личного переводчика. На этом поприще он оказал мне неоценимые услуги. За время своей работы в союзной полиции Дженовезе помог вскрыть несколько случаев коррупции и спекуляции на черном рынке, имевших место со стороны гражданского персонала американской армии. Дженовезе обладает чрезвычайно ясным умом, знает итальянцев, как никто другой, и беззаветно предан своей родине, Соединенным Штатам Америки».

СМЕРТЬ ОТ ЖЕЛЧЕГОННОГО ПОРОШКА

Итак, из этих писем видно, что в Ноле Дженовезе действовал с мастерством старого, многоопытного мафиозо. Он выдавал оккупационным властям мелких

спекулянтов, которые крали у американских военных по крохам, нанося ущерб монополии дона мафии на черном рынке. В те дни материалы, предназначавшиеся для американской армии, исчезали со складов тоннами, грузовики крались колоннами, бензохранилища грабились до последней канистры, так что дефицит в снабжении препятствовал иногда проведению американскими войсками военных операций. Дон Вито был больше, чем только переводчик. В Ноле американские оккупационные власти назначили его ответственным за снабжение продовольствием гражданского населения. Кроме того, для американских офицеров он организовал группу проституток, приходящих по вызову, так называемых «колл гёрл-ринг». Для американцев он стал настолько незаменимым человеком, что майор Янг дополнил ранее выданные рекомендательные письма следующими дифирамбами:

«Всем заинтересованным лицам.

Во время моей службы в качестве офицера департамента по гражданским делам в Ноле Вито Дженовезе был моим личным переводчиком. Кроме того, во многих случаях он действовал как мой полномочный представитель. За услуги, оказываемые американским властям, он не требовал никакого вознаграждения. Я считаю Дженовезе человеком, достойным всяческого доверия. На него можно полностью положиться. Я еще раз подчеркиваю, что мне, и тем самым Соединенным Штатам, Дженовезе оказал неоценимые услуги».

Когда майор Янг подписывал эти строки, распоряжение военного министерства об аресте Вито Дженовезе, направленное С. Дики из уголовно-следственного отдела американской армии, уже находилось в пути. 8 января 1944 г. Дики получил приказ, а 12 января — анонимное письмо, в котором говорилось, что он должен оставить Вито Дженовезе в покое, поскольку тот будто бы никому не причинил никакого вреда. В качестве компенсации за это американскому служащему предлагалась четверть миллиона долларов. Дики, разумеется, отказался. Однако в Ноле он встретился с упорным сопротивлением американских оккупационных властей. Арест такого ценного специалиста, как Вито Дженовезе, мог якобы повлечь за собой серьезные осложнения для американской армии.

Тем временем в тюрьме Бруклина Питер ла Темпо ожидал депортации. В скором времени предполагалось

возобновить судебный процесс против убийцы Боччи, на котором он должен был выступить в качестве главного свидетеля.

Питер ла Темпо страдал воспалением желчного пузыря. Каждый вечер он получал желчегонный порошок. Вечером 16 января 1944 г. он принял обычную дозу лекарства, регулярно присылаемую через тюремных служащих. Несколько часов спустя после приема лекарства главный свидетель против Вито Дженовезе корчился в судорогах и вскоре, не приходя в сознание, умер. В заключении судебного врача было сказано, что принятого ла Темпо яда было достаточно, чтобы «прикончить восемь лошадей». Кто убил Питера ла Темпо, полиция так никогда и не узнала.

А пока Вито Дженовезе, все еще пользовавшийся глубоким уважением офицеров американских оккупационных войск, гулял на свободе. Однако несговорчивый Дики не отступал. 27 августа 1944 г. Дики удалось наконец-то арестовать Вито Дженовезе. При обыске его квартиры Дики обнаружил огромный склад имущества американской армии и документы, которые свидетельствовали о тесном сотрудничестве Дженовезе с полковником Чарлзом Полетти, служившим под начальством бригадного генерала О'Дуайера в штаб-квартире союзных войск в Риме.

И только в мае 1945 г. Вито Дженовезе оказался в США, где его ожидало судебное разбирательство. Но это уже не волновало дона мафии. Главный свидетель обвинения был мертв. В конце концов «за недостатком доказательств» власти были вынуждены освободить Дженовезе.

В лице Вито Дженовезе «Коза ностра» вновь обрела могущественного лидера, который мог руководить ее широко разветвленным бизнесом в США.

СЧАСТЛИВЧИК ОТПРАВЛЯЕТСЯ ДОМОЙ

Тесное и плодотворное сотрудничество Лучано с военно-морской разведкой дало повод адвокату Вулфу уже в феврале 1943 г. выступить в верховном суде штата Нью-Йорк с ходатайством о досрочном его освобождении из заключения. Это ходатайство Вулф подкрепил намеком на «тесное сотрудничество Лучано с высокопоставленными военными». Но в то время участие Лучано в операциях военных было строжайшей государствен-

ной тайной, и поэтому вряд ли кто из посвященных в нее согласился бы дать необходимые показания в пользу влиятельного мафиозо.

В 1945 г. адвокаты Лучано подали новое ходатайство. Томас И. Дьюи, бывший прокурор, в 1935 г. осудивший Лучано, а теперь занимавший должность губернатора Нью-Йорка, поддержал это ходатайство. Позднее по этому поводу Лучано сказал: «Поддержка Дьюи обошлась мне в 57 тысяч долларов, которые я внес в фонд республиканской партии. Пожалуй, это было решающим фактором при моем освобождении». В то время губернатор Дьюи выставил свою кандидатуру на пост президента США от республиканской партии (на деньги Лучано!) против Гарри Трумэна, кандидата от демократической партии.

В конце 1945 г. апелляционный суд принял решение освободить Лучано от оставшихся сорока лет тюрьмы и депортировать его в Италию.

ВИЛЛИ БИОФФ ОТКРЫВАЕТ КИНО

Лучано оставил после себя хорошо организованную империю преступников. К тому времени мафия уже давно вышла за пределы своей традиционной деятельности. Едва ли можно было найти такую область бизнеса, в которую бы не проникла ее рука.

В 1932 г., например, гангстеры из чикагской «семьи» Аль Капоне предложили идею основания профсоюзного рэкета. После того как власти надолго упрятали Капоне за решетку, трон дона «семьи» чикагской мафии наследовал Фрэнк Нитти. Нитти отпустил «на свободные хлеба» бывшего телохранителя Капоне Уильяма Биоффа. В том же 1932 г. этот гангстер свел знакомство с неким Джорджем Брауном, руководителем второй по значению местной организации Межнациональной ассоциации концертно-театральных служащих (МАКТС), объединявшей не только работников сцены, но и кинемехаников. В свое время эта организация присоединилась к самому мощному профсоюзу — Американской федерации труда.

Джордж Браун был продажным профсоюзным деятелем, преследовавшим только одну цель — выколачивать из своей должности как можно больше денег. Уильям Биофф, проницательный парень, прирожденный организатор, как казалось Брауну, мог стать подходя-

щим орудием в его руках. И лишь позднее Браун понял, что не Биофф был его орудием, а он орудием в руках Биоффа.

Вначале все шло так, как задумал Браун. Биофф стал его помощником и заместителем. Уже через несколько дней прожженный гангстер установил, что в МАКТС Чикаго не все обстояло благополучно. Из 400 членов профсоюза 250 были безработными. Биофф подкинул Брауну идею отказаться для начала от высокого оклада и на эти средства сделать кое-что полезное для членов профсоюза. Так обманным путем удалось бы добиться их доверия и одновременно укрепить собственные позиции. Биофф пустил в ход все свои связи с мафией и организовал серию благотворительных представлений, выручка от которых должна была пойти на помощь безработным членам МАКТС. В соответствии с намеченным планом Биофф и Браун встретились с Барни Балабаном, главой фирмы «Балабан энд Катц», владевшей разветвленной сетью кинотеатров и театральных залов, и потребовали от него снова ввести тарифы, действовавшие до 1929 г. и уменьшенные в связи с общим снижением заработной платы во время экономического кризиса. Требования были подкреплены угрозами, однако Балабан не принял их всерьез. Тогда оба «профсоюзных активиста» пошли на уступки. Они удовлетворились обещанием Балабана организовать столовую для безработных членов МАКТС. Для владельца крупного театрального общества это была пустяковая уступка, поэтому он предложил Биоффу солидный задаток за то, чтобы тот «убедил» членов профсоюза в необходимости сохранения новых тарифов оплаты.

Так начался профсоюзный рэкет. Биофф клал деньги, получаемые от владельцев театрально-зрелищных предприятий, в собственный карман. Члены же профсоюза играли роль пресса при шантаже предпринимателей и вынуждены были довольствоваться бесплатной хлебкой и другими подачками.

К тому времени все чикагские «семьи» мафии занялись новой формой рэкета. Вскоре необходимость в Брауне почти отпала. Ник Чирчелла, он же Ник Дин, и Фрэнк Рио явились к Брауну и без обиняков выложили: «С сегодняшнего дня мы ждем от тебя пятидесяти процентов со всех видов дохода. Понятно?»

И Браун понял. Однако чикагской мафии было уже недостаточно контроля только над местной секцией

МАКТС. Она хотела взять в свои руки весь профсоюз. На встрече, где наряду с Брауном и Биоффом присутствовали также гангстеры Луис Кампанья, Поль де Лука, Фрэнк Рио и Фрэнк Нитти, было решено сделать Брауна президентом союза. Нитти напомнил, что в 1932 г. Браун выставлял свою кандидатуру на пост президента МАКТС, но не набрал нужного числа голосов. Джордж Браун перечислил города, где ему не хватило голосов избирателей: Нью-Йорк, Нью-Джерси, Кливленд, Сент-Луис. Как известно, выборы для мафии никогда не представляли проблем. «Семьи» «Коза ностры» имелись во всех частях Соединенных Штатов. В Нью-Йорке, например, местное отделение МАКТС находилось под контролем Лепке Бухалтера. Итак, Фрэнку Нитти оставалось только послать письмо могущественному боссу мафии Лучано: «Местное отделение 306 (профсоюз нью-йоркских киномехаников.— Авт.) должно голосовать за Брауна».

«Выборная кампания» в профсоюзах протекала так, как и планировал Нитти. На профсоюзном конгрессе лично присутствовал ряд известных гангстеров и были приняты все меры, чтобы оппозиция молчала. На этот раз Браун был избран.

Браун, заняв кресло президента МАКТС, сразу же назначил Уильяма Биоффа первым заместителем. Многие делегаты догадывались, что это означало: Биофф — полновластный хозяин в профсоюзах. Те же, кто не пожелал с этим согласиться, вышли из МАКТС. Благодаря широко разветвленному рэкету мафиози держали в своих руках очень многих предпринимателей и поэтому использовали все свое влияние, чтобы строптивные члены профсоюза, потеряв работу, не могли уже найти другой.

Биофф и Браун крепко взяли МАКТС в свои руки и быстро обломали «строптивных». Распоряжения профсоюзным боссам от Фрэнка Нитти поступали через Ника Чирчеллу. Вскоре Нитти договорился с Костелло, управлявшим в Нью-Йорке, что и другие «семьи» мафии признают и поддержат рэкет МАКТС.

МАФИЯ В ГОЛЛИВУДЕ

Основным занятием гангстерской банды стал отныне шантаж владельцев кинотеатров. От имени профсоюза Биофф внес предложение увеличить штат киномехаников. Владельцам кинотеатров пришлось выложить не-

мало денег, чтобы отговорить Биоффа от этой идеи. Фирма «Балабан энд Катц» выложила на стол 60 тыс. долл., акционерное общество кинотеатров «Си энд Си» — 10 тыс., «Уорнер Бразерс» — 30 тыс. долл.

Итак, под колпаком рэкета чикагской мафии оказались все кинопрокатные компании. В 1936 г. Фрэнк Нитти решил, что мафии пора приступить к завоеванию Голливуда. Однако для достижения этой цели предстояло немало потрудиться. Ведь для того чтобы оказать необходимое давление на хозяев мира кино, надо было иметь в Калифорнии крепкую профсоюзную организацию МАКТС. Действуя окольным путем, через кинотеатры во всех штатах страны, мафиози принудили рабочих и служащих студий Голливуда вступить в МАКТС, в противном случае фирмы отказывались от их услуг.

В 1936 г. Уильям Биофф встретился с Николасом М. Шенком, президентом кинокомпании «Лов», которая одновременно представляла американскую кинопромышленность, в том числе прокатные фирмы. «У вас, как я заметил, процветающее дело, — без обиняков начал Биофф. — Я выбрал Брауна президентом вашего профсоюза и поэтому намерен кое-что потребовать от кинопромышленности. Итак, я жду от вас два миллиона долларов в год».

Позднее Шенк заявил: «Я был потрясен его требованиями настолько, что на некоторое время потерял даже дар речи». Но Биофф прибавил: «Вы еще не представляете последствий вашего отказа. Мы можем без труда закрыть любой кинотеатр в стране. Вам не выстоять против нас. Борьба с нами обойдется вам на много миллионов долларов дороже. Подумайте над этим хорошенько». Крупнейшие кинофирмы Голливуда — «Твенти сенчури Фокс», РКО, «Парамаунт» — подумали и... заплатили. Кинокомпании заключили с гангстерами тайное соглашение: крупные — платили по 30 тыс. долл. в год, мелкие — по 25 тыс. долл.

Платежи мафиози получали регулярно наличными, в большинстве случаев с глазу на глаз. В каком-нибудь номере тихого отеля Шенк, представитель кинокомпаний, платил от имени своих доверителей. И поскольку эти деньги не учитывались ни в одной бухгалтерской книге, то для финансовых органов доходы Шенка неожиданно резко сократились. В этом изменении суммы прибылей управление по борьбе с уклонением от уплаты подоходного налога усмотрело обман и выдвинуло про-

тив Шенка обвинение в укрывательстве имущества от обложения налогом. На судебном процессе глава киноконцерна упорно молчал, и, лишь когда его приговорили к трем годам тюремного заключения, он назвал имя Биоффа.

Судебный процесс против Биоффа и Брауна состоялся в 1941 г. На нем всплыли удивительные факты. Хотя мафиози и обирали киноконцерны, но и те не были от этого в накладе. Когда в Голливуде назревала угроза забастовки, киноконцерны выкладывали Биоффу 150 тыс. долл., и дело улаживалось. Власть МАКТС была столь велика, что профсоюз мог помешать производству и сбыту любых кинофильмов, которые по тем или иным причинам не устраивали гангстеров и их покровителей.

МАКТС еще долгие годы сохраняла огромную власть в кинопромышленности США. Несколько лет спустя после описанных событий заправила этого профсоюза донесли на некоторых прогрессивных киноактеров и кинематографистов в пресловутую Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, которую возглавлял сенатор Маккарти. Кроме того, они всячески препятствовали выходу на экраны кинотеатров Соединенных Штатов прогрессивных кинофильмов, таких, например, как «Соль земли».

Суд признал Биоффа виновным в рэжете и приговорил его к десяти годам тюремного заключения. Браун получил восемь лет. На суде Биофф имел неосторожность назвать имена своих компаньонов: Чирчеллы, Рио, Кампаньи, Д'Андреа, Джое и Нитти. А четырнадцать лет спустя за нарушение первой заповеди мафии — омертá он поплатился жизнью.

В 1951 г. Биофф вышел на свободу и поселился в городке Феникс, штат Аризона. Там он познакомился с сенатором-республиканцем Барри Голдуотером. Вскоре Биофф и Голдуотер стали закадычными друзьями и довольно часто совершали совместные поездки на частном самолете сенатора. Позднее, в 1961 г., Голдуотер вспоминал: «Биофф был славным парнем. Он ни внешне, ни в манерах не походил на гангстера. В нашем городе он был уважаемым человеком. У него был прелестный маленький домик и неплохое собрание картин».

Однажды близкий друг бывшего кандидата в президенты США от республиканской партии, Вестбрук Пеглер, в интимном кругу поведал о том, что свело мафиозо

Биоффа и ярого антикоммуниста Голдуотера: «Уил научил Барри всему, что было полезно знать политику о террористических, а порой и уголовных методах принуждения профсоюзных боссов». При этом он несомненно имел в виду тех «профсоюзных боссов», которые находились на службе у «Коза ностры».

От возмездия за нарушение омертвения мафиозо не спасла даже дружба с крайне правым сенатором-республиканцем. В 1955 г. машина Биоффа разлетелась на куски от взрыва пластиковой бомбы, сработавшей, когда «отступник» нажал на стартер.

В 1941 г. на основании показаний Биоффа власти арестовали многих чикагских мафиози. Среди тех, кто 18 марта 1943 г. сидел на скамье подсудимых в нью-йоркском городском суде и, скрежеща зубами, выслушивал показания «изменника» Уильяма Биоффа, были Фрэнк Нитти, шеф чикагской мафии, и Ник Чирчелла, главарь рэкета профсоюза МАКТС. Каждый из них имел длинный список преступлений.

На основании показаний Уильяма Биоффа все обвиняемые надолго лишились свободы. Ник Чирчелла вышел из тюрьмы лишь в 1955 г. и тут же был выслан в Италию. Преемник Аль Капоне на посту дона чикагской мафии Фрэнк Нитти после вынесения приговора покончил жизнь самоубийством. Во главе чикагской мафии встал новый человек — Энтони Аккардо, бывший телохранитель и доверенный Аль Капоне.

Аккардо поставил бизнес на широкую ногу, деньги в его карман текли непрерывным потоком. Аккардо был владельцем процветающей фирмы по сбыту пива и спиртных напитков. Но причины этого благополучия стали понятны лишь после признания владельца одного из чикагских ресторанов: «Если у кого-нибудь из нас однажды появлялся мордovorot вроде Даддано, по кличке Вилли Доллар, и говорил, что он торгует пивом и желал бы видеть владельца ресторана своим клиентом, что же оставалось делать?»

Кроме прибылей от легального бизнеса весьма выгодным источником было букмекерство. Обороты этой своеобразной отрасли бизнеса были огромными. В футбольный сезон оборот тотализаторов составлял 60 млн долл. в неделю! Столько же — в разгар бейсбольного сезона. Пари, заключаемые на ипподромах, еженедельно составляли 25 млн долл., на баскетбольных матчах — 15 млн долл. Не меньшими были и прибыли от букмекер-

ства. Однако мафиози нового поколения считали недостойным заниматься «черной работой»; они стремились занять ключевые позиции в любой отрасли бизнеса, подобно тому как это делали крупные монополии, и с командных высот подчинить всех своей власти.

В букмекерстве эти ключевые позиции находились в телеграфном агентстве, которое сообщало отдельным букмекерам результаты игр и бегов. Крупнейшим из этих телеграфных агентств было основанное в 1939 г. «Континентл-пресс сервис», прибыли которого в 1949 г. достигли гигантской суммы — 236 млн долл. Один миллион агентство платило компании «Вестерн юнион телеграф компани» только за использование принадлежащей ей линии связи.

В середине 40-х годов чикагская мафия повела наступление на «Континентл-пресс сервис». Некий Серителла появился однажды в офисе владельца этого агентства Джеймса А. Регана и, передав «привет» от Аккардо, предложил сделать своих друзей пайщиками общества. Реган должен был стать компаньоном и даже неплохо на этом заработать.

Однако Реган от этого предложения отказался. Он был родом из Чикаго и поэтому понимал, что могло означать предложение, сделанное гангстерами. Он незамедлительно сообщил об этом в ФБР и прокуратуру и окружил себя вооруженными телохранителями. Но ни ФБР, ни прокуратура не приняли никаких мер. Серителла, доставивший письмо от Аккардо, считался уважаемым человеком, который в течение вот уже двенадцати лет заседал в сенате штата Иллинойс. К тому же он был другом Регана.

На первых порах Регану следовало опасаться не столько за свою жизнь, сколько за дело, которым он занимался: у него появился весьма опасный конкурент — новоиспеченное букмекерское информационное агентство «Транс-Америкэн».

В скором времени это агентство начало угрожать монопольному положению компании Регана. Когда некий Саймон Партни открыл в Канзас-Сити букмекерскую контору под вывеской «Хармони паблишинг компани», прибыли Регана, поставлявшего ей информацию, возросли. Но достаточно было одного «серьезного разговора» мафиози Бинаджо и Гарготты с Партни, и контора «Хармони» начала сотрудничать с «Транс-Америкэн».

Глава «Континентл-пресс сервис» отчаянно боролся за свое существование. Ожесточенная конкурентная борьба двух компаний протекала в том же духе борьбы, что и во всем капиталистическом мире. Если экономически Реган еще мог кое-как удержаться, то против пули ему уже было не устоять. 24 июня 1946 г. борьба окончилась. Убийцы мафии выпустили в Регана очередь из автомата на одной из улиц Чикаго. На следующий день он умер в больнице. Местная полиция внесла убийство Регана в разряд «нераскрытых».

После смерти Регана некий Мики Макбридж, которому принадлежала небольшая доля в деле, приобрел контрольный пакет акций «Континентл-пресс сервис». Наследникам Регана он предложил 370 тыс. долл. с выплатой в рассрочку в течение десяти лет. С этого момента информационное агентство «Континентл-пресс сервис» перешло в руки мафии. Макбридж был подставным лицом, подлинного хозяина звали Энтони Аккардо.

БРАК С ФЛОРИДОЙ

Операцию по захвату информационного агентства «Континентл-пресс сервис» Аккардо провел с помощью одного из донов нью-йоркской мафии — Фрэнка Костелло. Обобрыв штат Луизиана, Костелло занялся Флоридой. Там в числе ночных клубов и казино была контора тотализаторов с загадочным названием «Стоп энд гоу». В 1944 г. Костелло приглянулась эта контора, объединявшая свыше двухсот букмекеров штата Флорида. Информацию для нее поставляло агентство «Континентл-пресс сервис». Поэтому Костелло без особого труда взял под свой контроль эту букмекерскую контору.

Основное внимание Костелло сосредоточил на казино в курортных городках на восточном побережье субтропического полуострова США. Влиятельный мафиозо приобрел здесь отель «Колониал инн» с игорным залом, который только в 1948 г. принес около 38 млн долл. чистой прибыли. Вслед за ним на солнечный юг потянулись и другие мафиозы. Отелем «Уоффорд» завладел бывший адъютант Аль Капоне Энтони Карфано, по кличке Малыш Оги Пизано, отчим которого Джимми Келли стал преемником на посту руководителя демократической партии Альберта С. Маринелли, ставленника

мафии. «Сэндс отель» в Майами содержал Альфред Полиции из кливлендской «семьи» мафии.

Используя опыт работы с Хью Лонгом в Луизиане и Томасом Аурелио в Нью-Йорке, Костелло решил также взять политический руль штата Флорида в свои руки. В 1948 г. на должность губернатора штата свою кандидатуру выставил Фуллер Уоррен. Но денег у него на дорогостоящую предвыборную кампанию не было.

К. В. Гриффин, владелец крупных цитрусовых плантаций, пожертвовал ему 154 тыс. долл. Уильям Джонсон, владелец конюшен скаковых лошадей в Чикаго и Майами, дал ему еще 100 тыс. долл. Но не из собственного кармана. Эту огромную сумму он получил от чикагской мафии через Поля Рикку.

БАГСИ И ЕГО ГРАФИНЯ

Гангстеры потянулись не только на юг США, но и на запад, в Калифорнию, по следам фургонов пионеров освоения Северо-Американского континента.

Незадолго до ареста, в 1936 г., Лучано поручил своему старому приятелю Бенжамину Зигелю вложить капитал мафии в бизнес западных штатов. С благословением дона мафии в сердце и двадцатью пятью шелковыми рубашками в чемодане Зигель с женой и двумя дочерьми отправился в путь. Благополучно достигнув Лос-Анджелеса, он снял там дом из тридцати пяти комнат.

Вначале Бенжамин Зигель ограничивался организацией контрабанды наркотиков через американо-мексиканскую границу. Как выяснилось позднее, это был дальновидный шаг: когда во время второй мировой войны контрабандные пути из Европы в Соединенные Штаты были блокированы, Мексика осталась практически единственным источником наркотиков.

Вскоре деньги из нового источника потекли широкой рекой. У Зигеля появилось не только много денег, но и много времени. Он стал вращаться в кругах голливудских кинозвезд и завязал немало знакомств с боссами киноиндустрии. Он все чаще появлялся в обществе графини ди Фрассо, которая до брака с итальянским графом носила скромное имя Дороти Тэйлор. Короче говоря, гангстер начал играть роль прожигателя жизни.

Вместе с графиней ди Фрассо Зигель совершил путешествие в Италию, где познакомился с фашистской верхушкой и даже удостоился аудиенции у Муссолини и его министра иностранных дел графа Чиано, — и все это благодаря титулу и миллионам графини. То, что Муссолини встретился с гангстером, связанным с мафией, весьма примечательно для понимания характера той борьбы с мафией, которую вел фашистский главарь.

А два года спустя за соучастие в убийстве гангстера Гарри Гринберга Зигель предстал перед судом. В Нью-Йорке уже известные нам Эли Танненбаум и Эйб Рилз дали показания, что слышали, как Зигель клялся «позаботиться о Гринберге».

Тюремный режим оказался для Бена Зигеля не слишком обременительным. В течение года, назначенного ему судом, Зигель восемнадцать раз на несколько дней покидал тюремные стены — для устройства дел и поправки здоровья. Как-то его видели даже в обществе киноактрисы в одном из голливудских ресторанов. Зигелю было дано разрешение в любое время разговаривать по телефону из тюрьмы и носить специально сшитую для него по фигуре тюремную одежду...

Между тем бизнес Зигеля продолжал процветать под надзором двух его адъютантов. Один из них, Джек Драгна, родившийся в 1891 г. на Сицилии, впервые предстал перед американским судом в 1915 г. В Калифорнии у Драгны был широкий круг коммерческих интересов: игорные притоны, букмекерство, торговля наркотиками, виноградники и морские перевозки бананов. В то время Драгна уже подчинил себе калифорнийскую контору тотализаторов «Юниверсал ньюс сервис», с помощью которой он помог Аккардо завладеть агентством «Континентл-пресс сервис».

Второй адъютант, Майк Коуен, представлял политические интересы Зигеля. Он был полезен ему своей тесной дружбой с Артуром Сеймишем, который стал влиятельным лоббистом Зигеля в конгрессе Калифорнии.

Слова Сеймиша: «Идите вы со своим губернатором! Я хозяин этих представителей народа!» — перекликались с излюбленной мыслью Зигеля: «Мы не обременяем себя постами, мы держим в руках политиков!»

НА СВОЙ СТРАХ И РИСК В НЕВАДУ

Ко времени вступления США во вторую мировую войну Зигель был снова на свободе и, поскольку считал, что гангстеры ничем не хуже других, когда дело касалось выгодных военных поставок, приобрел фабрику.

По окончании войны Зигель открыл для мафии штат Невада, территорию, большей частью состоящую из неплодородных земель. В 1859 г. здесь были обнаружены месторождения золота и серебра, и «золотая лихорадка» привлекла сюда толпы авантюристов и искателей приключений из всех частей США. В 1945 г. тут была найдена новая золотоносная жила, но на этот раз не в земле, а в законах штата. В Неваде в отличие от большинства штатов США закон разрешал различного рода азартные игры. Это и навело новое поколение авантюристов на мысль построить в Лас-Вегасе казино.

Зигель прибыл на место одним из первых. В его планы входила постройка роскошного отеля с казино, самого лучшего и одновременно самого крупного заведения такого рода в США. «Фламинго» — так он задумал назвать это роскошное заведение. Зигель решил построить его на собственные средства и единолично владеть этим предприятием, один — без мафии! Из своего кармана он мог выложить около 1 млн долл. Предварительные расчеты строителей превышали возможности Зигеля в полтора раза. В ходе строительства затраты возросли до астрономических цифр.

Зигель разъезжал по Соединенным Штатам и лихорадочно искал кредиты; он обратился за помощью даже к мафиози, которых хотел надуть со своей затеей. Они ссудили ему 3 млн долл. на чрезвычайно жестких условиях.

26 декабря 1946 г. отель «Фламинго» был торжественно открыт. Однако ожидаемого наплыва игроков не последовало. Через две недели Зигелю пришлось закрыть отель и продолжить строительные работы. 27 марта 1947 г. отель вновь открылся, однако и на этот раз никаких прибылей он не принес. Долги Бенжамина Зигеля выросли до 6,5 млн долл.

ТОРГОВЛЯ ГРЕЗАМИ

По сообщению отдела здравоохранения Нью-Йорка, ежегодно в Нью-Йорк-Сити рождаются сотни младенцев, уже подверженных наркомании. По мнению специалистов, дети матерей-наркоманок уже отравлены во внутриутробном состоянии и, появившись на свет, испытывают мучения без привычной дозы наркотика. Если по отношению к ним не принять соответствующих врачебных мер, многие из них скоро умирают.

Американское информационное агентство
«Юнайтед Пресс Интернэшнл», 14 марта 1966 г.

В феврале 1947 г. на первой полосе кубинской газеты «Тьемпо де Куба» появилась заметка, которая в Нью-Йорке произвела впечатление разорвавшейся бомбы: Лучано живет в Гаване. Роберт С. Рюарк, хроникер газетного концерна Скриппса, отдохавший в то время на Кубе, немедленно, телеграфом, послал в свою газету статью, в которой сообщалось, что известный гангстер, как и прежде, живет в столице Кубы. Его неотлучно сопровождают телохранители. Лучано постоянно принимает у себя гостей из Соединенных Штатов, среди них Ральф Капоне, брат Аль Капоне, и знаменитый эстрадный певец Фрэнк Синатра.

Американские власти реагировали на это сообщение с несвойственной им строгостью. Посол США Генри Норвеб вручил министру иностранных дел Кубы ноту с угрозой наложить на страну эмбарго, если Лучано не будет выслан. Правительство Кубы вынуждено было выполнить это требование. Министр внутренних дел Алфредо Пекуэньо совещался по этому поводу с шефом тайной полиции Бенито Геррерой. А несколько дней спустя на борту турецкого судна Лучано направился в Италию. В его паспорте стояла официальная виза, выданная кубинским консульством в Риме. Как говорили, гангстер получил ее благодаря содействию одного «влиятельного кубинца».

В ту пору Гавана была излюбленным местом отдыха верхушки американского общества. Считалось хорошим тоном ездить на Кубу и там в ночных клубах под тропическим небом развлекаться. Специально зафрахтованные самолеты каждый уик-энд доставляли на остров

группы жаждущих развлечений. В начале 1947 г. на Кубу прибыла довольно странная туристская группа, в составе которой были хорошо известные полиции Фрэнк Костелло из Нью-Йорка, некий Уильям Моретти, специалист по азартным играм из Нью-Джерси, Джо Адонис и братья Фишетти из Чикаго. Гавана стала местом проведения крупнейшей и важнейшей со времен конференции в Атлантик-Сити (1929 г.) встречи гангстеров.

На повестке дня гангстерской конференции стояли, как доподлинно известно, два вопроса: организация торговли наркотиками и поведение бывшего компаньона мафии гангстера Бенжамина Зигеля. Вопрос о Зигеле был решен быстро. От него требовали немедленно привести все дела в порядок и сдать их мафии.

Когда Зигелю был предъявлен ультиматум, он, пытаясь оправдаться, первым делом позвонил Фрэнку Костелло в Нью-Йорк, а затем Чарли Фишетти в Чикаго. Отчаявшись, он решился на крайнюю меру — созвонился с Лучано и пригрозил рассказать обо всем полиции! И хотя Зигель не был мафиозо, однако он также был обязан сохранять омертá.

20 июня 1947 г. было последним днем жизни Бенжамина Зигеля. После полудня он вылетел из Лас-Вегаса в Лос-Анджелес, где снимал для своей любовницы Вирджинии Хилл виллу из шестнадцати комнат.

В это время «розы мафии» не было дома: она отдыхала в Париже. Зигель открыл входную дверь специально изготовленным для него массивным золотым ключом, переоделся и отправился на встречу со своим адвокатом. Затем он пообедал в обществе нескольких друзей. Часы показывали 22 часа 15 минут, когда Зигель со своим приятелем Алленом Смайли возвратился на виллу Вирджинии Хилл.

Ровно в 22 часа 45 минут оконное стекло в комнате, где сидели приятели, со звоном разлетелось на куски. Смайли мгновенно бросился на пол. Две пули, выпущенные из тяжелого карабина, попали точно в голову Бенжамина Зигеля.

На клумбе роз перед виллой полицейские нашли карабин, из которого стрелял убийца. Ни отпечатков пальцев, ни каких-либо других примет, указывавших на его владельца, обнаружено не было. Стрелявшего не видел никто...

Тем же вечером в Лас-Вегасе четверо мужчин сидели

и молча курили в холле отеля «Фламинго». В 22 часа 45 минут они встали и прошли к своему шефу. Один из них, Мо Седуэй, сказал: «Все. Теперь лавочка наша!»

НА ПУТИ В МИР ГРЕЗ

Papaver somniferum — так ботаники называют маковое растение, белый сок которого, выделяясь из надреза, сделанного на коробочке зрелого мака, и засыхая, превращается в бурюю массу — опиум.

Опиум содержит 25 различных алкалоидов. Один из них — морфин — впервые был выделен из опия в начале XIX в. и использован в медицине как болеутоляющее средство. На смену курильщикам опиума пришли морфинисты. Для лечения морфинистов от пагубной страсти в 1898 г. один немецкий химик путем перегонки опиума получил новое лекарство — дицетилморфин, получивший позднее название героина. Прошло немало времени, пока узнали, что героин является еще более опасным наркотиком из получаемых на основе опиума.

Героин не единственное распространенное средство, создающее у человека иллюзию рая. Так, например, при соответствующей обработке из индийской конопли получают наркотик, называемый гашиш или марихуана, а из кустарникового растения кока, произрастающего в Южной Америке, — кокаин.

Все эти различные по происхождению природные яды воздействуют на центральную нервную систему, затуманивают сознание, порождают чувство забвения и иллюзию покоя. Но организм быстро привыкает к наркотику. В результате этого человек, подверженный страсти к наркотикам, вынужден постоянно увеличивать дозу этого яда, чтобы достичь состояния приятного погружения в мир грез. Медленно, но неотвратимо производит наркотик в организме человека свое разрушающее действие и в конечном счете приводит к смерти.

В последнее время наркомания в капиталистическом мире приняла ужасающие размеры. Борьба врачей и полиции до сих пор не принесла ощутимых успехов. И нет никакой надежды на то, что в будущем что-то может измениться. В обществе, в котором, с одной стороны, многие люди видят выход из своего жалкого существования лишь в употреблении наркотика, а, с другой стороны, торговля наркотиками сулит сказочные прибыли, наркомания стала одной из самых важных социаль-

ных проблем. Никогда еще в истории человечества наркомания не принимала такого массового характера, как сейчас в высокоразвитых капиталистических странах. И характерно, что США, ведущая капиталистическая держава, по числу наркоманов занимают первое место в мире.

Мероприятия по борьбе с контрабандным ввозом и нелегальным сбытом наркотиков разрабатывались черепашьими шагами. В 1909 г. международная конференция в Шанхае рекомендовала взять под контроль всю торговлю опиумом. В 1912 г. в Гааге была заключена первая международная конвенция о производстве опиума и торговле им. В 1924 и 1925 гг. был заключен ряд международных соглашений о контроле над торговлей опиумом. В 1931 г. было решено регламентировать разведение опиумного мака и определить странам-производителям точные квоты. В 1948 г. при Организации Объединенных Наций была создана Комиссия по борьбе с наркотиками, а в 1961 г. подписана Единая конвенция о контроле над легальной торговлей наркотиками и о запрещении нелегальной.

Международные конвенции и национальные законы хотя и затруднили торговлю наркотиками, но покончить с ней не смогли: для некоторых стран выращивание растений, служащих исходным сырьем для получения наркотиков, являлось источником значительных доходов.

В конце концов оказалось, что карающий меч правосудия был направлен преимущественно против наркоманов, мелких контрабандистов и торговцев-перекупщиков; крупных акул торговли наркотиками он, как правило, не касался: с помощью своего богатства они легко ускользали из сетей закона.

Мафиози давно решили проблему торговли наркотиками: мак будет легально и нелегально выращиваться на Среднем Востоке, главным образом в Ливане и Турции. Затем во Франции и Италии он станет перерабатываться в героин. Только после этого героин переправят в США или какие-либо другие страны.

Кто, кроме мафии, был в состоянии справиться со столь сложной нелегальной международной операцией? Таким образом, мафиози, имеющие огромный опыт контрабанды и нелегальной торговли алкоголем, решили взять в свои руки доставку и оптовую продажу наркотиков в США. Этот прибыльный бизнес сулил еще бóльшие

барыши, если бы удалось организовать монополию и диктовать рыночные цены. В 1947 г. мафия считала себя достаточно сильной и могущественной, чтобы решить подобную задачу.

Итак, в Стамбуле за 700 долл. мафиози приобретали 10 кг опиума. В Бейруте это «сырье» перерабатывалось в морфин. Из 10 кг опиума получали 1 кг морфина, стоившего уже 5 тыс. долл. В Италии 1 кг морфина перерабатывался в 1 кг героина, цена которого возрастала уже до 7 тыс. долл. В Нью-Йорке же продажная цена этого количества наркотика составляла 16 тыс. долл. Из 1 кг героина путем подмешивания к нему лактозы — молочного сахара изготавливалось 70 тыс. «шотс» — порций — по цене 5 долл. за каждую. «Навар» перекупщиков с каждых 10 кг опиума составлял 334 тыс. долл.!

Для извлечения максимальных прибылей следовало позаботиться о расширении рынков сбыта. Необходимо было изыскать способы для увеличения армии наркоманов. По традиции мафия уже не занималась «черной работой» и поэтому переложила ее на плечи педлеров — торговцев в розницу, стоявших в самом конце длинной цепи реализации наркотиков. По оценке американского журнала «Ньюсуик», в начале 50-х годов 2 тыс. педлеров снабжали товаром 30 тыс. наркоманов Нью-Йорка. Другой журнал, «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», констатировал: «Наркомания среди молодежи является характерной приметой нашего времени».

«ГОРЯЧИЕ ИНЪЕКЦИИ» ДЛЯ ДЕТЕЙ

Основным объектом педлеров при расширении рынка сбыта наркотиков были подростки, оказывавшие торговцам наименьшее сопротивление. Альберт Кан в своей книге «Игра со смертью» пишет: «Для расширения клиентуры многие торговцы дают детям наркотики даром, пока те не «клюнут», и потом в своем отчаянном стремлении удовлетворить уже ставшую насущной потребность в яде дети готовы заплатить за товар требуемую сумму».

Анализ огромного роста детской преступности в США показывает, что большинство преступлений подростки совершают ради денег для покупки наркотиков. 11 июня 1951 г. журнал «Лайф» писал: «Опасный симптом свидетельствует о развитии тяжелой социальной

болезни. Средний возраст пациентов крупнейших в Соединенных Штатах наркологических лечебниц неожиданно упал до десяти лет. Жители Чикаго с тревогой узнали, что каждый пятый наркоман, арестованный в их городе, — несовершеннолетний. Среди арестованных оказались даже двенадцатилетние. По оценкам полиции Нью-Йорка, в городе насчитывается по меньшей мере пять тысяч наркоманов в возрасте до двадцати лет».

В интервью журналистам один из экспертов Комитета общественного спасения Нью-Йорка сказал: «Продавцы наркотиков, привалившись к стенам школ, поджидают идущих на занятия ребят, и те мимоходом получают «товар» из рук в руки».

В ходе расследований, проведенных полицией в 50-х годах, были вскрыты ужасающие факты. Если у педлера возникало подозрение, что какой-либо ребенок, купающийся у него наркотики, может выдать его, то он давал ребенку так называемую «горячую инъекцию», то есть такую дозу наркотика, от которой тот погибал.

Медицинское общество Нью-Йорка потребовало, чтобы власти приняли энергичные меры против продажи наркотиков детям, и поручило своему Комитету по вопросам наркотиков передать губернатору Нью-Йорка резолюцию протеста. Сообщая о результатах деятельности членов этого комитета, журнал «Ньюсуик» писал: «Они отправились по домам, как глупые школьники после встречи со строгим учителем». И удивительно было бы ожидать другого результата, ведь губернатора Нью-Йорка, который столь недостойным образом обошелся с представителями общественного комитета, звали... Уильям О'Дуайер. Старый приятель мафиози к тому времени стал главой крупнейшего и богатейшего города Соединенных Штатов! Деньги — мера всех вещей в капиталистическом обществе — объединили преступный мир и «аппер тен»¹ — правящую олигархию.

И нет ничего странного в том, что сам Генри Дж. Энслинджер, шеф бюро по борьбе с наркотиками, находившегося в подчинении министерства финансов, жаловался: «В нашем бюро всего сто восемьдесят служащих. Их усилия сдержат лавину преступлений, связанных с наркотиками, можно сравнить с попыткой высушить океан с помощью блока промокательной бумаги. Не-

¹ Apper ten (англ.) — «верхние десять тысяч»; так в Соединенных Штатах называют верхушку общества. (Прим. пер.)

смотря на это, мы все же боремся с контрабандистами, гангстерами, оптовыми торговцами, педлерами и самими наркоманами. Мы терпеливо вылавливаем их, но не в состоянии изолировать их от общества надолго. Максимальный срок, который может быть назначен им в качестве наказания, — примерно шестнадцать месяцев. Мы сажаем за решетку одну банду и тут же принимаемся за другую. Когда, в конце концов, мы ее вылавливаем, первая — уже снова на свободе и снова действует. И так идет эта карусель».

ПРОФЕССОРА ЛУЧАНО

А карусель эту раскручивал Лучано, сидя в Италии. После того как турецкое судно «Бакир» доставило его сюда, он поначалу отправился на свою родную Сицилию. Но в Палермо он, к своему удивлению, очутился в тюрьме. Вскоре его освободили и выслали на материк со строгим предписанием ни при каких обстоятельствах не появляться на острове.

После недолгого пребывания в отеле «Туристиче» в Риме Лучано обосновался в ультрасовременном особняке, построенном и обставленном в американском стиле. Его часто видели на скачках. «Он живет как король, притом что у него нет постоянного источника доходов», — стенали полицейские, бессильные что-либо предпринять против него.

Лучано принимал у себя многих, особенно прибывших из США. Это были не только италоамериканцы вроде Майка Ласкари или Майка Спинеллы; нередким гостем Лучано был его старый друг Мейер Лански. Последний визитер представлял наибольший интерес для американских властей. Однако ничто не могло поставить Мейера Лански в тупик: «Вы же знаете, что в бюро путешествий всегда что-нибудь да напутают, вот почему, неожиданно для самого себя, я очутился на борту «Италии». Сами понимаете, не мог же я сойти в океане. Теперь представьте себе мое удивление, когда эта баржа причаливает к берегам Италии. И вообразите мое изумление: звонит телефон, и кто, вы думаете, у аппарата? Мой старый дружище и партнер по бизнесу Счастличик! Я спрашиваю его: «Откуда, черт побери, ты узнал, что я здесь?» А он мне на это: «Из газет, разумеется!»»

Что касается источника доходов Лучано, то здесь некоторую ясность могло внести бюро по борьбе с наркотиками, которое в 1950 г. констатировало: «Теперь Италия — основной источник поставок всего героина, ввозимого контрабандным путем в США».

Это заявление сделано на основе показаний 2482 торговцев наркотиками, арестованных в тот год. Было доподлинно установлено, что ровно через три месяца после возвращения Лучано в Италию в США прибыла первая большая партия контрабандного героина на сумму четверть миллиона долларов.

В 1950 г. итальянской полиции удалось наконец нанести ощутимый удар по «тресту контрабанды наркотиков» Лучано. Летом того же года в Триесте был арестован некий Маттео Карпинетти, когда он передавал пакет с героином одному иностранному матросу. Уголовная полиция нашла след и начала распутывать связи Карпинетти. Лабораторные исследования показали, что конфискованный героин был изготовлен на крупной фармацевтической фабрике РАМСА. Эта фабрика имела государственную лицензию на изготовление героина для медицинских целей и о выпуске данной продукции должна была давать полный отчет властям. Однако Карпинетти героин купил не у фирмы РАМСА, а у другой солидной фирмы — «Скьяпарелли». Разразился один из крупнейших в послевоенное время скандалов в Италии. Лучано получал контрабандный героин у легальных фирм! В скандал были вовлечены высшие круги итальянского общества.

Эджидио Калашибетта — преуспевающий владелец солидной торговой фирмы САЧИ, пользовавшийся безупречной репутацией; фирма САЧИ торговала фармацевтическими препаратами и снабжала одну нью-йоркскую банду героином.

Профессор Джульельмо Бонони — заведующий кафедрой медицинского факультета Миланского университета, директор миланской фирмы САИПОМ — продал в общей сложности девятьсот фунтов героина в Геную Армандо Лоди, адъютанту Лучано по вопросам транспортировки контрабандных наркотиков. Профессор Бонони познакомил мафиози с Калашибеттой.

Профессор Карло Мильярди из Туринского университета — коммерческий и технический директор фирмы «Скьяпарелли», крупнейшего изготовителя героина в Италии. Он представил Бонони Лучано. Мильярди

снабжал мафию героином не только своей фирмы. Начиная с 1948 г. в подпольной лаборатории по ночам он изготовил семьсот семьдесят фунтов героина, которые в розничной продаже в США принесли ему 128 млн долл. чистой прибыли.

В результате расследования итальянская полиция получила полное представление о сотрудниках Лучано, которые организовали доставку наркотиков в США нелегальным путем. К ним в первую очередь принадлежал Николо Джентиле, один из шефов американской «Коза ностры». Он был арестован в 1937 г., но тогда полиция не смогла представить достаточно доказательств для его осуждения. В 1940 г. за торговлю наркотиками Джентиле был все же приговорен к штрафу в 15 тыс. долл., а в 1945 г. мафиозо бежал в Италию. В эту компанию входил также Гаэтано Кьофоло, он же Чарли Янг, гангстер из Бруклина, ответственный за операции гангстерских концернов Лучано в районе Триеста.

Однако итальянская полиция не тронула мафиози. И досточтимые господа профессора и директора остались безнаказанными. Против них не было выдвинуто никаких обвинений. Лишь в январе 1953 г. фармацевтическая фабрика «Скьяпарелли» была закрыта. Правда, уже через месяц она снова работала. «Общество,— заметил один из представителей юстиции,— не могут, в конце концов, наказывать за то, что какой-либо профессор ведет себя некорректно».

Бездейственность суда в этом скандале позволяет сделать определенные выводы об отношении итальянского правительства к данной проблеме. Публично проведенный процесс конечно же ударил бы по ведущим деятелям политики и экономики и обнаружил бы нежелательные связи. Правда, недостаток в скандалах подобного рода в послевоенной Италии не было, но этот случай мог бы основательно подорвать позиции правящего класса и вызвать взрыв, подавить который было бы крайне трудно. В этой связи необходимо учесть, что в то время широкие круги итальянского народа, не только городской пролетариат, но и сельское население, вели ожесточенные классовые бои. В долине реки По забастовали сельскохозяйственные рабочие, а в Южной Италии и на Сицилии крестьяне начали захватывать крупные поместья.

Торговля наркотиками не только приносила сказочные прибыли, но и таила в себе определенный риск. Фрэнк Каллаче, принадлежавший к «семье» мафии со 107-й стрит Нью-Йорка, постиг эту истину на собственной шкуре. Мафия поручила ему съездить в Италию и привезти оттуда партию наркотиков. Фрэнк отправился на Сицилию и встретился там со своим дядей Франческо. Затем он выехал в Милан, где встретился с неким Джо Пичи. Этот Пичи начинал свою карьеру мафиозо в Питтсбурге, штат Огайо, в качестве торговца наркотиками и рэкетира борделей. После войны американские власти депортировали его в Италию, где он стал сотрудником синдиката Лучано. Пичи передал Фрэнку Каллаче в Милане 3 кг чистого героина.

Однако Фрэнк Каллаче был арестован полицией в римском аэропорту; то же произошло и с его дядей Франческо, ожидавшим племянника в Палермо. Менее удачной была охота на Пичи. Его имя стояло в списках разыскиваемых, газеты публиковали объявления о его розыске и аресте, а Пичи открыто справил свадьбу. Лишь три месяца спустя полиция получила анонимное сообщение о месте его пребывания, и оперативная группа ринулась на штурм виллы в предместье Милана. Неожиданное появление полицейских не смутило Пичи, и он спокойно продолжал завтракать...

Суд приговорил Пичи к восемнадцати месяцам тюрьмы, но из назначенного срока он не отсидел ни дня: всеобщая амнистия избавила Пичи от наказания. Вскоре на свободу вышел и Фрэнк Каллаче.

Было ясно, что эти аресты не случайны. Полиция была хорошо осведомлена о делах мафии. Значит, в ее рядах находился провокатор!

Им оказался Эугенио Джаннини, по прозвищу Дже-не. Джаннини родился в Сицилии в 1910 г. Ребенком вместе с родителями переселился в США и вырос в нью-йоркском районе Гринвич-Виллидж. В 18 лет совершил вооруженное нападение, за что получил пять лет тюрьмы. В 1938 г. опять за разбой предстал перед судом. В конце 30-х годов он считался одним из наиболее авторитетных мафиозо «семьи» Лучано и был назначен адъютантом Энтони Стролло, которому Лучано доверил руководство торговлей наркотиками. Вскоре Джаннини сколотил кругленькое состояние и стал акционером ком-

пании «Игл вест компани», снабжавшей рестораны бельем, посудой и другим необходимым инвентарем. После вступления в «Игл вест компани» Джаннини дела фирмы пошли резко в гору: используя испытанные приемы рэкета, гангстер прибрал к рукам всех конкурентов. Однако торговля наркотиками оставалась главным источником его доходов. В 1942 г. он был арестован и на пятнадцать месяцев упрятан за решетку. После войны Джаннини стал одним из самых предприимчивых торговцев наркотиками. Он наладил новый канал их транспортировки — из Рима через Париж в Нью-Йорк. Важную роль в этом деле играл француз Жозеф Орсини, уже много лет проживавший в США и высланный после войны во Францию за сотрудничество с фашистской агентурой. В Милане и Риме люди Джаннини поддерживали тесные контакты с доверенными Лучано. В апреле 1951 г. Джаннини вновь приехал в Италию. Здесь он встретился со своим другом и напарником Доминико Петрелли. Но вскоре счастье отвернулось от компаньонов. Их арестовали и при обыске обнаружили 4 кг героина. На первом же допросе Джаннини нахально заявил служащему итальянской полиции, что является агентом американского бюро по борьбе с наркотиками. В принципе уловка при всей своей дерзости не была лишена оснований: в Италии действовало немало сотрудников бюро по борьбе с наркотиками, а также агентов ФБР. Однако при встрече с резидентом американской агентуры по борьбе с контрабандой наркотиков Чарлзом Сирагусой обман Джаннини раскрылся.

Попутно выяснилось, что Джаннини, сам того не ведая, год назад оказал неоценимую услугу бюро.

ЛЖЕПЛЕМЯННИК

Дело обстояло так: в 1950 г. Джаннини разыскал старого знакомого по тюрьме, некоего Джо Андерсона, и предложил ему съездить в Италию за партией наркотиков. Некоторое время спустя Андерсон дал согласие участвовать в деле, но с условием, что вместо него поедет его племянник. Джене не подозревал своего дружка в коварстве, а тот после долгих раздумий явился с повинной в полицию. «Племянника», которого он представил Джаннини, в действительности звали Энтони Цирилли, и он был сотрудником бюро по борьбе с наркоти-

ками. Джаннини передал лжеплемяннику четыре плоские пластмассовые фляги для героина, которые с помощью клейкой ленты можно было легко спрятать под одеждой, зашифрованное письмо, половину долларовой банкноты и напутствие: «Поедешь в Неаполь и в южном пригороде найдешь нашего парня. Не открывайся ему, пока он не покажет тебе другую половину долларовой бумажки».

Человека, с которым Цирилли установил связь с помощью половинки доллара, звали Джузеппе Пеллагрино; он приходился Джаннини зятем. Когда в одном из ресторанов Салерно Цирилли и Пеллагрино встретились с неким Дженаро Риццио, в портфеле которого лежало 4 кг героина, неожиданно нагрянула полиция.

Сирагуса открыл глаза гангстеру на то, как его провели с «племянником». И этого оказалось достаточно, чтобы Джаннини заговорил. Свое признание он начал словами: «Я намеревался съездить в Палермо на Сицилию и встретиться там с Лучано и кое с кем из своих старых дружков, высланных из Соединенных Штатов после войны. Однажды Счастличик сказал мне, что вместе с Пичи намерен заняться бизнесом наркотиков...»

В конце допроса Джаннини сделал сенсационное признание: «После высылки из Соединенных Штатов Лучано во главе американской мафии встал человек с огромными связями в преступном мире. Этот человек назначен самим Счастличиком верховным координатором по торговле наркотиками в США».

Итак, именно от Джаннини полиция впервые узнала о смене руководства, происшедшей в мафии и «Коза ностре». В показаниях отсутствовало точное имя босса боссов. Возможно, Джаннини имел в виду дона Вито Дженовезе. И все же общее руководство, очевидно, по-прежнему находилось в руках Лучано.

В феврале 1952 г. в США состоялся судебный процесс над Орсини — напарником Джаннини. Агент бюро по борьбе с наркотиками Джулиана выступил со свидетельскими показаниями и подробно рассказал присяжным заседателям о каналах контрабанды наркотиков, о руководящей роли Орсини, назвал имена всех компаньонов. Защитник Орсини в свою очередь допытывался, откуда у свидетеля обвинения столь подробная информация? Лишь после того как он потребовал не считать показания агента доказательством вины его

подзащитного, поскольку они якобы основываются лишь на «слухах», Джулиана вынужден был под присягой назвать имя Джаннини.

СМЕРТЬ В СТОЧНОЙ КАНАВЕ

Все это время Джаннини сидел в римской тюрьме. Наконец американские власти переправили его в США и под залог в 10 тыс. долл. освободили. Выйдя из тюрьмы, Джаннини молил бога лишь об одном: «Не приведи господь, чтобы Счастливчик узнал об этом, иначе мне крышка!» Он и не подозревал, что его имя уже прозвучало на процессе Орсини.

...В одно прекрасное сентябрьское утро 1952 г. зеленщик Энтони Сантора, как обычно, открыл свою лавочку на 107-й стрит Нью-Йорка. Он поднял жалюзи, выставил ящики со свежими фруктами перед дверью, придирчиво осмотрел вымытые до блеска окна витрины и, поскольку клиентов в этот ранний час не было видно, решил прогуляться по улице. Из придорожной канавы на него уставилась пара остекленевших глаз. Несколько секунд Сантора стоял в оцепенении, затем бросился к телефону. Еще не успев толком сообщить о случившемся полиции, он услышал на улице сирену полицейской оперативной машины.

За несколько минут до этого в 126-м участке полиции раздался телефонный звонок: «Я слышал нечто похожее на выстрелы. Это, должно быть, где-то на 2-й авеню, в районе 110-й и 111-й стрит». И прежде чем дежурный полицейский успел что-либо уточнить, на том конце провода повесили трубку.

При тщательном обыске в потайном кармане убитого была обнаружена визитная карточка с адресом: «Джене Джаннини. Кингсдейл, Фьюил ойл компани». Несомненно, это был тот самый Джаннини, который на прибыли от торговли наркотиками приобрел фирму по производству жидкого топлива в Кингсдейле, полицейский осведомитель в рядах мафии, один из тех сумасшедших, кто решился нарушить омерта!

Та же судьба постигла и Доменико Петрелли. В 1953 г. он возвратился в Соединенные Штаты и укрылся в Нью-Йорке, всячески избегая каких-либо встреч. Хотя он никого и ничего не выдал, у него были основания опасаться мести мафии, поскольку он был ближайшим другом и компаньоном Джаннини, и, таким образом,

мафиози могли подозревать и его в связях с полицией.

9 декабря 1953 г. в 4 часа 15 минут утра Петрелли сидел за стойкой в уже совершенно пустом баре. В зал вошли три хорошо одетых молодых человека; все трое были в черных очках, руки засунуты глубоко в карманы. Они направились прямо к Петрелли. Тот вскочил и попытался бежать. Короткий и резкий удар по затылку поверг его на пол, а семь пуль, выпущенных из пистолета, навсегда лишили его возможности подняться.

Убийства Джаннини и Петрелли опровергли хвастливое утверждение сенатора Эстеса Кефовера, будто он раз и навсегда покончил с организованной преступностью в США. В мае 1950 г.— тогда он входил в руководство демократической партии — сенатор учредил комиссию по борьбе с организованной преступностью в Америке. В течение года члены комиссии на открытых заседаниях допрашивали служащих полиции и гангстеров, экспертов и свидетелей. Это напоминало деятельность комитета сенатора Коупленда, который в 30-х годах повел было такое же наступление на гангстеров, но толком ничего не добился.

КАК ЗАМОЛЧАЛ ВИЛЛИ МОРЕТТИ

Ведущий американский общественно-политический журнал «Ньюсуик» свой отчет о работе сенатской комиссии по расследованию организованной преступности озаглавил «Цирк Кефовера». В статье говорилось: «Гангстеры — это уже не мускулистые здоровяки. Они уже давно не наводняют ночные клубы, не привлекают к себе внимание свитой из прожженных убийц и крашенных блондинок. Сегодня, как правило, это люди достойные и уважаемые, любящие домашний очаг, верные и преданные супруги, которым вечером вполне достаточно партии в канасту¹ и кружки пива. Они живут уединенно, разумеется, с комфортом, но не броско, в тихих пригородах. Очень серьезное внимание они уделяют одежде; их портные долго ломают голову над тем, как сшить костюм, чтобы не лезла в глаза кобура с пистолетом. Они боятся насилия, так же как и любой житель пригорода, стараются не попадать на глаза полиции и газетных репортеров и считают, что в наше

¹ Канаста — распространенная в США карточная игра. (Прим. пер.)

время «джентльменам удачи» не следует решать свои споры с помощью автоматов. Они называют себя деловыми людьми, всегда имеют наготове инвентарную опись содержимого своих сейфов и акции каких-либо солидных компаний. Им принадлежат земельные участки и рестораны, торговые фирмы и агентства по прокату автомобилей, пивоваренные заводы и магазины готового платья, нефтяные акции и отели. Естественно, некоторые их интересы несколько противоречат законам, но ведь для этого у них есть под рукой адвокаты, причем лучшие, которых только можно достать за деньги».

Удивительно, что это расследование дало какие-то результаты. В конце концов комиссия Кефопера нужна была правительству, чтобы доказать свое алиби и успокоить возбужденное население. На деле ей так и не удалось провести ни одной мало-мальски серьезной акции против гангстеров, о чем свидетельствуют несколько примечательных фактов, вскрытых прессой.

В тот период сенатор Кефопер лелеял мысль выставить свою кандидатуру на ближайших президентских выборах, а для этого ему нужны были деньги. Дотошные журналисты установили, что гангстерский синдикат учредил фонд размером в 100 млн долл., который предназначался для подкупа должностных лиц во время выборов осенью 1952 г. Кто, как не председатель комиссии по расследованию сенатор Кефопер, должен был знать о существовании этого фонда?

Республиканец Тоби¹, выступивший с обличительными речами против бесчинств гангстеров, стал сенатором еще во времена «сухого закона». Незадолго до образования комиссии Кефопера он был вновь избран в сенат при поддержке контрабандистов алкогольных напитков, в частности гангстера Вилли Моретти. Юридический советник комиссии Холли получил свою должность по протекции дон мафии Фрэнка Костелло, заправлявшего в демократической партии Нью-Йорка. Ясно было, что столь «неподкупные» государственные деятели вряд ли серьезно возьмутся за ликвидацию или ограничение организованной преступности.

И неудивительно, что на допросах в этой комиссии мафиози чувствовали себя абсолютно спокойно. Если

¹ Вошел в состав комиссии по расследованию организованной преступности сенатора Кефопера. (Прим. пер.)

какой-нибудь сенатор ставил мафиози в тупик своим вопросом, то сразу следовала ссылка на пункт 5-й поправки к Конституции США: «...никто не может быть принуждаем давать в криминальных случаях показания против самого себя как свидетель...»

Итак, пустопорожние допросы в сенатской комиссии тянулись много дней. И нужно было быть Вилли (Сальваторе) Моретти, чтобы сенаторы выудили кое-что ценное из его допроса.

Еще десять лет назад Костелло, Адонис и Дженовезе настояли на том, чтобы Моретти, бывший компаньон известного рэкетира Эбнера Цвильмана и приятель Лучано, в течение некоторого времени «показал себя в деле» в Калифорнии и научился наконец держать язык за зубами. Ну а теперь, когда Моретти давал показания перед сенатской комиссией, боссам «Коза ностры» пришлось поволноваться. Вначале казалось, что все идет как полагается. Разумеется, Моретти никогда в жизни не слышал слова «мафия». На вопрос, как он познакомился с Костелло, Лучано и Аль Капоне, он ответил: «У этих людей открытый характер. Для того чтобы познакомиться с ними, не нужно никаких рекомендаций, они делают это запросто».

На следующей неделе Моретти получил новую повестку. В кругах «Коза ностры» поползли слухи, будто Моретти «запел». А он кое-что знал, скажем, о деле Эйба Рилза, а также правду о коррупции в Бруклине, где мафиози купили всю полицию.

4 октября 1951 г. Моретти вышел из дома, чтобы встретиться со своими друзьями и развлечься на ипподроме... Когда же труп Моретти был распростерт на кафельном полу ресторана «Джойз» в Клифсайд-Парке в Нью-Джерси, официантка рассказала полиции: «Они оживленно размахивали руками и отпускали шутки на итальянском языке. Несколько минут спустя я услышала два выстрела. Когда я вбежала в зал, он лежал на спине, его лицо и голова были в крови. Стрелявшие скрылись».

Позднее мафиозо Джозеф Валачи уточнил, что выстрелы по поручению донов мафии произвел Джон Робилотто, само же убийство Моретти Валачи объяснил так: «Мы думали, что Моретти душевнобольной».

И действительно, человек, который столь легкомысленно хотел нарушить омерта́, должен быть не в своем уме.

Моретти замолчал навсегда, однако другой свидетель, Уильям О'Дуайер, приятель мафиози, бригадный генерал, губернатор Нью-Йорка в послевоенные годы и американский посол в Мексике при президенте Трумэне, запутался в противоречиях, отвечая на вопросы сенаторов по поводу дела Аурелио.

После ухода О'Дуайера с поста губернатора Костелло распорядился, чтобы его преемником стал некий Чарлз Х. Сильвер. Один из лидеров демократической партии, Чарлз Липски, со своей стороны предложил на этот пост кандидатуру шефа пожарной команды Фрэнка Дж. Кьюэла. Липски пришлось съездить на виллу Костелло в Санд-Пойнте, чтобы переубедить мафиозо и склонить его к поддержке другого кандидата.

На вопрос в сенатской комиссии: «Считали ли вы необходимым при выборе кандидата заручиться поддержкой Костелло?» — лидер демократов Липски ответил: «Конечно. Поэтому я и поехал к нему!» Итак, Костелло оставался хозяином Нью-Йорка.

Чтобы скрыть сотрудничество лидеров демократов и мафии, партийное руководство постоянно и назойливо вмешивалось в работу комиссии Кефопера, тем более что Нью-Йорк был не единственным городом, где это сотрудничество было явным. Не менее интересные факты удалось обнаружить в других штатах, в частности в том, откуда происходил Гарри С. Трумэн, в ту пору президент США.

ДРУЗЬЯ ПРЕЗИДЕНТА

Еще в 1943 г. полиция обратила внимание на мафию г. Канзас-Сити. Давно уже было известно, что в начале 20-х годов Аль Капоне основал здесь филиал, который со временем вырос в самостоятельную «семью». В том же 1943 г. была раскрыта сеть сбыта наркотиков, ниточка от которой вела в Канзас-Сити.

В одном из номеров отеля в Канзас-Сити служащие бюро по борьбе с наркотиками установили скрытые микрофоны и подслушали разговор между мафиози Энтони Лопипаро и Джузеппе Энтинори. Эта операция дала возможность полиции поймать нескольких мелких гангстеров. Но «Коза nostra» Канзас-Сити прочно держала власть в своих руках. Граждане города еще очень хорошо помнили «кровавые выборы» 27 марта 1934 г., когда гангстеры в черных автомобилях разъезжали по

улицам и беспощадно расстреливали своих политических противников.

Канзас-Сити в то время подчинялся Тому Пендергасту, по прозвищу Большой Том. Пендергаст был одновременно бутлеггером и бизнесменом, но это не мешало ему быть еще и председателем городского клуба демократов. В 1908 г. он принял в свой клуб молодого редактора газеты «Канзас-Сити стар» и содействовал его карьере. Протеже Пендергаста, сделавшего вскоре головокружительную карьеру, звали Гарри С. Трумэн.

Пендергаст был достаточно осведомлен, чтобы не знать, какая экономическая и политическая сила стоит за «Коза нострой». Поэтому он заключил союз с мафией. Джонни Лазиа, дон мафии, прибывший из Чикаго, стал заместителем Пендергаста и одновременно главой демократической партии 1-го избирательного округа Канзас-Сити.

Джонни Лазиа сошел со сцены вместе с «усатыми» при смене поколений в мафии. Его место на иерархической лестнице демократической партии занял дон Каролло. На местных выборах 27 марта 1934 г., памятных «кровавых выборах», с помощью испытанных методов мафии он одержал убедительную победу над всеми противниками Пендергаста. А в ноябре того же года протеже Пендергаста Гарри С. Трумэн абсолютным большинством голосов был избран в американский сенат. Мафиози расчистили ему путь.

Но даже новоиспеченному сенатору не удалось отвести от Каролло карающую десницу Фемиды — в 1939 г. он оказался за решеткой. В том же году Пендергаст умер, и Трумэн присутствовал на роскошных похоронах своего покровителя.

Преемником Пендергаста стал его племянник Джим, а место Каролло занял Чарли Бинаджо. Их союз просуществовал до 1946 г. Затем Бинаджо посчитал себя достаточно сильным, чтобы самостоятельно выступить на политической арене: на выборах он выдвинул свою кандидатуру против кандидатуры Джима Пендергаста и, будучи уверен в победе, уже принимал поздравления, но тут вскрылось, что результаты выборов были фальсифицированы. 71 человек предстал перед судом по обвинению в подлоге. Правда, конфискованные избирательные бюллетени и урны вскоре бесследно исчезли из Дворца правосудия Канзас-Сити. Об этом позаботились парни Бинаджо.

В 1948 г. настал срок новых выборов, на этот раз на должность губернатора штата Миссури. На этот пост претендовали два демократа: Смит — кандидат Бинаджо и некий Маккатрак. Позднее в сенатской комиссии по расследованию Кефвер огласил разговор между Маккатраком и Бинаджо.

Бинаджо. Ты должен выйти из игры. Парни из Восточного Сент-Луиса не станут тебя поддерживать.

Маккатрак. Если ты так решил, то я — пас: пробьется лишь тот, кого ты поддержишь.

Бинаджо. Ты можешь стать генеральным прокурором штата Миссури.

Маккатрак. Почему ты хочешь, чтобы я стал генеральным прокурором?

Бинаджо. Мы не уверены, что Смит — достаточно сильный человек, а если ты станешь генеральным прокурором, то вынудишь его действовать потверже.

Избрание Смита обошлось «Коза ностре» в 100 тыс. долл. Бинаджо запросто бывал у нового губернатора. Долги нужно было платить. Губернатор и генеральный прокурор держали под своим крылом противозаконный бизнес мафиози. Когда демократы из Канзас-Сити давали торжественный обед в честь председателя партии Уильяма Бойла, мафиозо Чарлз Бинаджо сидел рядом с самым почетным гостем — президентом Соединенных Штатов Америки Гарри С. Трумэном.

КОНЕЦ БИНАДЖО

Однако после того как Джим Пендергаст попытался добиться от президента новых уступок для своей «семьи», этот идиллический альянс распался. Звезда Бинаджо стала закатываться, и он отправился в Вашингтон, чтобы искать поддержки у хозяина Белого дома. Однако Трумэн не отважился открыто принять мафиозо. Помощник президента Уильям Бойл посоветовал Бинаджо помириться с Джимом Пендергастом.

В скором времени из тюрьмы вышел Каролло, предшественник Бинаджо на посту дона мафии Канзас-Сити. Бинаджо отказался уступить ему это место. Тогда Каролло договорился с Джимом Пендергастом о совместных действиях...

11 апреля 1950 г. около четырех часов дня шофер такси, выйдя из машины, услышал журчание воды в здании клуба демократической партии 1-го избира-

тельного округа Канзас-Сити. Он подумал, что где-то неполадки с водопроводом, и позвал полицейского.

Дверь клуба была не заперта, и когда они вошли внутрь, то неожиданно споткнулись о тело. Это был труп друга и компаньона Бинаджо Чарли Гарготты, а в глубине помещения на стуле под портретом Гарри С. Трумэна лежал сам Бинаджо. С потолка действительно капала вода: из четырех пуль, предназначенных Бинаджо, одна пробила водопроводную трубу.

Вечером хозяин ресторана «Ласт чанс» рассказывал репортерам, желавшим узнать подробности о мафиози, которых в последний раз живыми видели у него: «У нас чистый город. Мы любим домашний уют, почитаем искусства, гордимся нашей галереей имени Нельсона, и, несмотря на это, когда я приезжаю в Нью-Йорк или какой-либо другой город, мне стыдно признаться, что я из Канзас-Сити. Узнав, откуда я, все презрительно отворачиваются от меня: «Да это не город, а гангстерский притон!»»

На заседаниях сенатской комиссии, естественно, Кефвер никому не задал вопроса о Бинаджо, бывшем друге Тома Пендергаста и президента Трумэна. Когда же все труднее и труднее стало скрывать, что и демократическая, и республиканская партии поддерживают тесные связи с гангстерами, обе партии приняли единодушное решение прекратить дальнейшие расследования сенатской комиссии. И в этом нет ничего удивительного, потому что организованная преступность, капиталистические монополии и государственный аппарат настолько тесно сплелись, что искоренить гангстеров, не затрагивая господствующий общественный строй, невозможно.

Сенатор Кефвер, как, впрочем, и его предшественники, поддержал легенду о том, что организованная преступность импортирована в США, и в первую очередь из Сицилии, и американские власти будто бы неповинны в ее существовании. Кроме того, тезис об импортном характере организованной преступности служил оправданием для принятия целого ряда реакционных законов, ограничивавших въезд и пребывание «нежелательных иностранцев» и направленных главным образом против прогрессивных деятелей.

А мафия, теперь уже под руководством Каролло — Пендергаста, и далее продолжала господствовать в Канзас-Сити. В 1953 г. она заключила соглашение со служащими городского полицейского управления: ма-

фиози могли беспрепятственно содержать игорные притоны и публичные дома. Крупнейший игорный дом «Даунтаун бридж клуб» регулярно оповещался телефонным звонком из полицейского управления, когда наряд полиции выезжал на облаву!

Те же нравы царили не только в Канзас-Сити или в таких цитаделях «Коза ностры», как Чикаго, Нью-Йорк, Лос-Анджелес, но почти в каждом городе Соединенных Штатов Америки.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Было установлено, что Гарри Беннет, бывший заместитель директора по вопросам труда в концерне Форда, для борьбы с рабочими, выступавшими за свои права, держал под рукой настоящую частную армию из закоренелых уголовников. На следствии один из сотрудников охраны автомобильного концерна сообщил, что прожженный гангстер Пит Ливаколи завербовал для Форда тридцать головорезов, правда, позднее он от своих показаний отказался. Прошлое этого Ливаколи было довольно мрачным: 28 раз полиция арестовывала его, причем трижды — по подозрению в убийстве, но лишь в двух случаях суд счел его виновным и упрятал за решетку. И вот теперь он уединился на своем роскошном ранчо в Аризоне.

Ганс фон Гентиг. Гангстер

Джозеф Райан, президент Межнациональной ассоциации портовых рабочих (МАПР), в ярости кричал: «Они не слушаются меня! Эту кашу наверняка заварили коммунисты!»

15 октября 1951 г. нью-йоркские портовые рабочие решительно отказались признать новый договор о тарифах, заключенный профсоюзным боссом Райаном и компаниями судовладельцев.

Бастовало около 20 тыс. рабочих. В Бостоне и Филадельфии состоялись забастовки солидарности.

Впервые имя Джо Райана (прозвище Король) стало упоминаться в ноябре 1948 г., когда портовики объявили забастовку против воли президента своего профсоюза. Но тогда Райан быстро уступил забастовщикам, признав, хотя и с опозданием, справедливость их требований, и выторговал у предпринимателей новый, компромиссный договор о тарифах. В 1951 г. все было значительно сложнее. Райан заявил, что стачка противозаконна. В конфликт вмешался президент США Трумэн и, ссылаясь на закон Тафта — Хартли, запретил забастовку. Доны мафии уже серьезно подумывали о том, что, пожалуй, их господству над портами приходит конец.

Вот уже несколько десятилетий система профсоюзного рэкета в нью-йоркских портах функционировала бесперебойно. 66-летний Райан, широкоплечий мужчина с нездоровым цветом лица, еще в 30-х годах заключил союз с братьями Анастасия. Они добились того, что

Райан был избран бессменным президентом МАПР. В период его правления они занимались вымогательством, обогащались за счет рабочих и жесточайшим террором подавляли любое выступление в пределах своей «империи». Профсоюзных активистов, оказывавших сопротивление диктатуре мафии и продажным боссам, беспощадно убивали. Одной из многочисленных жертв портовой мафии стал упоминавшийся Питер Панто.

В те годы МАПР подразделялась на так называемые «локалы» — местные профсоюзные группы, объединявшие приблизительно по 500—1000 человек. Каждой такой группе подчинялось до девяти причалов порта. На каждом причале имелся надсмотрщик, который ежедневно формировал колонны рабочих. От его прихоти зависело, кто получит работу, а кто отправится восвояси без заработка. Наем на работу — «шейпап» (дословно — «формирование». — А. С.) выглядел так: «Примерно полторы сотни поденщиков собираются вокруг надзирателя пирса или его помощника, которые сколачивают бригады из тех, кто получил работу на данный день. Эта старинная система найма позволяла мафии чрезвычайно просто управлять тягловой силой. Одним из часто применявшихся способов вымогательства была так называемая «компенсация» — отчисление из дневного заработка двух-трех долларов надзирателю пирса. Так зарабатывалось право утром быть вновь принятым в бригаду рабочих. Кроме того, определенная сумма каждый день «добровольно» отдавалась портовыми рабочими «для мальчиков»».

На пирсах у гангстеров были свои «акулы займа», или ростовщики, которые беззастенчиво взимали от 10 до 15 % заработка якобы в пользу попавших в нужду портовых рабочих. Само собой разумеется, что как надсмотрщики на причалах, так и «акулы займа» были людьми «Коза ностры» или гангстерами, платившими этой организации дань за право обирать портовых рабочих.

Альберт Анастазия, шеф «Корпорации убийц» и подлинный властелин профсоюза портовых рабочих, номинально возглавляемого Райаном, даже своих братьев Энтони и Джерардо посылал надсмотрщиками на причалы нью-йоркских портов.

И вот в октябре 1951 г. портовики снова выступили против этой системы террора и вымогательства.

25 дней продолжалась забастовка нью-йоркских портовиков и окончилась их частичной победой. Но Джозеф Райан и Альберт Анастасия с помощью властей и на этот раз удержали власть над портами в своих руках.

Во время полицейского расследования, проведенного в 1952 г., было установлено, что с 1947 по 1952 г. мафиози получили от судовладельцев портов — в «знак доброй воли» — 500 тыс. долл. Однако на еще большую сумму было украдено товаров. Ежегодно на причалах нью-йоркских портов пропадало грузов — если, конечно, они не были застрахованы в страховых компаниях «Коза ностры» — на сумму 140 млн. долл.

В сентябре 1953 г. Американская федерация труда, в которую входил «профсоюз» Райана, решила исключить МАПР из своих рядов. Был основан новый профсоюз портовых рабочих. Но благодаря братьям Анастасия МАПР получил большинство голосов на пере выборах во всех портах, в то время как новый профсоюз портовиков ни разу не набрал числа голосов, необходимого для получения права участвовать в переговорах с судовладельцами о тарифах.

«ПОДУМАЙ О СВОИХ ДЕТЯХ!»

Честные американцы искренне негодовали, читая в газетах о порядках, царивших на причалах Бруклина и Манхэттена. Все это было совершенно нежелательно для портовой мафии, и мафиози решили временно ослабить контроль над нью-йоркскими портами. Но профсоюзный рэкет в многомиллионном городе на Гудзоне процветал и развивался во многих других сферах. Особенно широко он распространился в швейной промышленности. У истоков дела стояли главарь еврейской гангстерской банды Лепке Бухалтер и последний дон «усатых» Сальваторе Маранцано. Одного из заправил профсоюзного рэкета нового поколения звали Джованни Дьогарди, по прозвищу Джинни Дио. За своими плечами он имел классическое прошлое мафиози: от рядового члена банды подростков до влиятельного и авторитетного участника «Корпорации убийц». В 1937 г., попав в тюрьму Синг-Синг, Дио познакомился с Лепке Бухалтером, который преподавал ему высшую школу рэкета. Оказавшись на свободе, Дио пошел по стопам Уильяма Биоффа

и Альберта Анастасия и проник в профсоюз автомобилестроителей. Очень скоро Дьогарди возглавил 102-ю местную профсоюзную группу. С этого времени мафия в этом профсоюзе начала разрастаться, подобно раковой опухоли. Люди с итальянскими именами здесь быстро делали карьеру. В правлении союза появился Энтони Коралло, по кличке Тони Дакс. Казначеем стал Тони Дориа, позднее стащивший из кассы профсоюза 16 тыс. долл. и присвоивший новенький служебный «кадиллак». Профсоюз автомобилестроителей в Чикаго контролировал Энджело Ючизо.

Тот, кто захватил контроль над транспортными средствами (а Дио был в состоянии это сделать), мог заниматься шантажом во всех отраслях, зависящих от транспорта. Так, комиссии расследования, назначенной губернатором Дьюи, стало известно, что однажды Дьогарди послал своего доверенного Макса Честера к фабриканту Полю Клоду. Честер сказал Клоду, что представляет «профсоюз продавцов», и потребовал, чтобы сотрудники отдела сбыта фирмы вошли в его «профсоюз», — это, разумеется, открывало прямой путь к шантажу. «Вы даете мне две тысячи долларов, — заявил Честер, — а я вам — контракт, с которым вы сможете жить».

«Когда я отказался, — рассказывал позднее в комиссии расследования Клод, — Честер завел разговор о детях. Каждой второй его фразой было: «Так как поживают ваши детки, чем они занимаются?» Он завел разговор о своих собственных детях, которые играют на улице, а это опасно, ведь их легко может задавить какой-нибудь автомобиль, после чего опять заговорил о моих детях, и меня охватил страх за их жизнь». В конце концов фабрикант заплатил требуемую сумму.

Комиссия расследования допросила и Дьогарди. Мафиозо, самодовольно улыбаясь, терпеливо выслушал на свидетельской скамье два часа. 140 раз он отказывался от показаний, ссылаясь на 5-ю поправку к Конституции США. Но вскоре у Дьогарди появились серьезные опасения за свою свободу.

Молодой журналист Виктор Ризель заинтересовался профсоюзами, которые контролировались так называемым Институтом консультаций по профсоюзным вопросам, основанным Дьогарди. Отец Виктора Ризеля, профсоюзный активист, в 30-х годах вел борьбу против рэкетиоров. В 1942 г. «неизвестные» сделали его калекой.

Имя его сына Виктора, прогрессивного журналиста, стало популярным во времена дискуссии вокруг МАПР. Статьи Ризеля, разоблачавшие бесчинства гангстеров в Нью-Йорке, были напечатаны в 192 американских газетах.

В начале 1956 г. Ризель раздобыл информацию о 138-й местной профсоюзной группе механиков на Лонг-Айленде. Эту организацию подчинили себе два шантажиста, отец и сын де Конинги. Ризель подключил к этому делу прокуратуру. Рабочих порта Уильяма Уилкенса и Питера Баталиаса, членов 138-й местной профгруппы, сообщивших о мафиози, полиция взяла под охрану.

Виктор Ризель попросил обоих свидетелей наговорить свои показания на магнитофонную ленту и подготовил радиопередачу. В ночь с 4 на 5 апреля 1956 г. показания Уилкенса и Баталиаса были переданы по радио. Ризель закончил передачу словами: «Публичное выступление для этих двух означало немало. Они поставили на карту свои жизни...»

...Около трех часов ночи посетители ресторана «Линди» на Бродвее начали расходиться. Ризель, Уилкенс, Баталиас и секретарша Ризеля Бетти Невинз после радиопередачи все еще сидели за кофе, обмениваясь впечатлениями. Покинув ресторан, они разошлись в разные стороны. Виктор Ризель и Бетти Невинз пошли по направлению к 51-й стрит, где секретарша журналиста оставила свой автомобиль; неожиданно из затемненного подъезда дома появился мужчина и дружески обратился к ним. Ризель повернулся к нему, и тут неизвестный чем-то плеснул в лицо журналисту...

Несколько часов спустя врачи госпиталя св. Клары сообщили журналисту, что не в силах вернуть ему зрение. Серная кислота сделала свое дело. Ризель навсегда ослеп.

ГОНДОЛФО МИРАНТИ ВО ВЛАСТИ СТРАХА

Проведенное нью-йоркской полицией расследование этого дела вывело на след... Дьогарди. Оказалось, что в марте 1956 г. он вместе со своим дружкой Чарлзом Тузой побывал в небольшой кондитерской в восточной части Нью-Йорка. Визитеры поинтересовались у ее вла-

дельца тридцатисемилетнего мафиози Гондолфо Миранти, нет ли у него на примете «парня для работы с кислотой».

Получив тысячу долларов, Миранти поручил заняться этим Доменико Бандо, а тот в свою очередь — своему другу Джозефу Карлино, который уже за 500 долл. нанял нужного человека. Остальные пятьсот поделили между собой Миранти и Карлино. Двадцатидвухлетнему Абрахаму Тельви, ставшему орудием преступления, была преподнесена банальная история о любви, ревности и необходимости «справедливого» возмездия.

В ночь на 5 апреля Миранти, Бандо и Тельви подъехали к зданию радиостанции, подождали в машине, пока Ризель со своими друзьями не вышел на улицу. «Вон тот — твой!» — показал на Ризеля Миранти.

Тельви подстерег свою жертву возле ресторана. Плеснув кислотой, он бросился к стоянке автомашин между 50-й и 51-й стрит, где его поджидали Миранти и Бандо. Но тут он натолкнулся на полицейский патруль. Свое поспешное бегство он объяснил тем, что на него напали двое: «Я едва ушел от них. Вон они!» И полицейские устремились к перекрестку, где на асфальте корчился от нестерпимой боли Виктор Ризель.

Покуда полицейские разобрались что к чему, мафиози уже везли Тельви к его приятельнице Ольге дела Круц, где он должен был некоторое время отсидеться. Там его навестил Карлино. Он-то и заметил, что серная кислота не вся досталась Ризелю: ее брызги поместили и лицо Тельви. «Меченый» мог легко стать добычей полиции.

Только по радио Тельви узнал, кого он лишил зрения той ночью. Такой человек, а ему за него заплатили какие-то пятьсот долларов! Тельви счел себя ограбленным. Не ведая об обычаях мафии, он послал Ольгу в кондитерскую Миранти и потребовал у мафиози еще... пятьдесят тысяч.

Его попросили подождать. А вскоре на квартиру Ольги дела Круц заявился неизвестный и передал Тельви: «Шеф прислал за тобой. Придется смыться во Флориду, тебя разыскивает полиция. Собирайся и пошли!»

Когда машина поехала не в направлении к аэропорту, а по другой дороге, Тельви вдруг занервничал. Ему вспомнились разные истории, не раз происходившие в гангстерской среде. Он попросил водителя при-

тормозить, сославшись на то, что ему необходимо позвонить своей любовнице.

Из лавки, у которой остановилась машина, Тельви бежал через черный ход и вначале скрывался у своих друзей в Огайо. В июле он все же отважился тайно возвратиться в Нью-Йорк.

28 июля 1956 г. на Малбери-стрит, в придорожной канаве, был найден труп молодого мужчины с тремя пулями в голове. На лице убитого были обнаружены щербинки — следы кислоты. Это был Абрахам Тельви.

17 августа с помощью Ольги дела Круц полиция распутала дело. Карлино, Миранти, Бандо и братья Дьогарди были арестованы.

Мафиози упорно отмалчивались. Служащие уголовной полиции разрешили жене Миранти навестить его в тюрьме. Они рассчитывали, что это, возможно, подействует на гангстера и он заговорит. На следующем допросе Миранти не выдержал: «Если я заговорю, они убьют меня! Они убьют меня!» Следователь попытался успокоить его: «Не бойтесь, мы защитим вас!» Миранти покачал головой: «Нет, если я что-нибудь расскажу, то они прикончат меня. Они достанут меня везде: в тюрьме, на свободе, на краю света!»

В мае 1957 г. состоялся судебный процесс. Гондолфо Миранти упорно молчал. «Если вы не будете отвечать на вопросы суда, — угрожал судья, — то за неуважение к суду я приговорю вас к пяти годам тюремного заключения». Ни минуты не колеблясь, Миранти предпочел такой приговор. Доменико Бандо также ответил: «Я отказываюсь давать какие-либо показания».

Прокурор Поль Уильям с возмущением говорил представителем прессы: «Их поведение — вызов Америке. Свидетелей запугали угрозами». Но он понапрасну растрачивал свой гнев. Омертá был сильнее, чем он полагал. Джованни Дьогарди в этот раз вышел из воды сухим.

Лишь осенью того же года его все-таки приговорили... к двум годам тюрьмы с типичной для людей из «Коза ностры» формулировкой: «За уклонение от уплаты подоходного налога». И только на процессе 1958 г. по делу о вымогательствах Дьогарди получил сполна — пятнадцать лет лишения свободы.

ФАЛЬШИВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ

В середине 50-х годов «Коза ностра» переживала очередную кризис. Как и в начале 30-х годов, провал следовал за провалом. Это не обошло стороной даже всесильных донов.

Первым из них оказался под ударом Джо Адонис. Долгое время бесчисленные уголовные преступления сходили ему с рук. Но когда в 1953 г. Адонис решил съездить ненадолго на Кубу, то небольшая неувязка в паспортных данных наконец-то позволила полиции добраться до могущественного мафиозо.

Согласно документам, Адонис считался американским гражданином от рождения. В метрике со всеми подробностями было указано его место рождения: Пассей, штат Нью-Джерси, 26, Стейт-стрит. При выдаче заграничного паспорта неожиданно обнаружилось: в 1901 г., к моменту рождения Адониса, в указанном городе улицы с названием Стейт-стрит еще не существовало. Итак, свидетельство о рождении было липовым и сам Адонис, вероятно, прибыл нелегально из Италии.

К тому времени Джо Адонис находился на вершине своего могущества: он был владельцем «Отэмоутив кэнвеинг компани» в Нью-Джерси. Эту фирму он основал в 1935 г. Ей принадлежала монополия на транспортировку автомобилей с завода Форда в Эджуотере — крупнейшего предприятия концерна — к месту сбыта на восточном побережье США. В пути постоянно находились сто больших трейлеров, груженых автомобилями.

Когда специальная комиссия расследовала вопрос, почему Форд передал монополию на транспортировку своих автомобилей именно этому мафиозо и гангстеру, концерн ответил, что у него «не было другого выхода, как сотрудничать с Адонисом». В свою очередь «Отэмоутив кэнвеинг компани» оказалась единственной компанией, которой федеральная комиссия по торговле между штатами разрешила транспортировку автомобилей из Эджуотера. Федеральная комиссия оправдывалась тем, что никто из предпринимателей больше не ходатайствовал о разрешении и, мол, ничего другого не оставалось, как выдать эту лицензию Адонису.

Дальнейшее расследование установило, что концерн Форда сам хлопотал о предоставлении лицензии Адонису. В ходе следствия руководство концерна, попавшее

в неудобное положение, неожиданно сообщило, что другая, вновь основанная фирма «Нью кэриес компани» хлопочет о выдаче разрешения на транспортировку. Казалось, монополии Адониса пришел конец. 9 апреля 1952 г. федеральная комиссия обсудила ходатайство новой фирмы, однако вынесение окончательного решения отложила до 10 мая.

Адонис воспользовался предоставленной ему отсрочкой, и вскоре новоиспеченная «Нью кэриес компани» отказалась от своих претензий. Фирма дона мафии Адониса сохранила за собой монопольное положение. Концерн Форда так и не порвал старых деловых отношений с компанией, возглавляемой известным мафиозо. Прибыли Адонис вложил в телекомпанию, основанную им совместно с Костелло и Мейером Лански.

И вот наконец было доподлинно установлено, что у Джо Адониса есть, собственно говоря, настоящее имя — Джузеппе Дото, что он родился на Сицилии, затем нелегально эмигрировал в США и никогда официально не получал американского подданства. У Адониса до его высылки за пределы Соединенных Штатов еще хватило времени, чтобы ввести в должность президента «Отэмоутив кэнвеинг компани» своего приятеля, мафиозо Карло Кьери, он же Чарли Чирри, а Джо Бонанно сделать доном своей «семьи» мафии. Затем, как писали газеты в 1956 г., он должен был на пассажирском судне «Граф Бьянка-мано» вернуться в Италию. Адонис скончался в ноябре 1971 г. в госпитале итальянского городка Ашано.

Заботы главарю «Коза ностры» доставляли не только удары, наносимые полицией; значительно хуже было то, что в их собственных рядах вот-вот могла разгореться новая борьба за власть, как это было перед конференцией гангстеров в Атлантик-Сити.

В течение 1956—1957 гг. было совершено три убийства высокопоставленных главарей «Коза ностры» и одно покушение на убийство. Первой жертвой стал Джек Драгна — этот «Аль Капоне Лос-Анджелеса», дон калифорнийской «семьи» мафии. После убийства Зигеля он взял на себя руководство гангстерами западного побережья.

И если убийство Драгны прошло почти незамеченным, поскольку он всегда находился в тени, покушение на другого дона мафии долгое время оставалось в центре внимания нью-йоркских газет.

КТО СТРЕЛЯЛ В КОСТЕЛЛО?

Вечером 2 мая 1957 г. перед домом № 115 у Централ-парк-вэст в Манхэттене остановился черный «кадиллак». Сидевший за рулем человек время от времени поглядывал на противоположную сторону улицы.

За час до полуночи к дому подкатило такси. Из него вышел Франческо Костелло. Костелло — 66 лет, среднего роста, широкоплечий — обитал в роскошных апартаментах этого великолепного дома с садом на крыше. Его считали человеком, занятым почтенным бизнесом. Большинство его знакомых и не подозревало в нем гангстера. За несколько лет до этого, следуя широко распространенной в Америке моде, он консультировался у психиатра, и тот дал ему такой совет: «Избегайте людей своего круга и завяжите знакомства с более деликатными людьми». Костелло последовал этому совету. Денег у него было достаточно: установлено, что бизнес, который контролировал Костелло, имел годовой оборот 2 млрд долл.

В тот вечер 2 мая Костелло поужинал в фешенебельном ресторане со своим другом и коллегой по бизнесу Филиппом Кеннеди, попрощался с ним у своего дома и медленно пошел через вестибюль к лифту.

Неожиданно навстречу ему вышел мужчина с пистолетом в руке. «Это тебе, Фрэнк», — сказал незнакомец и выстрелил. Костелло рванулся в сторону. Первая пуля пробила ему шляпу, вторая задела голову. Костелло, истекая кровью, упал в кресло. Убийца, полагая, что Костелло мертв, скрылся.

Филипп Кеннеди, не успевший отойти далеко от дома, услышал выстрелы, повернул назад и увидел Костелло всего в крови. Однако он был жив. Кеннеди незамедлительно доставил его в госпиталь имени Рузвельта. Публицейский, первым допросивший Костелло, услышал от него только: «Я никого не узнал. Мне и в голову не приходит, кто бы это мог сделать. Нет, у меня нет врагов».

Полицейский служащий показал Костелло записку: «Это ваше?»

Костелло вздрогнул: «Откуда это у вас?»

«Из вашего костюма», — последовал ответ.

В записке рукой Костелло было нацарапано следующее:

«Доход брутто казино на 27 апреля 1957 г.—

651 284 доллара. Прибыль казино за вычетом долговых обязательств — 434 695 долларов. Прибыль от игровых автоматов — 62 695 долларов, долговые обязательства игроков — 153 745 долларов. Майк еженедельно 150 долларов, Кейк еженедельно 100 долларов, L — 30 000 долларов, Н — 9000 долларов».

Полиция так и не узнала, кто такие «Майк», «Кейк», «L», «Н». Но ей удалось установить, что доход 651 284 доллара на 27 апреля имело открывшееся лишь 3 апреля в Лас-Вегасе казино «Тропикана». Поскольку Костелло официально не заявлял об этой статье своих доходов, то записка могла послужить поводом для возбуждения против него уголовного дела за укрывательство имущества от обложения подоходным налогом.

Но сначала полиции необходимо было расследовать обстоятельства загадочного нападения. Только консьерж дома, в котором было совершено покушение на Костелло, видел преступника и мог опознать его. В полицейском управлении перед ним положили толстый альбом с фотографиями наиболее известных мафиози. Консьерж указал на 30-летнего Винсента Джиганте, компаньона рэкетира Антонио Стролло.

Инициаторы покушения достигли своей цели. Костелло отошел от бизнеса мафии. Ему пришлось заплатить штраф за укрывательство имущества от обложения налогом, затем последовал целый ряд судебных процессов по делу о его гражданстве. Наконец, в феврале 1964 г. дело донна мафии рассмотрел Верховный суд США и постановил, что нет достаточно убедительного повода для выдворения Костелло из страны. 73-летний экс-шеф мафии заявил представителям прессы: «На моем веку это лучший Верховный суд, который у нас когда-либо был».

ДОН ЧИЧЧО СОВЕРШАЕТ ОШИБКУ

Прошел всего месяц после того, как американская пресса под крупными заголовками сообщила о покушении на убийство донна мафии Фрэнка Костелло, а Нью-Йорк взбудоражило известие об убийстве одного из влиятельных боссов «Коза ностры».

Дон Франческо Скаличчи, по прозвищу дон Чиччо, возглавлял могущественную «семью» мафии в нью-йоркском квартале Бронкс. Скаличчи поддерживал тес-

ную дружбу с донами Джо Профачи, Фрэнком Костелло, Вито Дженовезе и Альбертом Анастасия. Официально 55-летний босс «Коза ностры» занимал пост вице-президента «Марио энд Де Боно пластеринг компани оф кэрэне». Лишь посвященные знали, что ни один рэкет в Бронксе не совершался помимо воли и участия дона Чиччо. Прикидываясь любителем путешествий, он нередко ездил в Италию, где встречался с Лучано и с незадолго до этого депортированным Джо Адонисом.

Но вот судьба нанесла Скаличи роковой удар. Началось с того, что полиции удалось накрыть многих торговцев наркотиками. В США стал ощущаться недостаток героина. В этой ситуации Скаличи решил прибегнуть к особым мерам. Он собрал среди ведущих мафиози деньги, заключил с Лучано контракт и начал готовить транспортировку 20 кг героина в США.

В Неаполе груз с контрабандой был доставлен на судно «Экскамбьон». Однако полиция обратила внимание на то, что судно уже трижды курсировало между США и Италией, и, вероятно, не без очередной партии контрабандных наркотиков.

Поэтому из Нью-Йорка Скаличи дал указание перебазировать героин на какое-нибудь английское или французское судно. Вечером вблизи Марселя капитан корабля «Экскамбьон» заметил, что с борта в море был сброшен какой-то мешок. Он приказал застопорить машины и поднять мешок на борт, так как по международному морскому праву все предметы были записаны в судовую декларацию. Капитан исследовал содержимое мешка и обнаружил героин. В Барселоне он передал «посылку» испанским властям.

У «Коза ностры» было принято, что тот, кто брал на себя руководство по переправе наркотиков, нес и финансовую ответственность за груз. Стоимость 20 кг героина составляла 360 тыс. долл. Скаличи поспешил заверить компаньонов, что возместит убытки без задержки. Но обещанного пришлось ждать слишком долго. Не потому ли верховный совет «Коза ностры» вынес Скаличи смертный приговор?

Утром 17 июня 1957 г. Скаличи прогуливался по Артур-авеню в Бронксе. Перед домом № 2380, где у его соотечественника Мацарро была овощная лавка, он в раздумье остановился. Мацарро, стоявший у входа в лавку, почтительно приветствовал его нижайшим поклоном, как крепостной своего барона. Он не вошел

вслед за Скаличи в лавку, так как знал, что босс мафии не любил, чтобы ему мешали выбирать товар.

Заметил ли Мацарро двух молодых людей, молниеносно проскочивших в его лавку?

Убийство заняло не более пяти секунд. Две пули попали Скаличи в шею, третья пробила левую щеку, а четвертая — правое плечо. Пятая пуля в жертву не попала. Сделав дело, молодые люди проскочили мимо ошеломленного Мацарро и на черном лимузине укатили прочь.

Отчаянно жестикулируя, Мацарро клятвенно уверял полицию: «Я ничего не видел. Тех двух парней я не знаю. Они прыгнули в старую черную машину и покатали вниз по Артур-авеню. Это все, что я знаю. Все произошло так быстро. Я не могу даже описать ни их самих, ни их машину, вообще ничего».

Вскоре перед полицией предстали братья Скаличи: Джакомо, который на соседней улице содержал кондитерскую, и Джузеппе. Джакомо кричал: «Смерть убийцам!», а Джузеппе угрожал: «Мы их отыщем!»

ШИФРОВАННЫЕ ПИСЬМА

Несколькими часами позже при первом же обстоятельном допросе в полиции оба брата опаматовались, ибо закон омертá взял свое. «Какие еще там враги?» — изумленно пожимали они плечами и как по команде твердили одно: «У Фрэнка не было врагов. Все любили его. Это какое-то сумасшествие!»

При расследовании этого убийства полиция проявила расторопность. Сразу же после сообщения о покушении на Скаличи на его квартиру в районе Лонг-Айленд-Сити был немедленно отправлен наряд уголовной полиции. И хотя особых надежд найти что-нибудь существенное для следствия не было, криминалисты все-таки решили подвергнуть тщательному обыску жилище убитого дона мафии.

Письменный стол Франческо Скаличи оказался настоящей сокровищницей. Криминалисты нашли письма и фотографии. Записная книжка, содержащая около 400 адресов, давала яркое представление о деловой активности «Коза ностры» в США. В книжечке были найдены имена известных рэкетиров Чикаго и Бостона, Лас-Вегаса и Канзас-Сити, адреса людей в Париже,

Неаполе, Риме и Палермо. Тут были интересные фотографии, на которых Скаличчи и Лучано были засняты с некоей Иджеей Лиссони на террасе отеля «Эксельсиор» в Неаполе. И здесь была найдена переписка между мафиози Бронкса и Палермо. Для непосвященных эти письма звучали совершенно безобидно. Так, например, 10 сентября 1956 г. Скаличчи писал: «Дорогой Нино! Вероятно, в скором времени у меня будет возможность встретиться с тобой лично, для того чтобы засвидетельствовать тебе мое братское уважение, поскольку я преклоняюсь перед тобой. Прилагаю копию письма, которое я послал нашему другу, сеньору Николетти, директору фабрики в Палавичино. Я не знаю, какие между вами отношения, но моя глубокая привязанность к тебе обязывает меня сообщить обо всем, что здесь произошло, чтобы ты и твои друзья, которых я люблю как братьев, смогли составить об этом свое мнение. Надеюсь, ты простишь меня, что этим письмом я обременяю тебя. Заверяю, что всегда буду стоять на твоей стороне, если ты в чем-то будешь нуждаться. Все друзья и родственники здесь передают тебе привет и обнимают».

Этот с виду благодушный текст был написан на сицилийском диалекте и содержал много идиоматических оборотов, имевших различное толкование. Даже сицилийцу по происхождению Джону Амато из нью-йоркского бюро по борьбе с наркотиками пришлось не раз консультироваться с родственниками, прежде чем ему удалось проникнуть в истинный смысл письма Скаличчи к мафиозо Нино Торресу в Палермо: «Дорогой Нино! Необходимо урегулировать несколько важных дел мафии. Я бы предпочел обсудить их лучше с тобой лично, но в настоящее время опасно ехать в Палермо или приглашать тебя сюда, потому что я нахожусь под наблюдением агентов бюро по борьбе с наркотиками. Прилагаю копию письма, которое я написал сеньору Николетти относительно ожидаемого мной груза героина. Я знаю, что он шеф «семьи» мафии в Палавичино, поэтому вынужден обращаться к нему уважительно, но я не очень-то доверяю ему. Лучше не выпускать его из виду. Так как цены на героин в настоящее время сильно колеблются, то сейчас я не могу предложить тебе долгосрочную сделку. Но как только я договорюсь со своими коллегами, я проинформирую тебя и капи в Палавичино. Тогда ты должен будешь распорядиться, чтобы нужное количество героина было доставлено со

склада сеньора Николетти в Неаполь и с разрешения дона Сальваторе Лучано погружено на борт судна, идущего в Нью-Йорк. Ты лично примешь надлежащие меры, чтобы обеспечить безопасность транспортировки наркотика из Палермо в Неаполь. Если тебе нужна финансовая помощь, сообщи мне об этом. Мои друзья и я верим в плодотворное братское сотрудничество и в то, что этот вопрос будет успешно урегулирован».

У ПОСТЕЛИ «БОЛЬНОГО» ДЖО БАРБАРЫ

Встреча в Апалачине поставила страну перед необходимостью создания государственного центрального органа для непрерывного наблюдения за организованной преступностью и рэкетом.

Рекомендации сенатской комиссии по расследованию организованной преступности, конец 1957 г.

Со времени убийства Скаличи прошло пять месяцев, а мафия приготовила новый удар. 25 октября 1957 г. Альберт Анастазия, как обычно в утренний час, вошел в парикмахерскую фешенебельного отеля «Парк Шаратон» в Нью-Йорке. Помощник парикмахера Боччино повязал белоснежную простыню вокруг шеи босса «Корпорации убийц» и взял в руки электрическую бритву. Анастазия откинулся в кресле и закрыл глаза.

На часах было 10 часов 20 минут. Грасси, владелец парикмахерского салона, заметил двух мужчин, вошедших в зал. Они были среднего роста, шарфы наполовину скрывали их лица. Глаза прятались за черными очками. В руках неизвестные держали пистолеты. Грасси без звука поднял руки вверх.

Оба гангстера направились к четвертому креслу, где, мирно закрыв глаза, блаженствовал Анастазия. Один из них оттолкнул в сторону помощника парикмахера. Раздались выстрелы. Анастазия приподнялся и рухнул на пол. Позднее полиция обнаружила на трупе десять входных пулевых отверстий.

Убийцы не торопясь покинули парикмахерский салон, никто и не пытался задержать их. У выхода они сняли шарфы, спрятали пистолеты. Еще несколько шагов, и они исчезли в метро.

Владелец цветочной лавки в холле отеля первым пришел в себя. Он ринулся в парикмахерский салон, склонился над телом. «Они убили Альберта Анастазия!» — воскликнул он.

Старший инспектор Леджет из нью-йоркской уголовной полиции при опросе свидетелей столкнулся с обычной в таких случаях картиной. Ни Грасси, ни Боччино ничего не видели, другие свидетели — тоже. Только косметичка Вирджиния смогла кое-что вспомнить.

«Оба они — итальянцы, — сказала она без колебаний. — Это было видно по их одежде. Один из них, тот, который повыше, лет за сорок. Бледное лицо, серый костюм, темно-серая шляпа с довольно широкими полями. Молодому на вид можно дать не более тридцати».

Затем, как по традиции, на месте событий, в парикмахерском салоне, появился один из трех братьев убитого — Энтони, гроза пирсов Бруклина. (Второй брат, Джо, год назад был застрелен в порту, а появление третьего брата, Сальваторе, проповедника католической церкви св. Луки, было бы довольно неуместно на месте убийства гангстера.) Энтони встал перед трупом брата на колени и, прощаясь, назвал Альберта Анастазия его настоящим именем: «Арриведерчи, Умберто, арриведерчи!»

Несколько часов спустя рабочие морга вынесли труп того, с кем было связано множество убийств. Впереди рядом с полицейским шел черный американец. Для него транспортировка трупов была обычной, каждодневной работой. «Для парня, который так начинен свинцом, он довольно легок», — пошутил он.

ЗА КОНКУРЕНЦИЮ В РЯДАХ МАФИИ — СМЕРТЬ

Полицию прежде всего интересовало, почему произошло это убийство. Альберт Анастазия определенно допустил какой-то промах, превысил полномочия и переступил границы дозволенного «Коза нострой» или не вступил предупредению, сделанному мафией.

Началось все с Кубы. В 1952 г. бывший фельдфебель, а позднее полковник Фульхенсио Батиста захватил власть и установил на острове режим кровавой военной диктатуры. Этот режим предоставил преступникам неограниченную свободу действий. Наряду с армией и церковью диктатор опирался на деклассированные и уголовные элементы, которых рекрутировал на службу в тайную и уголовную полицию и которые терроризировали кубинский народ. Единственное, за что режим Батисты строго наказывал их, — это преступление против богатых американских туристов, вояжи которых служили важнейшим источником валютных поступлений государства. В остальном же законы были великодушны к преступникам, а комментарии к законам — еще

великодушнее. В 1955 г. Батиста издал закон, разрешающий при любом отеле стоимостью не менее 1 млн долл. держать казино. Гавана, как и Лас-Вегас, стала местом сбора гангстерской элиты, которая завязала знакомства в высших кругах кубинского общества. Старый друг Лучано и его компаньон коммерческий директор мафии Мейер Лански посетил Кубу и имел личную беседу с диктатором Батистой. Он сообщил, что «Коза ностра» может вложить в строительство новых и реконструкцию старых отелей капитал в размере 600 млн долл. Лански гарантировал диктатору ежегодный доход от иностранного туризма и налогов на прибыли от азартных игр в 100 млн долл., которые были остро необходимы Батисте для финансирования операций по подавлению освободительного движения. Разумеется, о размерах доходов, которые рассчитывала получать мафия, Мейер Лански скромно умолчал.

Вскоре на Кубе началось строительство отелей. Из Соединенных Штатов был прислан «технический персонал» — эксперты по установке игровых автоматов. Во главе самого крупного казино мафия поставила брата кубинского министра труда.

Но вот однажды мафиози заметили, что Альберт Анастазия тихо, ни с кем из них не советуясь, обосновался на Кубе и начал налаживать профсоюзный рэкет в сфере обслуживания отелей... принадлежавших мафии! Он намеревался подчинить своих дружков из «Общества чести» той же системе вымогательства, которую они сами уже многие годы с большим успехом практиковали повсюду.

Так шеф «Корпорации убийц» сам подписал свой смертный приговор.

Незадолго до убийства Анастазия в Нью-Йорке появились Мейер Лански и работавшие на Кубе мафиози Джозеф Салези и Луис Сантос. Не был ли связан этот визит гангстеров в Нью-Йорк с подготовкой к «расплате»?

А несколько недель спустя после убийства Анастазия в городке Хадсон-Хайтсе в штате Нью-Джерси какой-то мальчик обнаружил брошенный автомобиль, в котором были трупы двух мужчин. Полиция взломала дверь машины и вытащила трупы. Вскоре убитые были опознаны: Паскуале Мартинетти, 43-летний мафиозо, имевший за своими плечами не одну судимость, и Марино Ромито, 28 лет. Оба были членами МАПР. Описание

убийц Анастасия сходилось с их приметами. Они оказались неудобными свидетелями.

ИНЦИДЕНТ В АПАЛАЧИНЕ

Сержант Кроссуэлл служил в полиции штата Нью-Йорк. В его участок входил городок Бингемтон и небольшой населенный пункт Апалачин. Там находилась и вилла, оцениваемая в 10 тыс. долл. Кроссуэлл уже давно присматривался к этому загородному дому и его хозяину, некоему Джозефу (Джо) Барбаре. Сержант знал, что почтенный владелец сомнительного предприятия был уже уличен в нескольких преступлениях уголовного характера.

Когда 13 ноября 1957 г. сержант вместе с полицейским Вазико зашел в мотель «Пакуэй» неподалеку от Апалачина, то заметил подъехавший к мотелю «кадиллак» сына Джозефа Барбары. Джо Барбара-младший заказал три двойных номера. «На чьи имена?» — осведомилась хозяйка. — «Точно не знаю», — ответил тот, объяснив это тем, что его отец устраивает деловую встречу с людьми, связанными с производством и сбытом лимонада, и попросил его забронировать для них номера.

Сержант Кроссуэлл кивнул полицейскому Вазико: «Здесь что-то затевается. Надо бы поинтересоваться».

Сказанное Барбарой-младшим смахивало на правду. Джозеф Барбара-старший действительно занимался торговлей лимонадом. Правда, не всегда... Родился он в Каstellамаре на Сицилии в 1905 г., в 16 лет эмигрировал в США, а в 1927 г. получил американское подданство. К тому времени он был известным бутлеггером и действовал под кличкой Джо Брэдобрей. В 1931 г. за участие в убийстве бутлеггера Коломаре Калогаро был арестован, но за недостатком улик отпущен на свободу. Через год он вновь очутился в тюрьме, и снова по обвинению в убийстве. Однако свидетель вовремя опомнился (вероятно, не без помощи мафии) и отказался от данных ранее показаний против Барбары. На очной ставке он заявил: «Нет, это не тот парень. Этого я никогда не видел. На меня нашло какое-то затмение».

Не прошло и года, как началось расследование нового убийства. Очевидно, Барбаре надоела наконец тяжелая и беспокойная жизнь убийцы. Поэтому на

прибыли, полученные во время «сухого закона», он купил себе маленькую лимонадную фабрику и заключил лицензионное соглашение с концерном по производству содовой воды «Канадиен драй». Станным в этом деле было лишь то, что Барбара закупал у этой фирмы громадное количество сахара, значительно превышающее потребности его небольшого лимонадного производства. Власти не без оснований подозревали, что из этого сахара подпольно делается виски. Но поймать бывшего бутлеггера на незаконном бизнесе не могли.

Налог на четыре литра алкоголя составлял 10,5 долл. Затраты же на производство этого количества виски, как правило, составляли 1,5 долл. Из каждых 5 долл., запущенных в оборот подпольными самогонщиками, 3,5 долл. оседали в их карманах чистой прибылью. Благодаря использованию современных методов химической очистки их виски не отличалось от фирменного, тем более что разливалось оно в такие же бутылки, снабженные фирменными этикетками.

Сержант Кроссуэлл окончательно укрепился в своих подозрениях, когда владелец мотеля сообщил ему, что гости, о которых заранее уведомил Барбара-младший, отказались заполнить полицейскую регистрационную карточку для прописки под тем предлогом, что Барбара-старший будто бы уладил это с полицией. Сержант Кроссуэлл решил со следующего утра держать под наблюдением виллу.

Наступило 14 ноября 1957 г. Кроссуэлл навел полевой бинокль на усадьбу лимонадного фабриканта и был поражен обилием шикарных и модных автомобилей. Кроссуэлл моментально принял решение: запросил подкрепление и приказал перекрыть все улицы, ведущие к дому Барбары.

А в роскошной вилле Джо Барбары, ничего не подозревая, сидели и обсуждали свои дела боссы «Коза ностры». Они говорили о положении дел на Кубе и в Лас-Вегасе и о торговле наркотиками. Они одобрили представленную Джо Бонанно идею Лучано, находившегося в далекой Италии: из-за усилившегося полицейского контроля временно ограничить торговлю наркотиками.

Неожиданно, нарушив субординацию, в гостиную, где заседали доны, ворвался мафиозо Бартоло Гучча. Улицы, ведущие к дому Барбары, сообщил он, перекрыты полицией. Когда на своем фургончике он хотел проехать по соседней улице, его остановила уголовная полиция и обыскала машину.

«Великих» «Коза ностры» охватила паника. Они бросились из дома, расселись по машинам и попали... прямо в руки полиции. Несколько человек попытались улизнуть через пустырь. Сержант Кроссуэлл наблюдал за этим переполохом в бинокль. «Они бегут,— сказал он полицейскому Вазико.— Для кого-то из них этот день будет черным».

Через несколько часов доны мафии сидели в полицейском участке Бингемтона. Их было 58 человек. 19 из них представляли штат Нью-Йорк, 23 — город Нью-Йорк и штат Нью-Джерси; 8 прибыли со Среднего Запада, из Миссури и Чикаго, 3 — из Калифорнии и Невады, 2 — из Луизианы и Флориды, 2 — с Кубы и 1 — из Италии, причем 9 из них были торговцами наркотиками, 10 — владельцами игорных домов, 16 подзрелись в связях с нелегальным производством виски, 5 были рэкетирами.

Однако допросы задержанных не принесли никаких результатов. Мафиози уже оправались от первого шока, прежняя уверенность вернулась к ним.

Симоне Скоццари выложил на стол итальянский паспорт. Он иностранец и приехал из Палермо. Тут же на столе лежали деньги, изъятые у него при обыске: 602 долл. наличными и 8445 долл. в чеках.

— Ваша профессия?

Делегат сицилийской мафии ответил:

— Вот уже много лет безработный.

— Почему вы приехали к Барбаре?

— Я прослышал, что бедняга Джо болен, и подумал, хорошо бы заехать и проведать его.

— Вы думали об этом всю дорогу из Сицилии? — с иронией спросил сержант.

— Нет, только из Калифорнии. Я только что оттуда.

— Почему же столько людей одновременно собрались у Барбары?

— Предполагаю, что мы все совершенно случайно в одно и то же время пришли к одной и той же мысли.

Этот стандартный ответ дали все арестованные. Все они приехали только навестить «больного» Барбару. Они скромно сидели перед сержантом в костюмах из итальянского шелка, начищенных до блеска ботинках, белоснежных рубашках и прикидывались этакими простачками.

Один из этих скромников, сидевших перед сержантом, был Вито Дженовезе. После войны Дженовезе занимался торговлей, правда не совсем легальной, но вполне прибыльной. В 1950 г. через посредника в районе Резины на нераскопанных руинах античного Геркуланума у подножия Везувия он открыл рынок подержанных товаров. Этот рынок простирался на 12 километров. Вдоль улицы от Резины до Пульяно на прилавках метровым слоем лежали запачканные или чуть попорченные предметы одежды, простыни, обувь, меха — словом, все то, что богачи Америки выбрасывали на свалку и что для нищих Италии представляло большую ценность. В США Дженовезе организовал комитет по оказанию помощи под вывеской «Для бедных итальянцев». Эта организация принимала в дар поношенную одежду и отправляла ее в Италию. В огромном количестве товары выгружались в Неаполе. Единственным убытком в этом предприятии были транспортные расходы. Прибыль шла дону Дженовезе и мафии.

Сержант Кроссуэлл допросил также богатого торговца растительным маслом и сыром Джузеппе Профачи, который до 1962 г. оставался главой «семьи» мафии Бруклина. Полицией были арестованы дон Джо Бонанно и дон Микеле Миранда, по прозвищу Майк, владелец фирмы по продаже подержанных автомобилей. Был допрошен и оптовый торговец пивом Джузеппо Мальоччо, будущий преемник Профачи на посту дона мафии. Среди арестованных были также Карло Кьери, принявший из рук депортированного Джо Адониса легальный бизнес мафии, и Большой Джон — Орменто. Последний имел внушительный список судимостей. В те годы он возглавлял пресловутую банду 107-й стрит Нью-Йорка. Орменто был свидетелем при бракосочетании дочери Джо Профачи с одним из детройтских мафиозо. Полиция установила, что 56 гостей, приглашенных на это бракосочетание, в общей сложности арестовывались 275 раз и 100 раз подвергались судебному наказанию.

ЖЕСТ ПАЛЬЦЕМ

Одного участника конференции в Апалачине сержант знал хорошо. За год до этого — в октябре 1956 г. — он уже имел дело с этим человеком. Произошло это так. Полицейский дорожной службы на одной из магистральных дорог за превышение скорости остановил автомобиль и потребовал у водителя шоферские права. Тот порылся в карманах и вытащил документ, оформленный на имя Джозефа ди Палермо из Нью-Джерси. Однако ни фотография, ни подпись на удостоверении не принадлежали водителю.

— Это не ваши водительские права! — сказал полицейский.

— О, извините, — сказал тот, что был за рулем, — я в спешке взял не свой плащ. — Потом он еще раз поискал в карманах. — Мне жаль. Свои я не захватил. Видимо, я забыл их дома. Но поймите, я спешу, может быть, мы договоримся?

Полицейский оказался несговорчивым, попросил водителя выйти из машины и следовать за ним. Нарушителем правил дорожного движения оказался Кармине Галенте, дон мафии и торговец наркотиками. Именно Галенте был тем человеком, который в 1943 г. по поручению Дженовезе убил антифашиста Карло Треску. В полицейском участке сержант Кроссуэлл обыскал разгневанного Галенте и обнаружил при нем 1815 долл. мелкими купюрами. Запрос в главное полицейское управление о личности Галенте показал, что того арестовывали 15 раз, а общий срок тюремного заключения составлял двенадцать с половиной лет. Кроссуэлл установил, что Галенте остановился у Джо Барбары и там встретился с мафиози Фрэнком Гарафолой и Джоном Бовентре. Кроссуэлл знал, что этому человеку он не мог вменить в вину ничего, кроме превышения скорости, но он решил не упускать даже этой возможности.

Однако дальше все развивалось неожиданным образом. Вначале явились солидные адвокаты и попросили о снисхождении к своему клиенту. Затем, уже после полудня, в участок прибыли двое полицейских из Вест-Нью-Йорка, штат Нью-Джерси, места жительства Галенте, — капитан Крис Глайтман и сержант Питер Поликастро. Сперва они вели разговоры на общие темы, затем капитан спросил: «Что, собственно говоря, натворил Галенте? Ведь этот человек из моего города. В сущ-

ности, он неплохой парень». На это Кроссуэлл лишь пожал плечами.

Капитан пошел в новую атаку: «Видите ли, меня послал мой начальник Модарелли. Вообще-то, я не должен был упоминать его имени. Но так будет лучше, вы ведь знаете его. Кармине Галенте принадлежит «Абко вендинг компани», и он очень хороший друг моего начальника. Мы хотели бы поговорить с Галенте. Ведь дело обстоит не так уж плохо. Мы готовы заплатить максимальный штраф. Не могли бы мы забрать его с собой сейчас?» — И, улыбаясь, капитан выставил большой палец.

Дело начало интересовать Кроссуэлла: «Вы хотите сказать — тысячу долларов?»

«Да! А если вы думаете, что я треплюсь, то вот они!» — С этими словами полицейский офицер вынул из кармана скрепленный резинкой рулончик денежных купюр.

Заметив пристальный взгляд Кроссуэлла, Глайтман неуверенно спросил: «Что, этого недостаточно? Тогда я должен позвонить!»

И тут Кроссуэлл, на редкость неподкупный полицейский, буквально зашелся от ярости.

«Не разыгрывайте дурака, — пошел на попятную капитан. — Мы, полицейские, не должны упускать удобный случай, когда он сам подворачивается...»

Кроссуэлл вытолкнул за дверь обоих ходатаев. Галенте присудили 150 долл. штрафа и 30 суток тюремного заключения. Защиту Галенте взял на себя сам губернатор Вест-Нью-Йорка!

И вот Галенте вновь сидел напротив сержанта. Кроссуэлл сознавал, что операция по аресту гангстеров в Апалачине останется не чем иным, как очередным холостым выстрелом. С помощью таких акций вряд ли можно было серьезно ударить по «Коза ностре».

И все-таки 12 декабря 1957 г. против участников гангстерской конференции в Апалачине состоялось судебное разбирательство. Джон Орменто, Рассел Буффалино, Джузеппе Профачи, Маггадино — все они в один голос сослались на 5-ю поправку и отказались давать показания суду. Маггадино, бизнесмен из города Ниагара-Фолс, иммигрировавший в США из Сицилии 22 года назад, уже при первом же вопросе, заданном ему судьей, энергично замотал головой. Он, видите ли, не понимает по-английски. Но и после того как прибыл переводчик,

от него ничего не удалось добиться. На каждый вопрос он давал стереотипный ответ: «5-я поправка».

ЛУЧАНО ОСТАЕТСЯ «ЧИСТЫМ»

Некоторое исключение, пожалуй, представлял Джон С. Монтана из города Буффало, родившийся на Сицилии. Этот седовласый 64-летний мужчина в отлично сшитом синем двубортном костюме, владелец таксомоторного парка, принадлежал к кругу влиятельнейших людей своего города. Принадлежность к синдикату преступников он скрывал настолько умело, что жители города считали его филантропом. Ко дню благодарения и к рождеству он имел обыкновение дарить нуждающимся сотни индеек. Для какой-нибудь благотворительной акции Монтана всегда был готов предоставить в распоряжение устроителей свои машины. Наряду с таксомоторной компанией «Ван дейк кэб компани» Монтана владел также ликеро-водочным заводом «Фронтисер ликвор корпорейшн» и ипподромом «Монтана рэйс хорс стэйблс».

Как-то жители Буффало выбрали его даже «мужчиной года». В 1955 г., когда итальянский министр внутренних дел Марио Шельба посетил Нью-Йорк, дон мафии Монтана был приглашен на банкет в честь высокого гостя, устроенный губернатором Гарриманом, а в 1956 г. во время предвыборной кампании он был председателем комитета, который приветствовал в Буффало Ричарда Никсона, кандидата на пост вице-президента от республиканской партии.

И вот теперь, во время судебного расследования, он, так же как и все остальные, рассказывал байки о страдавшем сердечным недугом Джо Барбаре.

По окончании работы следственная комиссия составила отчет о конференции в Аполачине. В глазах американской общественности с этим делом было покончено. Отчет комиссии был юридическим шедевром и заканчивался следующими выводами: «1. Встреча в Аполачине 14 ноября 1957 г. указывает на то, что в стране существует и активно действует объединение или организация преступников, деятельность которых не ограничена рамками США. 2. Обнаружение встречи в Аполачине было прямым следствием отличной работы сержанта Эдгара Кроссуэлла из полиции штата Нью-

Йорк. Если бы не его наблюдательность и оперативность и сознание своего долга, эта встреча, вероятно, прошла бы незамеченной. В лучшем случае это привлекло бы внимание преступного мира. 3. Несмотря на это, случившееся указывает на серьезные недостатки в работе государственных органов, в задачу которых входит охрана закона. Встреча в Апалачине поставила страну перед необходимостью создания государственного центрального органа для непрерывного наблюдения за организованной преступностью и рэкетом».

Отчетом, в котором умелые и решительные действия Кроссуэлла были удостоены высочайших похвал, власти исчерпали инцидент в Апалачине. Все старания сержанта в конечном счете были напрасны: Кроссуэлл упустил из виду, что заодно с «Коза нострой» был не только капитан полиции Глайтман и ему подобные. Он не учел, что современные гангстеры были и бизнесменами, чьи фирмы были прочно связаны с крупными монополиями. В Соединенных Штатах, где процесс концентрации в экономике достиг наивысшего в капиталистическом мире уровня, уже давно нет независимых предпринимателей. Удар по всем фирмам, которые так или иначе связаны с организованной преступностью, одновременно означал бы удар по ведущим монополиям. Даже если бы в США не было ни одного полицейского и судьи, которого можно было бы подкупить, то и тогда акции такого необычайно честного полицейского, как сержант Кроссуэлл, не имели бы никакого успеха.

Несмотря на некоторые довольно интересные подробности, которые вскрыло проведенное расследование, дело о конференции в Апалачине так и осталось фарсом. По поводу этого скандала Лучано дал журналистам в Неаполе следующее интервью: «Пока я не прочел в газетах всех этих сплетен, мне ни разу в жизни не доводилось слышать об Апалачине. Я по-прежнему не знаю, где он, собственно говоря, находится,— да мне это и безразлично. Я пунктуально плачу подоходные налоги. Я абсолютно не причастен к этому делу».

Спустя несколько дней после конференции гангстеров в Апалачине полиции удалось подслушать телефонный разговор между Энтони Маггадино, доном мафии из Ниагара-Фолс, и Сальваторе Джанканой, по прозвищу Сэм или Момо.

Джанкана. Теперь, я надеюсь, ты доволен. Полиция застучала 58 наших лучших парней.

Маггадино. Должен признаться, ты был прав, Сэм, в твоём городе этого бы не произошло.

Джанкана. Да, у меня такого бы не было. Чикаго — самое безопасное место на свете для большой встречи. Мы могли бы разместиться в моем мотеле. Я предоставил бы парням для разъездов автомашины из наших прокатных фирм, а под занавес мы могли бы устроить банкет в одном из крупнейших моих ресторанов. Туда бы полицейские не посмели сунуться. Кроме Чикаго есть лишь три города, где шефы полиции у нас в кармане.

Да, Чикаго по-прежнему был для «Коза ностры» надежным убежищем. Один высокопоставленный служащий американского министерства юстиции в 1965 г. жаловался: «Чикаго — город в тисках мобов, и в этом смысле он хуже любого другого американского города. Здесь синдикат преступников пустил такие прочные корни и так разросся, что его почти невозможно уничтожить. Он обосновался почти во всех областях общественной жизни».

НАСЛЕДСТВО АЛЬ КАПОНЕ

В ту пору шефом чикагской «семьи» мафии был Сальваторе (Сэм) Джанкана. В 1957 г., незадолго до конференции в Апалачине, Энтони Аккардо, его предшественник, ушел на «заслуженный» отдых. Аккардо, как ранее это уже сделал дон Джонни Торрио, не дожидаясь «сигнала», добровольно отказался от руководства чикагской «семьей». По оценкам специалистов, годовой оборот этого отделения «Коза ностры» составлял 2 млрд долл. На долю его главы приходилось столько, что Аккардо смог построить себе в аристократическом предместье Ривер-Форест западнее Чикаго огромную виллу, которую мафиози благоговейно называли «дворцом». 22 комнаты, плавательный бассейн, выложенный черным ониксом, шесть отделанных золотом и ониксом ванн скрашивали на старости лет жизнь Аккардо.

А жизнь Аккардо действительно была нелегкой: в общей сложности полиция 24 раза арестовывала его, правда, каждый раз он быстро выходил на свободу. Лишь в 1960 г. мафиозо предстал перед судом — за укрывательство имущества от обложения налогом! Он сообщал властям ложные сведения о своих доходах, которые якобы получал как совладелец пивоваренного

завода. Его осудили к шести годам тюрьмы, но вскоре дона мафии выпустили на свободу под залог, а в 1962 г., на повторном процессе, оправдали.

Имя Аккардо еще раз попало в печать, когда его сын женился на бывшей королеве красоты Жаннет Мэри Холетт, дочери богатого скотопромышленника. 11 июля 1964 г. информационное агентство ЮПИ сообщило: «Преступный мир Чикаго достиг вершины общественно-го признания». После венчания в церкви Винсент-Феррер в Ривер-Форест новобрачные приняли на вилле Аккардо 1200 гостей. За оградой со специальными фотокамерами и биноклями расположились служащие уголовной полиции. А тем временем в особняке двадцать официантов подавали к роскошно сервированному столу изысканнейшие блюда и вина. Среди приглашенных полицейские заметили Поля Рикку, мафиозо, который в свое время был одним из участников голливудской аферы Уильяма Биоффа, а позднее с помощью высокопоставленных политиков освободил Аккардо из тюрьмы. (В 1965 г. американский суд принял решение выслать Рикку из страны.) На торжество явился и преемник Аккардо — Сэм Джанкана.

Сальваторе (Сэм) Джанкана родился на Сицилии в 1910 г. Двадцати лет от роду он уже угодил за решетку по подозрению в убийстве. В 1943 г., отбыв очередной срок наказания за взлом и нелегальное изготовление алкогольных напитков, Джанкана был призван на военную службу, однако в скором времени какой-то военный врач отправил его домой, выдав бывшему телохранителю Аль Капоне справку, удостоверявшую, что тот «органический психопат с комплексом неполноценности и асоциальными чертами характера».

Между тем этот «психопат» управлял из особняка в Ривер-Форест огромным хозяйством. Джанкана владел контрольными пакетами акций трех прачечных комбинатов, четырех автомобильных фирм, дюжины отелей и мотелей, трех скотобоев, фирмы по прокату автомобилей, гаража, восьми банков и мелких кредитных учреждений, двух фирм музыкальных автоматов, а также множества ресторанов и ночных клубов.

Джанкана получил в наследство хорошо организованную «империю». В рядах чикагской «семьи» «Коза ностры» не было таких свар, как в Нью-Йорке. Чикагские мафиози беспрекословно подчинялись распоряжениям своих донов.

Казначеем и специалистом по азартным играм у Джанканы был Фрэнк Феррара. Секцией притонов и проституции руководил мафиозо Гэс Алекс. Для непосвященных Алекс был представителем фирмы по производству музыкальных автоматов. Рэкет Джанкана поручил мафиозо Феликсу Альдеризио, по прозвищу Фил из Милуоки.

Как и большинство других мафиози, Джанкана окружил себя множеством людей из высшего общества, кинозвездами, известными эстрадными певцами. Его любовницей была Филлис Макгир, самая юная солистка всемирно известного трио «Сестры Макгир». Когда они разъезжали на машине, полицейские неотступно следовали за ними; в 1963 г. это дало Джанкане повод возбудить против полиции дело о вмешательстве в его личную жизнь. Разумеется, мафиозо выиграл. Полиция была вынуждена уменьшить группу преследования с пяти машин до одной.

Рука Джанканы протянулась и в политические сферы штата Иллинойс. Его племянник Энтони Дж. де Толв занимал кресло сенатора в конгрессе штата; его зять, Энтони Тиши, руководил канцелярией депутата конгресса Роланда В. Либонати, служившего когда-то у Аль Капоне адвокатом.

Само собой разумеется, полиция Чикаго по-прежнему была «карманной» полицией «Коза ностры». В 1962 г. служащие особо секретного отдела федеральной уголовной полиции упорно преследовали автомобиль с мафиози Сэмом Батальей и Рокко Сальваторе, пока не загнали их в тупик. Гангстеры сопротивлялись аресту и отстреливались до тех пор, пока не прибыл наряд чикагской полиции, в руки которого мафиози сдались «добровольно». Однако полицейские арестовали не преступников, а переодетых в гражданское служащих уголовной полиции.

Среди друзей Джанканы был эстрадный певец и актер Фрэнсис Альберт Синатра. Поначалу полагали, что это знакомство лишь следствие тщеславного стремления босса гангстеров окружать себя знаменитостями. Но скоро полиция установила, что Джанкана встречался с певцом в ночном клубе Лейк-Тахо, штат Невада. Решением суда Джанкане было запрещено посещать какие-либо игорные заведения, а в этом ночном клубе имелось казино. Началось расследование.

«ЧЕЛОВЕК С ЗОЛОТОЙ РУКОЙ»

Синатра родился в 1915 г. в Нью-Йорке и вырос на его задворках. Отец Фрэнка, профессиональный боксер, был родом из Италии. Молодость Фрэнка Синатры протекала почти по классическим для мафиозо канонам. Как Лучано и Капоне, он также возглавлял банду подростков. Однако затем Синатра, выступавший одновременно с песнями в одном загородном ресторанчике, был «открыт» как певец. Начался сказочный взлет его карьеры в индустрии развлечений, который привел его в Голливуд. Фрэнки Бой остался до конца верен среде, в которой протекала его молодость. Его телохранители, которыми он себя, подобно дону мафии, окружил, всегда были итальянского происхождения. Вскоре Фрэнк Синатра стал богатым. Голливуд присудил ему «Оскара», высшую награду для киноактера, за участие в фильме «Человек с золотой рукой». Синатра сыграл роль, словно специально написанную для мафиозо, — азартного игрока, страдающего наркоманией. Характерно, что гонорар за фильм Синатра выгодно вложил в игорный бизнес, главным образом в казино Лас-Вегаса.

С тех пор как гангстер Зигель построил в Лас-Вегасе одно из первых казино и мафия завладела отелем «Фламинго», город в пустыне штата Невада буквально расцвел. В три смены, день и ночь, работали крупные. Дневной свет никогда не проникает в игорные залы. Здесь нет часов. Ничто не должно отвлекать игроков от их страстей. Лас-Вегас стал городом, где все было наивысшим:

наивысший процент преступлений в США: в год в городе с населением 65 тыс. человек совершалось 13 тыс. преступлений;

наивысшее число приезжих: в 1962 г. город посетило 26 млн туристов, чтобы оставить в казино свои деньги;

наивысшие прибыли: только в «Дезерт инн» в первые месяцы 1959 г. выручка достигла 1,1 млн долл.;

наибольшее число церквей на душу населения: в любой из 84 церквей города можно венчаться без прохождения скучных формальностей; свидетельство о расторжении брака можно было получить также в рекордно короткий срок;

величайшая зрелищная индустрия: во всех казино имелись ревю-театры, в которых за фантастические гонорары выступали самые знаменитые звезды эстрады

Запада. Реклама расхваливала представления со стриптизом в театрах Лас-Вегаса как «более обнаженные», чем в самом Париже;

наибольшее число игорных домов: всего в городе насчитывается 288 казино; 289-е находится... в городской тюрьме — для развлечения заключенных!

Штат Невада, беднейший в Соединенных Штатах, получал с доходов игорных домов 30 %, что составляло почти треть всего бюджета штата. Правительство Невады учредило даже комитет контроля за азартными играми, который был призван «гарантировать честную игру и легальность азартных игр». Один из служащих этого комитета как-то похвалялся: «Скорее коммунист проникнет на мыс Кеннеди¹, чем гангстер — в Лас-Вегас». Но гангстерам этого и не нужно было делать, так как они уже давно обосновались там. Фрэнк Костелло и Джо Адонис уже много лет выкачивали отсюда свои прибыли. Но раньше других в Лас-Вегасе обосновалась чикагская мафия. 3,5 млн долл. вложил Фрэнк Синатра в акции казино в Лейк-Тахо и отеля «Сэндс» в Лас-Вегасе. После посещения Джанканой Лейк-Тахо полиции удалось наконец выяснить, что и кому принадлежит в Лас-Вегасе. Было установлено, что казино со стриптизом принадлежало Сэму Джанкане, что истинными владельцами отеля «Фламинго» были Костелло, Адонис и Мейер Лански, хотя номинально им управлял Мо Седуэй, принявший его в час смерти Багси — Зигеля. Полиции стало известно также, что в действительности миллионы Синатры были миллионами Джанканы и что Синатра был близко знаком с Джо Фишетти, бывшим компаньоном Аль Капоне. В 1946 г. по поручению Фишетти певец побывал на Кубе и встретился там со своим другом Лаки — Счастливым Луцано.

Власти постарались не доводить дело до скандала и ограничились тем, что дали понять Синатре, чтобы он порвал отношения с Джанканой. Синатра заупрямился. Тогда в судебном порядке его вынудили продать свою долю в игорном бизнесе. Покупателями, разумеется, были подставные люди мафии.

С помощью налогового управления органы юстиции добрались и до самого Джанканы. Начался судебный

¹ На мысе Кеннеди расположен центр по испытанию ракетно-космических систем ВВС США. (Прим. пер.)

процесс. По старой традиции «Коза ностры» Джанкана пытался спрятаться за 5-ю поправку к Конституции США. Однако впервые суд повел себя иначе. Было решено интерпретировать эту поправку таким образом, что обвинение с дона будет снято при условии, если он даст показания о других преступлениях чикагской мафии.

Однако Джанкана очень хорошо знал заповедь «Общества чести». Он молчал. 1 июня 1965 г. за неуважение к суду он был приговорен к лишению свободы. Федеральный судья Уильям Кэмпбелл в своем заключительном слове сказал: «Ключ от вашей камеры у вас в руках!»

Джанкана уклонился от предложения: такой ключ его не прельщал.

В отсутствие босса «Коза ностра» продолжала править в Чикаго: бизнесом мафии руководили Аккардо, Батталья и некоторые другие влиятельные мафиози. Как и прежде, рэкетеры шантажировали бизнесменов, как и прежде, убивали «упрямцев» и «предателей», как и прежде, полиция и юстиция не принимали решительных мер против преступников. Однажды чикагский шериф Артур Билек разочарованно заявил: «Иногда я вспоминаю немцев во времена Гитлера. Людям говорили, что в центре их страны находится лагерь смерти Бухенвальд, а они не верили, что такое может быть, считали, что будто все это — вражеская пропаганда».

Один судебный чиновник высказался следующим образом: «Для жителей этого города (Чикаго.— А. С.) все это вроде футбольного матча: копы¹ против мобов. Себя же они представляют в роли зрителей на трибунах и поочередно болеют то за одну, то за другую сторону и в пылу азарта не замечают, что они сами втянуты в эту опасную игру».

Для тех, на ком лежит ответственность за поддержание законности, гораздо проще свалить всю вину за недееспособность полиции и юстиции на жертв гангстерского террора, на деньги от которого и процветает организованная преступность. Шериф не сказал ни слова о том, что организованная преступность — это одно из средств ограбления трудящихся, одна из разновидностей капиталистической эксплуатации. В конечном счете и ущерб, который гангстеры наносят предпринимате-

¹ Кличка американских полицейских. (Прим. пер.)

лям, и расходы на разросшийся полицейский аппарат в равной мере ложатся на плечи трудящихся масс.

ПОЦЕЛУЙ СМЕРТИ

27 сентября 1963 г. широкоплечий мужчина с седыми, аккуратно причесанными волосами вошел в зал заседаний американского сената в Вашингтоне. Главный свидетель! Снова, уже в который раз, была сделана попытка пролить свет на деятельность преступного мира Америки, на этот раз министром юстиции Робертом Кеннеди. Новая сенатская комиссия по расследованию обещала быть более деятельной, чем во времена сенаторов Коупленда и Кефопера. В качестве главного свидетеля Роберт Кеннеди сумел выставить настоящего мафиозо, который был согласен дать любые показания.

В течение недели в зале заседаний ежедневно вспыхивали прожектора телекомпаний. В центре внимания был Джозеф (Джо) Валачи.

К тому времени Валачи, сыну итальянского эмигранта-бедняка, минуло 60 лет. Согласно его показаниям, в своей жизни он честно проработал всего один год. Свою карьеру преступника Валачи начал в 16 лет. Торжественно вступив в ряды «Коза ностры», он специализировался на нелегальных азартных играх и торговле наркотиками. Джо Валачи принадлежал к «семье» Вито Дженовезе. Когда в 1959 г. дона Вито арестовали и наконец-то осудили за торговлю наркотиками, Валачи также угодил за решетку.

После судебного процесса, на котором гангстера приговорили к 15 годам тюрьмы, мафиози заподозрили, что Валачи может «запеть». Он рассказал комиссии о том, что произошло в тюрьме Атланты, где он тогда сидел в одной камере с Дженовезе: «Однажды вечером, когда в камере погас свет, Дженовезе завел разговор о яблоках, которые начинают портиться. Затем он подошел ко мне, схватил за руку и поцеловал в щеку. Для товарищей по камере это был знак убить меня».

С того дня Валачи начал серьезно опасаться за свою жизнь. Он знал, что мафия может расправиться с предателем и в тюрьме. Поэтому он добровольно попросил тюремные власти перевести его в одиночную камеру. 22 мая 1962 г. Валачи прогуливался, как обычно, во дворе тюрьмы. Неожиданно на него набросился один из заключенных, которого он принял за гангстера Джо

Бека. Спасаясь, Валачи прикончил нападавшего обрубок свинцовой трубы, найденной им на тюремном дворе. На этот раз за совершенное убийство ему грозила смерть на электрическом стуле. Вот тогда-то, надеясь на помилование, Валачи заявил властям, что даст любые показания.

Вначале его обстоятельно допросили служащие ФБР. Затем он был доставлен на военную базу в Форт-Монмуте, штат Нью-Джерси, где расположены экспериментальные лаборатории по исследованию электронных систем. Валачи считал, что в этой крепости, оснащенной сложнейшими системами сигнализации, он надежно защищен от мести «Коза ностры».

Теперь мафиозо сидел перед сенатской комиссией и нервно мял в руках платок. Рядом со свидетельской скамьей стояли шесть дюжих сотрудников службы безопасности. К каждому из присутствовавших в зале заседаний был приставлен детектив. Джозеф Валачи давал показания, и то, что он рассказал, для американской общественности прозвучало сенсационно и ужасающе. Выступивший после этого представитель полиции заявил, что сказанное Валачи было уже давно известно властям.

Валачи рассказал, как были убиты Джо Массерия и Сальваторе Маранцано, как убрали Эйба Рилза, как Альберт Анастазия основал «Корпорацию убийц», как умер Вилли Моретти. Все чаще и чаще на допросах всплывало имя Вито Дженовезе. Валачи рассказал, что тот и из тюрьмы руководил «Коза нострой». Не было никаких причин сомневаться в его свидетельских показаниях.

СЛАВНАЯ ЖИЗНЬ ТРЕХПАЛОГО БРАУНА

После признаний Валачи сенаторы приступили к опросу служащих полиции и юстиции. Сенатор Джавитс спросил представителя полиции: «Верно ли, что известный гангстер по кличке Трехпалый Браун, подлинное имя которого — Томас Люкезе — нам открыл Валачи, с 1935 года ни разу больше не арестовывался? И еще. Это правда, что он известен в Нью-Йорке как почтенный швейный фабрикант?»

Получив от представителя полиции утвердительный

ответ, сенатор Джавитс воскликнул: «Это одно из самых потрясающих разоблачений!»

Действительно, вряд ли еще кому-либо из донов мафии удавалось сохранить свое инкогнито лучше, чем Томасу Люкезе. Родился он на Сицилии в 1899 г., а в 1911 г. вместе со своими родителями переселился в США.

В молодости, работая на заводе, Люкезе лишился двух пальцев, и, когда его впервые арестовали, а это произошло в 1921 г., один полицейский, намекая на известного чикагского убийцу Мордекая Брауна, в шутку сказал: «Смотрите-ка, Трехпалый Браун!» Основной специализацией Люкезе были торговля наркотиками и букмекерство. Ему было 26 лет, когда он вышел из тюрьмы Синг-Синг. Трехпалый Браун принадлежал к банде 107-й стрит, был хорошо знаком с Чарлзом Лучано, а после его осуждения представлял интересы могущественного мафиозо в сфере рэкета предприятий швейной промышленности Нью-Йорка. В поисках хорошего прикрытия для своего занятия рэкетом он натолкнулся на «Браунелл лимитед», процветающую конфекционную фирму, владельцев которой Люкезе запугал, чтобы потом по дешевке купить фирму.

К тому времени он превратился в достопочтенного Томаса Люкезе, стал уважаемым жителем аристократического района на Лонг-Айленде. Своего сына Люкезе послал учиться в привилегированную военную академию в Уэст-Пойнте. Сообразно своему положению он завязал знакомства в высших кругах общества, в том числе с двумя членами Верховного суда США — Томасом Ф. Мерфи и Ирвингом Сейпулом, а также федеральным прокурором Майлзом Дж. Лейном.

В 1952 г. Фрэнк Костелло передал Трехпалому Брауну «бразды правления» в своей «семье» мафии.

Тот, кто полагал, что после заявления сенатора Джавитса Томаса Люкезе тут же арестовали, глубоко заблуждался.

Свои показания Валачи закончил словами: «Своим признанием я сам себе вынес приговор. Я нарушил закон молчания. Меня ждет смерть, так как всего этого я не имел права говорить».

После этого мафиозо вновь исчез за тюремной решеткой. В декабре 1965 г. общественность узнала, что американское министерство юстиции в виде исключения разрешило Валачи опубликовать свои мемуары; объем

рукописи, носившей название «Верное дело», составлял 1180 страниц. Но в феврале 1966 г. двенадцать высокопоставленных италоамериканцев, среди них четыре депутата конгресса, добились, чтобы публикация рукописи была временно приостановлена: она якобы бросала тень на эмигрантов из Италии. Инициаторы этой кампании демагогически заявляли, что описание преступлений, совершенных мафиози из «Коза ностры», непременно вызовет волну дискриминации проживающих в Соединенных Штатах итальянцев. И хотя еще комиссия сенатора Кефопера утверждала, что доля итальянцев и сицилийцев в организованной преступности не столь уж велика, до сих пор в США широко распространено мнение (и это нашло свое отражение в заключительном отчете сенатской комиссии под руководством Роберта Кеннеди), что эмигранты-итальянцы повинны в ужасающем росте уголовной преступности в Соединенных Штатах Америки.

В начале апреля 1966 г. в американских газетах появилось сообщение, что в тюрьме Майлана, штат Мичиган, Валачи предпринял неудачную попытку самоубийства...

Джо Валачи умер в апреле 1971 г. в возрасте 71 года от инфаркта.

ВОЙНА В БРУКЛИНЕ

Вито Корлеоне был дальновидным человеком. Все крупные города Америки раздирали междоусобные войны преступников. Десятками разгорались гвевильи¹ — честолюбивый гангстер пытался создать собственную империю... Дон знал, что любая резня дает повод прессе и властям требовать еще более строгих законов, еще более крутых полицейских мер... Итак, он решил поначалу примирить все враждующие партии в Нью-Йорк-Сити, а уж затем установить мир на всей остальной территории.

Марио Пьюзо. Крестный отец

Представители киноконцерна «Парамаунт пикчерс» были приглашены в Нью-Йорк на пресс-конференцию. Фирма приступала к экранизации дорогостоящего широкоэкранный зрелища, в которое вкладывались миллионы и на котором надеялись заработать еще больше миллионов. Марлон Брандо должен был играть главную роль. Это было верное дело, так как «Парамаунт» экранизировал книгу, долгое время возглавлявшую список бестселлеров, — роман «Крестный отец» италоамериканца Марио Пьюзо.

Пьюзо написал рассчитанную на внешний эффект историю о жизни и смерти вымышленного дона «Коза ностры» по имени Вито Корлеоне и о борьбе за власть в американской мафии.

Для пресс-конференции было выбрано довольно странное место: штаб-квартира лиги защиты гражданских прав италоамериканцев в нью-йоркском районе Бруклине. Рядом с продюсером «Крестного отца» Элом Радди сидел представитель лиги — некий Энтони Коломбо. Когда Радди заявил, что в будущем фильме ни разу не будет упомянуто слово «м[афия]», мистер Коломбо удовлетворенно кивнул головой. А когда Радди добавил, что это решение было принято «без угроз или запугивания с чьей-либо стороны», мистер Коломбо не удержался от реплики: «Мистер Радди прав. Никаких угроз!»

Эта пресс-конференция, проходившая в марте 1971 г., была второй победой лиги защиты гражданских прав италоамериканцев. Казалось, безвозвратно прошли те времена, когда можно было открыто поносить

¹ Гвевилья — так назывались партизанские войны в Испании и Латинской Америке. (Прим. пер.)

мафию, как, например, это сделал в 1966 г. в американской палате представителей шеф ФБР Эдгар Гувер, заявивший, что «Ко́за ностра» — «уголовное братство итальянцев по рождению или происхождению». В июле 1970 г. министр юстиции США Митчелл распорядился, чтобы впредь слов «мафия» и «Ко́за ностра» в открытой печати и в публичных выступлениях не употребляли, поскольку италоамериканцы могут воспринять их как дискриминирующие и оскорбляющие нацию, к которой они принадлежат. Поэтому с июля 1970 г., касаясь вопросов, связанных с крупнейшим в истории «братством» организованных преступников, в лучшем случае говорили «М». Итак, «Парамаунт пикчерс» «без угроз или запугивания» отказался от слова «М...». Мистер Радди, совсем как и Марио Пьюзо в своем романе, намеревался представить донов мафии душевными людьми. Из романа «Крестный отец» публика должна была узнать, что убийства были лишь неизбежным следствием специфичной профессии мафиози, в остальном же члены мафии были такими же людьми, как Ты и Я, со своими маленькими и большими заботами. Таким образом, «Парамаунт» мог быть уверен, что лига защиты гражданских прав италоамериканцев одобрит фильм.

Год спустя после знаменательной пресс-конференции американский журнал «Ньюсуик» писал по поводу премьеры «Крестного отца»: «У этого мастерски сделанного, красивого, душераздирающего фильма... есть один недостаток — это восхваление гангстерской жизни, увод на второй план жертв насилия, акцентирование внимания на ритуальных и полудивилизованных обычаях мафии в ущерб прямому описанию ее циничных действий». «Конечно же, это романтическая история, — признался Пьюзо, автор и один из сценаристов «Крестного отца»... Конечно, мафия несколько романтизирована... Но от фильма и не ждали серьезной социологии и реализма...» То, что искусная реклама принесла фильму «Крестный отец» колоссальный успех и что миллионы зрителей в капиталистических странах наконец-то узнали, что «Ко́за ностра» — организация якобы даже в какой-то степени гуманная, можно поставить в заслугу одному из ее ведущих донов — Джозефу (Джо) Колombo, отпрыск которого, Энтони, сидел рядом с продюсером Элом Радди на той памятной пресс-конференции.

В те дни американские газеты могли сообщить лишь, что «Джо Коломбо — маклер земельных участков из Бруклина». Но это была ничтожная доля истины. Джозеф Коломбо родился в 1923 г. Карьеру преступника он начал в нью-йоркской «семье» мафии Джузеппе Профачи и медленно, но верно прокладывал себе путь наверх, возглавив наконец в 1962 г. бруклинскую «семью». Благодаря значительному залогу Коломбо оказался на свободе, и, поскольку апелляционные инстанции работали очень медленно, ему не пришлось отбывать наказание за лжесвидетельство, судебные же процессы за кражу драгоценностей и укрывательство имущества от обложения налогом еще предстояли. Прокурор заявил: «Этот обвиняемый с ног до головы опутан нескончаемой вереницей гангстерских связей, начало которым было положено в конце тридцатых годов отношениями его отца с преступным миром». Коломбо, по словам прокурора, занимался в Бруклине ростовщичеством и нелегальным букмекерством. «Детективы установили, что Коломбо имеет прямое отношение к камере пыток в задней комнате одного из бруклинских клубов, в котором он неясным для нас образом улаживал свои дела».

Все эти обвинения Джо Коломбо воспринимал хладнокровно. Впервые он впал в ярость, когда ФБР арестовало его сына Джоя. Наследник, на которого дон возлагал немалые надежды, был пойман с поличным, когда переплавлял серебряные монеты в слитки, с тем чтобы потом сбыть благородный металл с хорошей прибылью. А это в США карается законом.

Дон Коломбо извлек из своего американского опыта уроки. Он прекрасно знал, какой огромной силой обладают союзы, основанные на общности интересов определенных групп людей, знал, что они могут добиться многого. Итак, с помощью своей «семьи» мафии ему не стоило большого труда вывести на улицы города тысячи италоамериканцев. Каждую ночь демонстранты пикетировали здание нью-йоркского отделения ФБР, требуя освобождения Джоя Коломбо. Так родилась лига защиты гражданских прав италоамериканцев. Официальная программа этого союза, число членов которого быстро выросло до нескольких десятков тысяч членов, гласила: защита италоамериканцев (только в Нью-Йорке их проживало 859 тыс.) от дискриминации. По сути это было

справедливое устремление, так как в США можно повсюду наблюдать дискриминацию этнических меньшинств. В руках «Коза ностры» эта организация стала идеальным орудием борьбы с правосудием и полицией. Сын Джо Коломбо Энтони был назначен вице-президентом лиги.

В июне 1970 г. лига вновь организовала на улицах Нью-Йорка шествие с участием около 100 тыс. человек. Демонстрация проходила у монумента великому генуэзцу Христофору Колумбу. «Мы не потерпим более, чтобы нас подозревали только потому, что мы носим итальянские имена!» Большинство присутствующих, конечно, пришли сюда с благими намерениями и верой в справедливость. Джо Коломбо, которого в этот день чествовали как народного героя, торжествовал. Под тысячеголосый рев толпы: «Джо! Джо!» — он взобрался на трибуну и обратился к толпе: «Истинно говорю вам, против меня и всех италоамериканцев существует заговор. Но сегодня на вас и Джо Коломбо обращено око божье, и все, кто стоит у нас поперек дороги, почувствуют его карающую руку!»

И они почувствовали ее. Министр юстиции Митчелл счел необходимым ввести запрет на слово «мафия». «Форд моторз компани» в одной из финансируемых ею серий экранизации на телевидении уголовных романов предложила авторам вычеркнуть из сценариев любое упоминание о «Коза ностре». Серьезная газета «Нью-Йорк таймс», после того как банды молодчиков из лиги Коломбо помешали выпуску номера, впредь остерегалась сообщать о преступлениях и преступниках из мафии. На «благотворительном концерте» лиги выступил друг и компаньон мафиозо Фрэнк Синатра. А патер Луис Джиганте из Бронкса благословил всех собравшихся на торжественный обед лиги: «Благословляю этот вечер, благословляю Джо Коломбо и все то доброе, что он сотворил. Аминь!»

ОХОТА НА БЕЗУМНОГО ДЖО

Эта идиллия длилась около года. 29 июня 1971 г. у монумента Колумбу вновь состоялся День италоамериканского единства. Снова, встреченный бурей восторженных аплодисментов, на трибуне появился Джо Коломбо.

Но не успел он начать речь перед своими сторонника-

ми, как молодой черный американец, находившийся в толпе фоторепортеров и журналистов около трибуны, несколько раз выстрелил в него. Две пули попали в голову дона мафии. Телохранители Коломбо открыли ответный огонь.

И в то время как покушавшийся — 26-летний Джером Джонсон — был уже мертв, а дона спешно везли в больницу, два «лейтенанта» Коломбо — Кармине Персико, по прозвищу Змея, и Гуго Макинтош прыгнули в машину и скрылись. Служащие уголовной полиции, присутствовавшие на сборище, заметив быстрое исчезновение двух гангстеров, посчитали их за соучастников убийства. Они бросились в погоню. Наконец на углу Атлантик- и Утика-авеню в небольшом баре, который к этому часу был совершенно пустым, следы Персико и Макинтоша оборвались. У полиции были все основания подозревать, что люди Коломбо шли именно сюда. Этот бар был штаб-квартирой Джо Галло.

Для прессы это было находкой. В последний раз в дона мафии — Фрэнка Костелло — стреляли в 1957 г. Напали ли на этот раз на верный след? Эксперт нью-йоркской полиции сказал: «Организованная преступность стала более скрытной. Если кого-то действительно необходимо убрать, то это происходит на каком-нибудь пирсе в четыре часа утра и так, чтобы никто этого не заметил. Есть лишь один человек, который настолько безрассуден, что способен совершить убийство среди бела дня на глазах у тысяч людей, и это Безумный Джо!»

Была ли у Безумного Джо причина? Джо Галло обязан своей кличке Безумный судебному психиатру, который однажды засвидетельствовал, что тот «не способен осознать свою вину, так как в настоящее время болен». Этот Джо Галло, как и его братья Альберт и Ларри, с начала 60-х годов был хорошо известен нью-йоркской полиции. Братья Галло служили у Вито Дженовезе профессиональными убийцами, и, когда тот отошел от руководства своей «семьей», они попытались стать «самостоятельными». Но в Нью-Йорке это было возможно только за счет ущемления сферы влияния другой «семьи». Итак, они вошли в конфликт с «семьей» Профачи. Когда братья Джо похитили зятя Профачи Мальоччо, по кличке Жирный Джо, дон мафии Бруклина был вынужден заключить перемирие. «Независимые гангстеры» объявили войну бруклинской «семье» ма-

фии. Междоусобная борьба стоила жизни 98 гангстерам и закончилась арестом и осуждением Джо Галло. Но и в тюрьме Безумный Джо не отказался от своих планов вытеснить «семью» Профачи из ее бруклинских владений. Как стало известно, он познакомился с «цветными» заключенными. Верный традиции мафии использовать для черной работы неитальянцев, по выходе на свободу Галло сколотил вокруг себя большую банду из негров. Полиция, по-видимому, была на верном пути, поскольку за покушение на Коломбо Джонсону были обещаны 200 тыс. долл. и укрытие от преследований. В своих подозрениях полиция шла дальше: не могли Персико быть причастен к заговору в обмен на обещание стать преемником Коломбо? И какую роль в этом деле сыграл «босс боссов» — 72-летний Карло Гамбино? Действительно ли Гамбино, преемника Счастливи́чика Лучано, настороживала растущая популярность Коломбо? Мог ли он, чья власть над всеми «семьями» мафии была неоспоримой, специально подстрекать донов к войне, чтобы еще более упрочить свое владычество?

Как и следовало ожидать, выстрелы у памятника Колумбу развязали новую войну среди гангстеров, как в добрые времена в Чикаго. Далее, по выражению Марио Пьюзо в «Крестном отце», события развивались, «как в постели». Безумный Джо забаррикадировался в своей штаб-квартире на Президент-стрит в южном Бруклине. Однако это не спасло его от мести клана Коломбо.

8 апреля 1972 г. Галло торжественно праздновал 43-ю годовщину своего рождения. Вечером он с друзьями отправился в кабаре. После представления Галло, его невеста и ее десятилетняя дочка, сестра Джо и его телохранитель поехали в «Раковину Умберто», ресторан неподалеку от здания полицейского управления Манхэттена.

Едва успели заказать ужин, как в ресторан вошел мужчина среднего роста, приблизительно сорока лет, в светлом твидовом пальто, с револьвером 38-го калибра в руке, готовым к стрельбе. Ни слова не говоря, он направился к Джо Галло и выстрелил. Досталось и телохранителю Питеру Диapiуласу. Безумный Джо нашел в себе силы подняться. Шатаясь, он прошел по залу. В пятнадцати шагах от входа он рухнул, примерно в ста метрах от того места, где за год до этого в ярком

освещении прожекторов «Парамаунта» дон Вито Корлоне, он же Марлон Брандо, пал жертвой подобного нападения.

Джо Галло был погребен в бронзовом гробу стоимостью 5 тыс. долл. Его телохранитель Питер Диapiулас, отказавшийся давать какие-либо показания полиции, был осужден за незаконное ношение оружия.

Война мафии шла полным ходом. Газеты пестрели сообщениями о все новых и новых убийствах среди мафиози.

ШТАБ-КВАРТИРА НА АВТОМОБИЛЬНОМ КЛАДБИЩЕ

Резня среди гангстеров серьезно встревожила общественность. Губернатор Нью-Йорка Линдсей заявил: «Мы прогоним гангстеров из нашего города. Но вначале мы попытаемся лишить их материальной опоры».

Итак, вот уже в который раз, было дано стереотипное обещание навсегда покончить с организованной преступностью. Однако на этот раз полиция, кажется, серьезно взялась за дело.

Все началось с того, что четверо переодетых служащих уголовной полиции развернули торговлю рождественскими елками у входа в один из бруклинских баров, который охотно посещался мафиози. Из обрывков разговоров полицейским удалось узнать о местонахождении логова гангстеров. Так полиция натолкнулась на жилой фургон на автомобильном кладбище в Бруклине. Среди аккуратно расставленных автомобильных обломков, окруженная забором из колючей проволоки и охраняемая овчарками, расположилась хорошо замаскированная и звукоизолированная штаб-квартира «Коза ностры». Несмотря на строгую охрану, полицейские все же установили на крыше этого фургона подслушивающее устройство и сделали отвод от телефонного кабеля вагончика. В школе, расположенной напротив, полицейские оборудовали наблюдательный пункт, оснащенный кинокамерой. Каждый посетитель фургона на автомобильном кладбище в Бруклине был заснят на пленку.

Несколько месяцев спустя (война гангстеров в Нью-Йорке была в полном разгаре, и губернатор Линдсей только что произнес свою угрозу) полиция уже располагала несколькими миллионами метров кинопленки и

многими километрами магнитофонной ленты с записями разговоров о рэжете, разбойных нападениях, похищениях людей, подлогах со страховками.

Решающий удар полиция нанесла в октябре 1972 г., когда был отдан приказ об аресте 667 мафиози, которые навещали жилой фургон в Бруклине или были опознаны по телефонным разговорам. Более того, были взяты под стражу сотни полицейских, находившихся на содержании «Коза ностры»! Из посетителей жилого фургона безнаказанными остались лишь несколько десятков нью-йоркских бизнесменов. По этому поводу прокурор заявил, что в данном случае дело касается представителей тех двухсот нью-йоркских фирм, которые контролировались мафией.

Нью-йоркские газеты задавали вопрос: «Уж не сочтены ли дни «Коза ностры»?» Но арестованные полицией мафиози еще были далеко не изобличены и тем более не осуждены. К тому же не следовало забывать, что даже осужденный дон мафии и из тюрьмы беспрепятственно мог руководить своей «семьей». Никто не мог сказать с достоверностью, что приказы об арестах от октября 1972 г. (кстати, нью-йоркская полиция так и не сообщила, сколько таких приказов было отдано в действительности; до сих пор не состоялось ни одного судебного процесса против кого-либо из обвиненных) как-то повлияли на деятельность «Коза ностры». Вместо этого произошло то, что описал Марио Пьюзо в романе «Крестный отец»: был заключен мир «между всеми враждующими партиями».

ДОН МАФИИ ЯВЛЯЕТСЯ С ПОВИННОЙ

Последним отзвуком войны мафиози Нью-Йорка, начавшейся с убийства Джо Коломбо, было сообщение 24 января 1973 г. о том, что найден труп Эмануэля Гамбино, похищенного в июне 1972 г. И вот два видных мафиози решились нарушить омертв. В начале 1973 г. в полицию, опасаясь быть убитым, пришел с повинной Джозеф Лупарелли. Лупарелли «запел». Он рассказал, в частности, что 8 апреля 1972 г. Кармине де Бьязе, член «семьи» Коломбо, обнаружил Безумного Джо — Галло в «Раковине Умберто». После этого Джозеф Яковелли, преемник Коломбо, отдал приказ убить Галло.

Вторым мафиозо, добровольно сдавшимся в руки

полиции, был сам Яковелли. После признания, сделанного Лупарелли, у него появились основания серьезно опасаться за свою жизнь. 28 февраля 1974 г. он явился с повинной в ФБР, где тотчас же был отдан приказ об его аресте с формулировкой: «за препятствование раскрытию преступления». Яковелли должен был выступить главным свидетелем в деле об убийстве Галло. Дон «Коза ностры», добровольно явившийся в ФБР?! В одном из отчетов из Нью-Йорка по этому поводу говорилось: «Его неожиданная добровольная явка в полицию связана с тем, что «семья» Коломбо срочно хочет назначить нового главаря». Явка Яковелли с повинной была, таким образом, лишь бегством от возможного окончательного расчета в его «семье».

В марте 1972 г. американский иллюстрированный журнал «Лайф» утверждал: «Не столь важна точная дата начала конца, а важно то, что итальянскому стилю организованной преступности в этой стране (США.— А. С.) пришел конец».

Как пришел журнал к столь смелому выводу? Было подсчитано, что к концу 1971 г. в тюрьмах находилось примерно 3200 мафиози, среди них даже некоторые доны вроде Раймонда Патриарки (глава «семьи» из Новой Англии), Карлоса Марчелло (шеф «семьи» из Луизианы) и Симона де Кавальканте (глава «семьи» из Нью-Джерси). Доказательством конца «Коза ностры» мог бы служить и тот факт, что некоторые доны обратились за помощью к общественности: Джо Коломбо со своими речами у монумента Колумбу и Сальваторе Бонанно, который решил поведать о своем опыте и переживаниях писателю Гэю Талезе для его книги «Доброе имя отца твоего».

Журнал «Лайф» обошел молчанием то, что конец американской мафии предсказывался каждый раз, когда со сцены сходило старое поколение донов, уступая место молодым людям с «современными «идеями»». Эту тенденцию можно проследить на примере развития пяти нью-йоркских «семей» мафии.

В 1899 г. Игнацио Сайетта вызвал к жизни мафию в Нью-Йорке. Когда его приговорили к тридцати годам тюремного заключения, мафия в Нью-Йорке распалась, и ей, казалось, пришел конец. Однако в 1920 г. в мафии воцарился Джо Массерия. Контрабанда алкоголя сделалась важнее убийств и разбоя.

В 1931 г. Джо Массерия и его преемник Сальваторе

Маранцано были убиты. Снова, казалось, наступил конец организованной преступности. Однако вопреки этому возникли пять «семей» мафии, которых возглавили энергичные доны нового поколения. На смену контрабанде алкоголя пришли азартные игры и, наконец, контрабанда наркотиков.

Когда Счастливец Лучано, считавшийся «боссом боссов», в 1946 г. был выслан в Италию, его «семью» принял Франческо Скаличчи. В 1957 г. он был убит. С того момента до 1976 г. этой «семьей» мафии руководил Карло Гамбино, который одновременно заявил претензию на титул «босса боссов».

С 1931 г. вторую нью-йоркскую «семью» мафии возглавил Фрэнк Костелло. Он умер естественной смертью в феврале 1973 г. от инфаркта. Его преемник Томас Люкеше, по кличке Трехпалый Браун, также умер естественной смертью. Встал вопрос о новой сильной личности. Новый дон, Стефано Ла Салле, был слишком стар, а его потенциальный преемник Кармине Трамунти был одним из тех, кого полиция взяла под наблюдение в известном фургончике в Бруклине.

Третьей «семьей» мафии Нью-Йорка с 1931 г. руководил Джо Профачи. После его смерти в 1962 г. Джо Коломбо занял место главы «семьи». В результате ожесточенной борьбы за власть, разыгравшейся в этой «семье» после убийства Коломбо и добровольной явки с повинной в полицию Яковелли, наиболее вероятным кандидатом на этот пост считался Джозеф Мальоччо, тем более что он уже временно руководил этой «семьей».

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДЖО БОНАННО

Четвертая нью-йоркская «семья» мафии с 1931 г. находилась в руках Джо Адониса. В 1956 г. он был депортирован в Италию, где и умер в ноябре 1971 г. Его преемником стал Джо Бонанно.

Джо Бонанно заставил полицию изрядно потрудиться, когда в очередной раз был предсказан конец «Коза ностры».

21 октября 1964 г. в полночь на аристократической Парк-авеню в Нью-Йорке остановилось такси, из которого вышли адвокат Уильям Мейлони и 59-летний Джозеф Бонанно. Оба направились к роскошному особ-

няку, в котором жил Мейлони. Неожиданно из тени парадного входа вышли двое в непромокаемых плащах и в шляпах, глубоко надвинутых на лоб. Оба незнакомца схватили Джо Бонанно за руки. «Пошли, Джо,— прошипел один из них.— Мой босс хочет поговорить с тобой!»

Бонанно даже не попытался сопротивляться. Мейлони, наоборот, начал протестовать: «Черт побери, что происходит? Этот человек мой клиент!» Но парни в макинтошах не были расположены в столь поздний час дискутировать с адвокатом. «Проваливай!» — прикрикнул на него один из незнакомцев. Адвокат проворно шмыгнул в подъезд дома, пригнувшись под выстрелами, которыми гангстеры подкрепили свое требование. Неизвестные потащили Бонанно. На значительном расстоянии, прижимаясь к стенам домов, за ними последовал Мейлони. Осторожно выглянув из-за угла, он успел заметить, как Бонанно втолкнули в светлый лимузин.

Несколько минут спустя Уильям Мейлони сообщил о случившемся в полицию. Заработал телетайп, дикторы радиостанций штата Нью-Джерси поспешно передали сообщение: «Похищен Джо Бонанно!» В архивах крупнейших газетных редакций лихорадочно искали сведения о жертве похищения.

Но данные архивов были весьма разноречивы. Одних вариантов его имени было великое множество: Джозеф Бонанно, Джозеф Бононо, Джо Бананни, Джо Бананас. Но выяснилось и кое-что другое.

Джузеппе Бонанно родился на Сицилии в 1906 г. В 1924 г. он иммигрировал в США. В 1930 г. во время транспортировки оружия, нелегально переправляемого из Нью-Йорка в Чикаго для банды Аль Капоне, он был впервые арестован. В 1938 г. Бонанно на короткое время исчез из США, но вскоре вернулся через Канаду и получил американское гражданство. Джо Бонанно был разносторонним бизнесменом: он владел похоронными конторами и прачечными, швейными предприятиями и фирмами по импорту оливкового масла и сыра. В 1957 г. за участие в гангстерской конференции в Апалачине Джо Бонанно был вновь арестован.

И этого человека похитили! Заметную фигуру преступного мира! Выдвигались различные предположения и догадки. Информационное агентство ЮПИ сообщало: «Полиция серьезно опасается, что Джо Бонанно пал

жертвой убийства, которое было совершено ганменами¹, похитившими его на Парк-авеню».

— Если бы меня спросили, я бы ответил, Джо Бонанно лежит где-нибудь на дне реки,— заявил один служащий министерства юстиции.

— Едва ли мы его увидим живым,— так полагал старший инспектор Уолтер Ф. Хеннинг.

— Мы ищем его,— заявил один нью-йоркский криминалист,— нам хочется с ним поговорить.

Джо Бонанно исчез в тот момент, когда ему предстоял допрос. На следующий день он должен был давать показания в суде об уголовной деятельности своей банды. Не было никакого сомнения, что почтенный бизнесмен занимался торговлей наркотиками и рэкетом. Может быть, его устранила конкурирующая банда? А может, собственная, опасаясь, что Бонанно даст в суде показания против своих дружков? Или, что кажется менее вероятным, Джо Бонанно сам организовал свое похищение, чтобы уйти от допроса? А может быть, он действительно был уже мертв?

18 декабря 1964 г. Уильям Мейлони сделал нью-йоркской прессе сенсационное сообщение, что его клиент жив, здоров и чувствует себя хорошо. Они условились встретиться через три дня. Однако ни в назначенное время, ни позднее Джо Бонанно так и не появился в офисе Мейлони. Тем временем судебная комиссия обстоятельно занималась деятельностью Джо Бонанно и его «семьи» мафии. Было допрошено 35 свидетелей и установлено, что эта «семья» состояла приблизительно из шестидесяти гангстеров, действовавших на западе США и на восточном побережье — от Нью-Йорка до канадской границы.

Прошло почти полтора года. Неожиданно 17 мая 1966 г. поступило сообщение, что Джозеф Бонанно появился в офисе генерального прокурора Моргентау в Нью-Йорке. Бонанно, однако, упорно отказывался говорить, где находился все это время. Его «семьей» уже давно управлял Гаспаре ди Грегорио, по прозвищу Маленький Гаспар.

Тот, кто полагал, что Джо Бонанно вскоре предстанет перед судом, глубоко заблуждался. Генеральный прокурор Моргентау освободил Бонанно под крупный залог в 150 тыс. долл.

¹ Так в США называют вооруженных бандитов. (Прим. пер.)

31 декабря 1966 г. в «Нью-Йорк таймс» появилось сообщение, что Джозеф Бонанно, по данным американского правительства, является владельцем ряда игорных домов в Республике Гаити и что его «лейтенант» Вито ди Филиппо уже в ноябре 1965 г. вошел в тесный контакт с гаитянским диктатором Дювалье и за солидную взятку получил от него концессию на казино «Интернэшнл» в центре столицы Гаити Порт-о-Пренсе.

Сегодня уже известно, что в 1964 г. Джо Бонанно пытался захватить власть над всеми пятью нью-йоркскими «семьями» мафии. Когда сделать это ему не удалось, он инсценировал свое похищение, укрывшись в Канаде, пока дело не поросло травой и доны не успокоились. Тем временем в Тусоне, штат Аризона, Бонанно создал маленькое гангстерское государство с широкими связями. Гаспаре ди Григорио «по старости» передал руководство бывшей «семьей» Бонанно Натале Эрволе. Но полиция «накрыла» Эрволу в жилом фургоне на автомобильном кладбище в Бруклине.

КУПЛЕННАЯ ПОЛИЦИЯ

Остается пятая «семья» того самого дона Вито Дженовезе, который умер от сердечного приступа 14 февраля 1969 г. в тюрьме Спрингфилда, штат Миссури. После ареста Дженовезе в 1959 г. главой «семьи» стал Энтони Стролло, руководивший ею до тех пор, пока однажды ночью бесследно не исчез. Тогда руководство поделили между собой двое: Джерардо Катена (за отказ от дачи свидетельских показаний он был вскоре приговорен к тюремному заключению) и Томас Эболи.

Итак, в четырех из пяти «семей» вновь произошла смена поколений. Старые боссы, сколотив себе огромные состояния, сошли со сцены. А доходы были колоссальными. Прибыль мафия получала буквально со всего.

Самые высокие барыши «Коза ностра» извлекала из торговли наркотиками, ростовщичества, нелегальных игорных залов и профсоюзного рэкета (шантаж фирм и создание псевдопрофсоюзов) и конечно же из бизнеса на порнографии. Нью-йоркские фирмы, изготовлявшие порнографическую продукцию, контролировал Джозеф Броккини, друг Томаса Люкезе. В 1970 г. доход мафии от этого предприятия достиг 500 тыс. долл. Насколько огромен масштаб только торговли наркотиками, позво-

ляют судить цифры, приведенные в феврале 1980 г. одним из руководителей бюро по борьбе с наркотиками Нью-Йорка. По его оценкам, примерно 300 тыс. граждан США употребляли героин, 6 млн американцев регулярно нюхали кокаин и от 25 до 30 млн жителей страны курили марихуану или пользовались химическими наркотиками, например ЛСД. Ежегодно в США расходовалось на приобретение наркотиков около 60 млрд долл. Нелегальный ввоз составлял 5 т героина, 25 т кокаина и почти 15 тыс. т марихуаны. Окружной прокурор Нью-Йорка по преступлениям, связанным с наркотиками, Клиффорд Фишман расписался в бессилии властей, заявив: «Употребление наркотиков — социальная проблема. Нищета и дискриминация в образовании — вот главные причины наркомании. Для искоренения этой пагубной привычки необходимо изменить условия, вызывающие их». Но именно это и невозможно в капиталистическом обществе. Употребление наркотиков растет. В 1977 г. американская полиция обнаружила наркотики примерно у 19 тыс. мальчиков и девочек в возрасте до 14 лет. И в этом немалую роль сыграла «Коза ностра».

США — не исключение в западном мире. Например, в ФРГ в 1979 г. насчитывалось до 80 тыс. человек, употреблявших героин. 615 человек погибли в результате наркомании.

Однако барыши от торговли наркотиками составляют лишь часть доходов «Коза ностры».

Кто же наконец должен положить этому конец? Полиция?

Очевидно, что большая часть американской полиции и чиновников органов управления была куплена «Коза нострой»! Так, в городе Рединге, штат Пенсильвания, она «владела» всем управленческим аппаратом, включая губернатора, а также всей полицией. В городе Колумбус, штат Огайо, по указанию боссов «Коза ностры» местная полиция арестовала трех специальных агентов ФБР, проводивших секретную операцию по расследованию преступной деятельности мафии в этом городе. Правда, сотрудники ФБР вскоре были освобождены, а восемь полицейских — осуждены за получение взяток от «Коза ностры» по 8 тыс. долл. на каждого. Однако дальше этого дело не пошло.

В ноябре 1969 г. стало известно, что в Нью-Орлеане гангстеры «семьи» Марчелло сообща с полицейскими совершали разбойные нападения. При этом блюстители

закона с полицейских патрульных вертолетов следили за тем, чтобы у гангстеров не случилось каких-либо осложнений! В Бруклине были уволены восемь полицейских, получивших от Самюэля Веры, мафиозо и организатора азартных игр, более 50 тыс. долл. за то, что ничего не видели и не слышали. Дело получило огласку, когда конкурент Веры был избит так, что оказался в больнице, и в отместку поставил соперника под удар.

Столь же энергично «Коза ностра» проникает и в управленческий аппарат.

ПОДСАДНАЯ УТКА ТОНИ ДАКСА

...К рождеству 1967 г. городское управление Нью-Йорка преподнесло своим жителям «подарок». Губернатор-республиканец Джон В. Линдсей, победивший на выборах под лозунгом «Сделаем Нью-Йорк чистым городом!», оказался замешанным в скандале, крупнейшем со времен правления его печально знаменитого предшественника Уильяма О'Дуайера. Скандал разразился вокруг близкого друга Линдсея — «подающего надежды» Джеймса Л. Маркуса. В предвыборной кампании Линдсея он сыграл важную роль, приложив немало усилий, чтобы проташить наконец республиканца на высшую должность в Нью-Йорке. Взамен этого Линдсей провел Маркуса в городское управление, сначала как своего «личного советника», а затем назначил его комиссаром по водо-, газо- и электроснабжению.

Этот Маркус не только умел красиво проживать деньги, но и был весьма предприимчивым бизнесменом. Заключив частную кредитную сделку, он основал общество «Помощь развитию» и занялся биржевыми спекуляциями, которые, однако, ничего, кроме долгов на общую сумму 30 тыс. долл., ему не принесли. В поисках кредиторов Маркус попал в лапы к «акулам кредита» из «Коза ностры». Они покрыли долги и прибрали его к рукам.

Однажды к Маркусу заявился Энтони Коралло, известный под кличкой Тони Дакс (Тони Утка), ранее судимый за торговлю наркотиками мафиозо, распространивший свои деловые интересы и на строительный бизнес. Коралло обратил внимание Маркуса на то обстоятельство, что городское управление Нью-Йорка намеревается очистить и капитально отремонтировать громадный бассейн в парке Бронкса — общая стои-

мость подряда составляла 800 тыс. долл. Вопреки принятым правилам Маркус не объявил публичного конкурса на этот подряд, а прямо передал его фирме, находившейся под контролем «Коза ностры». На этом он заработал 16 тыс. долл.

Данная афера Маркуса не была единственной. Как было установлено, «Коза ностра» долгие годы контролировала все воздушные грузоперевозки в нью-йоркских аэропортах. Мафиози основали федеральный союз предприятий, осуществляющих грузоперевозки под руководством и контролем Энтони ди Лоренцо. Фирмы были вынуждены присоединиться к союзу с «начальной пошлиной» 5 тыс. долл. и значительным ежегодным взносом. Те, кто отказались от этих условий, вскоре столкнулись с трудностями: принадлежавшие им грузовики угонялись, а грузы приводились в негодность.

Однажды в нью-йоркский аэропорт им. Кеннеди прибыл ценный груз — столь лакомый кусок для ненасытной «Коза ностры», что она просто не смогла устоять перед тем, чтобы не схватить его. Это произошло 11 декабря 1978 г. Западногерманскому «Коммерц-банк» потребовалось переправить из Франкфурта-на-Майне в Нью-Йорк большое количество пришедших в негодность долларовых банкнот. За их перевозку взялась авиакомпания ФРГ «Люфтганза». В бронированных автомобилях банкноты из Франкфурта переправили в Нью-Йорк, в сейфы местного представительства «Люфтганзы», оборудованные сложнейшими замками, хитрой системой сигнализации и скрытой телекамерой. За первым рейсом последовали еще два; всего через океан было переправлено банкнот на сумму 5,8 млн долл.

Специалисты «Коза ностры» приехали на черном автофургоне марки «форд» в 3.05 утра 11 декабря 1978 г. Они взорвали цепь, запиравшую тяжелую стальную решетку, и освободили себе путь к зданию «Люфтганзы». Кэрри Уилан, служащий «Люфтганзы», заметил машину, когда та уже подъехала к эстакаде пакгауза. Шестеро мужчин, лица которых скрывали маски, выскочили из автофургона. В руках одного из них был карабин, у остальных — револьверы. Уилан попытался спастись бегством, но гангстеры настигли его и оглушили ударом по голове. Под угрозой смерти ночной охранник был вынужден провести бандитов в служебное помещение пакгауза и вызвать туда по телефону на-

чальника караула. Затем его принудили отключить сигнализацию, открыть двери ангара и закрыть их за въехавшим туда автофургончиком. Надев на всех охранников наручники, мафиози спокойно погрузили 35 металлических контейнеров с долларами. Через час они беспрепятственно покинули территорию аэропорта.

Сомнений не было — работали профессионалы. Нью-Йоркская полиция подозревала «Коза ностру». Она арестовала Анджело Сера, известного мафиозо из «семьи» Лючезе, однако не сумела доказать его участие в налете. Полиция объявила розыск Томаса Десаймона, который в то время куда-то скрылся. Она искала наводчиков среди служащих «Люфтганзы». Но ни один преступник не попал на скамью подсудимых, не были найдены и деньги. Ущерб, причиненный «Коммерц-банку», покрыло страховое агентство.

КОНЦЕРН «МАФИЯ»

Френсис А. Вителло, мелкий мафиозо, ранее осужденный за букмекерство, отказался платить своему адвокату. Дело в том, что у Вителло в швейцарском банке был открыт один из тех печально знаменитых номерных счетов, по которым банк не задавал вопросов, откуда и куда идут деньги, а все операции производились лишь с помощью шифра. Тайна банковских вкладов надежно защищает и эксплуататора и преступника.

Однажды со счета Вителло таинственным образом исчезли 702 тыс. долл. К несчастью, деньги принадлежали не Вителло, а шефу «Коза ностры» Бостона Раймонду Патриарке. «Коза ностра» произвела тщательное расследование и установила, что несколькими ловкими мошенниками из Штатов обманым путем удалось перевести эти деньги на собственный счет. При операции по возврату денег всячески старались избежать лишнего шума. С помощью адвоката мошенники и гангстеры достигли компромисса, и все было бы шито-крыто, если бы Вителло не отказался оплатить работу адвоката. Тот в свою очередь подал на мафиозо в суд, и таким образом американская общественность узнала сенсационный факт, что «Коза ностра» прячет свои многомиллионные прибыли в швейцарских банках. Так же случайно было установлено, что шеф «Коза ностры» из Филадельфии Анджело Бруно, он же владелец фирмы по импорту

музыкальных автоматов, положил в швейцарский банк «на черный день» 50 млн долл.!

Но большего узнать не удалось. Ведь банковская тайна — святая святых капитала!

Эти громадные суммы американская мафия смогла получить лишь потому, что пустила чрезвычайно глубокие и прочные корни в экономике страны. В 1964 г. журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» прокомментировал это так: «В прошедшие месяцы было обнаружено, что гангстеры с многочисленными судимостями проникли на предприятия с многомиллионными оборотами. Среди них банки, маклерские фирмы Уолл-стрита, земельные конторы и другие почтенные фирмы, которые служат на благо общества. Установлен очевидный факт: проникновение преступников в существующие отрасли промышленности приобрело гигантские размеры».

Далее журнал опубликовал далеко не полный список отраслей, в которые проникла мафия, причем — по вполне понятным причинам — никакие имена не упоминались.

«Землевладение. Окружной прокурор Роберт М. Моргентау считает, что только в Нью-Йорк-Сити инвестиции преступного мира в торговлю земельными участками «выражаются сотнями миллионов долларов». Члены мафии являются главными акционерами в концерне, которому принадлежат два знаменитых небоскреба, в которых разместились учреждения. «Это была операция стоимостью треть миллиарда долларов, — сказал мистер Моргентау. ...Гангстеры владеют также большинством акций в одном из известнейших небоскребов в Манхэттене. Наконец, широко известный в Нью-Йорке отель является собственностью исключительно преступных элементов. По заявлению правительственных чиновников, мафия владеет отелями и мотелями в Майами, Майами-Бич, Лас-Вегасе, Детройте, Чикаго и многих других городах...»

Банковское дело. Служащие следственных органов полагают, что рэкетеры и шулеры прибирают к рукам многие крупные банки, приобретая их акции. Как акционеры они стремятся использовать свои позиции, для того чтобы получить особые льготы. В большинстве случаев это им удается. В Детройте, если верить словам одного служащего из Вашингтона, банк средней величины полностью перешел в руки мобов. «Он известен как «воровской банк», — заявил этот служащий. У нас есть

основания предполагать, что эти банки предоставляют главарям мафии кредиты без обеспечения гарантий. Они открывают им огромные счета на вымышленные имена или на подставных лиц, не задавая никаких вопросов. Почти схожая ситуация в одном из банков Майами. В Нью-Йорк-Сити известные гангстеры контролируют два банка... Служащий чикагской полиции сообщил: «В минувшие годы гангстеры проявили особенно высокую активность в области финансового дела, главным образом в обществах мелкого кредитования и в банках».

Швейная промышленность. Давно уже известно, что конфекционная индустрия, сконцентрированная в Нью-Йорке, захвачена рэкетирами. Многие из них стали миллионерами. Эксперты объясняют эти успехи тем, что большинство рэкетиров не терпит на своих предприятиях никаких профсоюзов. Это позволяет им снизить производственные затраты... По словам экспертов, рэкетир нанимает на службу в качестве «консультантов по рабочим вопросам» уголовников и бывших убийц из мафии.

Другие отрасли промышленности. Известный главарь мафии из Детройта был тесно связан с заводом кухонных плит в этом городе. Сегодня он вложил свой капитал в бензозаправочные станции и в автосервис. «Только в Детройте члены мафии инвестировали в промышленность капитал в размере 50 млн долл.», — заявил шеф полиции Джордж Эдвардс. Он назвал 98 предприятий, которые находились под контролем мафии».

Статья в журнале «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» завершилась длинным перечнем (на нескольких страницах) только тех отраслей промышленности, в которых мафиози твердо стояли на ногах. Мафия проникла всюду: от банков и отелей до строительной индустрии, от текстильной промышленности, индустрии по производству автоматов, торговли антикварными вещами до торговли продовольственными товарами. Общий оборот «Коза ностры» — заметьте, только легального бизнеса! — по осторожным оценкам экспертов, ежегодно составляет 50 млрд долл. Судя по этим цифрам, «Коза ностра» могла бы считаться крупнейшим в США концерном, более могущественным, чем такие гиганты, как «Дженерал электрик», «Дженерал моторз» или «Стандарт ойл»!

Со времени публикации этой статьи прошло много

времени. Несмотря на известную неполноту, она позволяет судить о широте и размахе экономической деятельности «Коза ностры». Организованная преступность стала неотъемлемой составной частью господствующей в капиталистическом мире социальной системы и исчезнет только с ее крахом.

«АКУЛЫ КРЕДИТА» ЗА РАБОТОЙ

Наиболее эффективным способом проникновения в деловой мир мафия считает метод, получивший меткое название «акулы кредита». Этот способ взимания огромных ростовщических процентов при ссуде денег не нов и в небольших размерах уже был апробирован в доках Нью-Йорка. Теперь мафия поставила это предприятие на широкую ногу. При этом мафиози всячески содействовали разжиганию жестокой конкурентной борьбы не на жизнь, а на смерть, представляющей собой обычное для капиталистической экономики явление. Фирмы, испытывавшие трудности с платежами, чье положение усугублялось еще и тем, что пути к обычным институтам кредитования вследствие острой конкурентной борьбы для них были закрыты, видели зачастую единственный выход в соглашении с «акулами кредита» из мафии, которые требовали, разумеется, за свои услуги фантастические проценты.

Так, владелец одной крупной нью-йоркской транспортной фирмы заявил, что однажды он был вынужден обратиться к «акулам» из мафии за кредитом в размере 10 тыс. долл. Когда же он не смог в срок выплатить проценты, гангстеры по телефону начали ему угрожать: «Если вы не уплатите деньги немедленно, с вами будет то же, что и с вашим грузовиком». В следующую ночь мафиози взорвали один из его грузовиков.

«Коза ностра» не всегда использовала эту тактику, чтобы непременно завладеть какой-либо фирмой. Иногда для устранения конкуренции легальной фирмы организовывалось ложное банкротство. Наглядным примером этому может служить дело «Мёррей паркинг компани» в начале 1961 г.

Компания занималась оптовой торговлей мясом в Нью-Йорке. Одним из ее клиентов была «Прайд хоусейл мит энд поултри корпорейшн». Все три владельца компании «Мёррей паркинг»: Джозеф Вайнберг, его сын Стэнли и Дэвид Ньюмен — и не догадывались, что

президент компании «Прайд корпорейшн» Питер Кастеллана — мафиозо, кузен всемогущего дона Карло Гамбино и член его «семьи» мафии. Кастеллане принадлежало несколько супермаркетов; совместно с доном мафии Кармине Ломбардоцци он владел «Джо-рэн трейдинг компани».

В декабре 1960 г. «Мёррей паркинг» столкнулась с финансовыми затруднениями. Тут-то на сцене и появились «акулы кредита». К Вайнбергам и Ньюмену заявился человек, заверивший, что может раздобыть необходимые деньги. Владельцам компании этот человек не был известен, но он работал у их клиента — «Меркьюри хоутел сэплай компани». Его имя было Джозеф Пагано. Бизнесмены не знали лишь, что Пагано был также мафиозо и принадлежал к «семье» Вито Дженовезе.

В условленный срок Пагано принес Вайнбергу деньги — чек на сумму 8500 долл., оплаченный «Джо-рэн трейдинг компани» и подписанный Кармине Ломбардоцци. Процентная ставка этого займа была огромной и составляла 1 % в неделю, то есть 85 долл. В течение последующих недель «Мёррей паркинг» пунктуально выплачивала проценты, однако общая задолженность в 8500 долл. от этого не уменьшалась. Компания продолжала испытывать финансовые трудности.

В январе 1961 г. мафиози вынудили Вайнбергов продать третью часть акций компании Пагано, а следовательно, «Коза ностре». Для защиты вложенных мафией денег «Коза ностра» добилась назначения Пагано президентом компании, при этом чеки фирмы отныне принимались лишь за подписью Пагано.

Вначале казалось, что смена в руководстве фирмы пошла ей только на пользу: оборот резко возрос. Если раньше компания «Прайд корпорейшн» (принадлежащая мафии) еженедельно покупала товаров приблизительно на 1 тыс. долл., то в январе 1961 г. эта сумма возросла до 241 тыс. долл., в феврале составила уже 298 тыс., а в марте даже 922 тыс. долл. Но это были дары данайцев. Фирма Кастелланы покупала товары по заниженным ценам. Мафия держала «Мёррей паркинг» так крепко в своих руках, что ее бывшие владельцы не могли уже препятствовать тому, что их товары разбазаривались по ценам значительно ниже их себестоимости.

Какова же была цель всей этой затеи? Несомненно, что в данном случае мафия стремилась развалить ком-

панию «Мёррей паркинг», чтобы сжить со света конкурента и завладеть имуществом несостоятельного должника.

В последнюю неделю марта компания «Прайд корпорейшн» должна была заплатить «Мёррей паркинг» 750 тыс. долл. Для этого Питер Кастеллана обратился в «Коммершл бэнк оф Америка» за кредитом в размере 150 тыс. долл. Одновременно компания «Мёррей паркинг» перевела в тот же самый банк свои лицевые счета.

На последней стадии всей операции Кастеллана подключил мафиозо Гандолфо Шиандру, который также был причастен к мясной торговле. Шиандра получил от Кастелланы чек фирмы «Прайд корпорейшн» и отослал его Пагано — новому главе компании «Мёррей паркинг». Тот в свою очередь оплатил чек в банке и одновременно предъявил чек компании «Мёррей паркинг» на ту же сумму, которую он потребовал сразу выплатить, а деньги возвратил мафиози. Таким образом, согласно бухгалтерским книгам, все счета фирмы «Прайд корпорейшн» были оплачены, но в действительности компания «Мёррей паркинг» поставила товары, не получив за это ни цента. Итак, только за один-единственный день Пагано украл у фирмы, которую возглавлял, огромную сумму денег.

Спустя несколько недель фирма «Мёррей паркинг» обанкротилась. Отец и сын Вайнберги, Ньюмен и Джозеф Пагано предстали перед судом. Вайнберги и Ньюмен были приговорены к длительным срокам тюремного заключения и высоким денежным штрафам за ложное банкротство. Пагано не нарушил омерта́ и на суде упорно молчал о своих сообщниках, поэтому суд не смог доказать его вину. Приговор носил стандартную для мафиози формулировку: «За неуважение к суду».

Пагано был приговорен к девятнадцати месяцам тюремного заключения.

ПРЕСТУПНИКИ В «БЕЛЫХ ВОРОТНИЧКАХ»

Афера с ликвидацией компании «Мёррей паркинг» находится на границе между обычной гангстерской практикой и так называемой преступностью «белых воротничков». В этом названии заключен намек на социальное положение преступников, которые принадлежат к высшим слоям общества. Несколько лет назад

один западногерманский социолог охарактеризовал эту форму преступности следующим образом: «Преступник из «белых воротничков» — это пользующийся всеобщим признанием член современного буржуазного общества, который после какого-либо «срыва» с распростертыми объятиями снова принимается обществом». Общественности стали известны всего несколько случаев этой криминальной разновидности, да и то концы скандального факта прячутся в воду. Главные преступники лишь изредка привлекаются к ответственности. Перед судом предстает только «мелкая сошка»: подкупленные заинтересованными фирмами служащие, депутаты и военные, которые этим путем хотели быстро разбогатеть. Крупные монополии с их мощными рычагами власти всегда находят в законах достаточно лазеек, чтобы ускользнуть от правосудия. По сравнению с грандиозными аферами, связанными с поставками вооружения, денежной помощью или государственным финансированием, где счет идет на сотни миллионов долларов, махинации «Коза ностры» выглядят весьма скромно.

Новые возможности обогащения открылись у самого мощного синдиката организованных преступников, когда были введены так называемые кредитные карты.

Поскольку чуть ли не каждый день американские газеты сообщали об очередном мошенничестве с чеками, ни один бизнесмен уже не решался продавать свой товар на чеки. Последствия этого первыми ощутили мелкие банки и кредитные общества, денежные вклады в которые сильно сократились. Солидные, крупные банки были защищены тем, что для открытия в них лицевого счета требовался довольно значительный первоначальный взнос, который не могли себе позволить мелкие мошенники. Чеки таких банков принимались с большим доверием, тем более что в подавляющем числе случаев крупные банки, чтобы не подрывать свой авторитет, оплачивали и непокрытые чеки.

Так сберегательные кассы и мелкие банки пришли к мысли основать кредитные клубы, члены которых во всех связанных с ними фирмах, ресторанах и отелях по предъявлении кредитной карты получали товары и услуги, не внося наличные деньги, ибо до определенного уровня их расходы покрывало кредитное общество.

Хотя кредитные общества воздвигли целую систему защиты от мошенничества, преступники все же нашли лазейку. Потери кредитных обществ, практиковавших

систему кредитных карт, в результате мошеннических манипуляций оценивались в 100 млн долл. И если жулики-одиночки попадались с поличным довольно часто, то синдикатам преступников это не грозило: в большинстве случаев они действовали более оперативно, чем система контроля.

ДОН КАРЛО У ВЛАСТИ

Вложение гигантских прибылей от организованной преступности в различные отрасли американской экономики, создание концерна мафии коренным образом изменили «условия работы» «Коза ностры». Это не могло не отразиться и на «стиле руководства». И так, вновь встал вопрос, какими качествами должен обладать дон «Коза ностры». Мафия не признавала никакого «порядка наследования», при котором титул и «дело» переходили бы по наследству. И так повторялось все тридцать, сорок лет кровавой борьбы за власть в американской мафии.

Из старой гвардии донов остался лишь один — Карло Гамбино, иммигрировавший в США из Палермо в 1921 г. Гамбино жил на широкую ногу. У него были роскошная квартира на Оушен-парк-уэй в Бруклине и дорогая вилла в аристократическом квартале на Кони-Айленд.

У Гамбино всегда хватало выдержки держаться в стороне от случайных афер и борьбы за власть других «семей». Его оставили в покое, когда полиция производила расследование деятельности «Коза ностры» после конференции в Апалачине. Его «семья» постоянно извлекала выгоду из борьбы других «семей». Поэтому вполне возможно, что именно Гамбино, оставаясь за кулисами, разжигал борьбу между Коломбо и Галло, чтобы укрепить собственное могущество. 31 июля 1972 г. американский журнал «Тайм» писал: «Убийство Томаса Эболи расчищает дорогу старейшему дону мафии Карло Гамбино к эффективному контролю над «семьей» Дженовезе, поскольку Джерардо Катена находится в тюрьме, в то время как другому боссу этой «семьи» — 78-летнему Майку Миранде не позволяет более играть руководящую роль его преклонный возраст».

Сам Карло Гамбино уже давно вышел из юношеского возраста. Это обстоятельство не позволило «боссу

боссов» защитить интересы опытного мафиозо Деллакоче, одного из тех, кто в свое время принимал участие в покушении на шефа «Корпорации убийц» Альберта Анастазия.

Неужели дни «Коза ностры» сочтены?

Вот сообщение из Нью-Йорка от апреля 1973 г.— через полгода после захвата нью-йоркской полицией визитеров жилого фургона мафии на автомобильном кладбище в Бруклине: «После выхода на экраны фильма «Крестный отец» Карло Гамбино начал пользоваться громадной популярностью. На происходившей недавно на Лонг-Айленде свадьбе супружеская пара опустилась перед ним на колени и целовала ему руки. Когда же хозяин произнес тост за здоровье Гамбино, хор исполнил мелодию из «Крестного отца». Один репортер задал «боссу боссов» вопрос, понравился ли ему фильм «Крестный отец». «Хорошо, очень хорошо»,— пробормотал дряхлеющий король гангстеров и усмехнулся.

Карло Гамбино умер 17 октября 1976 г. в возрасте 74 лет. Смерть настигла главу «Коза ностры» в его апартаментах в Бруклине. Несколько дней спустя сотни любопытных собрались у церкви Пресвятой девы Марии, где был установлен для прощания бронзовый саркофаг с телом покойного. И пока толпа жадно разглядывала кавалькаду из 13 черных «кадиллаков», агенты ФБР фотографировали и записывали имена их пассажиров: ведь на траурную панихиду съехался весь цвет мафии США.

В полицейских кругах были уверены, что кончина Гамбино открывает новую страницу в истории «Коза ностры». Полицейский чиновник по связи с прессой заявил: «В ближайшие месяцы нам вновь чаще, чем обычно, придется иметь дело с неопознанными человеческими трупами». В Карло Гамбино видели человека, избегавшего всяческой шумихи и скандалов и проявлявшего сдержанность. Но о возможных преемниках знали, что в своей работе они больше полагаются на насилие.

Вскоре после похорон «босса всех боссов» доны, капи и консильери собрались в мотеле неподалеку от аэропорта им. Кеннеди в Нью-Йорке. Здесь была верхушка «семьи» Гамбино и делегаты остальных «семей» — всего около ста человек. Обсуждались кандидатуры трех донов.

71-летний Джо Бонанно прибыл из Таксона, штат Аризона. Хотя он и основал там новую «семью» мафии,

но сейчас надеялся вернуть власть над своей старой нью-йоркской «семьей».

Претензии на власть заявлял и 62-летний Аниелло Деллакросче, старейший капо Гамбино. Шесть лет Деллакросче провел в тюрьме: за попытку совершить взлом, разбойное нападение и уклонение от уплаты налогов. Он специализировался на ростовщичестве и азартных играх и к тому времени только что освобожден из заключения, отсидев 6 месяцев за «неуважение к суду».

Аниелло Деллакросче поспешно объявил, что по состоянию здоровья возвращается во Флориду, на свою виллу в Кей-Ларго.

Однако кронпринцем был 66-летний Кармине Галенте. «Сигарный Лилло», как его называли дружки, в 1974 г. был условно освобожден из тюрьмы Льюисбурга, где отбывал 20-летний срок заключения. Он незамедлительно приступил к восстановлению своей власти над нью-йоркской «семьей» Бонанно. Филип Растелли, возглавивший «семью» после ареста Галенте, вначале отказывался вернуть власть. Но когда его пасынок был убит прямо на улице, Растелли предпочел уступить Галенте.

Видимо, на конференции мафии в мотеле у аэропорта им. Кеннеди верх взял напористый Галенте.

Шеф отдела по борьбе с организованной преступностью нью-йоркской полиции так прокомментировал стремление Галенте стать «боссом всех боссов» в «Коза ностре»: «Со времени Вито Дженовезе не было никого, кто был бы беспощаднее его и внушал больший страх. Все — из меди, он — из чистой стали».

Так что же предприняла полиция? «Пока мы следим за ним и ждем, что он предпримет». Таким образом, полиция спокойно наблюдала, как разгорается новая война за власть в «Коза ностре» между Кармине Галенте и якобы смирившимся с поражением Аниелло Деллакросче.

«РЕКОРДНЫЙ УРОЖАЙ ТРУПОВ»

Первые сообщения настораживали: босс «семьи» Нового Орлеана Карлос Марчелло, по слухам, удвоил число своих телохранителей. Босс «семьи» Сан-Франциско старался не покидать своего жилища.

Затем взялись за дело киллеры. В конце августа 1977 г. в нью-йоркском районе Хастингсон-Гудзон ка-

кой-то шофер заметил возле кювета деревянный сундук старинной работы. В нем оказался завернутый в окровавленную простыню труп мужчины. В голове было несколько пулевых отверстий. Это было 80-е по счету убийство, совершенное мафией в 1977 г.

Через несколько часов после этого в полицейском участке Бруклина раздался анонимный звонок: «Загляните на 84-стрит — угол Утрехт-авеню, там стоит «кадиллак» золотистого цвета. Он может заинтересовать вас». Полицейский патруль обнаружил в его багажнике засунутый в пластиковый мешок труп мужчины, убитого выстрелом в голову. Позднее в нем опознали Стефана Казале.

Не прошло и суток после этой находки, как в одном из гаражей Бронкса полиция натолкнулась на тяжелый пароходный сундук с трупом 25-летнего Луиса Джоя.

— У нас опять рекордный урожай трупов, — посетовал один инспектор уголовной полиции.

Все убитые были связаны с «семьей» Вито Дженовезе, которую теперь возглавлял Фрэнк Тьери. Однажды был похищен 67-летний Эли Циккарол, заместитель Тьери. И хотя киднапперы получили выкуп в 100 тыс. долл., Циккарол так никогда и не объявился.

Месть не заставила себя долго ждать. На ферме близ Майами во Флориде, там, куда удалился Аниелло Деллакросе, были обнаружены шесть трупов. Они были связаны носовыми платками, а затем застрелены. В течение лишь одной недели смерть настигла 25 мафиози. В лифте одного высотного административного здания лежали залитые кровью трупы. У всех убитых был вывернут наружу левый карман брюк.

Серия убийств продолжалась и в следующем году. Очевидно, Галенте и Деллакросе все еще не пришли к соглашению. А полиция продолжала наблюдать. Только в течение марта 1978 г. в Нью-Йорке 5 раз обнаруживались трупы гангстеров в багажниках брошенных автомашин. 1 июля 1978 г. в Манхэттене взорвался фургон для перевозки мороженого. Взрыв был столь силен, что в близлежащих домах вылетели все стекла, более сотни прохожих получили ранения. Торговлю мороженым в Нью-Йорке контролирует мафия.

К этому времени Кармине Галенте опять угодили в тюрьму: пришлось досиживать срок. Условно освобожденный из заключения, он не выдержал испытания, нарушив постановление суда избегать контактов с ма-

фией. И так, босс мафии вновь переехал в тюремную камеру, на этот раз в «Метрополитен коррекшн сэнтэ» в Нью-Йорке. И каждый вечер в этой тюрьме происходило нечто странное. Американский журнал «Тайм» писал: «Ежевечерне, незадолго до отхода заключенных ко сну, два триггермена мафии подходили к современной 12-этажной «Метрополитен коррекшн сэнтэ». Перед ганменами открывались надежно запертые двери, и они занимали пост в коридоре у одной и той же камеры (в ней сидел Галенте). Когда выключался свет, вооруженные мафиози заступали в ночной караул. Их задача — пресечь попытки других гангстеров усыпить «Лилло» навсегда». Американский журнал так прокомментировал эти вечерние спектакли: «Экстраординарные ночные караулы телохранителей Галенте, с одной стороны, демонстрируют заметное влияние мафии в американских тюрьмах, с другой — свидетельствуют о том, что нет покоя гангстеру, пожелавшему стать «крестным отцом» без общего согласия донов».

«Тайм» утверждал также, будто в сентябре 1978 г. доны мафии под нажимом Аниелло Деллакросче решили отвергнуть притязания Галенте на пост «босса всех боссов», отстранить его от руководства «семьей» и уничтожить. Узнав об этом и опасаясь покушения на свою жизнь даже за решеткой, «Лилло» подкупил охрану, и та допустила к нему его личную гвардию.

В феврале 1979 г. истек срок заключения Галенте. Забаррикадовавшись в своих апартаментах в привилегированном квартале Манхэттена, он выезжал из дома лишь в фирму по химической чистке одежды, которую издавна держал для прикрытия своей нелегальной деятельности. На пути следования он по нескольку раз менял машины. Несмотря на это, жить ему оставалось лишь пять месяцев.

12 июля 1979 г. в Нью-Йорке стояла изнуряющая жара. Невысокий — ростом всего 160 см — лысый мужчина, все время живший в невероятном страхе быть убитым, зашел в италоамериканский ресторан «Джон и Мэри» на Клинкербоукер-авеню в Бруклине. После обеда он закурил толстую сигару и, потягивая красное вино, оживленно разговаривал со своими тремя спутниками.

Неожиданно в ресторан быстрым шагом вошли трое в масках. На ходу они достали оружие и открыли огонь. С сигарой во рту 69-летний Кармине Галенте замертво

рухнул на пол. Он был застрелен из лупары в лучших традициях старой сицилийской мафии. Были убиты также его телохранители и владелец ресторана.

На этот раз не было пышных похорон. Галенте давно развелся с женой и жил с любовницей. Поэтому архиепие-рей Нью-Йорка заявил журналистам: «Литургический огонь разжег бы скандал». Только ли нарушение като-лического таинства брака было причиной столь скром-ных похорон?

На могиле Кармине Галенте священник Фелисиан Наполи прочел лишь молитву. А затем последовал новый «рекордный урожай трупов».

СЕРИЯ УБИЙСТВ В КОРЛЕОНЕ

За исключением овец, которых держат в отарах за пределами города или на его окраинах, большая часть скота и домашних животных живет бок о бок с людьми в их жилищах. Официальная статистика: 2600 мулов, лошадей и ослов; 3193 овцы; 163 коровы; 1020 коз и свиней, не считая бесчисленного множества кур, кошек и собак.

Профессор Римского университета Сильвио Пампильоне. Из обследования социального положения города Пальма-ди-Монтекьяро с населением 20 тыс. человек, расположенного в западной части Сицилии.

Калоджеро Виццини, почтительно называемый доном Кало, задыхаясь, приказал своему шоферу остановить машину. Кряхтя и стоная, тучный глава мафии вылез из автомобиля и обессиленно опустился у обочины дороги. Не только немилосердное июльское солнце явилось виной тому, что его лоб покрылся крупными каплями пота. У 77-летнего дона начался сердечный приступ, один из многих, происходивших у него в последнее время. Неумеренное чревоугодие — страсть, которой предавались все «великие» мафии, — способствовало развитию болезни. Шофер, уже привыкший к вынужденным остановкам, перепугался, увидев, как дон Кало, подобно мешку, неожиданно повалился на землю. Срочно вызванный врач смог лишь констатировать смерть от паралича сердца. В отличие от множества его жертв король мафии 15 июля 1954 г. почил естественной смертью, по чистой случайности там, где в начале века начал свою карьеру мелким грабителем.

Его родной городок Виллальба, оплот мафии Сицилии, погрузился в глубокий траур. В знак соболезнования помещения местных организаций ХДП закрыли свои двери на восемь дней. На административных зданиях городка были приспущены государственные флаги. Перед церковью, где состоялось траурное богослужение по достопочтенному дону Кало, был вывешен огромный транспарант: «Он был благородным человеком».

Этот отъявленный негодяй и прожженный преступник оставил после себя состояние, оценивавшееся в несколько миллиардов лир. Наследство досталось его близким родственникам. Но кроме этого патриарх «Об-

щества чести» оставил после себя империю со множеством доходных мест, которой во избежание возможной конкурентной борьбы была необходима твердая рука.

Посвященные знали, что на плечи преемника ляжет тяжкая ноша. «Общество чести» переживало период глубокого кризиса. Мафия, как никогда прежде, была разобщена, ее раздирали взаимные свары. В 50-е годы, годы промышленного подъема в Италии, правящие монополии поняли, что Сицилия открывает им прекрасные возможности для приложения капитала. Этот отсталый регион, где, казалось, остановилось само время и дольше, чем где-либо в Европе, сохранился феодальный порядок, привлекал их не только дешевой рабочей силой, но и высокими правительственными субсидиями. В города Сицилии пришла современная промышленность, однако это не сняло проблемы массовой безработицы, так как высокоавтоматизированным предприятиям требовалось незначительное число рабочих. Индустриализация не решила социальных проблем Сицилии и вопреки предсказаниям многих буржуазных социологов не покончила с мафией.

История «Коза ностры», американского ответвления сицилийской мафии, показала, что «братство» преступников, зародившееся на феодальной почве, в состоянии быстро приспособиться к новому, капиталистическому строю. Вместо того чтобы лишить мафию питательной почвы, индустриализация и индустриальный бум в городах Сицилии привели к еще большему укреплению ее могущества, к еще большему ее обогащению. Выросшая прежде всего в Палермо, столице этого феодального региона, «новая» мафия не только быстро приобрела власть и богатство, но и начала оспаривать у «старой» мафии и ее главарей руководящую роль.

Даже погребение дона Кало не могло скрыть назревшего внутри мафии кризиса. У кого были глаза, тот увидел: прежде чем был дан знак и погребальная процессия двинулась в путь, донам и капи «Общества чести», съезжавшимся со всех сторон, потребовалось необычно много времени, чтобы собраться вместе.

Траурная церемония происходила по традиционному обряду «Общества чести». По обычаю, тот, кто брал в руки шнур, так называемую пуповину гроба, находившуюся по левую сторону, считался преемником «дела» усопшего. В похоронной процессии дона Кало

символ, свидетельствовавший о переходе власти к премнику, держал дон Джузеппе (Дженко) Руссо.

Дженко Руссо родился в 1898 г. в семье крестьянина-бедняка. Под крылышком мафии он быстро превратился в крупного землевладельца. Во время проведения аграрной реформы государство просто отобрало у старых феодалов крупные земельные владения, выплатив их бывшим владельцам чрезвычайно высокое вознаграждение, и передало эти земли... новым помещикам. Вместо того чтобы самому произвести раздел земли между крестьянами, государство поручило эту задачу людям вроде Дженко Руссо. Главарь мафии поступил как во времена средневековья барон — пожаловал землей своих верных вассалов и фаворитов. Это дало ему экономическое влияние и власть над ними. Как-то Руссо откровенно признался: «Я с четырнадцати лет с утра до вечера работал со своим отцом на полях, зато сегодня я — зажиточный землевладелец». О том, что он десятки раз предстал перед судом по обвинению во множестве убийств, ограблений, угоне скота, шантаже и других уголовных преступлениях, Руссо помалкивал.

И вот теперь «дядя Пеппе», «дзю Пеппе», как стали называть Дженко Руссо, выражая этим наивысшее почтение, провожал в последний путь бывшего патриарха мафии. Он понимал, что в тот июльский день 1954 г. несли не просто бранные останки главаря «Общества чести». Хоронили «старую», феодальную мафию. День ото дня сужалась область ее влияния. Выбор кандидатуры Руссо был компромиссом, так как вожаки нарождавшейся в городах Сицилии «новой» мафии не допускали из своей среды никого на вакантное место шефа «братства». Борьба за сферы влияния в городах Сицилии только началась, и пока было неясно, кто из мафиози нового поколения пользовался бóльшим авторитетом, чем Руссо — представитель патриархальной, деревенской мафии.

И не случайно рядом с Дженко Руссо шел Паоло Бонта, шеф мафии из Палермо. Бонта был представителем новых сил в мафии, взявших курс на проникновение в экономику острова. Однако представители «традиционной» мафии всячески препятствовали росту прибылей своих «братьев» в городах, что постоянно приводило к стычкам, вызывало кровавые войны между «старой» и «новой» мафией, точнее говоря, между феодальной и капиталистической мафией. Эту ситуацию можно,

пожалуй, сравнить с ликвидацией «усатых» в американской мафии в начале 30-х годов.

В этой борьбе новым мафиози и словом и делом помогали почти 400 италоамериканских гангстеров, которые после 1945 г. были депортированы из США на Сицилию. Типичным примером изменений, происходивших в сицилийской мафии в послевоенные годы, являются события, развернувшиеся в те годы в Корлеоне.

СКЕЛЕТ В ЗАБРОШЕННОЙ ШАХТЕ

Место действия — Корлеоне, городок с населением 15 тыс. жителей примерно в 60 километрах от Палермо. Главой мафии в этом городке был доктор Микеле Наварра, главный врач местной больницы. Этот человек, как и его предшественник, распоряжался здесь всем по своему усмотрению. Он сосредоточил в своих руках и власть, и должности: представителя отделения клерикальной партии и аграрного союза, инспектора ссудных касс и функционера христианско-демократической партии. Ничто в этом мрачном местечке с убогими домишками, немощно прислонившимися к склону горы, не происходило без участия главы «ордена преступников». Он шантажировал и взимал дань.

Когда после войны государство выделило кредиты для проведения аграрной реформы, Наварра тотчас же стал управляющим этим фондом. Он решал, кому предоставить кредит, а кому отказать. Врач-мафиозо вскоре стал владельцем тысяч гектаров пахотной земли, под его контролем находилось 35 тыс. мелких арендаторов и крестьян в окрестностях Корлеоне.

Между 1954 и 1958 гг. четырнадцать высокооплачиваемых служащих Управления по проведению аграрной реформы на Сицилии осуществили в округе Корлеоне земельную реформу. Они экспроприировали у бывших помещиков и перераспределили 921 гектар земли. Всего же в округе Корлеоне насчитывалось 17 485 гектаров пахотной земли!

Итальянский эксперт по аграрным вопросам доктор Антонио Лоскьяво, обследовавший в Корлеоне результаты земельной реформы, в своем отчете указал, что из 2161 просителя желанную землю получили лишь 152. «Большая часть поделенной между крестьянами земли (примерно 623 га) находится в неплодородной области Корлеоне», — сухо констатировал он. В заключение док-

тор Лоскьяво отметил: «Пожалуй, аграрная реформа уменьшила крупное землевладение как таковое, но в основном составе зерновых и пастбищных культур, которые характерны для крупного землевладения, не произвела никаких изменений». В Корлеоне, как и повсюду на Сицилии, где в общей сложности работало 6570 служащих Управления по проведению аграрной реформы, реформа саботировалась: земля, подлежащая разделу, в большинстве случаев отводилась в каменистой пустоши. Новые поселки, которые сооружались на средства, полученные в кредит от Управления, оставались незаселенными, поскольку там «забыли» про водоснабжение.

Однако жители Корлеоне не желали безропотно нести ярмо мафии и земельных баронов. Могильные камни на кладбище городка молчаливо повествуют о кровавой и отчаянной борьбе: только за пять послевоенных лет в Корлеоне «пиччотто» мафии безжалостно убили 153 человека. Эти преступления принесли маленькому городку близ Палермо печальную славу места с наивысшим в мире процентом убийств.

Но на место убитых смельчаков вставали новые, продолжавшие дело павших товарищей и оказывавшие упорное сопротивление всемогущей мафии. К таким людям прежде всего относился секретарь местной палаты труда социалист Плачидо Риццотто, основавший сельскохозяйственный кооператив. Кооператив Риццотто носил имя Бернардино Верросы, вожака одного из крестьянских кооперативов, возникших после первой мировой войны в Корлеоне, также убитого мафией. Плачидо Риццотто хотел продолжить дело Верросы. Обращаясь к безземельным крестьянам, Риццотто говорил: «Я не верю, что мы всегда будем жить как животные. Придет время, и люди прозреют». Он добивался передачи безземельным крестьянам пустующих земель, контролируемых мафией. Риццотто пренебрег предостережениями друзей и, главное, угрозами «братства». Доктор Наварра и его компаньоны вынесли Риццотто смертный приговор.

Вечером 10 марта 1948 г. 32-летний Плачидо Риццотто шел по своим делам. На улице Марсала к нему подошли два молодых парня. Один из них взял его под руку, другой приставил к голове пистолет и сказал: «Идем! Не бойся, я тебя не пристрелю! Я тебе только скажу пару слов, и ты свободен!»

Двенадцатилетний пастушок Джузеппе Летициа

оказался случайным свидетелем убийства. Он пас в это время овец. В состоянии тяжелого нервного расстройства пастушонка доставили в местную больницу Корлеоне. Там он назвал имя убийцы: Лучано Лиджо.

В больнице главный врач Наварра назначил юному пациенту инъекцию, от которой этот единственный свидетель преступления скончался. В медицинском заключении Наварра написал: «Смерть наступила вследствие паралича сердца после приступа *delirium tremens* (белой горячки.— А. С.)...» Это было не первое свидетельство о смерти с подобного рода заключением, выданное доктором-мафиозо Наварра. Слухи о причастности доктора к обоим убийствам росли. В конце концов против Наварры было выдвинуто обвинение по подозрению в убийстве.

Полиция долго не могла обнаружить никаких следов Плачидо Рицотто. А поскольку свидетели преступления отсутствовали и труп не был обнаружен, дело об убийстве не могло быть возбуждено. Примерно через два года некий Кришоне, один из двух мафиози, соznался в совершенном преступлении. Он рассказал, куда исчезла их жертва. Только после этого пожарные обнаружили скелет и остатки одежды в одной из шахт Роккабусамбры (гора в 20 километрах к северо-востоку от Корлеоне) на глубине примерно 60 метров. Этот прием — скрыть труп в шахте — мафия часто применяла при расправе со своими противниками.

21 декабря 1949 г. депутат-коммунист итальянского парламента Джанкарло Пайетта потребовал расследования этого политического убийства, но министр внутренних дел Марио Шельба прекратил все дебаты по делу замечанием: «Рицотто был убит в результате спора, причины которого следует искать в разделе кооперативной земли». Можно предположить, что «виновные в этом убийстве находятся среди товарищей Рицотты».

В конце концов истинный убийца Рицотты Лучано Лиджо был арестован. Однако перед судом предстал преступник, обвинение против которого уже ничем нельзя было доказать. Адвокат Дино Канцерони, тесно связанный с мафией, произнес в защиту Лиджо страстную речь. Он заявил, что его подзащитный не способен обидеть и муху.

И снова убийство крестьянского лидера осталось безнаказанным.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

А в Корлеоне и его окрестностях продолжали убивать. «Общество чести» во главе со своим шефом Микеле Наваррой по-прежнему действовало без всякого стеснения. Того, кто стоял на пути его интересов, безжалостно уничтожали. Эта задача чаще всего поручалась Лучано Лиджо, который в равной степени был отличным стрелком и хладнокровным убийцей. Мафиози уважительно называли его «бесстрашный».

В секретном отчете, направленном карабинерами в суд, где разбиралось дело Лиджо, этот бандит характеризовался так: «Лучано Лиджо, родился 3 января 1925 г., сын Франческо Паоло из Корлеоне, человек, способный на любое злодеяние в силу прирожденной склонности; не знает угрызений совести, не имеет никаких моральных принципов, противиться его воле опасно. Не без оснований люди считают Лиджо виновником большей части убийств, которые в последнее время произошли в Корлеоне и, согласно официальным данным, совершены неизвестным».

В этом отчете умалчивалось об одном обстоятельстве, весьма важном для уяснения сути дела: «образование убийцы» Лиджо получил в рядах «Коза ностры», в Соединенных Штатах, куда иммигрировал в конце 20-х годов вместе с родителями. Его помощником был Винсент Коллура, также прошедший «школу» у ведущих гангстеров США: в бандах Джо Профачи и Фрэнка Костелло. После высадки 7-й американской армии на Сицилии, в кильватере которой прибыла многочисленная гвардия мафиози, Коллура возвратился на родину.

Банда Лиджо была организована по образцу американских рэкетиров. В основном они «брали под охрану» транспорты скота. У того, кто не хотел платить за «услуги» банды, скот крали; другие члены банды скупали его по низким ценам и затем перегоняли на тайные скотобойни мафии в Палермо.

Лиджо, главарь «молодых львов», как называли себя его приверженцы, олицетворял молодое поколение мафии, которое противостояло «старикам» вроде доктора Микеле Наварры, действовавшего по законам и обычаям предков.

«Молодежь» начала насмехаться над пережитками традиционных мафиози. Она модернизировала устаревшие формы общения мафиози, расширила и обновила

жаргон. Вместо ветхозаветного «пиччотто» они говорили «киллер», главу «семьи» называли «боссом». Архаичную лупару они заменили автоматом, патриархальный шантаж — рэкетом. Вместо «коппола сторте», традиционного кепи, мафиози носили яркие рубашки с броскими галстуками. Они предпочитали ездить на автомобилях фирмы «Альфа-Ромео» марки «Джульетта», элегантных и скоростных спортивных машинах.

Наварра с неприязнью и затаенной злобой наблюдал за упадком священных устоев мафии. Однако до тех пор, пока каждый действовал в границах подвластной ему территории, между ним и Лиджо существовало взаимное согласие.

Тем временем полиция разыскивала Лучано Лиджо по фотографии, сделанной в 1945 г. Но откуда же ей было знать, что с помощью пластической операции бандит изменил свое лицо? В «Обществе чести» после этой операции, о которой было известно всем, он получил другую кличку — Человек Без Лица.

За помощь на суде, которую оказал ему адвокат Дино Канцерони, Лиджо вскоре представился случай оказать ему ответную услугу, так как Канцерони выставил свою кандидатуру на выборах 1958 г. от правящей партии христианских демократов.

Конечно же в Корлеоне были люди, которые по тем или иным причинам могли и не голосовать за адвоката-мафиозо. Лиджо должен был это уладить. Его парни ворвались в больницу доктора Наварры и силой получили справки о том, что их предъявители либо очень близоруки, либо вовсе слепы. В таких случаях избиратель проходил в избирательную кабину в сопровождении кого-либо. Само собой разумеется, сопровождающими были парни Лиджо, бдительно следившие за тем, чтобы в избирательных бюллетенях зачеркивались нужные фамилии. Дино Канцерони стал депутатом сицилийского регионального парламента.

ВОЗМЕЗДИЕ

В 1958 г. уже давно назревавший исподволь конфликт между Наваррой и Лиджо перешел в открытую борьбу. Все началось с того, что в центре Корлеоне выстрелом из лупары в спину был убит друг Лиджо Винсенте Коллура. И не нужно было долго ломать голову, чтобы

догадаться, что вдохновитель и подстрекатель этого убийства — доктор Наварра.

Италоамериканский гангстер Коллура отправился на тот свет вовсе не потому, что дону традиционной, «старой» мафии не нравился новый стиль банды Лиджо. Истинной причиной этого преступления было столкновение экономических интересов двух кланов. Микеле Наварра контролировал все источники водоснабжения в окрестностях Корлеоне. Это приносило мафии огромные доходы, поскольку воды на Сицилии мало и она, естественно, дорога. Когда с целью строительства в районе Корлеоне плотины был образован консорциум «Консорцио идроагриколо», Наварра ввел в это объединение своих людей, которые всеми силами стремились саботировать строительство. Проект, оценивавшийся в 45 млрд лир, предусматривал ирригацию огромных площадей в верховье и среднем течении реки Беличе.

Но Лучано Лиджо думал иначе, чем его соперник. Сооружение плотины позволило бы ему обогатиться на транспортных работах и поставках строительных материалов. Кроме того, построенную плотину необходимо было «охранять» от насильственного разрушения — разумеется, не бесплатно! Именно таким образом мафиози в далекой Америке составили себе огромные состояния, а в послевоенное время их примеру последовала молодая поросль «братства» в Палермо.

Как только у строптивного владельца разрушалось какое-либо сооружение, мафиози с невинными минами предлагали свои услуги по «защите». Молодые мафиози Сицилии быстро сообразили, что капиталистическое развитие острова, этих задворков Европы, могло принести им огромные прибыли. Поэтому-то они всеми силами поддерживали строительство фабрик, заводов, жилых домов, плотин и отелей. В отличие от них «традиционные» мафиози, которые в области сельскохозяйственного производства действовали по старинке, опираясь преимущественно на феодальные отношения, довольно медленно накапливали свое богатство.

Летом 1958 г. доктор Наварра пригласил своего соперника на мирные переговоры в покинутый пакгауз на окраине Корлеоне. Лиджо отправился к месту встречи с несколькими членами своей банды. Но как только они остановились у полуразрушенного здания склада, на них обрушился град пуль. Покушение на Лучано Лиджо, который, по планам «старой» мафии, как и его

приятель Коллура, должен был отправиться на тот свет, не удалось. Человек Без Лица был лишь легко ранен и поклялся жестоко отомстить. Подходящий случай для расплаты не заставил себя долго ждать.

12 августа 1958 г. доктор Наварра в обществе своего коллеги доктора Джованни Руссо возвращался из поездки. Дон мафии Корлеоне сидел за рулем своего «Фиата-1100». В 15 км от Корлеоне на повороте его машина чуть не натолкнулась на поставленный поперек дороги грузовик. Наварра едва успел затормозить и облегченно вздохнуть после удачного маневра, как из грузовика неожиданно раздались выстрелы. Дон мафии Корлеоне и его спутник были убиты на месте. Во время расследования полицейские эксперты насчитали 171 пулю, выпущенную из пяти автоматов по автомобилю и его пассажирам. В том, как была организована расправа, был виден стиль американских гангстеров, достойных продолжателей Альберта Анастасии.

«ОКО ЗА ОКО, ЗУБ ЗА ЗУБ»

После смерти главы «старой» мафии Корлеоне Лучано Лиджо не успокоился. Он слишком хорошо знал историю «Общества чести», чтобы не понимать, что у банды Микеле Наварры, как у гидры, тотчас отрастет новая голова. Борьба продолжалась.

6 сентября 1958 г. были убиты пять членов клана Наварры. Через некоторое время бесследно исчезли еще двое — Нино Говернате и Ванни Синьоручцу, наиболее ярые враги Лиджо. Человек Без Лица методично ликвидировал своих соперников одного за другим. Некий Анджело Венталоро был настолько напуган террором банды Лиджо, что в течение нескольких лет не решался выйти за порог дома, даже во время праздника своего святого-заступника.

Известный итальянский журналист Джорджо Бокка, которого журнал «Эуропео» традиционно, раз в год, посылал на Сицилию за репортажем о мафии, так комментировал кровавые события тех дней: «Теперь Корлеоне знает имя своего нового господина».

Неумолимый закон вендетты «око за око, зуб за зуб» повлек за собой целую серию убийств, растянувшуюся на долгие годы. В 1962 г. бесследно исчез член христианско-демократической партии, депутат городского совета

Корлеоне Винченцо Листи, которого также причисляли к друзьям доктора Наварры. Тщетно полицейские обшарили все заброшенные колодцы и шахты, облазили все горы и пещеры. Жители Корлеоне беспокоились прежде всего о себе, о своей собственной безопасности и не отваживались произносить имя Лиджо, которого полиция разыскивала вот уже более десяти лет.

23 августа 1963 г. депутат от партии демохристиан адвокат Дино Канцерони вызвал сенсацию. Во время оживленных дебатов о мафии в региональном парламенте Сицилии Канцерони, не обращавший на себя до сих пор особого внимания как политик, попросил слова. После произнесенной им речи его имя попало на первые полосы всех сицилийских и итальянских газет. Этот депутат, выбранный в 1958 г. на должность с помощью доктора Наварры и Лиджо, явно перегнул палку, заявив, что Наварра был не бандитом, а «несчастной жертвой коммунистов».

Через несколько недель, в начале сентября, полиция обнаружила в расщелине горы Бузамбра еще три трупа. Опознать в изрешеченных пулями трупах Паоло Франческо Стреву, 50 лет, Антонио Моделлу, 36 лет, и Бьяго Помиллу, 33 лет, не составило никакого труда. Стреву считали главарем клана Наварры. Двое других принадлежали к банде Лиджо.

Лишь 15 мая 1964 г. полиции удалось арестовать Лучано Лиджо в одном из домов Корлеоне. Несмотря на то что Лиджо и его защитники всячески затягивали процесс, в июне 1969 г. он вместе с 63 другими мафиози предстал перед судом южноитальянского портового городка Бари.

Во время процесса Лиджо вел себя крайне самоуверенно, и его спокойствие не было наигранным. Когда присяжные заседатели удалились в совещательную комнату, председатель огласил письмо с угрозами, полученное с Сицилии. Вероятно, оно оказало свое действие на трибунал, и 10 июня 1969 г. Лучано Лиджо был освобожден «за недостатком доказательств».

Прокурор тут же подал апелляционную жалобу. И вскоре был выдан новый ордер на арест шефа мафии. Лиджо было предложено 19 июня явиться в полицейский участок Корлеоне. Но тот и не помышлял об этом. Лишь в октябре адвокат Лиджо сообщил наконец-то властям, что его клиент находится на излечении в роскошной римской клинике «Вилла св. Маргариты».

Полицейские ежедневно являлись в больницу, чтобы удостовериться, не сбежал ли их подопечный. Выписка была назначена на 21 ноября, но уже 19 ноября бандит, оплатив счет за лечение в размере около 3 млн лир, бесследно исчез. В поиски Лиджо включились другие страны: весной 1971 г. его искали даже в США, у родственников.

Тем временем прокурор Корлеоне собрал на Лиджо новый компрометирующий материал. На судебном процессе в Бари слушалось дело об убийстве бандитом трех человек. В действительности были основания подозревать Лиджо в тридцати лично совершенных убийствах и в пятидесяти — по его приказу.

А всего после второй мировой войны в Корлеоне в результате кровавой борьбы за власть между «старой» и «новой» мафией погибло почти 200 человек.

ЛУПАРА В МОНАСТЫРЕ

Да, в отношении гигиены мы несколько отстали, но преступность и нищета у нас такие же, как и в других районах страны. Что же касается упадка нравственности и морали, то на севере с этим дело обстоит куда хуже.

Кардинал Эрнесто Руффини, епископ Палермо

Говорят, что на Сицилии бедность — гость, но место ее постоянного жительства — Мадзарино. На окраине унылого маленького городишки с 19 тыс. душ находится старинный монастырь, обитель капуцинов. Его полуразвалившееся здание мало чем отличается от остальных построек в городе. Большинство жителей неграмотны и не имеют работы. Ежедневно там раскупается лишь 80 экземпляров газет.

Как ни странно, именно монастырь принес широкую известность этому ничем не примечательному городку, хотя монастырь на острове — явление обычное. Так же как и повсюду, члены этого ордена носят грубошерстные коричневые сутаны с остроконечными капюшонами и сандалии на босу ногу. Римско-католическая церковь насчитывает 15 тыс. братьев, принявших торжественный обет нищенствования, отказавшихся от своих мирских имен и обрекших себя на строгую аскетическую жизнь. Однако нищенствующая братия Мадзарино занималась вполне мирскими делами, внушительные доходы от которых переводила в банк на свои мирские имена.

В 1956 г. четыре «солдата Христа»: Кармело, Витторио, Агриппино и Венанцио — пожелали увеличить свое благосостояние. К ним присоединился член ордена, не являющийся, правда, духовным лицом, — монастырский садовник Кармело Ло Бартоло, который поддерживал связь с одной из банд мафии.

«Пробой сил» явилось дело, связанное с вымогательством денег у настоятеля их же ордена, патера Константино. С невинным видом отец Агриппино вошел к настоятелю ордена и рассказал, будто на улице его остановили двое бандитов и угрожали взорвать монастырь и убить самого патера Константино, если тот не выплатит из монастырской казны 200 тыс. лир. Священник и не подумал обращаться за помощью в полицию, а тем более к богу. Он заплатил и сохранил молчание.

Как истинный сицилиец, он знал мафию и уважал омертá.

ПАТЕР КАРМЕЛО СЛУЖИТ ПАНИХИДУ

После этого происшествия у отцов церкви уже не хватало времени на благочестивые упражнения. Они служили «Обществу чести» письмоносками и кассирами. В ноябре 1957 г. 72-летний землевладелец Анджело Каннада получил письмо. В нем говорилось: «Если вы не передадите нам 10 млн лир, мы не поручимся за жизнь вашей жены и вашего ребенка. Не советуем также обращаться в полицию. В этом случае мы оплатим вам очередь из автомата».

Каннада не заплатил. Он вообще никак не отреагировал. Люди утверждали, что его удержала лишь необыкновенная жадность. Спустя неделю Каннада получил еще одно письмо: «Если в течение трех дней вы не выплатите нам 10 млн лир, то мы с вами расправимся. Означенная сумма должна быть передана отцу Кармело».

Анджело Каннада отлично знал этого почтенного 80-летнего капуцина. Вот уже несколько десятков лет Кармело читал проповеди в его частной церкви и был духовным отцом всей семьи Каннады.

На ближайшей исповеди землевладелец сообщил о наглом требовании, которое ему предъявили бандиты. Кармело посоветовал ему заплатить требуемую сумму и призвал к смирению.

Землевладелец все же не прислушался к «голосу разума» и отказался платить деньги. Как последнее средство патер Кармело послал к нему домой отца Венанцио, снискавшего в округе славу блестящего проповедника. Но и тому не удалось переубедить Каннаду, верившего в силу закона.

Тогда мафиози и их пособники из монастыря решили, что наступило время прибегнуть к более радикальному способу воздействия. 28 мая 1958 г. Каннада со своей женой и сыном возвращался с загородной прогулки. Неожиданно дорогу перегородили три бандита, лица которых были скрыты под натянутыми на них чулками. Каннада пытался кричать. Бандиты объявили ему, что за непослушание мафии он должен понести наказание, и в качестве «последнего предупреждения» выстрелили

в него из лупары. Заряд крупной дроби, выпущенный с близкого расстояния, буквально разорвал мягкие ткани строптивного землевладельца. Когда жена и шофер подбежали к раненому, он лежал в луже крови. Не доехав до больницы, Канныда скончался.

Для близких родственников достопочтенный патер Кармело отслужил панихиду по покойному, спасение души которого было доверено ему. После заупокойной мессы патер Кармело обратился к вдове Канныды: «Теперь ты должна заплатить требуемую сумму. Либо 10 млн, либо жизнь твоего сына».

Забываясь о жизни своего ребенка, вдова Канныды начала торговаться с монахом-мафиозо. Она показала Кармело конторские книги и убедила вымогателя в том, что в состоянии выплатить всего 3 млн лир. Кармело получил означенную сумму в рассрочку — в течение шести месяцев по полмиллиона лир. Седовласый пастырь божий еще раз «заботливо» предостерег вдову: «Не рекомендую записывать номера банкнот, иначе ты знаешь, что произойдет».

«ДОЛЬЧЕ ВИТА»¹ МОНАХОВ

Следующей жертвой шантажа монахи из мафии выбрали Анджело Сапио — губернатора Ликаты и родственника Канныды. Убийство землевладельца настолько напугало губернатора, что он не отважился отказать в требуемой сумме. Он даже сам отнес деньги в монастырь. Кармело похвалил его: «Сразу видно, что вы человек умный. Если бы мы с вами раньше были знакомы, ваш родственник не умер бы так рано».

Патер Агриппино, исповедуя сестру аптекаря Калоянни из Мадзарино, предупредил ее, что неизвестный требует от аптекаря 3 млн лир, которые необходимо вручить ему, отцу Агриппино, как посреднику. Перепуганная женщина прибежала домой и рассказала все брату, но тот сердито отмахнулся.

Через две недели аптека Калоянни неожиданно загорелась. К счастью для аптекаря, огонь удалось вовремя погасить. Спустя несколько дней в аптеке появился отец Агриппино в сопровождении другого монаха, отца Венанцио. И поскольку самого Калоянни они не застали, то повели разговор с его сестрой: «Почему твой

¹ Dolce vita (итал.) — сладкая жизнь. (Прим. пер.)

брат до сих пор не заплатил деньги? Разве пожар ничему его не научил? Теперь он может поплатиться головой».

После этих угроз Калоянни испугался и заплатил. Однако он не смог удержаться от того, чтобы напоследок не прорычать: «Ваш монастырь — бандитское гнездо!»

То, что было аптекарем сказано вслух в порыве гнева, давно уже было известно жителям Мадзарино. Дошли эти слухи и до начальника местной полиции ди Стефано. Убийство крупного землевладельца Каннады все же вывело полицию из спячки. Тем не менее расследование дела наталкивалось на невидимую стену молчания.

Начальник полиции Мадзарино попытался внимательно проанализировать упорные слухи. Считалось, что монахи-капуцины питались лишь скудными пожертвованиями и плодами монастырского сада. В скором времени ему удалось установить, что отцы церкви владеют внушительными банковскими счетами и акциями различных компаний. Разными путями они приобретали землю, перепродавали ее, торговали скотом и под огромные проценты ссужали деньги.

За последние сто лет сицилийская история знала достаточно примеров нечестивых дел, совершенных монахами. «Монахи-разбойники» действовали как настоящие бандиты с большой дороги, нападая на крестьянские хутора. В горном местечке Стефано, например, жители были вынуждены прибегнуть к самообороне, с оружием в руках отражая разбойничье нападение монахов бенедиктинского монастыря, которое стало темой разговоров еще раз в 1923 г. Однажды монах-мафиозо отсек голову настоятелю монастыря, который одновременно был и главой мафии данной местности. В 1945 г. монах из «Общества чести» пристрелил епископа из Агридженто.

Как-то ди Стефано получил анонимное письмо, в котором сообщалось о вымогателях в сутанах и невероятных делах, творившихся за монастырскими стенами. В нем также сообщалось, что под сутанами монахи носят оружие. Отец Гульельмо каждый вечер стрелял в окно из пистолета. Другой монах повздорил с приором ¹ Кармело и был изгнан из монастыря. Анонимный

¹ Настоятель католического монастыря. (Прим. пер.)

доброжелатель, очевидно монастырский служитель, наблюдал, как опальный монах, прежде чем покинуть стены монастыря, тщательно упаковал в саквояж автомат.

Согласно уставу, монахи должны были строго придерживаться обета целомудрия. Как установил ди Стефано, по ночам в монастырь постоянно приходили женщины. Более того, отцы церкви занялись бойкой торговлей порнографией. У них имелась обширная клиентура. Ди Стефано арестовал одну служанку, на квартире которой было обнаружено внушительное собрание непристойных фотографий. Как сообщали газеты, остроумно комментируя этот арест, любой сутенер Палермо лопнул бы от зависти, увидев столь богатую коллекцию порнографических открыток.

Попахивало крупным скандалом, однако ди Стефано не отважился начать действия против монастырской братии, не располагая вескими доказательствами их вины. К тому же он слишком хорошо знал обстановку на острове и силу духовенства и мафии. Анонимное письмо ни один суд не признает в качестве вещественного доказательства вины, а живого свидетеля в этом случае ему вряд ли удалось бы найти. Ди Стефано оставалось только надеяться, что случай поможет начать судебное расследование. Еще год продолжались бесчинства монахов-разбойников, пока наконец эта возможность у шефа полиции Мадзарино не появилась.

СМЕРТЬ МОНАСТЫРСКОГО САДОВНИКА

В конце мая 1959 г. три мафиози совершили покушение на полицейского Джованни Ступпия. К счастью, он остался жив и назвал тех, кто в него стрелял. Как выяснилось, монахи обратились к нему с обычными угрозами, требуя 40 тыс. лир, но вместо этого Ступпия доложил о случившемся начальству и начал самостоятельное расследование. Ди Стефано задержал трех крестьян: Джузеппе Салеми, 40 лет, Джироламо Адзолина, 28 лет, и Филиппо Николетти, 23 лет, а затем добился приказа на арест четырех монахов: Кармело, Витторио, Агриппино и Венанцио. При обыске, произведенном в монастыре, были найдены лупары и пишущая машинка марки «Оливетти». Экспертиза шрифта показа-

ла, что письма с угрозами печатались именно на этой машинке.

Пятому преступнику, монастырскому садовнику Ло Бартоло, удалось своевременно скрыться. Его прятали в монастырях монахи-капуцины. В Генуе Ло Бартоло почувствовал себя в безопасности настолько, что стал свободно разгуливать по городу. Это легкомыслие ему обошлось дорого. Он был опознан и возвращен на Сицилию. Под сильной охраной, в наручниках Ло Бартоло был доставлен в провинциальную тюрьму Кальтаниссетты недалеко от Мадзарино.

Ло Бартоло хранил молчание и... сохранил его навсегда. Он унес навечно в могилу свою тайну. В июле 1959 г. Ло Бартоло был найден в камере повесившимся. В заключении о смерти тюремный врач написал: «Самое убийство посредством повешения». Однако в это никто не поверил.

Один из монахов-разбойников, патер Венанцио, из тюрьмы писал своему монастырскому брату в Мадзарино: «Теперь дела пошли лучше. Нет больше опасности ни для меня, ни для остальных». Нынче всю вину можно свалить на покойного монастырского садовника. Живой Ло Бартоло не подходил для роли грозного и опасного преступника.

ПРОЦЕСС В МЕССИНЕ

Четыре монаха-капуцина сидят на скамье обвиняемых в старинном зале Дворца правосудия в Мессине. Обвинение: организация банды, соучастие в убийстве, в покушениях на убийство, вымогательства.

На слушание дела четырех «солдат Христа» и их трех мирских пособников, состоявшееся весной 1962 г., итальянские и иностранные газеты прислали более ста специальных корреспондентов. Даже для Сицилии этот процесс был подлинной сенсацией.

Бросались в глаза раболепие, с которым карабинеры, одетые по этому случаю в парадную форму, встречали монахов-разбойников, и предупредительность, с которой судьи обращались к преступникам в рясах. Монахов защищали известнейшие адвокаты: профессор Карнелутти, член христианско-демократической партии, хвастливо заявивший репортерам, что не возьмет за свои труды ни одной лиры, и бывший президент Сицилийского региона Алесси, о котором в кулуарах говори-

ли, будто ранее он неоднократно совершал в Мадзарино «благочестивые паломничества». Во время процесса в коридорах суда толпилось необычно много монахов-капуцинов и князей церкви. Присутствовавшие в зале одобрительным шепотом сопровождали все выступления защитников.

Католическая церковь и мафия безраздельно правили на Сицилии, на итальянском же «сапоге» любой судья или государственный служащий, даже если он был противником мафии, превыше всего ставил власть церкви. Как бы восприняло население Юга Италии разоблачение монахов и тем самым всего ордена? Во всяком случае духовенство и клерикальная христианско-демократическая партия не были заинтересованы в скандале.

Монахи избрали ловкую тактику. Они заявили, что истинным преступником является монастырский садовник Ло Бартоло, покончивший с собой, чтобы уйти от ответственности. Он один знал подлинных подстрекателей. И он принудил четырех монахов играть роль письмоношцев и сборщиков денег. Монахи же были невинными жертвами этого коварного преступника.

Обвиняемые Николетти, Салеми и Адзолина на суде ничего не могли вспомнить. На вопросы судьи они отвечали: «Я не знаю!», «Никого не узнаю!», «Я забыл!»

Омерта заставляла подсудимых молчать.

Монастырский служака Николетти, уже сознавшийся в своих преступлениях, отказался от части данных показаний. Признав свою причастность к убийству Каннады и покушению на полицейского Ступпия, он отказался назвать остальных участников. В дальнейшем Николетти попросил, чтобы допросы происходили при закрытых дверях. «Я боюсь,— сказал он,— что меня постигнет участь Ло Бартоло. Я не хочу окончить так же, как он».

«Этим вы хотите сказать, что Ло Бартоло был кем-то убит?» — спросил председатель суда.

«Нет, этим я ничего не хочу сказать. Я ничего не знаю. Единственное — я опасаюсь за свою жизнь и за жизнь своей семьи. Ло Бартоло мертв — вот все, что мне известно».

К этому патер Кармело многозначительно прибавил: «У нас, в Мадзарино, так заведено: кто говорит, тот умирает. Кто не говорит, тот остается жить».

Когда судья выразил недоумение, Кармело удивлен-

но воскликнул: «Господин судья, вы, собственно говоря, в каком мире живете? Разве вы не знаете Сицилии?»

Известно ли было членам суда, что рука мафии настигала неугодных людей даже в тюрьме? Незадолго до процесса над «фрати бандити» из Мадзарино итальянская пресса поведала о судьбе одного молодого сицилийца, который по приказу верховного суда «Общества чести» в декабре 1961 г. в течение восьми дней замучил до смерти в своей камере двенадцать человек. А судьба Гаспара Пишотты — убийцы Сальваторе Джулиано?

Однако судебная комедия продолжалась. Главные свидетели обвинения: вдова убитого Анджело Каннады и ее брат — отказались от дачи свидетельских показаний. За несколько дней до вынесения приговора вдова отклонила иск с требованием о возмещении ущерба. Более того, она послала в суд телеграмму, в которой отказывалась от заявлений, сделанных защитником от ее имени. В этой телеграмме, зачитанной во время заключительного заседания, она опровергала утверждения, будто по отношению к ней делались «попытки оказать давление извне», что мафия преследовала ее наглыми требованиями о выдаче денег, и заявляла, что она убеждена в невиновности отцов церкви.

Другие свидетели из Мадзарино также отказались от своих показаний, когда мафия напомнила им о себе. Именно так повел себя аптекарь Калоянни. Он явно не хотел, чтобы его аптеку еще раз подожгли. В гараже офицера карабинеров, отдавшего приказ об аресте монахов, взорвалась бомба. У свидетеля Антонио срезали виноградные лозы, срубили десятки оливковых деревьев, искалечили трех быков. Преступники оставили записку следующего содержания: «На будущее подумай, что говорить полиции. Помни: ты ничего не видел!»

Расследование длилось три месяца. Судебный процесс закончился вынесением приговора, который заранее предсказывали многие обозреватели: крестьяне Салеми и Анзолина получили по 30 лет тюрьмы, Николетти был приговорен к 14 годам, а «солдаты Христа» — оправданы.

Когда председатель суда объявил приговор, на скамьях для зрителей, среди которых присутствовало значительное число высокопоставленных духовных лиц, разразилось неистовое ликование. В тот же день монахи

были освобождены из-под стражи и с триумфом возвратились в свою обитель.

Они снова служили мессы, совершали богослужения. Они продолжали исповедовать верующих Мадзарино и его окрестностей и отпускать им грехи.

В своей обвинительной речи прокурор ди Джакомо нарисовал потрясающую картину отсталости на Сицилии, всеобщей неграмотности, в результате чего батраки попадали в руки мафии. «Общество чести» он охарактеризовал как «позор Сицилии и всей нации», а монастырь капуцинов в Мадзарино назвал «центром банды вымогателей и убийц». Однако все это не возымело действия. При вынесении приговора монахам-мафиози суд основывался на «вынужденной необходимости», не обращая внимания на такую, казалось бы, явную улику, как внушительные банковские счета у монахов нищенствующего ордена.

И все же судебный процесс взволновал общественность страны. Приговор в пользу скомпрометировавших себя церковников вызвал бурю возмущения. Два прокурора подали апелляционную жалобу, юридический советник судебных заседателей также потребовал пересмотра приговора.

Еще раз о преступлениях монахов-капуцинов из Мадзарино, описание которых заполнило десять объемистых папок по триста — четыреста страниц каждая, пресса заговорила летом 1963 г. На повторном процессе монахов защищали 15 адвокатов. Обвинительная речь прокурора продолжалась шестнадцать часов. Опираясь на факты, он доказал, что монахи не жертвы, а подлинные организаторы преступлений. Суд присяжных заседателей совещался в течение двенадцати часов, прежде чем утвердил окончательный приговор: Кармело, Агриппино и Венанцио — по 13 лет тюремного заключения. Лишь отца Витторио и на этот раз не удалось упрятать за решетку: вина его не была доказана. После объявления приговора друзья, родственники и единомышленники осужденных в ярости кричали: «Убийцы! Вы засадили в тюрьму невинных!»

Церковники не смирились с поражением. В феврале 1965 г. адвокатам «фрати бандити» удалось добиться в Верховном суде отмены приговора. В силе остался лишь приговор против мирян, осужденных на сроки от 14 до 30 лет тюремного заключения.

ЗАБОТА О ДУШАХ ГАНГСТЕРОВ

В послевоенное время американские власти широко практиковали высылку из США гангстеров итальянского происхождения в Италию. Поскольку считалось, что организованная преступность была импортирована в Соединенные Штаты, то подобные мероприятия, как казалось, позволят покончить с преступностью в стране. Однако такие боссы мафии, как Чарлз Лучано, Ральф Лигуори и Джо Адонис, если и обдeldывали свои темные делишки с контрабандой наркотиками и сигаретами, то через подставных лиц. Из далекой Италии они продолжали направлять деятельность «Коза ностры».

Среди депортированных мафиози было много мелких гангстеров, не успевших скопить на «черный день». Патер Бландино делла Кроче хотел помочь им при «акклиматизации» на вновь обретенной родине. До этого отцу церкви уже приходилось обихаживать преступников. Этот бывший армейский священнослужитель после 1945 г. заботился об итальянских военных преступниках, осужденных англичанами и американцами. Чтобы подчеркнуть свои симпатии, патер украсил келью в одном из монастырей под Римом двумя тяжелыми кольцами.

Отца Бландино огорчала не ужасающая нищета итальянских безработных, а судьба безработных убийц, депортированных из США, которые не могли адаптироваться к «тяжелым и непривычным» для них условиям существования в Италии и постоянно искали пути нелегального возвращения в Соединенные Штаты. В большинстве случаев это осуществлялось через мексиканскую границу. Другие гангстеры искали связей с итальянским преступным миром.

Патер Бландино обратился за помощью к Лучано и другим состоятельным мафиози. Лучано связался с миллионерами-мафиози в Америке, и вскоре от анонимных адресатов начали поступать первые пожертвования. Высшее общество Рима также открыло свои сердца не занятым работой, «нуждающимся» гангстерам. Фоторепортеры засняли герцогиню Марию Терезию Пуччини в тот момент, когда она передавала патеру Бландино чек в фонд помощи преступникам. На солидные пожертвования энергичный патер основал клуб для депортированных гангстеров.

Изгнанные из США преступники, разумеется, при-

хватили с собой и «орудия производства». Какой же специалист по доброй воле расстанется со своим инструментом? Позднее полиция выявила скандальный факт: из-под крова, предоставленного патером-благотелем, бандиты неоднократно совершали свои разбойничьи налеты. Полиции пришлось ликвидировать бандитское гнездо.

СЕМНАДЦАТЬ РУК СВ. АНДРЕА

Мафия монастыря Сан Джованни Ротондо, расположенного неподалеку от Фоджии в области Апулия, открыла источник дохода особого рода. В этом монастыре жил патер Пио, о котором шла молва, будто на его теле появлялись кровавые рубцы, стигматы,— символ ран распятого Христа. «Общество чести» умело использовало глубокую религиозность католического населения Италии, и, разумеется, в первую очередь веру в святую силу человека со стигматами. Много, очень много больных и страдающих неизлечимыми недугами людей желало приобщиться к чуду, творимому патером Пио. Несчастные шли толпами.

Бизнес процветал. Строились отели и рестораны, которые принимали толпы паломников. Генеральным застройщиком была мафия. Цены на жилье также диктовались ею. Желавшие присутствовать на мессе, которую служил патер Пио, сутками ожидали своей очереди; жаждавшие исповедоваться отцу-чудотворцу вынуждены были записываться в очередь. Тот, кто располагал достаточными средствами, через агентов святого отца мог выторговать себе поблажки. Бедные паломники за скромную плату также могли сократить срок ожидания, но таких приводили в темное помещение, где «чудо» почти в кромешной тьме демонстрировал подставной «святой Пио». Можно было приобрести грампластинки, на которых были записаны молитвы и мессы монаха, сохранявшие, по заверению авторитетных отцов церкви, чудодейственную силу. И наконец, верующие могли приобрести окровавленный марлевый бинт от ран патера Пио. Находчивые репортеры купили эти «святые реликвии» и в лаборатории произвели химический анализ. Ввиду того что обгаренные кровью бинты измерялись сотнями метров, они, естественно, заподозрили обман. Результаты исследований для верующих Италии были подобны разорвавшейся бомбе. Марля

была пропитана... куриной кровью! Этот скандал вызвал такое возмущение, что церковные власти вынуждены были для успокоения обманутых начать расследование.

Бизнес на реликвиях и различных атрибутах, сопровождавших церковные богослужения, мафия открыла уже давно. Она владела безраздельной монополией на продажу церковных свечей, образков, статуэток и других реликвий. С помощью гангстеров, возвратившихся на родину из Соединенных Штатов и овладевших в этой высокоразвитой стране капиталистическими методами наживы, мафия завоевала новые рынки сбыта в Южной и Северной Америках.

Газета «Ла Ора» опубликовала интересные статистические данные, относящиеся к реликвиям, которыми торговали мафиози: существовало 17 рук св. Андреа, 13 рук св. Этьена, 12 рук св. Филиппа, 10 рук св. Теклы, 60 пальцев Иоанна Крестителя и 40 голов св. Юлиана! В США было экспортировано 20 комплектов доспехов Жанны д'Арк и такое же число монашеских одежд св. Франциска Ассизского, а также 50 четок св. Бернадетты. Особую ценность среди них представлял посох Моисея, опираясь на который он вывел детей Израиля в землю обетованную.

В октябре 1965 г. монах-капуцин отец Антонио из монастыря Альбано близ Рима был изобличен как компаньон контрабандистов сигаретами. Ватикан был вынужден принять меры, чтобы предотвратить лавину скандалов. Папа Павел VI назначил комиссию по инспектированию монастырей с целью выявления связей церковных служащих с мафией и другими преступниками.

Как бы ни протекало расследование дела церковной мафии, в церковном или гражданском суде, с уверенностью можно было предсказать заранее: они не принесут ничего нового по сравнению с результатами расследований преступлений мафии в области экономики. Слишком тесно «Общество чести» срослось с правящими кругами Сицилии и Италии. Мафию нельзя было уничтожить, не сотрясая до основания устоев этого порядка.

ВОЙНА БАНД В ПАЛЕРМО

Журналист. Правда ли, что городское управление Палермо позволило мафии установить контроль над строительством?

Губернатор. Если вас интересует, действует ли мафия в строительстве с таким же успехом, как и мафия, занимающаяся городскими парками, водоснабжением, рынками и даже кладбищами, то должен ответить, что мафия на этом острове процветает повсюду, где отношения между производителем и потребителем требуют посредников.

Из материалов пресс-конференции, данной членом христианско-демократической партии, губернатором Палермо доктором Сальво Лимой в июле 1963 г.

Владелец бара Гаэтано Галатоло терпеливо ждал за дверью. Его телохранитель Джузеппе Ликандро, сицилийский гангстер «американской школы», осторожно вышел из дома и внимательно осмотрелся вокруг, нет ли опасности. Через несколько минут он подал своему шефу условный знак. Однако не успел дородный Галатоло захлопнуть за собой дверь, как на улицу вырулил на большой скорости черный лимузин. Галатоло замертво рухнул под залпами, прогремевшими из мчащегося автомобиля.

Шеф банды «Святая вода» портового квартала Палермо, причисленный к «новой» мафии, был убит. Крупнокалиберная дробь из лупары буквально разорвала его тело. Орудие убийства ни у кого не вызвало сомнения в принадлежности убийц к «старой» мафии. Преступление, происшедшее июльским днем 1956 г., было выполнено в традиционной манере. Оно положило начало беспощадной борьбе между двумя бандами за господство.

Конфликт разразился после того, как городское управление Палермо решило снести старое, полуразвалившееся здание рынка в районе городского парка и открыть в портовом районе Аквасанта («святая вода») новый рынок. Вместе с торговцами овощами и фруктами сюда переселились и мафиози старого рынка. Они и здесь рассчитывали взимать «налоги» с каждого апельсина, каждого помидора, каждого мешка картофеля. Однако в Аквасанте господствовала банда «новой» мафии под руководством Галатоло, называв-

шая себя бандой «Святая вода». Она не собиралась терпеть на подвластной ей территории никаких конкурентов. Эта банда сама хотела взять под контроль новый рынок и «взимать налог» с торговцев. Но и «старика» не намерены были уступать. Убийством Гаэтано Галатоло они сделали заявку на то, что будут до конца отстаивать свои старые права на эту отрасль бизнеса.

Ответный удар не заставил себя долго ждать. Убийцы из банды «Святая вода» начали с преследования телохранителя своего шефа. Предать шефа мог только он. Вскоре в Северной Италии полиция обнаружила его труп. Незадолго до убийства изменника некий Кристофоро ди Каккомо, один из лидеров «старой» мафии; действовавшей во фруктово-овощном секторе, поплатился жизнью в кровавом споре соперничающих банд.

Затем последовал новый обмен ударами. Был убит Джузеппе Греко, представитель «старой» семьи мафии. Несколько дней спустя в могилу за ним последовал его зять Парарополи. Поскольку сферы интересов пересекались не только в области экономики, борьба за власть начала разрастаться и вскоре охватила почти все «семьи» мафии Палермо.

ШУТКА ДЯДИ НИНО

В Виллабате, предместье Палермо, как абсолютный монарх царил глава мафии Антонио Коттоне, посвятивший себя вместе со своим приятелем Лучано Лиджо доходному бизнесу — торговле скотом. Он был владельцем нескольких скотобоев, а на его счету в банке значилось 2 млрд лир. Дядя Нино, как его еще называли, часто ездил в Нью-Йорк, где встречался с боссом «Коза ностры» Джо Профачи. Иногда Коттоне переговаривался со своим заокеанским приятелем по телефону.

Но вскоре его благополучие пошатнулось: в Виллабате появилась еще одна «семья» мафии во главе с Джузеппе ди Пери, успевшим составить солидное состояние на контрабанде сигаретами. Он не упускал случая похвалиться своими деньгами и властью, что сильно раздражало Нино Коттоне, действовавшего в старых традициях мафии. Он решил поставить на место зарвавшегося выскочку.

Однажды подручные ди Пери контрабандой провезли семьдесят ящиков сигарет и спрятали их в укром-

ном местечке. Когда на следующий день они собрались переправить товар дальше, ящиков не оказалось. Ди Пери прослышал, что кражу совершили люди из банды Коттоне. Едва сдерживая себя, ди Пери пожаловался своему конкуренту на совершенный грабёж. Коттоне сухо выслушал его и обещал разобраться.

И действительно, через некоторое время большинство ящиков были «найжены» и возвращены ди Пери. Однако вскоре в помещение, где были спрятаны ящики с сигаретами, неожиданно нагрянули четверо полицейских и конфисковали контрабанду.

Когда после этого неожиданного налета мафиози «семьи» ди Пери пришли в себя и пораскинули мозгами, что к чему, их осенила догадка. Впрочем, Коттоне и не запирался, наоборот, он со всеми подробностями рассказывал всем, как одел четырех своих парней в полицейскую форму и обвел вокруг пальца людей ди Пери.

Сигареты исчезли, на этот раз безвозвратно. Джузеппе ди Пери было нанесено еще и оскорбление: покусились на его «авторитет», а этого мафиозо снести не мог.

22 августа 1956 г. Нино Коттоне постигла участь, которую в тот день разделили многие мафиози из «Общества чести». Убийцу звали Анджело Галатоло, он был братом владельца бара. «Старая» мафия разыскала его в течение суток. А полиция в это время только лишь строила предположения о возможном преступлении. «Пиччотто» разрядил лупару прямо в лицо Галатоло.

26 августа 1956 г. погиб капо портовой мафии и друг Коттоне Никола д'Алесандро. Затем «старая» мафия снова пустила в ход лупару. На этот раз покушение было совершено на Джузеппе ди Пери, однако тот выжил. Раненый капо пытался уйти за пределы досягаемости «старой» мафии, бежав в Северную Италию. Три дня спустя после первого покушения выстрелы из лупары все-таки настигли его на озере Комер. Теперь «пиччотти» не промахнулись, и Джузеппе ди Пери был убит.

БИЗНЕС НА ГРОБАХ

Каждый житель Палермо знал, что мафия делала деньги даже на покойниках. «Общество чести», опекавшее сицилийцев в течение всей их жизни, не покидало их и на пути в могилу.

Похоронное дело в Палермо контролировал мафиозо Кармело Наполи. Изготовление гробов производилось на виа деи Кладереи, Дишеза деи Джудичи, Руа Формаджи и виа дель Патичелло. Эти фабрики принадлежали трем крупнейшим предпринимателям: Николо Витрано, Антонио Тринке-старшему и Антонио Тринке-младшему. С помощью «Общества чести» эти дельцы имели постоянный рынок сбыта и всячески препятствовали всем, кто пытался проникнуть в сферу их бизнеса.

По сей день в Палермо рассказывают историю об одном гробовых дел мастере, который по своей наивности решил противостоять трем китам похоронного дела. Он установил пониженные цены на услуги — клиенты появились сразу же. Однако первый его заказ стал и последним. Все началось с того, что не явились носильщики. Когда наконец была найдена замена и траурная процессия двинулась в путь, носилки внезапно развалились, и гроб с покойником, к ужасу родственников и знакомых усопшего, грохнулся на землю. Несмотря на это, процессия все же добралась до церкви. Правда, церемонию отпевания пришлось довольно долго ждать, поскольку ни священника, ни его помощников не оказалось на месте. Доставленный в церковь священнослужитель извинился, сказав, что его предупредили по телефону, будто похороны откладываются на день. После отпевания процессия двинулась по направлению к кладбищу, и все были уверены в том, что роковые сюрпризы позади, как вдруг взорвалась петарда. Лошадь испугалась и понесла вместе с катафалком. После долгих усилий ее все же удалось усмирить и доставить гроб к могиле, у которой ошарашенные родственники узнали, что в ней незадолго нашел уже последнее пристанище другой покойник. Когда в конце концов гробовщику удалось все же опустить гроб в могилу, он понял, что вместе с ним в этот день похоронил и свое дело.

Другие мелкие предприниматели, работавшие в этой области, поступали умнее. Они договаривались с Витрано и Тринкой об уплате за каждое погребение определенной суммы. Они не поднимали шума из-за того, что люди мафии после погребения обыкновенно забирали с могилы цветы и венки и вновь продавали их, но уже в своих бюро.

Продажа «табутти», как на сицилийском диалекте называют гробы, давала еще один побочный приработок мафиози. Гробы реализовывались не только в Палермо,

они доставлялись и в близлежащие окрестности. Поэтому их ловко приспособили для транспортировки «горячего товара». В гробах с дырочками для вентиляции переправлялись в более безопасные места те, кого разыскивала полиция.

С некоторых пор Кармело Наполи стал проявлять интерес кроме «табутти», цветов и кладбищ к торговле скотом, сулившей большие барыши. Но эта отрасль уже давно контролировалась бандами мафии. Столкновение с ними было неизбежным.

Однажды пропала любимая собака Наполи. День спустя на его имя пришел пакет. В нем была голова собаки. Кроме листка бумаги с традиционной угрозой о смерти в пакет был вложен конверт с траурной рамкой. Внутри его находилось извещение о смерти: «С глубоким прискорбием извещаем о кончине нашего дорогого друга Кармело Наполи».

Теперь он, объявленный умершим, выходя вместе со своим телохранителем из дома, предпочитал многолюдные улицы города. Обычно Кармело пил кофе в кафе-экспресс рядом с префектурой. Именно там в июле 1956 г. его настиг неумолимый рок. Из «фиата» сквозь витрину автоматными очередями было обстреляно кафе. Кармело Наполи был убит наповал, а с ним и старик, случайно в этот момент оказавшийся рядом.

Полиция немедленно перекрыла все улицы квартала. Тем не менее и на этот раз ей не удалось обнаружить ни малейших следов убийц. Другьям мафиозо Кармело Наполи повезло больше. Они разыскали убийцу и линчевали его. Полиция опознала обезображенный труп. Убитого звали Вито Френна. Он принадлежал к «семье» мафии, державшей под контролем кладбища, городские парки и скверы.

В лето 1956 г. смерть собрала богатую жатву среди мафиози. Более 70 человек из «Общества чести» отправились на тот свет. Для принятия решительных мер потребовалось вмешательство верховного совета мафии. Доны и капи заключили перемирие. Убийства привлекали внимание. Дальнейшие кровопролития могли вызвать ответные меры полиции.

КАК СТАТЬ ГУБЕРНАТОРОМ

В начале 50-х годов в Палермо сперва медленно, а затем как грибы после дождя начали расти различного рода

здания, возвышаясь над старыми дворцами и виллами богачей. Казалось, со своей высоты они высокомерно взирают на убогие хижины, в которых прозябала почти четвертая часть 600-тысячного населения города. Небоскребы и дворцы из стекла и бетона, великолепные виллы были символами экономического подъема Сицилии, который североитальянские концерны и иностранные монополии использовали в целях обогащения. Бедняки по-прежнему оставались сторонними наблюдателями итальянского «экономического чуда», которое, по слухам, достигло и их острова.

Сразу резко поднялись цены на земельные участки, а с ними — и арендная плата, комиссионные сборы и расходы на строительство. Спекуляции земельными участками привлекли авантюристов из мафии. Счет здесь шел не на тысячи и даже не на десятки или сотни тысяч, а на миллионы и миллиарды лир.

В 1956 г., в разгар борьбы за власть в мафии, начал свою карьеру один молодой служащий — само собой разумеется, член христианско-демократической партии. Доктор Сальво Лима стал ассессором¹ в управлении общественных работ города Палермо. Отсюда он мечтал перебраться в губернаторское кресло. Лима методично укреплял свою власть, а также связи и деловые отношения. Таким образом, спекулянты из мафии первыми получали разрешения на строительство, лицензии и кредиты.

В те годы бурно развивался бизнес одного из шегов мафии Палермо, Паоло Бонта, или дона Паолино. Во время похорон дона Калоджеро Виццини, патриарха мафии, Бонта шел рядом с его бесспорным преемником Дженко Руссо. В 1945 г. Бонта сблизился с депутатом-монархистом Эрнесто Пиветти и открыл несколько клубов, в которых аристократы-бездельники могли проводить время за азартными играми. Почуввав, что монархисты теряют политическое влияние, Бонта переориентировался на более перспективную, по его мнению, христианско-демократическую партию. Этого он добился без труда. Его кузина Маргарита Бонтаде, председательница женского патриотического католического союза, депутат парламента от христианско-демократической партии и протезе кардинала Руффини, проложила Бонте дорожку и к доктору Сальво Лиме, чтобы мафио-

¹ В Италии кандидат на административную должность. (Прим. пер.)

зо мог заняться спекуляцией земельными участками. Свои прибыли Бонта вкладывал в основном в крупные промышленные фирмы вроде «Электроника сикулла», значительное число акций которой принадлежало американцам. Когда Всеобщая итальянская конфедерация труда (ВИКТ), во главе которой стояли коммунисты и социалисты, в 1959 г. решила выставить своих кандидатов на выборах в производственный совет «Электроника сикулла», Бонта приложил все силы, чтобы имена представителей ВИКТ не были внесены в избирательный список. Возмущенным рабочим директор завода резонно заявил: «Паоло Бонта помогает нам, без него у нас не было бы ни воды, ни земли, чтобы расширить производство и занять безработных».

Среди мафиози, приобщившихся к крупному бизнесу, был и некий Вассалло. Прежде чем начался головокружительный взлет его карьеры, позволившей ему встать в один ряд с крупнейшими людьми города, он торговал фуражом. Вассалло получил от местных банков и кредитных обществ кредит в 4 млрд лир. Даже Национальный банк предоставил ему кредит без обеспечения каких-либо гарантий. Вассалло сдавал в аренду административному управлению провинции школьные помещения, за что ежегодно получал 78 млн лир. Позднее, при расследовании деятельности этого мафиозо, были вскрыты удивительные факты. Вассалло получал деньги за аренду школы, которая еще не была построена! С опозданием на семь месяцев она все же была открыта, но из-за значительных строительных недоделок ее нельзя было эксплуатировать. Налогоплательщикам опять пришлось выложить немалые средства из своих карманов.

Депутаты-коммунисты Палермо на пресс-конференции ознакомили представителей печати с сенсационными документами, из которых следовало, что план застройки столицы Сицилии изменялся в интересах строительной мафии по меньшей мере семь раз. Коммунисты сообщили также, что существовал реальный план сноса печально знаменитой тюрьмы Уччардоне, поскольку на занимаемый ею земельный участок объявился выгодный покупатель — мафия!

Довольно прибыльной отраслью бизнеса мафии — торговлей наркотиками на Сицилии руководил некий Чезаре Мандзелла, сколотивший, прежде чем осесть в небольшом городке Чинизи, близ Палермо, миллионное состояние на эксплуатации казино в Чикаго и торговле наркотиками. Граждане города знали его как преуспевающего бизнесмена и мецената: Мандзелла пожертвовал значительную сумму на строительство сиротского приюта. По предложению уважаемых граждан города он был избран президентом католической миссии — высшего органа клерикального союза. И этот «филантроп» руководил контрабандной торговлей наркотиками между Ближним Востоком, Сицилией и Соединенными Штатами. Он возглавил могущественную корпорацию контрабандистов, после того как в январе 1962 г. в аэропорту Неаполя неожиданно скончался его предшественник Лучано. Однако лысый Мандзелла ненадолго пережил своего бывшего шефа.

В одной из операций по контрабанде наркотиков из Палермо в США Мандзелла из соображений безопасности приказал перенести место встречи на южное побережье Сицилии. Молодой мафиозо Калчедонио ди Пиза, которому Мандзелла поручил провести эту операцию, получил от посредников в районе Агридженты пакет с героином и, довольный удачным началом, отправился на пароходе в Нью-Йорк.

Примерно через две недели на счет доверенного Мандзеллы поступили деньги. Но перечисленная сумма была меньше той, о которой договаривались. Вести из Нью-Йорка были самые неожиданные. Полученное количество героина было меньше отправленного. Кто-то, очевидно, решил «подзаработать». Подозрение пало на одного моряка с трансатлантического лайнера и на ди Пизу. Первого подозреваемого «с пристрастием» допросил американский филиал. Выяснилось, что моряк невиновен.

В Палермо ди Пиза предстал перед судом мафии. Здесь дело также окончилось «оправдательным приговором». Но это решение было принято не единогласно. Братья Анджело и Сальваторе ла Барбера категорически потребовали смертного приговора. Возможно, главную роль в этом сыграла не личная неприязнь к шеголеватому компаньону, а серьезные деловые соображения:

ди Пиза и братья Барбера были конкурентами в строительном секторе Палермо. В декабре 1962 г. ди Пиза был убит; вероятным его убийцей был Пьетро Торретта, один из ведущих членов банды Барберы.

Вскоре после этих событий, в начале 1963 г., Сальваторе ла Барбера бесследно исчез. На одной из проселочных дорог близ Агридженты полиция обнаружила его сгоревший автомобиль. Следы владельца отсутствовали.

Апрельским вечером 1963 г. Мандзелла, возвратившись к себе домой после встречи с монашками монастыря «Святое сердце», обнаружил, что въезд на виллу ему преграждал какой-то автомобиль, вероятно по рассеянности оставленный здесь владельцем. Бормоча проклятия, он вылез из своей машины, чтобы отогнать в сторону автомобиль, закрывавший въезд на его виллу. Привратник поспешил на помощь своему господину. Когда Мандзелла нажал дверную ручку брошенного автомобиля, раздался мощный взрыв. Это была «тротиловая Джульетта» — начиненный взрывчаткой спортивный автомобиль. Взрывом обоих разорвало на куски; далеко в округе взрывной волной выбило оконные стекла. От Мандзеллы полиция нашла только ботинок, шляпу и бумажник. Так Анджело ла Барбера ввел в арсенал сицилийской мафии новое оружие убийства.

Последние сомнения в причастности Анджело ла Барберы к этому преступлению исчезли, когда он бежал с Сицилии. После кратковременной остановки в Риме ла Барбера направился в промышленный Милан.

Как-то майским вечером 1963 г. 39-летний Анджело ла Барбера, по паспорту промышленник, был в гостях у старого друга на вилле Реджины Джованни. В первом часу ночи он вышел из дома и сел в машину. Но не успел мафиозо запустить двигатель, как дорогу ему перекрыли две машины. Выскочившие из них несколько человек открыли бешеную стрельбу. Ла Барбера был ранен, но не растерялся и, выбравшись из машины, открыл ответный огонь. Нападавшие обратились в бегство. Судя по окровавленным следам, двое из них были ранены.

В больнице св. Витторе из тела ла Барберы было извлечено четыре пули: из плеча, руки, грудной клетки и паховой области. Врачи обнаружили у него старую огнестрельную рану. Жизнь ла Барберы была вне опасности. На все вопросы полиции он отвечал отрицатель-

но: «Никого не узнал. Не имею понятия, почему они это сделали. Я порядочный человек».

Запрос в Палермо, сделанный миланской полицией, показал, что в руки полиции попала «крупная рыба». На счету банды ла Барберы были: шантаж, торговля наркотиками, контрабанда, шесть убийств, четыре попытки убийства, два покушения с использованием «тротиловой Джульетты», похищение по крайней мере четырех человек!

БОМБА ПОД КАПОТОМ АВТОМАШИНЫ

С покушения на Анджело ла Барберу в Милане начался новый этап борьбы против его шайки и его сторонников. Приятели Мандзеллы, специализировавшиеся в основном на контрабанде наркотиков, братья Рими и Сальваторе Греко, по прозвищу Тото, решили воспользоваться испытанным оружием гангстеров — револьвером.

Первыми жертвами стали ближайший друг ла Барберы дон Маммо Грассо, шеф мафии Мисильмери, и его сын. Однажды они вышли из дома и как сквозь землю провалились. Никто их больше не видел.

18 июня 1963 г., вечером, серебристая «Джульетта» остановилась на виа Антонио Гьяччо, 6, в аристократическом квартале Боргата-Удиторе. Здесь проживал 52-летний Пьетро Торретта, «коммерческий директор» шайки ла Барберы. Двое мужчин вышли из машины и прошли в дом.

Не прошло и минуты, как послышались выстрелы. С балкона второго этажа на тротуар прыгнул один из «визитеров» и пополз к машине. Шофер ожидавшей «Джульетты» открыл дверцу и втащил раненого в машину. В бессознательном состоянии он был доставлен в ближайшую больницу, где вскоре скончался. Как показало вскрытие, в него попало четыре пули.

Второго наемного убийцу полиция обнаружила в квартире Торретты. Он был также убит четырьмя пулями. Сам Торретта при появлении полиции скрылся. Имена убитых «пиччотто»: Джироламо Комильяро и Пьетро Гаротале — мало о чем говорили полиции. Было ясно, что конкуренты пытались устранить Торретту.

Днем 30 июня 1963 г. в полицейском участке Чакулли, расположенном недалеко от Виллабаты, раздался телефонный звонок. Незвестный сообщил, что на

одной из улиц городка стоит «Джульетта» и никто не знает, кому она принадлежит. На место без промедления выехала группа специалистов. При поверхностном осмотре ничего подозрительного установить не удалось. На заднем сиденье автомашины они обнаружили бензиновую канистру, к которой был присоединен бикфордов шнур, который по каким-то причинам погас. Когда карабинер поднял капот, раздался сильный взрыв. Шестеро полицейских было убито на месте, седьмой, карабинер, скончался по дороге в больницу.

БОЛЬШАЯ ОХОТА НА МАФИЮ

Сообщение об этом кровавом злодеянии пришло в Рим в разгар больших торжеств — коронации нового папы Павла VI. По всей Италии — от Альп до южной оконечности Сицилии — прокатилась волна возмущения. Общественность требовала наказания виновников события в Чакулли.

В эти дни Палермо находился на чрезвычайном положении. Атмосфера в городе была накалена до предела. Подозрительные автомашины, владельцев которых не удавалось сразу найти, обкладывались мешками с песком и подрывались.

Карабинеры прочесывали все районы города. Улицы патрулировались бронетранспортерами. Ночью проводились облавы, включались прожектора, пускались сигнальные ракеты, чтобы затруднить бегство бандитов. Улицы Палермо находились под непрерывным контролем; вокзал, морской порт и аэропорт усиленно охранялись отрядами военных. Вдоль побережья курсировали быстроходные катера, чтобы отрезать мафиози морской путь бегства на материк. С помощью вертолетов и собак-ищеек отряды карабинеров обследовали все окрестности Палермо. Обыски и облавы следовали друг за другом. И не только в Палермо.

15 июля 1963 г. карабинеры окружили маленькую горную деревушку Шара недалеко от Палермо. В результате облавы были арестованы Антонио Мангьяфридда, Джорджи Пангеза и Винченцо ди Белла, осужденные в декабре 1961 г. за убийство и оправданные впоследствии кассационным судом.

Однако заслуга в том, что этих убийц вообще удалось разыскать, принадлежала не полиции, а маленькой, сухонькой женщине. Омерта нарушила Фран-

ческа Серิโอ, мать убитого Сальваторе Карневале. Это она назвала имена убийц своего сына. Ее поступок вызвал на Сицилии сенсацию.

Сальваторе Карневале, член социалистической партии, секретарь палаты труда в Шаре, выступил против произвола крупной помещицы княгини Нотабартоло. Он гневно изобличал мафиози, нагло присваивавших большую часть урожая испольщиков. Карневале призывал арендаторов к захвату земли, принадлежавшей им в соответствии с аграрной реформой.

Мафия предупредила Карневале, чтобы он прекратил свою деятельность. Управляющий княгини, состоявший на службе у «братства», хотел подкупить его. Но Карневале отклонил предложение.

Утром 16 мая 1955 г. 32-летний Сальваторе Карневале был застрелен прямо на улице, на глазах у соседей. Вечером убийцы украли 40 кур и по старому обычаю мафии отпраздновали победу.

Мать убитого Франческа Серิโอ поклялась: «Турри мертв. Я никогда не смогу вернуть ему жизнь. Но я буду бороться с его убийцами».

15 июля 1963 г. Франческа Серิโอ узнала, что убийцы ее сына арестованы. Но где же скрывались более крупные гангстеры? Где укрывался Пьетро Торретта, один из предполагаемых участников преступления в Чакулли?

В парламенте коммунисты потребовали принять против мафии конкретные меры. Сенатор-коммунист Джироламо Ли Каузи, вставший после войны в первые ряды борцов с мафией, в своих выступлениях разоблачал политику проволочек, проводимую правительством. Еще в 1958 г. была назначена парламентская комиссия по расследованию бесчинств мафии на Сицилии. Эта комиссия провела более сотни заседаний, ее члены исколесили всю Сицилию вдоль и поперек, а результаты расследований заполнили множество папок.

Комиссия рекомендовала подготовить закон против «Общества чести». Служащие министерств юстиции и внутренних дел выработали проект. Однако, к изумлению многих итальянцев, в нем ни разу не упоминалось слово «мафия». Служащие министерств озаглавили проект закона так: «Предупреждение и преследование особых форм организованной преступности». Мафиози назывались в нем как «личности, заподозренные в принадлежности к преступным организациям».

Газеты напомнили общественности, что первая ко-

миссия по расследованию преступной деятельности мафии была направлена на средиземноморский остров уже около 90 лет назад. В хрониках тех времен сообщалось: «4 ноября 1875 г. в 5 часов вечера в Палермо на военном корабле «Иль Мессаджеро» прибыли многоуважаемые члены комиссии по расследованию преступлений на Сицилии...» Это было, пожалуй, единственное полезное сообщение о ее деятельности.

После преступления в Чакулли общественность ожидала, что комиссия наконец обнажит и подрубит корни «братства». Вице-президентом этой комиссии был назначен сенатор-коммунист Джироламо Ли Каузи, который как-то сказал о мафии: «Справедливость вновь воцарится на острове, лишь когда будет удалена эта раковая опухоль». Под давлением коммунистов и других левых партий началась операция «Антимафия». 15 января 1964 г. в Палаццо деи Норманни состоялось совместное заседание комиссии с местным парламентом. Затем комиссия приступила к работе, подталкиваемая взбудораженным общественным мнением.

«ОТЧЕ НАШ» ДЛЯ ДЯДИ ПЕППЕ

В феврале 1964 г. в комиссию по расследованию преступлений мафии поступило анонимное сообщение, будто в одном из кварталов предместья Палермо остановился давно разыскиваемый полицией мафиозо Пьетро Торретта.

С автоматами наготове карабинеры оперативной группы оцепили жилой квартал, в котором, согласно анонимному сообщению, должен был находиться Торретта. Они внимательно осмотрели шесть квартир и два магазина. Обыск в квартире сестры Торретты также не принес удачи. И тут один из карабинеров, вскарабкавшийся на конек крыши, обнаружил провод электрического сигнального устройства, который вел из квартиры сестры Торретты в потайную комнату, где скрывался бандит.

Растерявшийся Торретта попытался бежать через окно, однако его ослепил свет неожиданно включенных прожекторов. Торретта поднял руки: «Не стреляйте, я не вооружен!» В его убежище карабинеры обнаружили три автомата, пистолет и много боеприпасов.

Пьетро Торретта обвинялся в убийстве 13 человек.

Он яростно отрицал свою причастность к взрыву адской машины в Чакулли. По поводу двух убийств на виа Антонио Гьяччо на первом же допросе он цинично заявил: «Я никогда не встречал этих парней, и в мою квартиру они зашли совершенно случайно. Вне себя от радости, что видят меня, они начали палить из пистолетов. Чисто случайно они меня ранили в бедро. Чтобы умирить их пыл, мне пришлось пристрелить обоих».

«Большая охота» полиции протекала не столь драматично. 5 февраля 1964 г., находясь в безвыходном положении, глава сицилийской мафии Дженко Руссо, дзю Пеппе, добровольно сдался в руки полиции. Он появился в полицейском участке Кальтанисетты и приветствовал дежурных словами: «Вы даже не можете себе представить, как я счастлив познакомиться с вами».

Но едва за ним закрылась дверь одиночной камеры полицейского участка, как мафия начала действовать, осаждая различные инстанции прошениями и ходатайствами. В одном из прошений говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что господин Дженко Руссо всегда был человеком безупречным, высоко моральным, глубоко религиозным, видной политической личностью Муссомели. Он постоянно заботился о повышении благосостояния своих ближних, которых искренне любит». Петицию подписали 25 тыс. человек — жителей городка. Среди них была также подпись члена христианско-демократической партии губернатора Муссомели.

Что же касается упомянутого в ходатайстве выражения «видная политическая личность», то это полностью соответствовало действительности. На выборах в 1960 г. Дженко Руссо выставил свою кандидатуру от христианско-демократической партии города Муссомели.

Поэтому неудивительно, что его друг, адвокат и секретарь христианско-демократической партии города Кальтанисетты Винченцо Ното, сказал: «Дженко Руссо — почтенный человек, благородный во всех отношениях, он никогда не жалеет своих сил, чтобы поддержать слабого и помочь нуждающемуся. Мафии как организации преступников не существует. Мафия — это понятие, определяющее широту натуры, гостеприимство, любовь к ближнему».

Само собой разумеется, не осталось безучастным к аресту главы мафии и духовенство. В церкви св. Анто-

ния в Муссомели патер Паскуале Шифано в конце своей проповеди, обращаясь к верующим, призвал: «А теперь прочтем «Отче наш» для дзю Пеппе!»

В интервью, данном одному итальянскому журналисту, святой отец, неусыпно заботившийся о спасении души Руссо, взволнованно пояснил: «В Муссомели все духовенство без исключения подписало петицию об освобождении Дженко Руссо, вам это ничего не говорит? Двадцать служителей церкви поставили свои подписи, высказавшись за того, кого публично называют главой мафии острова!»

И на этот раз обер-негодяй легко отделался. Он был выслан на материк сроком на пять лет. Его новым местопребыванием стала деревушка Ловере недалеко от Бергамо в Ломбардии, которую он выбрал по своему желанию. Таким образом, вину Руссо снова доказать не удалось. Его изгнание органы правосудия обосновали юридически новым специальным постановлением, согласно которому человек, подозреваемый в принадлежности к мафии, может быть изолирован от привычного ему окружения. Государство выплачивало Дженко Руссо ежедневное содержание в размере 700 лир.

По этому поводу сицилийский батрак Себастьяно Чирми, обращаясь к правительству, просил, чтобы и его также осудили на принудительное выселение на материк. Он писал: «Моя пенсия по инвалидности составляет 400 лир в день. На эти деньги мне приходится жить с женой. Но если бы меня приговорили к ссылке на континент, тогда правительство было бы вынуждено платить мне столько же, сколько и Дженко Руссо, то есть 700 лир. Даже если я и не совершил за всю свою жизнь ни одного уголовного преступления, я охотно приму приговор, который позволит мне жить немного лучше и прожить немного дольше».

Операция «Антимафия» продолжалась. 2 августа 1965 г. Руссо был снова арестован и переправлен в Палермо. 2 августа 1965 г. римская полиция надела наручники на другого босса мафии — 65-летнего Фрэнка Копполу, хорошо известного в Канзас-Сити и Лас-Вегасе. В 1948 г. он был выслан американскими властями из США. После смерти Лучано и Мандзеллы Коппола стал посредником между сицилийской мафией и «Коза нострой» в торговле наркотиками.

Итальянские власти уже давно знали о преступной

деятельности Коппола, однако не могли, а говоря точнее, не желали применить к нему меру пресечения. Более того, в 1958 г. Коппола был принят на Сицилии депутатом от христианско-демократической партии Джироламо Мессери. Не был ли Коппола знаком с Мессери, занимавшим при Муссолини высокую должность, раньше, еще в Чикаго, где тот с 1939 по 1940 г. возглавлял итальянское консульство?

В 1958 г. Коппола с большим почетом был встречен в Партинико. Что произошло дальше, рассказал 28 ноября 1963 г. комиссии один из очевидцев: «Фрэнк Коппола прибыл тогда в Партинико за несколько дней до выборов. Как-то он повстречался со мной недалеко от моего дома и потребовал, чтобы я проголосовал за Мессери. «Мы должны помочь ему,— добавил он,— позднее он может оказаться нам полезным». Через своих родственников и знакомых Коппола организовал широкую кампанию в пользу Мессери. Настал день выборов. Мафия пустила в ход испытанную политику кнута и пряника. Избирателей, голосовавших за Мессери, подручные Коппола в буквальном смысле заманивали пирогами. И Джироламо Мессери был избран сенатором. В региональном правительстве он занял должность государственного секретаря по внешней торговле.

Как тут вырвать корни «Общества чести», если они проникли во все отрасли экономики и во все общественные институты?

23 октября 1967 г. в гимнастическом зале Катандзаро, провинциального городка в Калабрии, начался крупнейший в истории Италии процесс против мафии. На скамью подсудимых, для верности окруженную огромной стальной клеткой, сели 113 мафиози.

Решение избрать Катандзаро «ареной справедливости» было принято министерством юстиции лишь после длительного обсуждения. Слишком опасно было проводить «процесс века» на Сицилии, где авторитет и власть «Общества чести» были особенно сильны.

Пока высокооплачиваемые адвокаты, не останавливаясь ни перед чем, пытались отвести выдвинутые против мафиози обвинения, в январе 1968 г. в западной части Сицилии произошло землетрясение. Десятки тысяч людей лишились крова. Тотчас же оживилось «Общество чести», чтобы на несчастье сограждан согреть руки. Крестьяне были вынуждены продавать свои хозяйства почти за бесценок. Мафиози захватили клю-

чевые позиции при распределении пожертвований и пособий и предоставляли нуждающимся кредиты под 40 %. Немалые барыши «Онората сочъета» получило и при восстановлении разрушенных зданий.

Судебный процесс в Катандзаро продолжался четырнадцать месяцев. В результате Анджело ла Барбера был приговорен к 22 годам тюремного заключения, Пьетро Торретта — к 27. Оба шефа мафии не только совершили сами многочисленные преступления, но и разожгли ожесточенную борьбу между бандами за господство в Палермо, стоившую жизни многим людям. Большинство остальных мафиози на этом процессе отделались дешево: срок пребывания за решеткой им был определен от трех месяцев до четырех лет. 40 мафиози было оправдано «за недостатком доказательств». Этот процесс, как и все предыдущие, не задел жизненного нерва преступного «братства».

Анджело ла Барбера, счастливо избежавший смерти в 1963 г. в Милане, попал в тюрьму городка Перуджа в Средней Италии. Это произошло осенью 1975 г. Около полудня арестанты прогуливались в тюремном дворе. Неожиданно несколько заключенных набросились на надзирателей и скрутили их. Тем временем трое бросились в тюремный лазарет. Поднятая по тревоге охрана вскоре обнаружила там заключенного с восемью ножевыми ранами в груди. Анджело ла Барберы не стало. Кровавая борьба за власть между двумя «семьями» мафии продолжилась за тюремными стенами.

БЕЛАЯ СМЕРТЬ

Известно, что даже на Сицилии мафия изменила свое лицо. Времена феодальной мафии, «взимателей налогов», юных подручных, дробовиков и мулов прошли безвозвратно. «Новая» мафия образца 60-х годов перенесла деятельность из сельских районов в Палермо, в мир торговли недвижимостью; она сбросила с себя маску, придававшую ей ранее облик и репутацию тайного общества. Сейчас она состоит не только из бизнесменов, промышленных магнатов, крупных торговцев, но и из политиков...

Из интервью Доменика Фернандеса, профессора Реннского университета, миланской газете «Коррьере делла сера», 18 января 1973 г.

Это произошло 16 сентября 1970 г.: 49-летний журналист Мауро де Мауро в 10 часов вечера покинул здание редакции прогрессивной газеты «Ла Ора» в Палермо, сел в машину и поехал домой. Возле своего дома он увидел трех мужчин, ожидавших кого-то в тени деревьев. Не успел Мауро выйти из машины, как они подошли к нему и затеяли с ним длинный разговор. В конце концов журналист опять сел в машину и вместе с неизвестными на большой скорости куда-то уехал. Эту сцену из открытого окна наблюдала дочь Мауро де Мауро и по тону разговора сделала вывод, что ее отец был хорошо знаком по крайней мере с одним из этих мужчин.

С тех пор следы Мауро де Мауро исчезли. На следующий день в предместье Палермо полиция обнаружила его автомашину. Даже при тщательном обследовании не удалось обнаружить ни одного отпечатка пальцев спутников Мауро де Мауро.

Прогрессивный сицилийский журналист считался специалистом по мафии и запутанным лабиринтам ее власти. Из-под его пера вышло большое число репортажей и статей, в которых разоблачались многочисленные преступления «Общества чести». За несколько недель до исчезновения Мауро де Мауро писал: «Мафия наших дней могущественнее, чем когда-либо, она стала менее кровавой, но более опасной, чем раньше, поскольку не оставляет ни свидетелей, ни следов своих кровавых злодеяний. Замечено, однако, что журналистов, судей и карабинеров, которых еще в 1963 г. мафия хладнокровно пристреливала, она уже не трогает, не желая тем самым привлечь к себе внимание». За эту роковую

ошибку в оценке мафии Мауро де Мауро вскоре поплатился жизнью.

Летом 1972 г. в итальянской прессе была опубликована сенсационная статья. Священник, отказавшийся назвать свое имя, обнародовал содержание исповеди «пиччотто» мафии Джузеппе П. из Палермо, который принимал участие в похищении Мауро де Мауро. Все произошло так. В тот сентябрьский вечер журналист вышел из машины у своего дома. Джузеппе П., лично знавший де Мауро, подошел к нему. Мафиозо познакомил его с двумя своими спутниками и сказал, что они могут сообщить ему важные детали по делу Маттеи — загадочной смерти президента государственной итальянской нефтяной компании ЭНИ. Журналист без колебаний согласился. На квартире, куда был доставлен журналист, мафиози ввели ему наркотик и устроили допрос, сопровождавшийся жесточайшими пытками. Что бандиты хотели узнать от де Мауро, Джузеппе П. не сказал. Мафиози продержали журналиста на своей конспиративной квартире девятнадцать дней, а затем в санитарной машине отвезли в портовый город Агридженто. На рассвете 8 октября они переправили его на рыбацкий катер, где — потерявшего сознание или мертвого — положили в свинцовый ящик и сбросили в море...

Приходится гадать, насколько описанные события соответствовали действительности. Однако с уверенностью можно сказать одно: мафия уже не раз использовала подобные методы, когда было необходимо, чтобы негодные ей личности исчезли бесследно. В свое время об этом писал сам Мауро де Мауро: «Белая лупара бесшумно терроризировала территорию, подвластную мафии. Точно, тихо и бескровно «стреляет» она в негодных «Обществу чести» людей, но от этого не становится менее варварской. Эта расправа носит название «белой смерти», которая не оставляет после себя никаких следов, не обременяя работой криминалистов, судебных экспертов и медиков. Жертвы мафии исчезают навсегда, и никто, никогда и ничего не узнает об их судьбе».

Почему же мафия расправилась с Мауро де Мауро? Как известно, до своей гибели журналист занимался расследованием обстоятельств смерти Энрико Маттеи. Он собирал материал для итальянского кинорежиссера Франческо Рози, снимавшего в то время фильм о Мат-

теи (этот фильм был позднее снят и вышел на экраны под названием «Энрико Маттеи»). Однажды Франческо Рози уже обращался к теме мафии в своем фильме «Кто убил Сальваторе Д.?»», в котором критически анализировались причины смерти короля бандитов Сицилии Сальваторе Джулиано и корни несокрушимой мощи мафии.

Есть все основания предполагать, что, расследуя загадочные обстоятельства смерти Маттеи, журналист натолкнулся на ранее неизвестные факты. Незадолго до своего исчезновения он говорил некоторым из своих друзей: «Я тут собрал кое-какой материал, и если дело выгорит, то мне должны сразу присвоить степень профессора журналистики». Кроме того, он рассказывал, что знает имена людей, принимавших участие в заговоре против Маттеи. А режиссеру Франческо Рози он как-то заметил: «Мне недостает лишь нескольких деталей. А вообще все это дело пахнет грандиозной сенсацией, от которой у многих голова пойдет кругом».

Созданием государственного объединения нефтяной и газовой промышленности президент ЭНИ Энрико Маттеи пробил брешь в нефтяном картеле «Семь сестер» — объединении могущественнейших американских, английских и голландских нефтяных монополий. Он вызвал их гнев, предложив арабским нефтедобывающим странам более выгодные условия поставок, чем эти концерны, которые до сих пор диктовали цены на нефть и определяли условия концессий. Особую опасность своему господству монополии усмотрели в том, что президент ЭНИ договорился о закупках советской нефти и приступил к обсуждению плана прокладки газопровода из СССР в Италию.

Энрико Маттеи неоднократно угрожали убить. Пилот его личного самолета Бертуччи вынужден был непрерывно охранять машину. 27 октября 1962 г. самолет с Маттеи вылетел из Катаньи (Сицилия) в Милан. Перед самой посадкой он потерпел аварию. Пилота и президента ЭНИ достали из-под обломков уже мертвыми. В аэропорту Катаньи свидетели видели, как незадолго до отлета Бертуччи был вызван к телефону и машина на несколько минут оставалась без присмотра...

Итальянский историк Микеле Панталеоне, написавший семь книг о мафии и считающийся самым глубоким знатоком истории «Общества чести», установил, что Чарли Марчелло, по кличке Карапуз, из американской

организации «Коза ностра» в октябре 1962 г. принимал участие в секретной конференции американских нефтяных промышленников в Тунисе. После этого через Мадрид он вылетел в Катанью, куда прибыл за два дня до катастрофы самолета Маттеи.

С тех пор прошло много лет, а дело Маттеи так и осталось нераскрытым. Однако нет никаких сомнений, что между исчезновением Мауро де Мауро и этим событием существует вполне определенная связь. Бесспорно также, что к этому делу мафия приложила свою руку.

СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА

Этот день почти ничем не отличался от других рабочих дней 65-летнего Пьетро Скальоне, генерального прокурора Палермо. В центре сицилийской столицы он высадил из автомобиля сына и поехал дальше, к кладбищу капуцинов. Там, как обычно, он возложил на могилу жены свежие цветы. На обратном пути ему необходимо было пересечь виа Чипресси, пустынную узкую улочку на городской окраине Палермо. Неожиданно путь ему преградил легковой автомобиль, из которого выскочили несколько человек и открыли бешеный огонь из автоматов по машине Скальоне. Шофер генерального прокурора умер на месте, а сам Пьетро Скальоне, получив одиннадцать пулевых ранений, скончался 5 мая 1971 г. по пути в больницу.

Единственным свидетелем этого убийства среди белого дня, которого полиции удалось отыскать, был одиннадцатилетний мальчик. На первом допросе в полиции он так описал происшедшую сцену преступления: «Белый «фиат» перегородил вдруг дорогу голубому (автомобиль Скальоне), из него выскочили двое мужчин. Двое других вышли из подъезда дома. Все четверо начали стрелять по голубому «фиату», затем сели в белый «фиат» и умчались». Но он не мог вспомнить, из какого дома они вышли и как выглядели. А на последующих допросах мальчик неожиданно начал утверждать, что машина была не белой.

Несмотря на многочисленные аресты, произведенные полицией, истинных виновников преступления так и не удалось найти, однако характер преступления ни у кого не оставлял сомнения в том, что оно совершено мафией. И в то же время про этого высокопоставленного чиновника вряд ли можно было сказать, что он выделялся

особым усердием в борьбе с «Обществом чести». Наоборот, в последнее время его поведение внушало даже некоторое подозрение, и по требованию парламентской комиссии по борьбе с мафией Высший совет юстиции принял решение перевести Скальоне на континент, в Апулию. «Это решение было равносильно вынесению Скальоне смертного приговора,— заявил авторитетный эксперт по мафии Микеле Панталеоне, отвечая на вопросы журналистов по поводу убийства Пьетро Скальоне.— Генеральный прокурор Палермо знал слишком много, а человека, посвященного в сокровенные тайны мафии Сицилии, согласно кодексу этой преступной организации, нельзя было выпускать за пределы острова».

Генеральный прокурор Палермо — свой человек в мафии?! Это предположение казалось чудовищным. Газета «Ла Ора» также выступила с обвинениями Скальоне в связях с этой преступной организацией. Семья убитого прокурора с возмущением отвергла эти «оскорбления» и выдвинула обвинения в клевете, подав на ведущих сотрудников газеты в суд.

Слушание дела против главного редактора и пяти сотрудников газеты «Ла Ора» было перенесено в суд Генуи, поскольку, как говорилось в обосновании этого решения, процесс не имел прямого отношения к Сицилии.

В июле 1973 г. офицер карабинеров положил на письменный стол генуэзского судьи Марио де Лука объемистый пакет. В нем содержались результаты обстоятельного расследования деятельности Пьетро Скальоне. На 55 машинописных страницах разоблачались связи убитого палермского генерального прокурора с мафией.

Пьетро Скальоне родился 2 марта 1906 г. в западно-сицилийском городе Леркара-Фридди — цитадели «Общества чести». Своей карьерой, которую он начал в 1933 г. в аппарате юстиции в Палермо, Скальоне обязан «братству». В 1949 г. Скальоне становится заместителем прокурора города. В то время когда «король Монтепре», кровавый бандит Сальваторе Джулиано, творил бесчинства на этом средиземноморском острове, прокурор служил, как говорится, и нашим, и вашим. Загадочным образом стали исчезать многие заявления и анонимные письма, касающиеся преступной деятельности мафии, расследования затягивались, в большин-

стве случаев оканчивались безрезультатно, оседая в архивах и покрываясь там пылью.

В 1963 г. — за год до назначения на должность генерального прокурора столицы Сицилии — Скальоне получил из городского управления Палермо связку документов весом почти в десять килограммов. В них содержался обличительный материал о скандальных манипуляциях строительных фирм и маклеров земельными участками, о коррупции государственных служащих, а также документы о преступлениях мафии. Скальоне сделал все возможное, чтобы документы пролежали без движения три года. Когда же наконец он вынужден был дать им ход, то против 57 человек сразу были возбуждены судебные дела. К сожалению, никто не был осужден и все кончилось незначительными денежными штрафами.

Однако серьезные подозрения в том, что генеральный прокурор Палермо стоит на страже интересов мафии, вызвала его позиция в связи с делом шефа мафии Корлеоне Лучано Лиджо. 10 июня 1969 г. Лиджо, представший перед судом за многочисленные убийства и другие преступления, был оправдан со стандартной мотивировкой — «за недостаточностью улик». Возмущенный несправедливым приговором, генеральный прокурор Сицилии незамедлительно подал апелляционную жалобу, и два дня спустя был отдан новый приказ об аресте Лиджо. Тогда генеральный прокурор Палермо Скальоне, используя сложную юридическую казуистику, отменил приказ об аресте преступника, имевший законную силу только для Корлеоне — постоянного места жительства разыскиваемого мафиозо. Лиджо использовал это и укрылся в одной из частных римских клиник.

Материал, переданный генуэзскому судье Марио де Лука, содержал любопытные сведения о генеральном прокуроре Палермо. Так, сестра Скальоне была замужем за неким Вито Ридо, принадлежавшим к известной «семье» мафии, причастной к многочисленным случаям убийств. В 1942 г., будучи еще районным судьей Палермо, Пьетро Скальоне был свидетелем на свадьбе Джузеппе Бертолини, ближайшего друга босса мафии Фрэнка Копполы. Крестным отцом сына Скальоне стал Пьетро Лонго. «Имя этого мафиозо даже для экспертов по делам мафии было откровением. Лонго всегда держался в тени, хотя именно он ввел Скальоне в круг «Общества чести», а впоследствии был посредником

между ним и руководством преступного мира», — писал Романо Канторе, журналист миланской газеты «Панорама».

Однако, пожалуй, еще больший резонанс, чем дело Скальоне, вызвал скандал в аппарате итальянского правосудия. 5 апреля 1973 г. 53-летний шеф полиции Рима Анджело Мангано возвращался около восьми часов вечера домой в южную часть Рима. Около дома он был опасно ранен пятью выстрелами из пистолета каким-то неизвестным. Мангано считался одним из способнейших служащих уголовной полиции. Именно благодаря его усилиям в мае 1964 г. был арестован шеф мафии Корлеоне Лучано Лиджо. Следователь, подозревавший в организации покушения Франческо Копполу, распорядился прослушивать его телефон. Однако Коппола быстро узнал об этом. В начале 1974 г. стало известно, что сицилиец Спаньоло, генеральный прокурор римского апелляционного суда, предупредил мафиозо. Это сообщение было подобно разорвавшейся бомбе! Спаньоло был виновен в том, что во Дворце правосудия в Риме результаты важнейших судебных расследований были похоронены в архивах, а магнитофонные пленки с записями показаний свидетелей и обвиняемых фальсифицировались. Кроме того, генеральный прокурор римского апелляционного суда Спаньоло постоянно информировал своих «друзей из мафии» о судебных расследованиях, за что те, разумеется, щедро платили ему.

ЭКСПОРТ МАФИИ В СЕВЕРНУЮ ИТАЛИЮ

«Общество чести» уже давно тайно существовало и на Севере Италии. Его первыми жертвами стали крестьяне: только с 1960 по 1970 г. с Юга эмигрировало более 2,3 млн человек. Это переселение «подданных» создало мафии новую питательную почву, о возделывании которой позаботилось само государство: в соответствии с законом от 1965 г. подозреваемых в связях с мафией прежде всего высылали в Северную Италию. Такой мерой пытались лишить мафию ее традиционных связей. «Путем подобной высылки на Север сицилийцы способствовали регулярному вывозу бацилл мафии. Эти преступники распространились по всей Италии, наводнив даже те местности, где до сих пор о мафии ничего не знали», — заявил депутат Чезаре Терранова, снискав-

ший на посту прокурора глубокое уважение общественности за борьбу с мафией.

В апреле 1974 г. по всей Италии насчитывалось примерно 1374 района, куда мафиози выслались на принудительные поселения. Согласно положению, ссыльным с заходом солнца и до восьми часов утра не разрешалось покидать свое жилище и надлежало ежедневно являться для отметки в полицию. Однако эти ограничения отнюдь не мешали преступным элементам обделывать свои темные делишки по телефону. И, как было установлено, мафиози наносили кратковременные визиты своим сообщникам на Сицилии, пользуясь самолетом.

«КОРПОРАЦИЯ ПОХИТИТЕЛЕЙ»

В феврале 1974 г. весьма богатый бизнесмен Пьетро Ториелли был освобожден после 52-дневного пребывания в плену у похитителей. Его семья выплатила бандитам огромную сумму в размере 1,25 млрд лир.

Сицилиец Микеле Гуццарди, жених дочери привратника виллы Ториелли, предложил мафии свои услуги в качестве посредника. Несколько раз он отвозил супругу миланского мультимиллионера к тайному месту встречи, где она по частям отдавала выкуп за своего мужа. При этом она обратила внимание на некоторые привычки гангстеров, которые дали полиции ценные указания для розыска преступников. И еще одно обстоятельство способствовало обнаружению похитителей: 300 млн лир было выдано похитителям фальшивыми купюрами достоинством по 10 тыс. лир. У брата жены привратника, некоего Микеле Мисити, позднее полиция нашла фальшивую банкноту из серии, переданной бандитам. Несколько позднее случайный прохожий обнаружил в канаве брезентовый мешок, набитый деньгами, — в нем находились фальшивки из выкупа. Мисити, Микеле Гуццарди и его брат Калоджеро были арестованы. Расследование, произведенное в Палермо, показало, что братья были связаны с мафией.

Надежды полиции на то, что другие банкноты приведут ее к сообщникам банды похитителей, не оправдались, хотя полицейские нащупали связи Гуццарди с семьей братьями Таормина родом из Палермо, которые ранее были осуждены за принадлежность к мафии.

Карabinieri и полицейские дважды обыскивали

крестьянский двор Таормина в Кальвенцано, недалеко от Милана. Лишь очистив хлев от навоза и соломы, они обнаружили дверцу, под которой скрывался подземный ход, ведущий к бетонированной маленькой комнатке, где был найден похищенный пять месяцев назад 27-летний промышленник из Турина Луиджи Росси ди Монтелера.

Мафия уже давно подозревалась в организации многочисленных похищений в Италии. Газеты, вспоминая пресловутую «Корпорацию убийц», возглавлявшуюся шефом «Коза ностры» Альберто Анастасия, писали о «Корпорации похитителей». Бандиты выбирали жертвы среди состоятельных людей. Они даже располагали банковской информацией и, по мнению специалистов, знали имущественное положение своих жертв в большинстве случаев лучше, чем финансовые органы. В течение нескольких недель похитители наблюдали за выбранной жертвой, а затем совершали похищение по тщательно разработанному плану.

При раскрытии обстоятельств другого похищения полиция также использовала косвенные улики, указывавшие на связь с мафией. В середине 1972 г. священник Агостини Коппола вел переговоры с родственниками о сумме выкупа за освобождение похищенного промышленника Лучано Кассианы. Миллионер был похищен 16 августа 1972 г. и только через полгода за огромную сумму был освобожден. Священник, арестованный в мае 1974 г. в Неаполе, оказался внуком босса мафии Фрэнка Коппола. В доме отца церкви полиция обнаружила давно разыскиваемого опасного мафиозо.

Дело Таормина явилось еще одним доказательством экспорта мафии в крупные города Северной Италии. В 1964 г. в Палермо был арестован 42-летний Джакомо Таормина вместе со своим братом Винченцо. Три года спустя суд приговорил его к 11,5 года тюремного заключения за разбой, воровство и бандитизм. В январе 1970 г. он был досрочно освобожден и направлен на принудительное поселение в Тревильо, восточнее Милана. Там за 80 млн лир рядовой мафиозо приобрел несколько крестьянских усадеб, женился на местной девушке и вызвал своих братьев. Уже давно сотни мафиози таким же способом обосновались в Северной Италии, где извлекают доходы из контрабанды сигаретами и оружием, торговли наркотиками и проституции или занимаясь посредничеством в устройстве на работу земляков с родного Юга.

После раскрытия дела Таормина полицейское управление в Риме отдало распоряжение впредь не высылать больше сицилийских мафиози на Север Италии. По мнению сенатора Цуккалы, эта мера была принята слишком поздно, поскольку мафия уже проникла в промышленные области Италии. Этот человек знал, что говорил, так как возглавлял комиссию, в течение пяти лет расследовавшую уголовные преступления в крупных североитальянских индустриальных центрах.

Если Палермо был цитаделью «Общества чести» на Сицилии, то в материковой Италии ту же функцию выполнял Милан. Это убедительно доказали скандальные аресты, которые произвела полиция.

16 мая 1974 г. в семь часов утра в роскошных апартаментах на виа Рипамонти в Милане полиция подняла с постели Лучано Лиджо. Босс мафии Корлеоне, бесследно исчезнувший четыре с половиной года назад, был арестован без всякого сопротивления. В ящиках его ночного столика полицейские обнаружили три револьвера. Как было установлено, повсюду разыскиваемый мафиозо уже более года благодушно проживал здесь под именем почтенного господина Паранцани. «Он всегда был таким милым, вежливым и обходительным» — так отозвалась одна из соседок о закоренелом убийце, собственноручно совершившем более 30 убийств. Дважды путем пластической операции в частной римской клинике этот опаснейший бандит изменял свое лицо. Полиции удалось его изобличить только по отпечаткам пальцев.

Вместе с боссом мафии Корлеоне были арестованы двое его телохранителей — братья Игнацио и Джузеппе Пулларио. Их след навел полицию на конспиративную квартиру Лиджо. Когда в крестьянской усадьбе был найден похищенный мафиози промышленник Росси ди Монтелера, полицейское расследование установило, что несколько других покинутых дворов в этой местности было куплено сицилийцами. Одним из дворов владели братья Пулларио, которые в Милане держали винный погребок. Но это занятие, как выяснилось, служило только прикрытием их истинной деятельности — охранять босса мафии Лучано Лиджо в его роскошных апартаментах, откуда он руководил широко разветвленной сетью контрабанды наркотиками и, по мнению полиции, разрабатывал планы похищения людей.

Неустршимый Цезаре Терранова позаботился о

том, чтобы Лиджо надолго исчез за тюремной решеткой. Тем самым прокурор навлек на себя гнев «босса всех боссов», как частенько величали Лиджо. Несколько позже один заключенный мафиозо нарушил омерта, обет молчания, и сообщил полиции: «Лиджо продолжает править из тюрьмы. Он хочет прикончить Терранову, даже если для этого ему придется бежать отсюда. Он поклялся лично отомстить ему кровью».

В июне 1979 г. состоялись парламентские выборы. Однако Терранова больше не баллотировался в депутаты. Он возвратился на Сицилию и стал президентом апелляционного суда Палермо. Друзья отговаривали его от этого шага, а власти дали ему телохранителя.

Утром 25 сентября 1979 г. Терранова отправился на своей служебной автомашине в трибунал. В уличной сутолоке его машину зажало несколько автомобилей. Трое неизвестных открыли огонь из автоматов. 58-летний Чезаре Терранова и его телохранитель пали под градом пуль.

Этому хладнокровному убийству в Палермо предшествовали три покушения на жизнь высокопоставленных чиновников Сицилии: в мае 1979 г. мафия убила заместителя префекта полиции Палермо Калоджеро Ди Бону; два месяца спустя был застрелен вице-квестор Палермо Борис Джулиано; в августе того же года в леске близ Палермо «Общество чести» расправилось с полковником полиции Джузеппе Руссо.

Затем последовало убийство Чезаре Террановы. 6 января 1980 г. шесть pistolетных пуль были выпущены в председателя регионального правительства Сицилии Пьерсанти Матареллу, когда тот вместе с семейством возвращался домой из церкви. Матарелла был членом христианско-демократической партии. Он провинился перед мафией в том, что выступал за участие коммунистов в региональном правительстве Сицилии.

6 августа 1980 г. генеральный прокурор Палермо Газтано Коста у всех на глазах был обстрелян неизвестным мотоциклистом. Через некоторое время он скончался от полученных ран. Коста занимался расследованием нелегальной деятельности международных торговцев наркотиками и поддержал к тому же обвинение против банд сицилийской мафии, тесно сотрудничавших с «Коза нострой» в США и Канаде.

Никто не сомневался в том, что приказ совершить эти кровавые преступления отдал из тюрьмы шеф мафии

Лучано Лиджо. Из тюремной камеры он продолжал править своей империей, прочно связанной с американскими братьями-мафиози. Сицилия по-прежнему остается главной перевалочной базой на пути героина и других наркотиков из Европы в Америку. Шеф полиции Палермо Винченцо Иммордино заявил в мае 1980 г.: «Связи с «Коза нострой» в США настолько крепки, что без преувеличения можно сказать — мы боремся с транснациональным синдикатом преступников».

МАФИЯ — БУДЕТ ЛИ ЕЙ КОНЕЦ?

Власть и влияние этого синдиката столь велики, что его можно было бы назвать правительством организованной преступности.

Из заключения сенатской комиссии по расследованию организованной преступности, сделанного два года спустя после сенсационных показаний мафиозо Джозефа Валачи

С 1962 г. расследованием преступной деятельности мафии в Италии занималась специальная парламентская комиссия. С тех пор об «Обществе чести» и его ставленниках в органах юстиции, государственном и политическом аппарате, а также в банковском деле было составлено бесчисленное множество отчетов. В конце 1970 г., когда по всей стране прокатилась волна возмущения убийством журналиста Мауро де Мауро, председатель этой комиссии Франческо Каттанеи, прокурор Генуи и депутат парламента от христианско-демократической партии, пообещал в кратчайшие сроки завершить работу, добавив, однако: «Мы не станем трогать политиков и называть их поименно».

25 мая 1972 г. был опубликован громко разрекламированный отчет комиссии по расследованию преступной деятельности мафии. Однако корреспондент швейцарской газеты «Нойе цюрхер цайтунг» писал: «...как и ожидалось, в отчете отсутствует анализ наиболее актуальных вопросов, важнейшие свидетельские показания и точные сведения... Случаи тяжких преступлений, приписываемые мафии, также не нашли отражения в этом отчете».

После парламентских выборов 1972 г. в Италии была образована новая комиссия по расследованию преступной деятельности мафии. Правящая христианско-демократическая партия ввела в эту комиссию сицилийского депутата Джованни Матта, несмотря на серьезные подозрения в том, что он, будучи представителем строительной организации, был связан со спекулянтами земельными участками из мафии. Итальянская газета «Эспрессо» назвала это назначение скандалом.

Члены новой парламентской комиссии расследования от левых партий в знак протеста отказались от участия в ней. Новый председатель комиссии расследования, христианский демократ сенатор Луиджи Карра-

ро, после вступления в должность заявил, что, по его мнению, предыдущая комиссия «очень далеко продвинулась» и ему остается лишь привести в порядок собранный материал.

Главной фигурой в этом заговоре был христианский демократ министр внутренних дел Франко Рестиво, сицилиец по происхождению. Депутатская карьера Рестиво началась в традиционном избирательном округе мафии Палермо, ставшем для многих политиков, связанных с «Обществом чести», трамплином для продвижения в столицу и даже для вхождения в правительство. Христианско-демократическая партия, потрясаемая кризисами и неспособная в одиночку решить насущные проблемы страны, затягивала и саботировала работу парламентской комиссии по расследованию совершенных мафией преступлений. Серьезное расследование могло бы вскрыть преступное соглашение, заключенное между мафией и христианско-демократической партией. Последовательное раскрытие преступлений в конце концов было бы равнозначно саморазоблачению многих высокопоставленных политиков и бизнесменов и даже всей политической системы.

ПОЧТЕННЫЙ БИЗНЕС

В мае 1967 г. калифорнийский социолог профессор Дональд Кресси заявил, что «Коза ностра» в своем современном виде «несет для США большую угрозу, чем гангстеры эпохи Аль Капоне в 30-х годах». В свою очередь бывший генеральный прокурор Николас Катценбах, председатель новой комиссии расследования, назначенный президентом США Линдоном Б. Джонсоном, признал, что «общественность равнодушно относится к ужасающему росту организованной преступности».

Джон Гардинер, профессор Гарвардского университета, исследуя деятельность «Коза ностры» в среднем американском городе, пришел к выводу, что «губернатор, шеф полиции и ряд административных служащих годами находились на содержании синдиката азартных игр».

Разумеется, причины быстро растущей уголовной преступности в Соединенных Штатах, интегрирование организованной преступности в американское общество нельзя объяснить ни особой хитростью, ни специфическими свойствами характера италоамериканцев (или

каких-либо других этнических групп в США). В истории как «Коза ностры», так и других подобных организаций преступников можно обнаружить, что корни прямо или косвенно уходят в саму капиталистическую систему. Данная книга содержит достаточное количество примеров такого рода. Волчьи законы этого общества, переплетение интересов государства и частных интересов, а также неуважение законов власть имущими и даже стражами порядка на всех уровнях — от правительственного служащего до последнего регулировщика уличного движения — вот что лежит в основе этого явления. Капиталистическая мораль, гласящая: «обогащайся любой ценой», мораль, которую пропагандируют литература, пресса, кино, телевидение, способствует воспитанию новых и новых преступников.

То обстоятельство, что в основе растущей преступности лежат экономические факторы, отметил и бывший министр юстиции США Рамсей Кларк. В его книге «Преступность в Америке» мы находим следующее высказывание: «Преступность в Соединенных Штатах чрезвычайно разнообразна. Так, преступники в «белых воротничках», укрывая имущество от обложения подоходным налогом, занимаясь хищениями, мошенничеством и обманом покупателей, присваивают себе ежегодно миллиарды долларов. Организованные преступники похищают сотни миллионов долларов, насаждая азартные игры, ростовщичество, торговлю наркотиками, рэкет, проституцию, подкуп государственных служащих, причем нередко прибегают к насилию и, если необходимо, к убийствам. Мотивы большинства преступлений в основе экономические. Семь из восьми тяжких преступлений, раскрытых полицией, — преступления против собственности. Немалое число преступлений против личности, как, например, разбойные нападения и убийства, также связано с присвоением чужой собственности... Многие преступления являются следствием несоответствия между нашей пропагандой и нашей действительностью. Они свидетельствуют о лицемерии, которое царит во всем нашем обществе».

И далее Кларк приходит к выводу: «Если общество действительно желает взять под контроль азартные игры, торговлю наркотиками и проституцию, то оно должно регулярно вести образовательную, воспитательную и разъяснительную работу... Финансирование политических кампаний — классический пример того лице-

мерия, с которым мы вынуждены мириться. Большая часть средств для проведения политических кампаний, прежде всего при выборах в сенат и другие высшие федеральные органы власти, собирается в обход закона. Так, федеральным законом предусматривается, что кандидат в президенты на свою предвыборную кампанию может израсходовать не более 3 млн долл. Во время последних выборов расходы политических партий превысили указанную сумму во много раз...»

Насколько американская общественность осознает, что «Коза ностра» стала неотъемлемой составной частью государственной системы, ясно следует из сообщения американского информационного агентства Ассошиэйтед Пресс от 8 сентября 1972 г. В этом примечательном документе говорится буквально следующее:

«Пало-Альто (АП). По мнению 34-летнего сицилийца А. Таски, руководителя одной крупной фирмы в Миннеаполисе, любой американский бизнесмен может получить хороший урок у влиятельного мафиозо. На пресс-конференции в Пало-Альто (Калифорния) Таска заявил, что одной из причин живучести мафии в течение вот уже нескольких столетий является ее исключительная организованность. Молодой бизнесмен заявил также, что мафия обходится тремя-четырьмя «уровнями принятия решения», в то время как в американском бизнесе в зависимости от обстоятельств образуется до десяти таких уровней. У мафии «минимум бюрократии», и она приспосабливается к новым условиям легче и быстрее, чем некоторые промышленные фирмы. Далее, очень эффективной является ее персональная, личностная политика. Таска подчеркнул, что он не оправдывает нелегальной деятельности мафии. Однако изучение организации мафии могло бы оказаться полезным для повышения эффективности экономики страны.»

Таково было серьезное сообщение солидного информационного агентства.

ПРЕСТУПНОСТЬ — ТОТ ЖЕ БИЗНЕС

Однако не следует забывать, что «Коза ностра» представляет собой лишь часть (и при этом небольшую) организованной преступности в США. Особые условия, сложившиеся при переселении итальянцев в Соединенные Штаты, способствовали возникновению специфиче-

ских форм организованной преступности на том уровне, какого они достигли в сицилийской мафии. Но это ни в коей мере не может служить аргументом против итальянцев или итальянских иммигрантов в Америке. В конце концов Италия — это страна с наиболее сильной в капиталистическом мире Коммунистической партией и среди италоамериканцев есть немало честных и храбрых борцов за социальный прогресс. Читатели этой книги не должны забывать, что в данном исследовании организованной преступности мафия и «Коза ностра» рассматриваются потому, что их специфические формы особенно ярко характеризуют связь между преступностью и капиталистической системой. Однако организованная преступность не является преимущественно монополией только Соединенных Штатов или только Италии. Можно привести немало свидетельств этого.

В начале мая 1966 г. представитель дирекции «Мекка групп», одного из английских концернов, объединяющего ночные клубы и дансинги, на пресс-конференции заявил, что дирекция подвергалась давлению со стороны хорошо организованных рэкетиоров. Эти молодчики заявили к ним и предложили свои услуги по «защите» заведений фирмы. Натолкнувшись на отказ, рэкетирсы начали терроризировать клиентов и препятствовать нормальной работе ресторанов, баров, ночных клубов и дансингов «Мекка групп». Кроме того, гангстеры грозили поломать принадлежавшие концерну мебель и оборудование.

Август 1973 г. Более тысячи человек, прибывших в японский порт Хиба на специально зафрахтованных самолетах и в роскошных лимузинах, столпились у входа в местную тюрьму. Все с нетерпением ожидали, когда ворота тюрьмы распахнутся и выйдет некий Сигэмаца Камода. Его появление собравшиеся встретили громкими криками «Банзай!» («Вечная, долгая жизнь»). Выпущенного на свободу преступника с комфортом доставили в лучший отель города, чтобы надлежащим образом отпраздновать там это событие.

Бывший заключенный, присужденный за убийство к одиннадцати годам лишения свободы, был боссом «банды Камода», насчитывавшей 3500 хорошо организованных групп японских уголовников, которые, по неполным данным полиции, объединяли приблизительно 140 тыс. якудза (гангстеров). После второй мировой войны в Японии произошел колоссальный рост органи-

зованной преступности. Банды якудза контролировали азартные игры, ночные бары, турецкие бани и дома терпимости в увеселительных кварталах больших городов, занимались торговлей наркотиками, спекулировали земельными участками, шантажировали уличных торговцев, владельцев кафе и мелких лавчонок, мошенничали на тотализаторе и давали деньги в рост под огромные проценты, подобно «лоуншарк» в Америке, безраздельно господствовали в индустрии развлечений и профессиональном спорте, скупали пакеты акций и составляли отряды громил против бастующих. Их связи простирались вплоть до влиятельных политиков и финансовых воротил Японии.

Деятельность японских якудза была поразительно схожа с деятельностью итальянской и американской мафии. В конце 60-х годов якудза по примеру мафиози из «Коза ностры» устроили встречу могущественнейших гангстеров («гуми») и в ходе длительных переговоров поделили сферы влияния. В результате этого было практически покончено с соперничеством и кровавыми междоусобицами, происходившими из-за нарушения одними бандами границ сферы деятельности других. В распоряжении якудза было самое современное оружие — от автоматов различных систем, пистолетов и легких пулеметов до гранатометов. Эта хорошо вооруженная армия японских гангстеров совершает более 600 тыс. серьезных уголовных преступлений в год — от шантажа до убийств.

У японских гангстеров также есть свой «кодекс чести». По обычаю самураев, феодальных рыцарей, якудза, вступающие в банду лишь после годичного испытательного срока, клянутся своему ойябуну (шефу) в верности и слепом повиновении. Они дают обещание умереть за «честь группы». Ойябуны различных рангов сильно татуировались, и в доказательство своей преданности и верности гуми отрубали себе кончик мизинца на левой руке...

С некоторых пор реакционные круги Японии используют на своей службе так называемые «роллкомандос» — отряды громил, состоящие из якудза, обученных дзюдо и каратэ. Они совершают террористические акты против левых политиков, используются в качестве штрейкбрехеров. За соответствующую мзду японская мафия предоставляет в распоряжение заинтересованных концернов так называемых сокайя — гангстеров,

переодетых в форму полицейских. Государственная японская радиотелекомпания НКХ поведала общественности, что, как было установлено расследованием, из 258 фирм 251 фирма ежегодно выплачивала бандам якудза от 5 до 60 млн иен. Третья по величине в Японии ежедневная газета «Майнити симбун» по этому поводу писала: «Наши политики и бизнесмены постоянно жалуются на рост организованной преступности и в то же время продолжают платить гангстерским синдикатам. Если наше общество действительно желает покончить с организованной преступностью, то в первую очередь необходимо положить конец использованию уголовников в политике».

Большинство капиталистических стран переживает беспрецедентный расцвет преступности. Так, 13 ноября 1967 г. западногерманский журнал «Шпигель» опубликовал статью, встревожившую прогрессивную общественность. В этой статье говорилось: «Пятнадцатитысячную армию служащих уголовной полиции Западной Германии буквально захлестнули волны преступности: в последнее десятилетие число уголовных преступлений в Федеративной Республике Германии растет втрое быстрее, чем численность населения. В 1966 г. число только уголовно наказуемых преступлений и проступков составило почти два миллиона... рекордная цифра за всю историю страны! В течение суток в ФРГ в среднем совершается или делается попытка пяти умышленных и непредумышленных убийств, 17 изнасилований, похищение 170 автомашин, каждый час 130 краж и взломов».

Исчезнет ли когда-нибудь в капиталистическом обществе организованная преступность?

Нет, не исчезнет. Наоборот, она принимает во всем капиталистическом мире невиданный до сих пор размах.

В Нью-Йорке одна банда похитила механика фирмы, поставляющей печатные машины для кредитного общества «Динез клуб». С помощью этого механика гангстеры изготовили 5 тыс. бланков кредитных карт и составили список членов этого кредитного общества.

Гангстеры делали различные покупки, а их стоимость зачислялась на счет ничего не подозревавших членов «Динез клуб». Другая нью-йоркская банда нанесла одной авиакомпании ущерб в 20 тыс. долл., заказывая по почте авиабилеты и указывая при этом номер кредитной карты одной солидной фирмы.

Чем же гангстеры «Коза ностры» отличаются от бизнесменов, получающих деньги за работу, которую они никогда не выполняли, обманным путем пользующихся различного рода скидками или прибылями от фальсификации продуктов питания, в последнее время широко практикующейся во всех капиталистических странах?

Генеральный прокурор земли Гессен (ФРГ) Бауэр на вопрос журналистов, какие размеры этот вид уголовной преступности принял в их стране, ответил: «Каждый день мы узнаем о новых фактах, свидетельствующих об огромных масштабах, которые приняли обманы при уплате налогов, при получении денежных дотаций от государства... Современная система хозяйствования в Западной Германии приглашает совершить обман со страховкой... Поскольку в нашем обществе ловкость признана основной добродетелью, то незримо царит девиз, провозглашенный в свое время американцами: «Порядочность — вещь хорошая, но бизнес есть бизнес...» Решающее значение у нас, как, впрочем, и в большинстве стран западного мира, приобрел внешний статус человека, имидж, который нашел свое выражение прежде всего в автомобиле и который, естественно, привел к тому, что люди больше верят в успех, чем в мораль и порядочность. Итак, успех определяет выбор средств!»

Успех определяет средства! В Соединенных Штатах Бюро по борьбе с наркотиками ведет непрерывную борьбу с запрещенной торговлей наркотическими средствами, однако в американских частях, воевавших во Вьетнаме, употребление и продажа наркотиков были почти легальным делом. По мнению высших военных чинов, солдат, одурманивающий свое сознание с помощью наркотиков, мог беспощадно убивать. По оценкам специалистов, каждые три из четырех американских солдат во Вьетнаме курили сигареты с марихуаной. Бригадный генерал Хэрли Мор в свое время заявил, что наркомания среди его солдат — это «никакая не катастрофа, а лишь нарушение морально-этических норм». Даже в американской армии «Коза ностра» владела монополией на торговлю наркотиками. О последствиях этого американская газета «Вашингтон пост» сообщила в феврале 1971 г.: «Примерно триста тысяч солдат возвратились из Вьетнама наркоманами. Доза, за которую эти жертвы во Вьетнаме платили доллар, в США

стоила до 100 долл. Для того чтобы добыть необходимые деньги, наркоманы шли на любые преступления. К сожалению, эти солдаты были обучены во Вьетнаме и тому, как надо убивать... Для некоторых из них поле битвы во Вьетнаме от места преступления на родине отделял лишь один шаг».

МЕЖДУНАРОДНАЯ МАФИЯ

Немало фактов указывает на то, что в последние годы мафия с большим или меньшим успехом пытается распространить свою деятельность и на другие государства. «Общество чести» активизировалось в странах с большим числом итальянских иммигрантов, которых оно может либо склонить к преступной деятельности, либо шантажировать, вымогая у них деньги. К таким странам относятся Канада, Австралия и ФРГ. Кроме того, оно стремится — и не без успеха — проникнуть в капиталистические государства, высокоразвитая общественно-экономическая структура которых предоставляет организованной преступности широкие возможности. И наконец, оно обосновалось в некоторых странах Латинской Америки, используя их как сырьевую или перевалочную базу для торговли наркотиками.

К последним относится Колумбия. Уже в 1975 г. одна колумбийская газета писала, что мафия в стране «добилась такого же влияния и положения, какими она давно располагает в США и в Италии. Она стала государством в государстве, неприкосновенным и неприступным». По данным журнала «Андиан рипорт» (Лима), в горных районах Перу в 1980 г. урожай листьев коки — сырья для получения кокаина — составил около 40 тыс. т. Правительство считает, что большая часть листьев коки была переработана в подпольных лабораториях в пасту и переправлена в США через Колумбию контрабандным путем. Прибыли колоссальны: один килограмм кокаина приносит в США 50 тыс. долл. дохода. Ежегодные барыши мафии, действующей в Колумбии, оцениваются в 1,5 млрд долл. Это намного превышает доходы от экспорта Колумбией важнейшего экспортного товара — кофе. И хотя в Колумбии специальный отряд «Прокурадиа генераль» в 1979 г. арестовал несколько сот торговцев наркотиками, в Перу с самолетов были уничтожены нелегальные плантации коки, а в Бразилии

ликвидированы три крупные организации контрабандистов, контрабанду наркотиков прекратить не удалось.

Больше всего преуспело «Общество чести» во Франции, где мафиози установили тесную связь с гангстерами с острова Корсика. Гавр и Марсель, вероятно, и по сей день являются главными перевалочными пунктами на пути доставки наркотиков с Ближнего Востока через Сицилию в Соединенные Штаты.

В декабре 1965 г. служащие Бюро по борьбе с наркотиками арестовали майора Германа Кондера, офицера службы снабжения американской армии. Военная часть Кондера базировалась во французском городе Орлеане. Когда майор возвращался в США, полицейские особенно тщательно обыскали его вещи в комфортабельном жилом фургоне, прицепленном к автомобилю. В холодильнике они обнаружили 95 кг чистого героина. Затем последовала серия арестов в США и во Франции. Полиция схватила хозяина Кондера Франческо Дьогарди, или, как его еще называли, Фрэнка Дио, брата печально знаменитого мафиозо Джонни Дио. Последующее расследование позволило установить пути переправки наркотиков: контрабанда, получаемая от сицилийских мафиози, при участии корсиканских гангстеров доставлялась во Францию, откуда Кондер переправлял «товар» в Америку своему поручителю — «Коза ностре». Кондер был освобожден под залог в 108 тыс. долл.

Великобритания также стала ареной активной деятельности мафии. В 1960 г. в этой стране был принят закон, разрешающий азартные игры. Сразу же на Британских островах выросло 1300 казино, 300 из которых находятся в Лондоне. В мае 1969 г. министр внутренних дел Каллагэн заявил: «На реактивных лайнерах игроки слетаются в Лондон со всего света. Темные дельцы играют в наших казино, контролируемых американскими уголовниками». «Коза ностра» своевременно узнала о принятом в Великобритании законе об азартных играх и не замедлила воспользоваться этим. Анджело Бруно, главарь мафии Филадельфии, установил контроль над английскими игорными домами. В 1963 г. он прилетел в Лондон, чтобы выяснить «возможности бизнеса». Сегодня он признан некоронованным королем игорных притонов.

Факты свидетельствуют о том, что мафия обосновалась также и в Западной Германии. Выходящая в Мюн-

хене газета «Зюддойче цайтунг» в номере от 13/14 января 1974 г. сообщала: «Итак, два года назад Интерпол передал по телетайпу федеральному управлению уголовной полиции указание провести арест 38 членов группы итальянских гангстеров во Франкфурте. Прослушивая телефонные разговоры, которые бандиты вели из своей штаб-квартиры, устроенной в кабачке неподалеку от центрального железнодорожного вокзала, служащие уголовной полиции узнали обо всех планах мафиози, в том числе о сделанном по телефону заказе на убийство.

Стало известно, что итальянский консул в Штутгарте информировал западногерманскую полицию о том, что несколько десятков итальянских гангстеров обосновались в Карлсруэ и Баден-Бадене и сотрудничают с фирмами, контролирующими казино».

«Легальный союз уголовных преступников протянул свои щупальца в Федеративную Республику», — писал в январском выпуске за 1973 г. кельнский экономический журнал «Капитал». Мафия извлекала доход из «торговли людьми», нелегально помогая итальянским рабочим при трудоустройстве, делала бизнес на торговле наркотиками, отчасти контролировала оптовую торговлю овощами и фруктами, скупала и перепродавала краденые произведения искусства, взимала с итальянских эмигрантов и бизнесменов «налог за защиту», регулярно напоминая о себе, и зарабатывала огромные деньги на азартных играх и профессиональной проституции.

Крайне редко, лишь в результате скандальных происшествий, выясняется, как глубоко уже пустила корни мафия в ФРГ.

13 апреля 1980 г. В этот воскресный день в тюрьме Бендаль в Вуппертале раздался оглушительный взрыв. Заряд динамита сорвал с петель тяжелые металлические ворота и отбросил их на метр в сторону тюремного двора, где в это время прогуливались 50 заключенных. Пятеро из них воспользовались случаем и бежали через брешь: немец, три югослава и итальянец по имени Арканджело Малио. Полиция не сомневалась: заключенный немец, как, очевидно, и югославы, просто не упустил возможности бежать из тюрьмы. Взрыв открывал путь к досрочному освобождению Малио.

Малио, известный в преступном мире под кличкой «Архангел», содержал в Вуппертале «Кафе де Пари»,

бывшее кроме всего прочего «воровской малиной». Гангстеру предстояло занять место на скамье подсудимых по обвинению в рэкрете владельцев кафе-мороженоых, гриль-баров и пиццерий — выходцев из Италии, у которых он вымогал «деньги за защиту». Банда Малио содержала подпольное казино, и полиция подозревала ее в нападении на сберкассы и ювелирные магазины. 16 апреля 1980 г. крупная буржуазная газета «Франкфуртер альгемайне цайтунг» писала, что будто бы после ареста Малио «заправили мафии, опасаясь, что на судебном процессе он сболтнет лишнее, решили покарать его своей властью».

Известно, что омерта действует и в ФРГ. Садовод Уресте Томашо из Радеформвальда показал в суде, как мафия вымогала у него 15 тыс. марок. В заключение он сказал: «Я знаю, что поплачусь за эти показания». И действительно, 11 января 1980 г. в его доме взорвалась бомба. Годом раньше в Вуппертале у всех на глазах был застрелен владелец борделя Георг Финетта. Спустя некоторое время один любитель-рыболов нашел на берегу водохранилища Еннепе пластиковый мешок с туловищем мужчины без головы и без рук. Полиция опознала в нем 57-летнего Луиджи Мазетти. За что он был убит? По размаху своей деятельности мафия в ФРГ начала приближаться к своей сицилийской праматери и «Коза ностре».

На одном из совещаний эксперты криминальной полиции ФРГ пришли к такому выводу: «Невозможно определить размеры, которых достигла мафия у нас в стране, так как неизвестно — и едва ли станет известно в ближайшие годы, — насколько глубоко она проникла в политические круги и в полицию». Так ли это? Почему, например, прокурор Крейфельда был арестован за пособничество гангстерам? В уголовной полиции Гамбурга пришлось образовать специальную комиссию по выявлению сотрудников, за взятки предупреждавших гангстеров о готовящихся облавах. И в Вуппертале за решеткой сидел гауптмейстер¹ уголовной полиции. Он, вероятно, был связным между Малио и мафией.

Мафия и «Коза ностра» заинтересованы в ФРГ как «транзитной стране» для своих деловых операций. В марте 1979 г. трое граждан ФРГ предстали перед

¹ Гауптмейстер (нем.) — звание младшего командного состава в западногерманской полиции. (Прим. пер.)

мюнхенским судом за попытку обмануть Ватикан на 950 млн долл. Они намеревались сбыть ему акции, которые были похищены в США у почтового ведомства и подделаны. Эти люди играли роль респектабельных посредников, дабы внушить доверие бизнесменам из папского государства. Ценные бумаги были депонированы в швейцарском банке, который, однако, заподозрил неладное и проверил акции в нью-йоркском государственном контроле над частными банками. Когда мошенничество открылось, за дело взялось ФБР. Следы привели к членам «Коза ностры» Винсенту Риццо и Матти Ди Лоренцо. В Нью-Йорке перед судом предстали 26 мафиози, через год были осуждены и их пособники в ФРГ.

Мафия обнаружила себя и в Австралии. Ночью 18 января 1964 г. в Мельбурне прозвучал лающий выстрел лупары — классического орудия мести мафии. Убитым оказался 39-летний Антонио Монако, крупный оптовый торговец, снабжавший фруктами и зеленью самый большой рынок «Виктория» в Мельбурне, а также штаты Квинсленд и Тасманию. И здесь мафия начала свою деятельность в традиционном для себя стиле. Этим убийством «Общество чести» хотело как бы показать остальному преступному миру, что захватило власть над крупнейшим в этом регионе рынком.

С 1958 г. Доменико Италияно был боссом «семьи» мафии, контролировавшей рынок «Виктория» и взимающей с каждого килограмма перегружаемого товара 1 % в свою пользу, а ежегодный товарооборот этого рынка, надо заметить, оценивался в 45 млн т. Когда 17 сентября 1962 г. Италияно мирно почил, из-за наследства разгорелся ожесточенный спор. Близкий друг и преемник 37-летний Винченцо Анджилетта был убит 4 апреля 1963 г., а полгода спустя от выстрелов из лупары пал еще один претендент — Доменико Демарте, 40 лет. Однако Демарте выжил и, верный первой заповеди мафии, на допросе в полиции упорно молчал.

Особенно высокую активность мафиози развили в Канаде. Здесь американская «Коза nostra» организовала свои отделения. Наряду с традиционным рэкетом мафиози не упустили возможность проникнуть и в мир легального бизнеса страны. Так, полиции удалось установить, что всем известные фирмы «Краун секюрити» в Монреале и «Л. энд П. электрикал продактс» в Торонто были фирмами мафии. Фирма «Краун секюрити»

принадлежала участнику гангстерской конференции в Апалачине Кармине Галенте и служила прикрытием для торговли наркотиками. Другой фирмой владел мафиозо Альберт ди Пальма, одновременно промышленявший еще и торговлей девушками для публичных домов.

Расследованием причин усиливающегося проникновения «Коза ностры» в Канаду занялась специально созванная конференция. Шеф полиции Виннипега в связи с этим заявил о растущем влиянии мафии в провинции Манитоба. Основными центрами «Коза ностры» в Канаде были названы Монреаль на восточном и Ванкувер на западном побережье. Конференция закончилась принятием решения объединить усилия всех отделений полиции в борьбе с мафией. Эти планы так и остались на бумаге.

Спустя два года, в 1967 г., стало известно, что Монреаль превратился в перевалочный пункт на пути транспортировки наркотиков «семьей» мафии Джо Бонанно. «Семья» Томаса Эболи, которую он возглавил после смерти Вито Дженовезе, и клан Стефано Маггадино получали свой «товар» также из Монреаля. В Канаде, как и в других капиталистических странах, организованная преступность будет процветать до тех пор, пока не изменятся социальные условия, создающие идеальную питательную среду для роста преступности.

РАВНОДУШНОЕ ОБЩЕСТВО

Главный девиз американского общества, как, впрочем, и любого другого капиталистического государства, гласит: «Обогащайся!» Потому преступление, насилие в Соединенных Штатах не просто обыденные явления, они окружены ореолом. Журналист Клив Дженкинс так рассказывает в английском еженедельнике «Трибюн» о своей поездке в США: «После наступления темноты гулять по Манхэттену небезопасно, как и во многих американских городах. В Нью-Йорке шагу не ступишь, не рискуя своим бумажником, девственностью или жизнью. Вечерами у экрана телевизора кровь стынет в жилах от демонстрации жестокости и насилия. Часами актеры изо всех сил стараются превзойти друг друга в зверствах. Такие удары по психике людей, вероятно, помогают усыпить совесть!»

И действительно, индустрии общественного мнения удается усыпить совесть многих граждан. Настоящую

сенсацию вызвали результаты социологического исследования, проведенного в нью-йоркском районе Куинз. Ударом ножа прямо на улице там была убита 28-летняя девушка. Жертва сопротивлялась около 35 минут, и по крайней мере 40 человек были тому свидетелями. Однако никто из них даже не позвонил в полицию. Социологи задали свидетелям этого злодеяния вопрос, почему никто не пришел на помощь пострадавшей или не позвонил в полицию. Свидетели отвечали: «Сам не знаю!», «В тот день я очень устал!», «У меня по горло и своих забот!», «Я никогда не лезу в чужие дела!»

«В последнее десятилетие для каждого американца опасность пасть жертвой тяжкого преступления возросла более чем вдвое. В 1969 г. в Соединенных Штатах было совершено 14 950 убийств, краж на сумму 62 млн долл., 871 000 похищений автомашин. Число разбойных нападений в 1969 г. возросло на 13 % по сравнению с предыдущим годом и на 160 % по сравнению с 1960 г. Комментируя угрожающую статистику, секретарь по вопросам печати министерства юстиции США заявил: «Никто не может предугадать тенденцию роста преступности, а причины этого роста — величайшая загадка нашего века».

Таким образом, министерство юстиции отказывается признать организованную преступность в качестве составной части капиталистической системы. Отказывается потому, что это поставило бы под сомнение само существование капиталистического строя. Итак, власти обходят стороной существо вопроса и предпочитают видеть лишь «факты» и сетовать на «тенденции». В июле 1965 г. комиссия по расследованию при ФБР в своем отчете докладывала: «Анализируя данные по преступности, видишь ее чудовищные размеры и ее влияние на все сферы американской жизни... В городах США есть районы, где половина жителей из-за боязни быть ограбленными не отваживается покидать свои дома по вечерам, треть жителей избегает вступать в разговоры с незнакомыми людьми, пятая часть так деморализована, что мечтает переменить место жительства. Все больше граждан в целях самозащиты обзаводится огнестрельным оружием. Сторожевые псы вошли в моду, как во времена феодалов».

Вместе с тем комиссия пришла к выводу: «К сожалению, надо признать, что статистика говорит о неуклонном росте преступлений; к тому же статистика эта

далеко не полная. Резко возросло число тяжких преступлений, о которых жертвы не сообщают в полицию. Статистика не учитывает также преступлений, связанных с обманом покупателей и бизнесменов, которые и не подозревают, что их одурачили. Присвоение чужого имущества, искусственное взвинчивание цен, укрывательство имущества от обложения налогом, активная и пассивная взятка — все эти правонарушения могли бы значительно увеличить число уголовных преступлений».

Один американский репортер так высказался по поводу этого отчета ФБР: «Для Америки насилие и садизм стали такой же неотъемлемой частью жизни, как дезодорант и таблетки от головной боли».

РЯДОМ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Рядовой гражданин Соединенных Штатов давно смирился с тем, что его жизнь протекает рядом с преступностью, что ежедневно его личная собственность, его жизнь и здоровье подвергаются опасности. 18 декабря 1972 г. в статье под заголовком «Рядом с преступностью» журнал «Ньюсуик» писал: «Она была одной из тех малоприметных пожилых женщин, которые коротали свой век, затерявшись в городе. В Сан-Франциско она жила в дешевом отеле в районе Тэнделоин, пользующемся дурной славой. Ее друзьями были жильцы отеля, постоянно собиравшиеся в холле у телевизора. Каждый день она выходила на улицу, чтобы пообедать в близлежащем ресторанчике самообслуживания. Однажды вечером, когда она возвращалась домой, на нее напали на улице, избили и ограбили. С тех пор страх ни на минуту не покидал ее.

Дни напролет, как в оцепенении, она сидела в холле отеля и подозрительно разглядывала постояльцев. Затем шла к себе в комнату. Когда старые друзья или знакомые пытались навестить ее, она отказывалась открыть им дверь, боясь, что вместе с ними в номер проникнет чужой. В течение двух недель ее не было видно. Наконец, служащий отеля решил подняться в ее номер, чтобы выяснить, в чем дело. Когда открыли дверь, то обнаружили женщину распростертой на полу — она была мертва уже неделю. В свидетельстве о смерти сказано, что она скончалась от прободения язвы, происшедшего в результате нервного стресса.

Язва желудка развилась вследствие постоянного недоедания. Истинной же причиной смерти был страх».

По мнению журнала, «широкое распространение преступности стало повсеместным явлением. Для американских граждан обычными сделались четыре замка на входной двери, обычным стало отказываться от вечерней партии в бридж, в лучшем случае в него играют до захода солнца, в такси и автобусах уже не разменивают денег, обычной стала и вооруженная охрана в высших учебных заведениях — и почти у всех людей постоянное чувство неуверенности».

Далее в «Ньюсуик» говорилось: «То, что американцы живут рядом с преступностью, свидетельствует о непостижимой способности людей применяться к самым невыносимым условиям жизни. Для безопасного передвижения по улицам современных американских городов уже недостаточно одних правил дорожного движения; необходимо соблюдать еще целый ряд специальных мер предосторожности: держаться подальше от темных подворотен, ходить по краю тротуара, носить с собой второй кошелек примерно с пятью долларами «для грабителей», держать наготове ключ при подходе к входной двери своего дома...» «Если мне на улице навстречу попадает подросток, то первым делом я смотрю на его обувь», — заявил нашему корреспонденту один житель Гарлема. Хулиганы, по его мнению, обуты в теннисные туфли, что якобы помогает им быстрее скрыться с места преступления. Но, несмотря на меры предосторожности, этого человека уже дважды грабили. «Мне еще повезло, — сказал он. — Оба раза я отделывался лишь синяками». Многие жертвы грабительских нападений заявляют о своем желании приобрести оружие и, как правило, покупают его вопреки настойчивому предупреждению властей о том, что хранение огнестрельного оружия для них не защита, а еще большая опасность... Поговорка «Мой дом — моя крепость» понимается многими дословно. В Вашингтоне, на Тайбер-Айленд, строится фешенебельный небоскреб на 820 квартир, круглосуточно охраняемый вооруженной охраной. У каждого жителя будет два специальных пропуска: один — для входа в гараж, другой — для пользования лифтом. Кроме того, входные двери на всех этажах будут оборудованы специальными замками... Кальвин Тилден и его жена Мэри, проживающие в аристократическом районе Пресайдью — Хайтс, где не-

давно взломщики ограбили целый дом, увезя в крытых фургонах всю обстановку, установили в своем доме толстую железную дверь, дополнительные замки и внешнее переговорное устройство... Тилден сконструировал хитроумную систему фоновизуального опознавания любого посетителя».

А государство? А полиция? На них, по мнению «Ньюсуик», в этом деле не следует особенно уповать, несмотря на «беспрецедентную по размаху и затратам государственную кампанию по борьбе с преступностью в городах Америки. Полиция получает ежегодные правительственные субсидии в размере 850 млн долл., растет численно, оснащается совершеннейшей техникой: вертолетами, компьютерами, радио- и телевизионной аппаратурой и другой техникой для патрулирования. Но бизнесмены и домовладельцы считают эти меры властей недостаточными. Именно они способствуют расцвету новой отрасли индустрии в виде создания армии частных охранников и хитроумной системы сигнализации. Рядовые граждане создают в своих кварталах отряды самозащиты и по очереди патрулируют районы, в которых проживают. Правда, результаты подобных рейдов малоэффективны».

РУКА РУКУ МОЕТ

Однако, несмотря на компьютеры и вертолеты, полиция бессильна, и это, разумеется, не случайно. В Нью-Йорке процент раскрытия убийств в течение года уменьшился с 83,3 до 78,1%. Инспектор Джозеф Маклафлин из нью-йоркской уголовной полиции оправдывается: «Нам приходится расследовать огромное число различных преступлений, мы не можем заниматься только поисками убийц».

Инспектор ни словом не обмолвился, что между преступниками и некоторыми полицейскими, как и в былые времена, существует тесная связь. В декабре 1968 г. журнал «Лайф» писал, что в Чикаго в десяти из двадцати одного района «Коза ностра» регулярно дает взятки руководящим чиновникам отделов по борьбе с разбоем и нелегальными азартными играми... Аль Капоне сегодня популярен так же, как кинозвезда, вроде небезызвестных Бонни и Клайда, а его преемники прявят и поныне. Когда летом 1968 г. в Чикаго собрался

съезд демократической партии для выдвижения кандидата на пост президента США, в списках делегатов значился Джон д'Арко. Свою карьеру он начинал в банде Аль Капоне в качестве мелкого мафиозо. После «смены поколений» в 30-х годах «Коза ностра» направила его в конгресс штата Иллинойс. В 1951 г. д'Арко вошел в чикагский муниципалитет. Многих преступников из «Коза ностры» он внес в список лиц, получавших заработную плату в городском управлении. В конце концов, возглавив важнейший в Чикаго 1-й избирательный округ, д'Арко стал влиятельным политическим деятелем, более того, членом верховного совета демократической партии. Дейли, губернатор Чикаго, «сильнейший человек» демократической партии, публично заявил, что Джон д'Арко — «славный малый».

Д'Арко решил не принимать участия в съезде партии в Чикаго. Он предпочел послать туда своего доверенного Вито Марцулло, кстати тоже мафиозо. А власти? Власти предприняли решительные действия... но не против преступников, а против тех, кто собирался у здания демократической партии, чтобы выразить протест против агрессивной политики США в Юго-Восточной Азии. В отчете комиссии расследования событий тех дней в Чикаго скупом отмечалась «излишняя жестокость одетых в форму представителей власти». Один иностранный журналист охарактеризовал эти события более точно: «Банды полицейских в течение двух ночей терроризировали огромный город и, прикрываясь законом, безнаказанно совершали уголовные преступления — от нанесения тяжких телесных повреждений до разбоя».

Террор американской полиции против прогрессивных сил, в том числе против негритянского движения, играет на руку организованной преступности. Он отвлекает полицейские органы от их главной, казалось бы, обязанности — охраны прав граждан. Но «Коза ностра» не угрожает капиталистической системе, и в этом суть.

По мнению Ральфа Салерно, опубликовавшего в начале 70-х годов исследование об американской мафии, «Коза ностра» способствовала избранию по меньшей мере 25 депутатов в палату представителей американского сената, а 15 депутатов конгресса штата Иллинойс были куплены «Обществом чести» «с потрохами». Салерно установил, что депутат от Нью-Джерси Корнелиус Галахер является другом мафиозо Джо Цикарелли.

И, что самое интересное, Галахер входит в состав комиссии конгресса, задачей которой является контроль над федеральными органами власти, ведущими борьбу с организованной преступностью!

По оценкам профессора Калифорнийского университета Кресси, 15% сумм, расходуемых на избирательные кампании в Америке, ассигнуются «Коза нострой». Недавно получил огласку факт, что личный референт председателя палаты представителей Маккормик и его близкий друг, адвокат, представляли интересы концерна мафии, осуществлявшего различные поставки для отелей. Маккормик использовал свое влияние для освобождения двух осужденных мафиози.

Президент США Ричард Никсон одобрил увеличение субсидий полиции на 61 млн долл., а 29 июля 1970 г. подписал закон об усилении борьбы с преступностью в столице страны Вашингтоне. Этот документ лег в основу аналогичных законов в отдельных штатах. Подписанный президентом закон, вступивший в силу 29 января 1971 г., позволял полиции задерживать «подозрительных лиц» в «предварилке» до 60 дней и расширял права полицейских органов при подслушивании телефонных разговоров. Но очень скоро выяснилось, что новый закон ни в коей мере не угрожал «Коза ностре». Американские власти стали широко использовать его для борьбы с прогрессивным движением в стране, для более жестокого подавления выступлений прогрессивных сил, а также боевых организаций американских негров.

Разумеется, «Коза ностра» — тайное «братство» организованных преступников смогло возникнуть и расцвести пышным цветом только на капиталистической почве, только в условиях капиталистических общественных отношений. На Американском континенте есть страна, в которой организованная преступность полностью ликвидирована. И это стало возможным не благодаря искусным действиям полиции и органов юстиции, а в результате изменения общественных отношений.

1 января 1959 г. на Кубе произошла революция и повстанцы, приветствуемые народом, вступили в Гавану. К тому времени Счастличик Лучано и Мейер Лански уже создали на острове свою преступную империю. Смена власти лишила гангстеров источника доходов. Если во время диктатора Батисты за право содержать десять казино-мафиози достаточно было упла-

тить 250 тыс. долл., то революционные власти, запретив азартные игры, вообще не вступали с ними ни в какие сделки. Поэтому вскоре вслед за диктатором Батистой с Кубы бежали и гангстеры из «Коза ностры». Бывшие казино мафии перешли в собственность народа и были переоборудованы под рабочие клубы, места отдыха трудящихся.

Социалистической Кубе удалось сделать в самые кратчайшие сроки то, что до сих пор не под силу США с их огромным полицейским аппаратом и современной техникой. Лишь социалистическое общество способно покончить с преступностью, навсегда вырвать ее корни.

В ноябре 1979 г. конгрессу США был представлен отчет о борьбе с «Коза нострой», согласно которому за прошедшие четыре года американские суды рассмотрели 1226 дел, связанных с преступлениями мафии. Из них 640, то есть 52 %, закончились вынесением оправдательного приговора. В 338 обвинительных актах из оставшихся 586 срок наказания был менее двух лет, а в 207 случаях — не достигал и шести месяцев. Пятеро осужденных отделались денежным штрафом в размере свыше 10 тыс. долл., 133 — около сотни долларов, а в одном случае был назначен штраф в 25 долл. Ральф Салерно, эксперт по мафии из нью-йоркской полиции, разочарованно заявил: «Мы восприняли мафиозный синдром, Америка перешла к мафии».

ДОН ДЖАНКАНА И ЦРУ

Сэм Джанкана, 66-летний дон чикагской «семьи» мафии, возвратился домой из Хьюстона в Техасе 19 июня 1975 г. Бог и царь над 1500 мафиози только что перенес операцию желчного пузыря. И хотя ФБР неусыпно присматривало за ним, он пользовался относительно большой свободой действий. Год тюрьмы, к которому его приговорили в 1965 г. «за неуважение суда» — «Большой Сэм» отказался давать какие-либо показания, — он отсидел, а затем перебрался в Мексику, дабы избежать скользких вопросов. В июле 1974 г. мексиканские власти выдворили его из страны, и теперь Джанкана, преемник Энтони Аккардо, тайком вернулся в Чикаго.

Из аэропорта он направился вместе с несколькими приятелями на свою виллу-крепость в предместье Чикаго Оук-Парке. Тайно и явно за ним следовало несколько

сотрудников ФБР и чикагской полиции. Они доложили, что компаньон дона, его шофер и телохранитель, дочь и зять собрались в доме на вечеринку по случаю возвращения хозяина. В 22 часа 30 минут, как позднее показали полицейские, все гости будто бы ушли. Решили передохнуть и полицейские.

Через час Джанкана спустился в кухню виллы и достал из холодильника сосиски и шпинат. В тот же миг раздались выстрелы — семь пуль попали дону в лицо и шею. Позднее дворецкий Джозеф Дисперсио, 82 лет, нашел своего хозяина лежащим навзничь на полу. Джанкана был мертв, а убийца (или убийцы) исчез. Дисперсио показал, что в это время смотрел вместе с женой телевизор в своей комнате на третьем этаже и не слышал выстрелов, вероятно из-за шума кондиционера.

У шефа отдела юстиции Чикаго Питера Вейры была своя версия этого убийства:

— Оно не походит на официальный удар мафии... и манера, в которой оно совершено, позволяет нам предположить личный мотив.

На каком основании он пришел к этому выводу? Смертельные выстрелы были произведены из небольшого пистолета 22-го калибра, «а это,— по его словам,— не тот калибр, которым обычно пользуется мафия».

Значит, это покушение, подобных которому «Коза ностра» знала на своем веку немало, не связано с какими-либо раздорами внутри мафии? Коллеги Питера Вейры из чикагской уголовной полиции поспешили заверить, что здесь налицо конфликт между «стариками» и «молодыми»: «У более молодых мафиози зрело недовольство методами, которыми «семья» вела рэкет, и прежде всего дележом барышей». «Молодежь» взяла якобы Джанкану на мушку потому, что он был наиболее уязвим среди старых боссов.

Убийцу (или убийц) Джанканы не нашли.

Через пять дней после выстрелов на вилле в Оук-Парке перед специальной комиссией американского сената выступил необычный свидетель. Комиссии под председательством сенатора Фрэнка Чёрча было поручено расследование неприглядной деятельности американской спецслужбы ЦРУ. Операции этого ведомства не только за границей, но и в самих США приняли настолько противозаконный характер, что общественность потребовала провести расследование.

Комиссия Чёрча установила, например, что ЦРУ участвовало в убийстве первого премьер-министра Республики Конго Патриса Лумумбы. А в марте 1975 г. всплыла другая скандальная история. Два советника бывшего министра юстиции США Роберта Кеннеди показали, что уже в 1960 г. ЦРУ вынашивало планы убийства Фиделя Кастро. Главе кубинского правительства предполагалось подsunуть отравленные сигары. В лабораториях ЦРУ были проведены опыты с ядами, и один из директоров ЦРУ заручился поддержкой бывшего агента ФБР Роберта Мэхью.

Как выяснилось позднее, выбор ЦРУ пал на этого отставного агента ФБР не случайно: у Мэхью сохранились старые связи с «Коза нострой». Разумеется, в Лэнгли, штаб-квартире ЦРУ, знали, что и у мафии были давние счета с Фиделем Кастро.

Мэхью обратился к Сэму Джанкане, боссу игорного бизнеса «Коза ностры». После того как «Большой Сэм» согласился, в дело вошли еще несколько известных мафиози: Рассел Буффалино, Джеймс Плумелли и Сальваторе Гранелли из Нью-Йорка. Все трое владели игорным домом в Гаване и контролировали на Кубе ипподром. В январе 1959 г. они поспешно бежали с острова, оставив у посредников 450 тыс. долл. Кроме того, в час своего скоропалительного отъезда они закопали на поле вблизи столицы Кубы разменные монеты для игры на «одноруких бандитах» на сумму 300 тыс. долл. Таким образом, мафиози изъявили готовность создать для ЦРУ на острове агентурную сеть из бывших дружков. Для оплаты агентов они получили от ЦРУ в качестве аванса 450 тыс. долл. — сумму, оставленную ими на Кубе.

Позднее в интервью Мэхью так высказался о своих контактах с мафией: «Я убежден — эти люди согласились выполнить поручение, искренне веря, что тем самым способствуют укреплению нашей национальной безопасности».

НА ПУТИ В ГАВАНУ

В число гангстеров, внезапно охваченных патриотизмом, входил и Джон Розелли, по кличке «Капо». Когда в 1910 г. шестилетний Розелли прибыл с родителями в США, его звали Филиппо Саччо. В 20-е годы он пре-

успел у Аль Капоне. После ареста за торговлю наркотиками он взял себе новое имя — Джон Розелли. В 30-е годы по поручению чикагской «семьи» он отправился в Голливуд, где приобрел два ночных клуба, финансировал два гангстерских кинофильма и женился на молодой кинозвезде. За попытку вымогательства у кинофирм 1 млн долл. он на два года исчез за решеткой. После этого основным ремеслом Розелли стали азартные игры. Он руководил казино «Сан Суси» в Гаване, а после изгнания гангстеров с Кубы присматривал за игорными домами мафии в Лас-Вегасе.

Агент ЦРУ Джеймс О'Коннел, которому в 1960 г. было поручено убийство Фиделя Кастро, показал Мэхью капсулы с ядом и сказал, что контакты Розелли на Кубе будут полезны, чтобы выгодно сбыть их. ЦРУ заплатило наемным убийцам 150 тыс. долл. и в случае «успеха» обещало увеличить сумму. Но для Розелли и Джанканы деньги были не главное. ЦРУ должно было позаботиться о том, чтобы органы юстиции прекратили возбужденное против них судебное дело.

Впоследствии путь ядовитых пилюль, предназначенных Фиделю Кастро, удалось проследить лишь до Майами. Неужели наемные убийцы трусили? Такую версию выдвинул американский журнал «Тайм». Повидимому, Розелли и Джанкана подыскали себе замену и передали капсулы. Три группы мафиози отправились на Кубу.

ЦРУ не отказалось от своих авантюристических планов на Кубе и после избрания в ноябре 1960 г. нового президента США: демократ Джон Ф. Кеннеди сменил на этом посту республиканца Дуайта Д. Эйзенхауэра. В период смены президентов в личной жизни Сэма Джанканы произошли неприятности: он заподозрил свою любовницу Филлис Макгир в связи с одним актером в Лас-Вегасе. «Большой Сэм» задумал установить в гостиничном номере соперника «клопа» (миниатюрное подслушивающее устройство. — А. С.), однако его подручные были пойманы на месте преступления. Наряду с полицией Лас-Вегаса этим делом заинтересовались и ФБР. Итак, бывший агент ФБР Мэхью информировал полковника Эдвардса из ЦРУ: Джанкана с нетерпением ожидает защиты от преследования федеральной уголовной полицией. ЦРУ незамедлительно сообщило заместителю министра юстиции США Герберту Дж. Мюлю-младшему, что в случае преследования людей Джан-

каны станет известно о сотрудничестве ЦРУ и мафии. После этого новый американский министр юстиции Роберт Кеннеди, брат президента, прекратил дело.

В апреле 1961 г. ЦРУ попыталось свергнуть кубинское правительство иным способом. Печально известное вооруженное вторжение в заливе Свиней окончилось плачевно. Однако это грандиозное фиаско не остановило секретную службу США, которая вынашивала новые сумасбродные планы убийства Фиделя Кастро и даже посвятила в них министра обороны Макнамару. В курсе дела оказался и министр юстиции Роберт Кеннеди, яростный противник мафии в стране. Тогдашний руководитель пресс-бюро президента Билл Майерс заявил позднее в одной из телепрограмм: «Тайный заговор мафии, зародившийся в эру Эйзенхауэра, просуществовал до весны 1963 г. К этому времени министр юстиции Роберт Кеннеди знал о тайной войне ЦРУ. Одновременно он вел войну с организованной преступностью: в специальном списке главарей мафии, против которых предстояло выдвинуть обвинение, стояли имена Джанканы и Траффиканте. Таким образом, одной рукой правительство пыталось упрятать этих людей за решетку, другой же — благословляло убийство с их помощью Фиделя Кастро. В 1962 г. ЦРУ информировало брата президента о своих связях с мафией. Возможно, он полагал, что сговор ЦРУ с мафией не будет иметь продолжения. Однако его реакция примечательна: Кеннеди не дал никаких директив или приказа пресечь в будущем подобную деятельность.

Сэм Джанкана, важнейший свидетель в деле о связях мафии с ЦРУ, уже не мог дать показания комиссии Чёрча. Семь пуль не позволили «Большому Сэму» предстать перед судом и, возможно, открыть правду о ЦРУ и президенте Кеннеди, убитом при загадочных обстоятельствах 22 ноября 1963 г. в Далласе, в штате Техас. Вместо него «запел» Джон Розелли. Будто позабыв о старой заповеди мафии «кто не молчит, тот должен умереть», Розелли закончил свои показания словами: «Зачем кому-то причинять зло такому старику, как я?»

Повторит ли Розелли свои показания перед сенатской или какой-то другой комиссией, никто не поручится, пророчествовали журналисты. «Ведь с ним может случиться то же, что и с его приятелем из мафии Сэмом Джанканой».

Так и случилось! 28 июля 1978 г. Джон Розелли

бесследно исчез. В последний раз седовласого 71-летнего старца видели на площадке для игры в гольф во Флориде. Две недели спустя рыбаки обнаружили в море у побережья Майами дрейфующую бочку из-под бензина с обрывком цепи, а внутри — разлагающийся труп. Полиции удалось снять лишь фрагменты отпечатков пальцев, но этого оказалось достаточно для ФБР, чтобы идентифицировать труп — Джон Розелли. Очевидно, сначала его убили, а затем засунули в бочку.

На этот раз никто не пытался объяснить убийство «конфликтом поколений» в «Коза ностре». Сенатор Чёрч заявил: «После первого убийства можно было предположить, что оно не связано с нашими расследованиями, но второе — заставляет меня задуматься. Должен признаться, что теперь есть основания поставить их рядом». По мнению Чёрча, ФБР следовало бы провести тщательное расследование дела, тем более что федеральная полиция по необъяснимым причинам поверхностно расследовала убийство Джанканы.

Однако для американских властей вопрос о «Коза ностре» стал весьма деликатным не только из-за планов Вашингтона совершить на Кубе переворот. В декабре 1975 г. стали известны документы ФБР, открывавшие совершенно иную, внутривластную сторону дела. ФБР изготовило направленную против мафии листовку, снабдив ее подписью «Коммунистическая партия США». Главари мафии получали письма с угрозами будто бы от Компартии США. Таким образом ФБР надеялось натравить «Коза ностру» на коммунистов.

Результаты следствия по делу Розелли едва ли станут известны, поскольку его бывший адвокат намекнул на связь, существующую между заговором ЦРУ против Кастро и убийством президента Кеннеди. Через месяц после того, как труп гангстера был обнаружен у берегов Майами, «Нью-Йорк дейли ньюс», ссылаясь на друзей убитого, писала, будто незадолго до смерти Розелли рассказывал, что он знает тех, кто убил президента. Ранее он нанимал их для покушения на Кастро. Мнимый убийца президента Ли Харви Освальд был подставным лицом, а затем его убили. Журналисты вспомнили такой факт: Джек Руби, владелец ночного клуба из Далласа, застреливший Освальда на глазах полиции вскоре после его ареста, был много лет связан с «Коза нострой». Известно, что Руби неоднократно встречался с Сэмом Джанканой и Джоном Розелли.

Бывший агент ЦРУ рассказал, что в начале 60-х годов Руби нелегально побывал на Кубе. По заданию мафии или ЦРУ? Было ли это связано с подготовкой покушения на Фиделя Кастро? Наконец, вспомнили и то, что летом 1963 г. президент Кеннеди распорядился прекратить все подрывные акции против Кубы, чем навлек на себя гнев ЦРУ.

Опять все покрылось мраком. И тем не менее в США эти слухи и газетные сообщения восприняли настолько серьезно, что комиссия по расследованию убийств Джона Ф. Кеннеди и Мартина Лютера Кинга дважды приглашала для допроса одного из главарей «Коза ностры», Сантоса Траффиканте. Он, как известно, был среди 12 мафиози, арестованных в октябре 1966 г. в нью-йоркском ресторане «Стелла» и отпущенных через час на свободу под залог.

Первый вызов Траффиканте в комиссию практически ничего не дал — мафиозо соблюдал закон омерта. Сенаторы задали ему 14 вопросов и 14 раз услышали стереотипный ответ: «Я отказываюсь отвечать на этот вопрос».

В сентябре 1978 г. 63-летний Сантос Траффиканте, бывший менеджер игорного дома в Гаване, еще раз предстал перед сенаторами. На этот раз мафиозо было обещано не использовать его показания в ущерб ему. Речь шла об одной фразе. Кубинский контрреволюционер Хосе Алеман показал, что в 1963 г. в разговоре о Кеннеди Траффиканте заявил: «Это свалит его».

Главарь «Коза ностры» так интерпретировал свое тогдашнее высказывание: «Я имел в виду, что на следующих выборах кандидат от республиканцев победит». Ему якобы и в голову не приходили мысли об убийстве. *Вопрос:* «Вы знали о готовящемся покушении на Кеннеди?» *Ответ:* «Абсолютно ничего не знал. Никким образом».

Сантос Траффиканте признался перед комиссией лишь в том, что и без него было известно, — в соучастии мафии и ЦРУ: «Я помогал американскому правительству из чувства патриотизма».

«...НАШ ОБРАЗ ЖИЗНИ»

Вместо заключения

10 февраля 1986 г. обстановка вокруг тюрьмы Уччардоне внешне напоминала прифронтовой район: в воздухе барражировали вертолеты, на ближних подступах к бункеру, где находился главный зал заседаний, полицейские в пуленепробиваемых жилетах производили тщательную проверку документов, специальный контроль и досмотр публики; соседние улицы были блокированы бронетранспортерами и крупными силами карабинеров.

В этот день в Палермо открылся «процесс века», в качестве обвиняемых на котором проходили 466 человек. На скамье подсудимых, отделенной от зала железной решеткой из толстых прутьев, находился практически весь цвет сицилийской мафии во главе с такими боссами первой величины, как Лучано Лиджо, Пипо Кало, Микеле и Сальваторе Греко.

На 8600 страницах обвинительного заключения подводился своеобразный итог преступной деятельности сицилийской мафии за последние 10 лет. Исключительный характер этому документу придавало то, что в нем, пожалуй, впервые за всю историю официальных судов над мафией наряду с традиционным перечислением фактов об убийствах и похищениях людей, взрывах и поджогах открыто говорилось о некоторых связях мафиози с властью имущими, о так называемом «третьем уровне», расположенном над кланами мафии, — уровне, где органически сливаются политические и экономические интересы столпов общества и преступной организации.

Как и следовало ожидать, подсудимые, «дженти ди респетто» («уважаемые люди»), упорно отрицали обвинения, предъявленные им на основе показаний Томмазо Бушетты — дона одной из «семей» «Общества чести», согласившегося после ареста сотрудничать с органами юстиции. Благодаря его признаниям полиция произвела массовые облавы и арестовала свыше 300 мафиози разного ранга. Памятуя о законе омерта, организаторы судебного процесса в Палермо обнесли свидетель-

ское место в бункере массивной перегородкой из пуленепробиваемого стекла, и всякий раз, когда Бушетта публично подтверждал свои обвинения против бывших дружков, к нему приставляли дополнительный наряд вооруженных до зубов карабинеров.

5 июня в бункере появился Микеле Греко. Величавой походкой холеный обер-бандит прошептал на скамью подсудимых и, не скрывая улыбки радости, сквозь стальные прутья стал пожимать руки подходившим адвокатам. Накануне кассационный суд в Риме аннулировал приговор о пожизненном заключении, вынесенный ему и его брату в 1984 г. на другом «процессе века» в Кальтанисетте. Тем самым «Общество чести» обозначило расстановку сил в очередной схватке с правоохранительными органами.

И хотя до окончания процесса в Палермо, видимо, еще далеко — организованные преступники с первого же дня пустили в ход богатый арсенал приемов бойкота судебных разбирательств: от демонстративных голодовок и требований замены председателя суда до неявки на заседания адвокатов и их подзащитных, — многим уже сейчас ясно, в чью пользу закончится суд.

Безграничный авторитет, которым пользуется современный мафиозо в преступном мире, складывается не только из погони за внешней респектабельностью, но и из умения обзавестись связями в мире «высокопоставленных особ».

Современная мафия из мелкого наемника превратилась в крупного нанимателя, способного подрядить к себе на службу любого государственного чиновника или профсоюзного функционера. Это качественное изменение статуса элитарной преступной организации стало возможным главным образом благодаря тесным контактам с политическими деловыми и финансовыми кругами, достигающими самого высокого уровня. Не секрет, что передаваемые мафией деньги для многих политиков представляют необходимый стартовый материал в предвыборной кампании. Американская «Коза ностра» по традиции тайно пополняет казну обеих политических партий, республиканской и демократической, и особенно щедро — казну правящей партии.

Когда налажены подобного рода связи, деятельность правоохранительных органов неизбежно становится безрезультатной. Партийный босс, в руках которого находятся рычаги управления огромной машиной

власти, строго контролирует патронажные должности в различных ведомствах и государственных органах, прежде всего в муниципалитетах, полиции, судах и прокуратуре. Определяя назначение на должности в органах городского управления, партийный босс держит под контролем начальников полиции. Через них босс может направить в нужное русло любое расследование преступной деятельности людей, «подмазывающих» его партийную машину.

В свою очередь судьи и прокуроры склонны использовать занимаемое в обществе положение как ступень к более высоким постам. Подобным же образом поступают и адвокаты, располагающие связями с политической машиной и пользующиеся заметным политическим влиянием. Организованные преступники не скупятся на оплату услуг респектабельных юрисконсультов. За это адвокаты мафии надежно ограждают гангстеров от преследований со стороны судебно-правовой системы, соблазняя ее сотрудников ответными услугами и нечестивыми деньгами. Известно, что «Коза ностра» ежегодно вкладывает в американские правоохранительные органы более 4,5 млрд долл., иначе говоря, в виде взяток кладет в карманы их представителей. Подобные явления характерны для мафии не только в США, но и во всем капиталистическом мире.

В последнее десятилетие сицилийская мафия пережила очередной затяжной период смены власти, сопровождавшийся треском автоматов, взрывами адских машин, скандальными разоблачениями в прессе и в различных комиссиях расследования, а также традиционными призывами властей к «крестовому походу» против организованной преступности. И если словесные залпы представителей властей и закона не смогли сдвинуть с места ни одного камня в цитадели «Общества чести», то энергичные действия «молодых львов» достигли цели, и во многих «семьях» мафии «старики» уступили им руководящие позиции.

Окутанные мифической дымкой имена «сиятельных» мафиози Сальваторе Лучано, Карло Гамбино, Кармине Галенте, Анджело Бруно, Мариано Ликари, Циццо Сальвадоре уже принадлежат истории. Одни мирно почили в бозе, другие погибли «при загадочных или невыясненных обстоятельствах», третьи ушли на «заслуженный» отдых. На авансцену выдвинулись заправилы «новой мафии» во главе с Аниелло Деллакоче,

Фрэнком Тьери, Полем Кастеллано, Энтони Коралло, Филиппом Растелли, Лучано Лиджо, Розарио Манчино, Микеле и Сальваторе Греко.

Существует поговорка: боссы приходят и уходят — их дела остаются. Смена поколений в мафии, практически не затрагивая ее святая святых — структуру и обычаи, всегда сопровождалась расширением границ преступного бизнеса, сфер приложения капитала и арсенала «приемов работы» — от традиционного мелкого вымогательства до высших форм — «чистой», или «беловоротничковой», преступности. Так, Игнацио Сайетта, по прозвищу «Лупо» — «Волк», основавший в начале века нью-йоркскую мафию, ограничивался грабежом соотечественников. Его преемники Аль Капоне и Сальваторе Лучано заложили в 20—30-х годах мощный фундамент промышленной эксплуатации человеческих пороков, запрещенных законами. Говоря о деятельности современной мафии, уже трудно сказать, где кончается уголовщина и начинается законный бизнес и политика. Новое поколение донов «преступного братства» вместе с государственно-монополистическим аппаратом вершит судьбы человечества, и не только когда речь идет об убийстве профсоюзного лидера или фабрикации фальшивок против политических противников, травле и преследовании прогрессивных организаций внутри страны, но и в «деликатных операциях» далеко за ее пределами во имя сохранения власти буржуазии. И вот наконец-то вершина признания феномена мафии: в 1986 г. влиятельный журнал американских кругов «Форчун», достаивающий своего внимания лишь «сильных мира сего», вместо перечня 500 крупнейших корпораций страны опубликовал список 50 крупнейших мафиози, сопроводив его медоточивой статьей о силе и культуре управления донами преступным синдикатом. По-видимому, настала пора учителям поучиться у своих учеников: уж очень впечатляет один размер «валового оборота» их «дела», который, по осторожным оценкам министерства юстиции США, достиг 120 млрд долл.

Разумеется, с помощью одних отмычек, лома или автомата такими капиталами не овладеешь. Главная сила современной мафии заключается в «расширенном воспроизводстве» огромных барышей от преступной деятельности в сфере легального бизнеса. Бывший шеф нью-йоркской полиции Ральф Салерно однажды сказал:

«Большой бизнес — этот «крестный отец» мафии — не может обойтись без ее услуг. Мы сами сеем семена гангстеризма, мафия лишь собирает жатву».

В 1978 г. специальная комиссия американского сената по расследованию деятельности организованной преступности установила, что мафиози вкладывают средства, добытые преступным путем, в 46 отраслей легального бизнеса. По данным министерства юстиции США, «Коза ностра» владеет акциями более 100 тыс. компаний: угольных, нефтяных, металлургических, автомобилестроительных и других, годовой оборот которых превышает 12 млрд долл.

«Преступление, — поучал своих коллег известный гангстер Арнольд Ротштейн, — получает смысл только тогда, когда совершается не пистолетом, а мозгами». Поэтому свою новую жатву мафиози, как правило, собирают под личиной деловых людей, их преступления приобрели респектабельный вид. «Если раньше, — писал в конце 1976 г. журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», — традиционным бизнесом американской мафии считались азартные игры, ростовщичество, наркотики, профсоюзный рэкет, в той или иной степени связанные с насилием, то сейчас она предпочитает более мирные способы грабежа. Новые мафиози не врываются в банк с автоматами, а входят с парадного входа, почтительно приветствуемые охранниками. Они мошенничают, сбывая фальшивые деньги и ценные бумаги, выплачивают фиктивные авансы и выколачивают из банков фальшивые займы. Мафия часто без единого выстрела захватывает целые фирмы и компании».

В последние годы «Коза ностра» успешно освоила новую для себя сферу деятельности — банковское дело. Молодое поколение мафиози, взяв штурмом Уолл-стрит с помощью университетских дипломов, доказало «отцам мафии», что реальное могущество заключено не в наличных деньгах, а в ценных бумагах, благодаря которым можно покупать, продавать, создавать различные компании и банки. Если учесть, что ценные бумаги можно еще и подделывать, а этим искусством мафия в совершенстве овладела уже давно, то операции с ними оказались для новых мафиози не таким уж сложным делом. В 1976 г. швейцарский еженедельник «Вельтвохе» сообщил, что американская мафия «импортировала» в Швейцарию 1000 фиктивных акций перуанской компании «Минера рию Тинто лимитед». Согласно при-

ложенным документам, актив предприятия составлял 4 млрд долл. Лишь благодаря тому что цюрихская полиция разоблачила обман, удалось предотвратить мошенничество на сумму около 250 млн долл.

В начале 1977 г. в одном из подкомитетов конгресса США стало известно, что в контролируемых мафией банках внутри страны, а также за океаном, главным образом в Швейцарии и Бельгии, находятся краденые и поддельные ценные бумаги на общую сумму 25 млрд долл.!

Валютные махинации мафии достигли небывалых размеров. В тайны этой сферы деятельности «Коза ностры» попытался проникнуть американский журналист Джек Бигон. 22 июня 1973 г. в аэропорту Палермо он встретился с неким Анджелино и договорился приобрести у него за 5 тыс. долл. документы о проводимых мафией в грандиозных масштабах нелегальных валютных махинациях с указанием имен конкретных исполнителей и их боссов. На следующий день Бигон был похищен и переправлен за океан, в Чикаго, где в течение нескольких месяцев мафиози допрашивали его с использованием наркотиков. В начале 1974 г. на одной из улиц Палермо был застрелен сержант итальянской полиции Анджело Сорино, в котором позднее Бигон опознал Анджелино. «Дело Бигона» завершилось тем, что излишне любопытного журналиста, осмелившегося проникнуть в тайны валютных операций «Коза ностры», уволили с работы с формулировкой «за компрометацию журналистского имени и за расследование, которое ему никто не поручал».

С расширением роли электронно-вычислительной техники в банковском деле мафиози стали потрошить сейфы более «чистыми» методами: динамит и нехитрый слесарный инструмент им заменила электронно-вычислительная машина. Для этого преступникам достаточно украсть программу с банковской информацией, расшифровать ее и ввести в машину необходимые данные. Все эти операции в общем-то не представляют для мафиози, располагающих большим штатом высококвалифицированных «советников», особых хлопот. Вице-президент американской электронной компании «Пасифик системз» заявил, что преступления, связанные с манипуляциями на банковских электронно-вычислительных машинах, обходятся бизнесу США более чем в 300 млрд долл. ежегодно.

Экономические преступления представляют собой высшую форму деятельности организованной преступности. Сидя за письменным столом или за пультом ЭВМ, преступники в «белых воротничках» спокойно очищают банковские сейфы на сотни миллионов, в то время как рискованные вооруженные налеты рядовых гангстеров, грозящие длительным тюремным заключением и даже газовой камерой, приносят им в десятки и сотни тысяч раз меньше. По мнению министерства юстиции США, «белые воротнички» похищают около 200 млрд долл. ежегодно, львиную долю которых кассирует «Коза ностра». Это почти $\frac{1}{3}$ государственного бюджета США!

Нелегальная деятельность мафии стала огромным и рентабельным бизнесом, охватывающим десятки отраслей — от традиционных для нее контрабандной торговли наркотиками, азартных игр, организованной проституции, рэкета, убийств по заказу до самых современных — похищения дорогих автомашин, подделки грампластинок, магнитофонных записей в кассетах и книг-бестселлеров, противоправного сброса высокотоксичных отходов химических концернов.

Одной из самых прибыльных отраслей нелегального бизнеса «Коза ностры» по-прежнему остается контрабанда наркотиков. По данным американской печати, в 1985 г. 52 млн граждан США затратили на марихуану 30 млрд долл., что в 60 раз больше, чем в 1974 г. После того как правительство Мексики распорядилось уничтожить с помощью сильнодействующих гербицидов нелегальные плантации индийской конопли — исходного сырья для получения марихуаны, крупнейшим поставщиком этого наркотика на черный рынок США стала Колумбия. Используя бедственное положение местных граждан, «Коза ностра» вынудила их расширить производство марихуаны. Это не потребовало от мафиози больших усилий, так как возделывать индийскую коноплю колумбийским крестьянам в 5—6 раз выгоднее, нежели выращивать кофе или хлопок. В настоящее время площадь плантаций этого наркотика в Колумбии составляет, по приблизительным оценкам, 200 тыс. га, а доходы страны от незаконной торговли марихуаной превышают поступления от продажи кофе — традиционного продукта ее экспорта. Но еще большие барыши извлекает из этого «Коза ностра», оптовые торговцы которой платят крестьянам 10—12 долл. за 1 кг марихуаны, тогда как в розничной продаже на

улицах американских городов 1 кг этого наркотика стоит около 1400 долл.

Крупнейшим в мире поставщиком кокаина на черный рынок является Перу. Значительные плантации коки расположены также в Боливии и Эквадоре. Перевалочным пунктом на пути доставки мафией кокаина из этих стран в США служит Колумбия, где в подпольных лабораториях листья коки перерабатываются в пасту, а затем в кристаллическое вещество. По данным журнала «Тайм», около 10 млн американцев покупают ежегодно кокаина на сумму 20 млрд долл. Килограмм наркотика, приобретенный у латиноамериканских крестьян за 120—140 долл., продается в розницу в США по цене 16 тыс. долл.

Героин стал символом буржуазного общества. Сицилийская мафия и американская «Коза ностра» снабжают им примерно 200 тыс. жителей Западной Европы и 1 млн граждан США и Канады, ежедневно принимающих героин, и еще около 600 тыс. клиентов приобретают три дозы героина в неделю. Ни один товар в мире не приносит таких доходов, как героин: его оптовая цена на черном рынке колеблется от 8 до 12 тыс. долл. за 1 кг, а продаваемый в розницу, он стоит более 1 млн долл.

Один из путей контрабанды героина издавна проходил через Сицилию, однако в последние десятилетия его значение намного возросло в связи с кардинальными изменениями, происшедшими на политической карте Юго-Восточной Азии. Уже в начале 60-х годов американские мафиози под видом консультантов и советников по экономическим вопросам приступили к промышленному освоению огромного опиумного региона в Юго-Восточной Азии. Действуя заодно со своим давним партнером по преступному бизнесу — ЦРУ, где с помощью открытого террора, где угрозами, шантажом, а где и подкупом, к середине 60-х годов «Коза ностра» увеличила производство опиума в этом регионе до 800 т в год, что в 20 раз превысило уровень 1952 г. После поражения американской армии во вьетнамской войне «Коза ностра» была вынуждена перебраться в ближневосточный «золотой треугольник». Однако исламская революция в Иране, правительство которой приняло в 1978—1979 гг. ряд законодательных актов, направленных на сокращение посевных площадей опиумного мака и установление строгого контроля за производством и сбытом опия, нанесла ощутимый удар по подпольному

бизнесу итало-американской мафии. Ее попытка воспользоваться старыми источниками наркотического сырья в юго-восточноазиатском «золотом треугольнике» окончилась полной неудачей: из трех эмиссаров, направленных в Таиланд нью-йоркскими «семьями» для установления контактов с местными оптовыми торговцами, лишь одному чудом удалось унести ноги. В бывшей империи «Коза ностры» прочно обосновалась «Триада чайна» — китайская мафия. В настоящее время основными партнерами итало-американской мафии в нелегальной торговле опиумом являются Пакистан, Турция и некоторые страны Ближнего Востока.

На гангстерской конференции в Апалачине в 1957 г. большинство «семей» американской мафии признало торговлю наркотиками чересчур хлопотным делом и отказалось участвовать в этом бизнесе. Тогда четыре нью-йоркские «семьи» — Дженовезе, Бонанно, Лючезе и Коломбо, иначе оценившие потенциальные возможности черного рынка наркотиков, монополизировали их доставку в Соединенные Штаты. Нынешние боссы этих «семей» — Фрэнк Тьери, Филипп Растелли, Энтони Коралло и Кармине Персико поставили дело на широкую ногу. Целая армия пилотов, моряков, специалистов по радиоэлектронному оборудованию и связи, портовиков и наемных убийц обслуживает тайные маршруты мафии. Хотя американские власти ежегодно изымают у контрабандистов сотни тонн наркотиков (в 1985 г. было конфисковано 3200 т марихуаны и 480 кг героина), нелегальные грузы мафии редко становятся их добычей. Этому способствуют и изощренная тактика доставки контрабанды, отшлифованная мафиози во времена «сухого закона», и совершенные транспортные средства — от скоростных катеров до бомбардировщиков Б-26, которые правительство США на льготных условиях продает своим гражданам, и самое современное электронное оборудование. На транспортных судах мафии стоят приборы ночного видения, самолеты оснащены электронными устройствами для обнаружения радиолокационного наблюдения с земли; технические средства командных пунктов, с которых мафиози осуществляют руководство операциями по приему контрабанды, не уступают стартовым комплексам баллистических ракет. Поэтому нетрудно понять адмирала Джона Хейеса, командующего частями береговой охраны США, который сетовал, что «властям удается захватить лишь

десять процентов ввозимых в страну наркотиков».

Как и в старые добрые времена «сухого закона», между кораблями береговой охраны и контрабандистами-мафиози происходят настоящие морские сражения. В 1977 г. шеф полиции Лос-Анджелеса потребовал от муниципалитета выделить средства на приобретение подводной лодки для борьбы с контрабандистами. Но любая, даже самая современная, подводная лодка или ракетный катер бессильны против старого, испытанного оружия мафии — подкупа. Разовые взятки чиновникам береговой охраны США, состоящим на службе у «Коза ностры», доходят до 15 тыс. долл.

Власти США, Италии, Сицилии, других европейских стран предпринимали в последние годы отчаянные попытки пресечь деятельность мафии в их странах. Но все усилия так и не принесли никаких результатов, а тех, кто пытался проникнуть в тайны деятельности «высокой» мафии, настигали пули наемных убийц. По данным итальянского еженедельника «Эпока», в прошедшее десятилетие на кровавом счету только сицилийской мафии прибавилось 1000 жертв, из них около половины — дело рук палермских мафиози. Список жертв «новой мафии» можно пополнить именами тех, кто «пропал без вести» или погиб «при невыясненных обстоятельствах». Однако наиболее характерной чертой уголовного статистики является не чудовищное число жертв мафии, а их социальный состав. Среди павших от рук «пиччотти» в последние годы — видные политические и общественные деятели, представители правосудия и полиции, высокопоставленные чиновники, промышленные и банковские тузы. Ушли в прошлое представления о том, что кодекс чести «Онората сочъета» никогда не позволит мафиозо лишить жизни представителя власти, закона и порядка. Если традиционная мафия предпочитала еще уговаривать строптивых и неуступчивых, то «новая», американизированная мафия просто убирает их с дороги и делает это открыто и жестоко, чтобы посеять панический страх в остальных. Именно такая участь постигла коллегу Мауро де Мауро, известного журналиста Марио Франчезе, убитого «пиччотти» в конце января 1979 г. без всякого предупреждения.

По словам Витторио Скиларди, миланского журналиста, «мафия никогда не воюет с «символами», демонстративные жесты не в ее духе; мафия никогда не убивает случайно, она всегда обрушивает удар на тех,

кто угрожает ее делам или способен помешать их «нормальному» ходу. Журналистов мафия устраняет только тогда, когда, выходя за рамки дежурного репортажа, они пускаются в опасные поиски причин и следствий преступления. Полицейских бандиты убивают, когда те, вместо того чтобы довольствоваться задержанием мелкой рыбешки, пытаются добраться до высокопоставленных организаторов преступлений. Следователей убивают потому, что они не ограничиваются формальным выполнением служебных обязанностей и суют нос в такие дела, за которыми стоят фигуры вовсе «недосягаемые».

6 августа 1980 г. прямо в центре столицы Сицилии, на виа Кавур «пиччотто» «новой» мафии разрядил пистолет в генерального прокурора Палермо 64-летнего Газтано Косту. За три месяца до этого он утвердил предварительное обвинительное заключение на 56 человек, задержанных по подозрению в принадлежности к мафии и участии в операциях с наркотиками. Подписывая ордера на арест, генеральный прокурор сказал:

— Пять дней назад, 4 мая, был убит капитан карабинеров Эммануэле Базиле. Это преступление как две капли воды напоминает другое — убийство вице-квестора Бориса Джулиано. И в том и в другом случае преступники стремились убрать людей, которые были на пути к истине...

Прологом к серии этих убийств послужило событие, происшедшее 20 июня 1979 г., когда фельдфебель полиции обнаружил в здании палермского аэропорта два «дипломата», туго набитых американскими долларами. Поисками хозяина 600 тыс. долл. занялся Борис Джулиано, 48-летний начальник оперативного отдела палермской квестуры, прошедший полугодовую стажировку в ФБР и в отделе по борьбе с наркотиками. Опыт показывал, что передвижение таких огромных денежных сумм связано, как правило, с контрабандной торговлей наркотиками. Поэтому Джулиано сразу сообщил американским коллегам о конфискации в палермском аэропорту 600 тыс. долл. и принялся кропотливо изучать операции со вкладами в местных банках, где можно было обнаружить следы расчетов за контрабанду. Вскоре один из таких следов привел полицейских на виа Пекоре Джиральди, 5,— дом в тихом квартале, населенном мелкими ремесленниками и беднотой. Полицейских ожидала богатая добыча: 4 кг чистого героина,

десяток пистолетов и карабинов с немалым запасом патронов, записная книжка с кодированными номерами телефонов и множество цветных фотографий «семей» мафии. Владелец дома, некий Леолукки Багарелла, был хорошо известен как правая рука главаря сицилийской мафии Лучано Лиджо.

Сопоставив факты, Джулиано пришел к выводу, что «семья» Лиджо вкладывает деньги от киднэппинга, на котором она специализировалась, в контрабанду наркотиками.

По последним данным, $\frac{1}{3}$ продаваемого на черном рынке героина следует через Сицилию. Итальянская полиция определяет доход от реализации этой массы наркотиков в 20 000 млрд лир ежегодно (около 40 % всех золото-валютных запасов Италии). В 1980 г. сбор опиума-сырца составил, по оценкам специалистов, 1600 т, из которых было получено 60 т чистого героина. Американские и западноевропейские специалисты по борьбе с наркотиками подозревали, что крупные центры химической обработки опиумного сырья находятся в Сицилии, Милане и других городах Италии. Но именно Борис Джулиано, арестовавший в 1975 г. одного турецкого химика, специализировавшегося на переработке морфина, представил первое доказательство того, что на острове находится крупный центр по обработке наркотического сырья.

Сведения, переданные вице-квестором Палермо в США, позволили не только подкрепить эту версию, но и понять причины очередного «исторического события» в американской мафии: убийства в итальянском ресторанчике «Джо энд Мэри» в Бруклине Кармине Галенте — главаря «Коза ностры». Это убийство явилось расплатой за 500 млн долл., которые американская мафия доверила своему банкиру Микеле Синдоне и которые бесследно исчезли после банкротства 3 сентября 1976 г. принадлежавшего ему «Франклин нэшнл бэнк» — 14-го по величине банка США.

Микеле Синдона, родившийся на Сицилии в 1920 г., начал с мелких спекуляций продуктами на черном рынке. Возможно, он так и остался бы мелким адвокатом или предпринимателем, если бы в 50-х годах на него не обратил внимание «Счастливчик» Лучано. С этого времени началась стремительная карьера предприимчивого дельца. В обширной финансовой империи дона Микеле деньги мафии «отбеливались» от нелегального бизнеса,

проводились биржевые и валютные махинации, масштабы которых удивляли даже выдавших виды мошенников, оказывалась финансовая поддержка необходимым государственным и политическим деятелям. В 1973 г., когда в Италии разразился экономический кризис, Синдона незаконно перевел в швейцарский банк капиталы 500 крупных итальянских промышленников и политических деятелей, чтобы уберечь их от девальвации и налогов. Среди близких друзей «банкира мафии» были глава тайной масонской ложи «П-2» Личо Джелли, бывший председатель Совета министров Италии Джулио Андреотти, председатель итальянского сената Аминторе Фанфани и Ричард Никсон, в ту пору президент США.

После банкротства Синдоны и его «похищения неизвестными лицами» верховный совет «Коза ностры», испытывавшей недостаток наличных денег, принял решение ускорить операцию по доставке в США крупной партии героина. Проведение подобной операции в короткие сроки ставило перед ее организаторами немало головомомных проблем, решение которых под силу лишь очень опытным контрабандистам. По мнению специалистов из отдела по борьбе с наркотиками, в США в то время это могли сделать «семьи» Сальваторе Индзерилло, Джона Гамбино и Спатолы, действовавшие в Бруклине и Нью-Джерси. Поэтому вице-квестор Палермо Борис Джулиано решил заняться местной «строительной фирмой» Спатолы — Индзерилло — Гамбино.

Утром 21 июня 1979 г. «шериф», как дружески называли Джулиано его приятели и знакомые, зашел в кафе, где обычно выпивал перед работой чашечку кофе. Но на этот раз вместо кофе он получил пулю «пиччотто» мафии.

Расследование дела продолжил судья Чезаре Терранова. Следующим шагом следствия должно было стать вторжение в мир «деловых людей» и банковских операций, в пределы «строительных империй», где барыши от торговли наркотиками, совершив сложные превращения, в конечном счете представляли в виде вполне добропорядочных предпринимательских доходов. Поэтому утром 25 сентября 1979 г. Терранова был достигнут пулями «пиччотти», устроивших засаду прямо у подъезда его дома.

Казалось, мафия незримо следит за ходом расследования и методично убирает «ключевые» фигуры. Поиски

истины продолжил генеральный прокурор Палермо доктор Газтано Коста.

18 октября 1979 г. полиции удалось наконец напасть на след похитителей Синдоны. Этот след опять привел к «строительной фирме» Спатола — Индзерилло — Гамбино. Незадолго до этого заокеанский партнер фирмы Джон Гамбино побывал в Вене, где ему был передан «дон Микеле», он же Синдона, доставленный туда мафиози Джозефом Макалузо и Тони Карузо. На встрече в Вене «Коза ностра» получила в обмен на жизнь Синдоны список 500 высокопоставленных лиц, занимавшихся нелегальным вывозом валюты из Италии. «Общество чести», не привыкшее уступать своим должникам, и на этот раз осталось верным себе: вероятно, ценность этого списка такова, что она в известной степени компенсировала утрату мафией полумиллиарда долларов после краха банка Синдоны. Сам обанкротившийся уже не представлял никакой ценности для «Общества чести» и поэтому был возвращен в руки американского правосудия. 13 июня 1980 г. за финансовые махинации Синдона был приговорен нью-йоркским судом к 25 годам тюремного заключения.

От контрабанды наркотиками и киднэппинга, с которыми была связана палермская фирма, ниточка потянулась к крупным махинациям на строительных подрядах, шантажу конкурентов и физическому уничтожению неговорчивых. Вместе с братьями Спатола, Розарио и Винченцо за решетку был отправлен их компаньон Индзерилло. Члены бруклинской «семьи» Гамбино были недосыгаемы для итальянской полиции.

В первых числах марта 1980 г. миланская полиция получила от американских коллег из отдела по борьбе с наркотиками сообщение, в котором говорилось: «В Милан направляется Эммануэле Адамита. Внимательно следите за ним». Имя этого мафиозо, специализировавшегося на перевозке контрабанды, было давно известно итальянской полиции.

Адамита прибыл в Милан 14 марта и уже на следующий день отправил из почтового отделения Ванцагелло четыре большие картонные коробки в адрес Итальянского стереофонического центра: Нью-Йорк, 7414, Бруклин-авеню, 18. После этого Адамита со своими братьями Доменико и Антонио, специалистами по сантехнике и паяльному делу, отправился в ресторан, откуда миланская полиция препроводила троих братьев

прямо в городскую тюрьму Сан-Витторе. В коробках, направленных Адамитой в США, полиция обнаружила под пластинками 47 герметично запаянных цинковых капсул, содержавших 41 кг чистого героина. Одновременно в США были арестованы получатели — компаньоны Итальянского стереофонического центра брата Гамбино, Джузеппе и Розарио, а также их родственник Розарио Риццутто. Старший брат, Джон Гамбино, и на этот раз вышел сухим из воды.

После этих событий Гаэтано Коста решил ускорить следствие, объединив дела «фирмы» Спатола — Индзерилло — Гамбино и «семьи» Лучано Лиджо.

Кланом Лиджо было поручено заниматься 29-летнему капитану карабинеров Эммануэле Базиле. Единственной ниточкой для расследования служила фотография, обнаруженная когда-то при обыске в доме № 5 на виа Пекоре Джиральди. На снимке на фоне роскошной виллы с бассейном и великолепным садом была изображена группа мафиози, окружавших какого-то человека лет пятидесяти, с квадратной челюстью и тщательно прилизанными волосами. Во время поисков этой виллы капитану Базиле удалось обнаружить в Бутрио, провинция Болонья, крупный склад героина. Многие мафиози были отправлены за решетку.

4 мая 1980 г. около полуночи капитан карабинеров Эммануэле Базиле вместе с женой и маленькой дочкой, мирно посапывавшей у него на руках, возвращался с торжественного приема в муниципалитете. На одной из улиц их поджидали «ангелы смерти» из мафии...

Если представителей закона и порядка, стоящих на пути нелегального бизнеса «Общества чести», настагают пули «пиччотти», то клиенты, приносящие мафии баснословные барыши, погибают медленной смертью от наркотиков. В начале 1986 г. министерство здравоохранения США сообщило, что количество хронических наркоманов в стране перевалило за 1 млн, из них около 25 тыс. ежегодно гибнут от своей пагубной привычки.

Остальной части общества мафия уготовила роль косвенных жертв своего бизнеса. Так, по данным ФБР, в 1970 г. в США было совершено 74,5 млн серьезных преступлений, куда входят убийства, вооруженные нападения, изнасилования и ограбления. За 10 лет эта цифра увеличилась до 117,5 млн, почти в 7 раз превысив темпы прироста населения. В 1985 г. в США было зарегистрировано около 17 млн тяжких правонарушений, в

том числе 34 тыс. убийств. По утверждению полиции, мотив преступления в более чем половине случаев, связанных с тяжкими правонарушениями, — стремление любой ценой добыть средства для приобретения наркотиков. Обычный путь наркомана начинается с курения марихуаны, которая обходится ему в несколько долларов, и оканчивается ежедневными инъекциями героина ценой 150—200 долл. каждая.

Мафия непрерывно расширяет доходный бизнес, внедряясь в новые сферы экономической и социальной жизни общества, распространяя влияние на новые географические регионы, используя в своей деятельности все более совершенные, все более изощренные методы и приемы. Так, мафия уже давно превратила эксплуатацию организованной проституции в огромную индустрию. Однако ни Капоне, ни Лучано, ни другие доны старой школы, вероятно, не предполагали, что со временем доходы от этого вида рэкета будут исчисляться десятками миллиардов долларов и, подобно другим звеньям преступной деятельности «Общества чести», «Коза ностры» и других организаций, не будут знать спадов даже в периоды тяжелых экономических кризисов, потрясающих капиталистический мир. Предпосылки к этому кажущемуся на первый взгляд парадоксу кроются прежде всего в капиталистической системе, в деградации этических и нравственных критериев, в культивировании буржуазным обществом насилия и духа наживы, в оуплении общественного сознания средствами массовой информации, в негативных сдвигах в социальной организации общества, в результате чего многие преступления мафиози уже перестали вызывать у их сограждан чувство негодования и протест, как это было еще во времена «Черной руки». Астрономический рост доходов от организованной проституции связан с совершенствованием структуры этой преступной отрасли.

Придав профессиональной проституции обобщенный, высокоорганизованный характер, мафиози перешли от пассивного взимания «налогов за защиту» к активному «стимулированию потребностей».

В практике капиталистического бизнеса одним из самых эффективных средств целенаправленного воздействия на массовое сознание является реклама, на развитие которой легальные фирмы не жалеют средств. Превратив рекламу своего «товара» в источник ска-

зочных прибылей, мафиози-рэкетеры организованной проституции в очередной раз повергли в изумление прожженных акул большого бизнеса. Примерно в 60-х годах началась эра порнографии, которая оказалась мощным орудием пропаганды средств производства «чувственного бизнеса» мафии и духовного давления на клиентов. Сегодня для разжигания порочных страстей мафия привлекает кадры квалифицированных социологов, психологов, сексологов и других специалистов. По данным американской печати, в начале 80-х годов оборот от порнографии в стране превысил 5 млрд долл., ³/₄ из которых приходится на долю «Коза ностры».

Мафиози не только зорко следят за колебаниями конъюнктуры рынка «чувственного бизнеса», но и стремятся всячески расширить его. Около 270 американских журналов, специализирующихся на детской порнографии, способствовали резкому возрастанию детской проституции. Мафиози сразу отреагировали на требования рынка и предложили на потребу толстосумам малолетних рабов в возрасте 5—7 лет, которых они либо покупали у бедняков, либо брали под опеку тех, кто потерял родителей в результате стихийного бедствия и остался без присмотра, либо просто крали. Имеются убедительные доказательства того, что в последние годы в США свыше 300 тыс. детей стали объектами «сексуальной эксплуатации».

Современная мафия способна не только изготавливать несколько сот тонн наркотиков в год, похищать прямо из арсеналов американской армии огнестрельное оружие и вооружать им граждан, ведущих необъявленную гражданскую войну всех против всех. По желанию клиентов мафия может украсть любую ракетную систему или плутоний для изготовления из него ядерных взрывных устройств. В начале 1981 г. стало известно, что мафиози из Сент-Луиса намеревались «по заказу неизвестного государства» захватить в Атлантике новейшую атомную субмарину ВМС США с ядерными ракетами на борту. Лишь по чистой случайности за несколько дней до начала операции по угону полиция узнала об этом от одного из своих осведомителей. Арестованные в Сент-Луисе мафиози сознались, что намеревались «опробовать» товар, произведя 1—2 ракетных залпа! Как всегда в таких случаях, влиятельные покровители замяли нежелательный скандал.

Но если заказ на угон атомной субмарины — явле-

ние эпизодическое, то похищение автомашин для мафиози дело привычное. В 1985 г. в США их было украдено около 1,5 млн штук. Мафиози, располагающие широкой сетью авторемонтных мастерских и салонов автосервиса, имеют возможность спокойно облюбовать «товар», ознакомиться с системой сигнализации, изготовить слепки с ключей машины, доверенной им клиентом, и, договорившись о цене с покупателем, угнать ее. О размахе этого вида преступной деятельности можно судить по тому факту, что ежегодно американские страховые компании выплачивают в виде компенсации владельцам похищенных машин 4 млрд долл.

Немалые перспективы сулит и другая отрасль преступного бизнеса — нелегальный сброс высокотоксичных отходов. Американский научный журнал «Сайенс ньюс» на своих страницах рассказал, что химические концерны, не желая тратиться на обезвреживание токсичных отходов, пытаются любыми путями избавиться от них. В результате этого «полуночное сбрасывание отходов вдоль дорог» превратилось в крупный бизнес для гангстеров в промышленных районах. Хотя мафия берет за свою работу немало, но тем не менее фирмам выгоднее иметь дело с преступниками, нежели браться за уничтожение отходов. По подсчетам Агентства по защите окружающей среды, высокотоксичных отходов в США накопилось столько, что на их обезвреживание необходимо израсходовать примерно 50 млрд долл.

Причины юридического иммунитета мафии в уголовных деяниях давно стали секретом полишинеля. Не следует забывать, что преступления и преступность всегда были неотъемлемыми элементами общества, основанного на эксплуатации человека человеком, и границы дозволенного в нем издавна определялись не законом, а положением на иерархической лестнице и величиной банковского счета. За многовековую историю существования мафии стали широко известны имена многих ее высокопоставленных покровителей. Однако вплоть до начала 70-х годов мало кто имел истинное представление о масштабах связей мафии с политическим миром, федеральными и местными властями.

В ходе расследования деятельности разведывательных служб США после «уотергейтского дела» были вскрыты связи мафии с ЦРУ и ФБР, которые в рамках «специальной программы борьбы с подрывными элементами» не только натравливали банды уголовников

на Коммунистическую партию и другие прогрессивные организации США, но и осуществляли заговоры с целью убийства политических деятелей иностранных государств. В течение многих лет ЦРУ, формально оставаясь в стороне, использует в тайных подрывных операциях против неугодных Вашингтону правительств убийц-профессионалов из мафии, которые проходят на строго секретных базах разведывательного управления США специальный курс обучения обращению с ружьями, оснащенными хитроумными оптическими прицелами, стреляющими авторучками, психотропными средствами, бактериологическими препаратами, подводными минами и прочим смертоносным оружием, разработанным в лабораториях Лэнгли. Некоторое время назад бывший директор ЦРУ Уильям Колби, выступая в комиссии конгресса США по расследованию деятельности Центрального разведывательного управления, был вынужден официально признать, что его ведомство поддерживает отношения с мафией... для «оперативных целей».

Все труднее становится властям скрывать и нечестивый союз мафии с Федеральным бюро расследований, которое широко использует организованных преступников для достижения своих узкокорыстных целей. Как стало недавно известно, в 1984 г. ФБР, не желая ударить в грязь лицом, тайно рекрутировало «солдат» «Коза ностры» для охраны порядка во время проведения Олимпийских игр в Лос-Анджелесе, занимающем второе место в США по числу уголовных преступлений. Чем власти оплачивают подобные «услуги» мафии, догадаться не трудно.

От государственных разведслужб ниточка связей мафии тянется в высшие эшелоны власти, и, чем дальше она разматывается, тем становится очевиднее, что новое поколение мафиози уже не ограничивается приобретением влияния на отдельных политиков или государственных служащих, которых им удастся подкупить или уличить в противозаконных действиях,— современная организованная преступность путем тотального проникновения во все государственные институты на правах крупного бизнесмена сосредоточила в своих руках максимум возможностей для эффективного контроля над деятельностью правительства. А в тех случаях, когда легальные средства контроля оказываются недостаточно действенными, в ход пускается грубая сила.

В конце 1978 г. комиссия американского конгресса

по расследованию политических убийств пришла к выводу, что убийство президента Дж. Кеннеди, совершенное 22 ноября 1963 г. в Далласе, было результатом обширного заговора, в котором помимо военно-промышленного комплекса, ЦРУ и ФБР принимала участие и «Коза ностра». Комиссия назвала имена четырех человек: Сэма Джанканы, главаря чикагской мафии, Джеймса Хоффы, бывшего председателя профсоюза шоферов грузовых машин и складских работников, Сантоса Траффианте, флоридского босса мафии, Карлоса Марчелло, главаря новоорлеанской и луизианской «семей». Удалось установить, что еще в 1961 г. Марчелло, подлинное имя которого — Калоджеро Минакори, созвал в Новом Орлеане главарей «Коза ностры», и они приступили к разработке планов убийства Джона и Роберта Кеннеди.

Но руководители мафии устраняли опасных свидетелей раньше, чем они успевали дать показания. Вслед за Джанканой в мир иной были отправлены его ближайшие «сподвижники», среди них первый заместитель «короля Чикаго» Р. Сейна и доверенный игорного бизнесмена чикагской «семьи» в Лас-Вегасе Д. Розелли. В августе 1975 г. бесследно исчез Д. Хоффа, почти четверть века возглавлявший один из крупнейших профсоюзов США. Лидером профобъединения шоферов грузовых машин, насчитывающего 2,3 млн человек, он сделался благодаря стараниям чикагской «семьи» мафии, которая с его помощью получила возможность практически бесконтрольно пользоваться громадными денежными фондами союза. В последние годы пребывания на посту министра юстиции США Роберту Кеннеди удалось все же упрятать могущественного профбосса за решетку на 13 лет. Выйдя на свободу через пять лет за примерное поведение, Хоффа с негодованием узнал, что новые боссы его профсоюза Фицсиммонс и Дорфман, которых он оставил вместо себя на время вынужденного отсутствия, больше устраивают хозяев, чем он.

В 1977 г. при расследовании обстоятельств таинственного исчезновения Хоффы случайно выяснилось, что накануне взлома в отеле «Уотергейт» в 1973 г. президент США Р. Никсон получил от «Коза ностры» 1 млн долл. наличными: 500 тыс. долл. тайно передал в Лас-Вегасе специальному курьеру Белого дома капо мафии Нью-Джерси Энтони Провенцано, остальные полмиллиона были вручены Никсону через Аллена Дорфмана...

В 70-х годах американские власти приняли ряд законодательных актов, направленных на пресечение преступной деятельности мафов. В 26 крупнейших городах США были образованы специальные отделы по борьбе с организованной преступностью, для работы которых в 1980 г. была выделена $\frac{1}{5}$ бюджета и персонала ФБР. С 1975 г. в масштабах всей страны проводилась крупнейшая в истории ФБР операция «Юнион рэкетинг», в результате которой в 1980 г. были выдвинуты обвинения против 600 мафиози, занимавшихся рэкетом в профсоюзе портовых рабочих. И хотя было осуждено лишь 110 мафиози (как всегда мелких — боссы «Коза ностры» отделались легким испугом), власти продемонстрировали, что не намерены потакать преступникам. Очередной удар по «Коза ностре» был нанесен в 1977 г., когда правительство добилось отстранения на некоторое время прежнего руководства профсоюза водителей грузовых машин и складских работников. В нарушение существующего законодательства мафиози широко пользовались для своих целей его пенсионным фондом, составляющим 2,2 млрд долл. Но по-видимому, у «Коза ностры» еще не все потеряно, поскольку «банк мафов», как называют американцы этот фонд, был основным источником финансирования предвыборной кампании нынешнего президента США Рональда Рейгана.

В конце 60-х годов бывший шеф нью-йоркской полиции Ральф Салерно высказал предостережение, что «в один прекрасный день «синдикат» добьется избрания удобного ему президента, который, возможно, и не будет знать, благодаря кому он попал в Белый дом, вплоть до того момента, когда мафия предъявит ему — а точнее, всем нам — свой счет». И если в то время подобные опасения казались преувеличенными, то сегодня вряд ли найдется человек, который не согласится с этим пророчеством. Призрачная тень мафии, долгие годы незримо следовавшая за правительством крупнейшей капиталистической державы, обрела реальные формы и похозяйски вступила в коридоры Белого дома. В окружении нынешнего президента США Р. Рейгана находится немало высокопоставленных лиц, известных своими связями с преступной конфедерацией. Среди них, по словам калифорнийского журнала «Параполитикс», тогдашний директор ЦРУ У. Кейси и министр труда Д. Donovan, сенатор П. Лэксолт, посол США в Италии М. Рэбб, бывший посол США в Ирландии У. Маккэн и некоторые

другие. В этом ряду нельзя не упомянуть большого друга и главного церемониймейстера на президентских празднествах Р. Рейгана Фрэнка Синатру. Через месяц после вступления в должность президента Рейган распорядился вернуть своему приятелю лицензию на содержание игорного дома в Лас-Вегасе, которую Верховный суд США аннулировал 18 лет назад из-за связей Синатры с боссами чикагской «семьи» мафии.

Итак, длительный процесс изменения социального статуса организованной преступности сопровождается ее растущей консолидацией с государством. Благодаря безжалостным законам существования, жесткой структуре взаимоотношений, гибкому приспособлению к резким изменениям социальных условий мафия превратилась в многочисленный, весьма обеспеченный слой. Большинство старых донов были крестьянами, батраками, мелкими торговцами. Это были преступники-самородки, интуитивно развивавшие нелегальный бизнес мафии. Им на смену пришел прекрасно обученный преступному ремеслу тип мафиозо, который с одинаковым совершенством владеет как знаниями в области политики, экономики, финансового дела, юриспруденции, так и приемами каратэ и джиу-джитсу, всеми видами холодного и огнестрельного оружия, а также посвящен в глубокие тайны контрабанды, рэкета и т. п. Нынешние «Общество чести», «Коза ностра» и другие преступные организации подобны некоей мегамашине, широко разветвленные связи которой охватывают все политические, социальные и экономические институты буржуазного общества и которые позволяют ей осуществлять эффективный контроль над всеми сферами его деятельности. Никакое ужесточение законов, никакие походы и кампании не способны избавить буржуазное общество от этого чудовища. «Мафия, — сказал однажды престарелый дон чикагской «семьи» Никола Джентиле, — родилась не сегодня и не завтра умрет. Потому что она — наш образ жизни».

Декабрь 1986 года

А. Сулов

Библиографический обзор

К числу фундаментальных работ, на которые авторы опирались при написании своей книги и в которых содержатся довольно обширные сведения по истории возникновения мафии, относятся: «Мафия — власть и тайна «Черной руки»» Мартина В. Дуинцинга (*Martin W. Duyzings. Mafia — Macht und Geheimnis der Schwarzen Hand. Berlin, 1964*), «Общество чести» Нормана Льюиса (*Norman Lewis: Die Ehrenwerte Gesellschaft. Düsseldorf, 1965*) и «Мафия и политика» Микеле Панталеоне (*Michele Pantaleone. Mafia e politica. Turin, 1962*). При описании американского отделения мафии, «Коза ностры», авторы основывались на материале книг «Мафия — братство порока» Фредерика Зондерна-мл. (*Frederic Sondern jun. Brotherhood of Evil — The Mafia. N. Y., 1960*), «Мафия» Эда Райда (*Ed. Reid. Mafia. L., 1957*) и «История Лучано» Сида Федера и Йоахима Йостена (*Sid Feder & Joachim Joesten. The Luciano Story. N. Y., 1954*). В отличие от этих публикаций, нередко изобилующих деталями, в статье В. Минаева «Плутократия и гангстеризм в Америке», опубликованной в журнале «Neue Welt» (Berlin), Jahrgang 1949, Н. 3—4, и в брошюре Б. С. Никифорова «Гангстеры и рэкет на службе монополий» (*B. S. Nikiforow. Gangster und Racket im Dienste der Monopole. Berlin, 1958*) вскрывается связь организованной преступности с капиталистическим обществом.

При описании истории возникновения и характера мафии (глава «Корни «Онората сочъета»») были использованы обширная историческая литература и результаты большого числа специальных исследований. При этом авторы исходили из оценок теоретика-марксиста Антонио Грамши, данных им в работе «Южноитальянский вопрос» (*Antonio Gramsci. Die süditalienische Frage. В., 1955*), а также из результатов анализа, сделанного в журнале Итальянской коммунистической партии «Вице нуове». Далее авторы использовали материалы журнальной статьи «Эпизоды из истории мафии» советского историка Н. Русакова (Новая и новейшая история. 1967. № 1 и 3).

Рассказ в главе «Черная рука» об убийстве офицера американской полиции Джо Петрозино написан по материалам ранее упомянутых книг Фредерика Зондерна, Мартина В. Дуинцинга и Нормана Льюиса, а также исследования Данило Дольчи «Референдум в Палермо» (*Danilo Dolci. Umfrage in Palermo. В., 1961*).

Эпизоды, связанные с личностью Аль Капоне и деятельностью

«Ко́за ностры» во времена «сухого закона» (глава «Взлет Аль Капоне»), написаны преимущественно на материале книг Фредерика Зондерна, а также Сида Федерера и Йоахима Йостена. Многочисленные сведения об Аль Капоне, в том числе список совершенных им правонарушений, содержатся в книге Ганса фон Гентига «Гангстер» (*Hans von Gentig. Der Gangster. Göttingen — Heidelberg, 1959*). В этой книге можно найти также немало сведений и о других мафиози. Подробности о контрабанде алкоголя и рэкете профессиональной проституции приведены в книгах Чарльза Гамильтона «Люди преступного мира» (*Charles Hamilton. Men of Underworld. N. Y., 1952*) и известного французского писателя-коммуниста Владимира Познера «Несоединенные Штаты» (*Vladimir Pozner. Die unvereinigten Staaten. Berlin, 1949*). С поправкой на тенденциозность были использованы материалы книги Дона Уайтхеда «История ФБР» (*Don Whitehead. The FBI — Story. N. Y., 1965*), в которой автор всячески прославляет деятельность ФБР, умалчивая при этом о коррупции и несостоятельности полиции во многих делах.

В главе «Усатые» сходят со сцены» использованы материалы книги Бартон Б. Теркуса и Сида Федерера «Корпорация убийц» (*Burton B. Turkus & Sid Feder. Murder Inc. N. Y., 1951*). Сведения для главы «Невезение Счастливи́чика» заимствованы в основном из уже упоминавшейся книги Федерера и Йостена. Полезный материал для этих двух глав, а также для глав «Америка в паучьей сети» и «Борьба за власть» был найден в исследовании Стефана Груффа и Доминика Лепьера «Султаны Нью-Йорка» (*Stéphane Grouff & Dominique Lepierre. Les Caidс de New York; P. 1958*).

Подробности убийства профсоюзного активиста Питера Панто, описанного в главе «Полип Нью-Йорка», приведены в журнальной статье Джона Вулфарда «Нью-Йоркские портовые рабочие против своих преступных вожakov» (*John Wolfard. New-Yorker Hafenarbeiter gegen ihre verbrecherischen Führer (Berlin). — «Weltgewerkschaftsbewegung», Jahrgang 1952. N 2*). Перечень убийств американских профсоюзных работников взят из работы Юргена Кучински «История положения рабочих при капитализме». Т. 30: Описание положения рабочих в Соединенных Штатах Америки с 1898 г. (*Jürgen Kuczynski. Die Geschichte der Lage der Arbeiter unter dem Kapitalismus, Band 30: Darstellung der Lage der Arbeiter in den Vereinigten Staaten von America seit 1898. Berlin, 1966*). «Дело Рилза» рассматривалось сенатской подкомиссией под председательством Эстеса Кефопера. Собранный этой комиссией материал опубликован в книге Кефопера «Преступность в Америке» (*Estes Kefauver. Crime in America. L., 1958*), а также в отчетах американских общественно-политических журналов «Тайм» и «Ньюсуик». По этим источникам цитируются также фрагменты допросов вызванных подкомиссией свидетелей. На материалах подкомиссии Кефопера написана неоднократно упоми-

наемая в тексте книга Гаса Тайлера «Организованная преступность в Америке» (*Gus Teyler. Organized Crime in America. Ann Arbor, 1962*).

О совместной деятельности «Коза ностры» и военно-морской контрразведки США первыми сообщили американские авторы Сид Федер и Йоахим Йостен. В публицистической работе Нормана Льюиса «Общество чести», которая отчасти написана на основе личных впечатлений автора во время его пребывания в качестве офицера английской армии на Сицилии, подробно описывается связь секретной службы с мафией при подготовке и проведении операции вторжения на этот средиземноморский остров. Для оценки результатов высадки на Сицилию и в Южную Италию и политического развития Италии в дальнейший период были привлечены следующие публикации: «История Великой Отечественной войны Советского Союза». Т. 3; *Луиджи Лонго и Пьетро Секкиа*. Борьба итальянского народа за свое освобождение (*Luigi Longo und Pietro Secchia. Der Kampf des italienischen Volkes für seine Befreiung. Berlin, 1959*); *Умберто Марсола*. Март 1943 года — 10 часов (*Umberto Marsola. März 1943—10 Uhr. Berlin, 1963*), а также *Паоло Роботти и Джованни Джерманетто*. Тридцать лет борьбы итальянских коммунистов, 1921—1951 годы (*Paolo Robotti & Giovanni Germanetto. Dreissig Jahre Kampf der italienischen Kommunisten. 1921—1951. Berlin, 1955*). Глава о Сальваторе Джулиано написана на материалах уже упомянутых фундаментальных исследований о мафии, а также публицистической книги Гэвина Максвелла «Кто застрелил Джулиано?» (*Gavin Maxwell. Wer erschoss Giuliano? Hamburg, 1963*), а также многочисленных статей в швейцарской газете «Нойе цюрихер цайтунг» и в американском общественно-политическом журнале «Тайм». Связи мафии с политиками из христианско-демократической партии Италии разоблачены в судебных отчетах и собранных Данило Дольчи документах, которые в одно время опубликовали итальянские газеты «Унита», «Паэзе сера» и «Ора». Показания адвоката де Мариаса о смерти Джулиано заимствованы из журнала «Der Reporter», Jahrgang 1955, Heft 12. При написании глав «Америка в паучьей сети», «Торговля грезами» и «Борьба за власть» авторы широко черпали данные из американской прессы («Нью-Йорк таймс», «Тайм», «Ньюсуик», «Лайф»), которая использовала описанные происшествия и связь «Коза ностры» с американскими политиками как орудие в политической борьбе. Дружбу Уильяма Биоффа и сенатора Барри Голдуотера подробно описал Фред Дж. Кук в своей книге «Крайне правые силы в США и Голдуотер» (*Fred J. Cook. Die rechtsradikalen Mächte in den USA und Goldwater. Hamburg. 1965*). Журнал «Тайм» уделил большое внимание событиям в Канзас-Сити, потому что его владельцу Генри Льюису, республиканцу, представилась возможность нанести удар по лидеру демократов президенту Гарри Трумэну.

При написании раздела о наркотиках была использована книга Жана-Люка Белланже «Охота на дракона» (*Jean-Luc Bellanger. Der Jagd nach dem Drachen. Leipzig, 1965*). Некоторые примеры злоупотребления наркотиками среди молодежи взяты из книги Альберта Е. Кана «Игра со смертью» (*Albert E. Kahn. Das Spiel mit dem Tod. Berlin, 1955*), а также из американской прессы.

Предыстория и события после конференции в Аполачине очень подробно изложены в уже цитированной книге Фредерика Зондерна; детали этой конференции описаны также в ранее упомянутой книге Теркуса и Федера «Корпорация убийц», а также в отчетах газеты «Нью-Йорк таймс». Шифрованные письма дона Чиччо цитируются по Фредерику Зондерну. Из той же книги для заключительной главы взяты материалы об экономическом могуществе американских мафиози.

Убийство Плачидо Риццотто и его подоплека (глава «Серия убийств в Корлеоне») кроме цитированной литературы описано в исследовании Данило Дольчи, вышедшем в свет под заголовком «Расточительство» (*Danilo Dolci. Vergeudung. Berlin. 1968*). В главе о терроре мафии использован материал репортажа «Вие нуове», а также статьи «Кровавая легенда о мафии», опубликованной в газете «Юманите» от 14—17 февраля 1964 г.

Раздел о монахах-разбойниках из Мадзарино (глава «Лупара в монастыре») написан на материале судебного процесса, освещенного почти всей мировой прессой. Сведения о торговле фальшивыми реликвиями почерпнуты из книги Нормана Льюнса «Общество чести». Деятельность гангстера патера Бландино делла Кроче подробно описана в статье западногерманского журнала «Шпигель» от 8 января 1958 г.

Материал для главы «Война банд в Палермо» взят из отчетов итальянской прессы, посвященных актуальным проблемам, при этом учитывалось, что для буржуазных изданий главное — это сенсация, а глубокий социальный анализ деятельности мафии либо вовсе не делается, либо делается поверхностно. Деятельность мафии в сфере похоронного бизнеса проанализирована в работах Мартина В. Дуцингса «Мафия — власть и тайна «Черной руки»», Данило Дольчи «Референдум в Палермо» и в статье газеты «Эль Муджахид», выходящей в Алжире, который вместе с Тунисом во времена французского колониального господства был убежищем для многих мафиози. Тексты ходатайства за Дженко Руссо и петиции духовенства в защиту дона мафии цитируются по «Вие нуове» и «Юманите». События, связанные с Фрэнком Копполой, нашли отражение в документах, опубликованных Данило Дольчи на страницах «Вие нуове», и в публикациях итальянского журнала «Ора».

Показания Джозефа Валачи (глава «Мафия — будет ли ей конец?») были опубликованы в «Нью-Йорк таймс» и послужили началом

нескольким крупным исследованиям проникновения «Коза ностры» в экономику США и деятельности синдиката азартных игр в Лас-Вегасе. В 1967 г. стали известны результаты расследования назначенной президентом Джонсоном сенатской подкомиссии; тогда же они были опубликованы американским общественно-политическим журналом «Тайм».

Остальные материалы, касающиеся темы этой книги, авторы взяли из неспециальных статей и отчетов следующих периодических изданий: «Тайм», 1947—1980 гг.; «Ньюсуик», 1946—1980 гг.; «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», 1953—1964 гг.; «Шпигель», 1956—1980 гг.; «Вие нуове», 1957—1966 гг.; «Лайф», 1950—1962 гг.; «Ла Ора», 1965—1970 гг.; «Нью-Йорк таймс», 1962—1980 гг.; «Нойе цюрихер цайтунг», 1980 г. и «Новое время», 1956—1980 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ко 2-му русскому изданию

5

КОРНИ «ОБЩЕСТВА ЧЕСТИ»

26

«ЧЕРНАЯ РУКА»

42

ВЗЛЕТ АЛЬ КАПОНЕ

52

«УСАТЫЕ» СХОДЯТ СО СЦЕНЫ

70

НЕВЕЗЕНИЕ СЧАСТЛИВЧИКА

82

«ПОЛИП НЬЮ-ЙОРКА»

97

МАФИЯ И ГЕНЕРАЛЫ

109

«КОРОВЫ» И «ТЕЛЕГИ»

128

КОРОЛЬ МОНТЕЛЕПРЕ

143

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

156

АМЕРИКА В ПАУЧЬЕЙ СЕТИ

171

ТОРГОВЛЯ ГРЕЗАМИ

187

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

208

У ПОСТЕЛИ «БОЛЬНОГО» ДЖО БАРБАРЫ

223

ВОЙНА В БРУКЛИНЕ

244

СЕРИЯ УБИЙСТВ В КОРЛЕОНЕ

273

ЛУПАРА В МОНАСТЫРЕ

285

ВОЙНА БАНД В ПАЛЕРМО

297

БЕЛАЯ СМЕРТЬ

314

МАФИЯ — БУДЕТ ЛИ ЕЙ КОНЕЦ?

326

«...НАШ ОБРАЗ ЖИЗНИ».

Вместо заключения

353

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

375

Полькен К., Сцепоник Х.

П53 Кто не молчит, тот должен умереть: Факты против мафии / Пер. с нем. А. М. Суслова.—2-е изд., испр. и доп.— М.: Мысль, 1988.—380, [1] с. ISBN5-244-00095-0

Книга писателей-публицистов из ГДР содержит большой разоблачительный материал о деятельности мафии — тайной преступной организации, возникшей на Сицилии и с начала 30-х годов XX века широко распространившейся в США и других капиталистических странах. В книге раскрываются тесные связи мафии с политическими партиями и буржуазным государством.

П 0504000000-016 79-88
004(01)-88

ББК 66.2(08)

КЛАУС ПОЛЬКЕН, ХОРСТ СЦЕПОНИК

**КТО
НЕ МОЛЧИТ,
ТОТ
ДОЛЖЕН
УМЕРЕТЬ**

ФАКТЫ ПРОТИВ МАФИИ

**Издание второе,
исправленное и дополненное**

Заведующий редакцией А. Л. Ларионов
Редактор Г. П. Новикова
Младший редактор А. П. Овсян
Оформление художника Е. Ф. Ржевского
Художественный редактор И. А. Дутов
Технический редактор Н. Ф. Федорова
Корректор Г. Б. Абудеева

ИБ № 3569

Сдано в набор 10.06.87. Подписано в печать 10.11.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага ки.-журн. Высокая печать. Литературная гарнитура. Усл. печатных листов 20,16. Усл. кр.-отт. 20,16. Учетно-издательских листов 20,3. Тираж 150 000 экз. Заказ № 1040. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136. Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

НОВАЯ КНИГА

Итенберг Б. С. Россия и Великая французская революция.— 17 л.— 1 р. 80 к.

В книге раскрывается влияние Великой французской революции на Россию. На широком круге источников автор показывает отношение представителей различных слоев российского общества к революции во Франции, рассматривает пути осмысления опыта французских революционеров передовыми людьми того времени — от декабристов до первых марксистов. Особое место в книге уделяется анализу ленинского творческого наследия, посвященного проблемам французской буржуазной революции. Книга выпускается к 200-летию французской революции.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Мысль» по экономике, философии, истории, демографии, географии можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющихся во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

По вопросам книгораспространения рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли «Союзкнига».

1р. 50к.

КЛАУС ПОЛЬКЕН, ХОРСТ СЦЕПОНИК